

РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК

Выпуск 9

КАКАЯ АРМИЯ НУЖНА РОССИИ?

Взгляд из истории

МОСКВА

Военный университет

Ассоциация «Армия и общество»

1995

Выпуск подготовлен в Военном Университете
(Гуманитарной академии Вооруженных Сил)
по заказу и при поддержке Ассоциации «Армия и Общество».

«За несколько лет своего существования “Российский военный сборник” превратился в уникальное издание, знакомящее читателя с лучшими образцами отечественной мысли по проблеме “Россия и армия”. Книга “Какая армия нужна России?” занимает среди выпусков Сборника особое место. Она содержит идейное завещание наиболее авторитетных военных писателей старой России, является по сути дела манифестом, провозглашающим необходимость качественного возрождения российской вооруженной силы. Составителям выпуска удалось создать произведение, свидетельствующее о духовном богатстве русской армии, непреходящем значении ее опыта, идей и традиций».

ПРЕЗИДЕНТ АССОЦИАЦИИ «АРМИЯ И ОБЩЕСТВО»
генерал-майор запаса Н. Чалдымов

Составители:

А.Е. Савинкин, И.В. Домнин, Ю.Т. Белов

При участии:

А.К. Быкова, В.А. Двуреченских

Редактор девятого выпуска «Российского военного сборника» полковник
А.Е. Савинкин

**Качественное издание выпуска обеспечено содействием полковника запаса
А.А. Шаравина**

© «Российский военный сборник», 1995

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. СПАСЕНИЕ В КАЧЕСТВЕ. И. ИЛЬИН	8
Количественное развитие и качественное опустошение России. — Честная верность. — Отбор лучших. — Возрождение русского качества во всех областях: от генерального штаба до кооперации.	
А. БАИОВ. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ РУССКОГО ВОЕННОГО ИСКУССТВА В РОМАНОВСКИЙ ПЕРИОД НАШЕЙ ИСТОРИИ	11
Национальный состав русской армии. — Требование обучать войска тому, что необходимо на войне. — Единение между массой армии и ее вождями. — Способность русских воинов к самостоятельности и частной инициативе. — Свободное отношение к форме. — Сильно развитое чувство взаимной выручки. — Человек как главное орудие войны. — Доблесть наших войск. — Стремление вынести борьбу за пределы отечества. — Боевая активность. — Богатство в области военного искусства. — Чтить заветы своей старины!	
Р. ФАДЕЕВ. НАШ ВОЕННЫЙ ВОПРОС	23
Вооруженные Силы России	23
Основы военного устройства. — Мертвая и живая части армии. — Подготовленное государственное ополчение (земская сила). — Постоянная солдатская армия (боевая сила). — Особый дух (исключительность) постоянной военной силы. — Восстановление отборных войск. — Приоритет сухопутной армии перед флотом.	
Россия и армия.....	32
Главная задача русской вооруженной силы. — Необходимость наступательного военного устройства. — Наклонность к оборонительной системе. — Готовность армии к предстоящей войне. — Армия и гражданское общество. — Годность армии для боя и безопасность для общества.	
Качества офицеров.....	38
Офицеры должны быть из высших исторических сословий. — Укрепление культурного слоя как предпосылка упрочения качества русской армии. — Добровольность. — Установление твердого чиновначалия.	
М. МЕНЬШИКОВ. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЦИТАДЕЛЬ НАЦИИ	42
Вооруженная политика.....	42
От чего гибнет армия? — Расстроенная армия станет опасной для всех; она может разгромить страну.	
Государственный меч.....	44
Брожение в армии. — Военное восстание и его последствия для России. — Вооруженная сила есть гранитный устой (центральная цитадель) нации; уже в мирное время она должна быть подготовлена к победоносной войне. — Смысл военной реформы.	
Ядро армии	48
Измена Отечеству. — Условия коренной реформы армии. — Всеобщая воинская повинность не может быть основой хорошей армии. — Особая гвардия постоянных войск.	
Дружина храбрых	52
Полчища. — Легкомысленный взгляд, что все обязаны и могут быть солдатами. — Гибельный предрассудок демократизации армии. — Перейти к старой системе постоянной армии: армии не	

количества, а качества, верности, а не предательства. — Военное дело как призвание, а не повинность. — Только дружины храбрых могут спасти современное общество от распада.

ЕСТЕСТВЕННОЕ ВОЙСКО	56
Армия из Платонов Каратаевых представляет собой для страны опасность худшую, чем армия неприятельская. — Прирожденные солдаты («босьяки»). — Обоснованность вербованных армий.	

С. ДОБРОРОЛЬСКИЙ. МИЛИЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ..... 60

1. ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННЫХ СИСТЕМ.....	60
Исторический путь. — Господствующая кадровая система. — Милиция как естественная форма обороны государства. — Истинная политика мира и национальной обороны. — Осторожные выводы из опыта Великой войны.	
2. ШВЕЙЦАРСКАЯ И АМЕРИКАНСКАЯ АРМИИ.....	65
«Стратегическое ожидание». — Решимость защищать свою неприкосновенность как фактор предотвращения войны. — Преданность основной идее милиции. — Гибкость и состав американской военной системы. — Традиционное разделение сухопутной силы на регулярную армию, национальную гвардию и организованный резерв. — Высокая интеллигентность американского волонтера. — Соответствие военной системы естественным условиям государства и народа.	
3. СВОЙСТВА БОЕСПОСОБНОЙ АРМИИ.....	72
Профессиональная ценность армии. — Подготовка милиционной системы к войне. — Ведение войны армией милиционного типа.	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	96
Основы милиционного устройства. — Согласование с культурой и историческим развитием. — Необходимость переходной, смешанной (милиционно-кадровой) военной системы. — Полезность небольшой волонтерной армии в мирное время и неизбежность появления народной милиционной армии в военное время.	

А. ГЕРУА. ОТ «ПОЛЧИЩ» К «НОВОЙ АРМИИ» 99

ЗАРОЖДЕНИЕ И ВЫРОЖДЕНИЕ	99
Политические условия данной эпохи и военная организация. — Необходимость ограничения системы вооруженного народа. — Четыре устоя современной военной системы: генеральный штаб, офицерский корпус, унтер-офицерский кадр и техника. — Поучительный пример Русской армии в Великой войне. — Опасности милиционирования войск.	
КАДРЫ И МИЛИЦИЯ	107
Кадровая система: условия существования, популяризация и опошление. — Специалисты. — Генеральный штаб как интеллект армии. — Переход к малым хорошим профессиональным армиям.	
ПОЛЧИЩА И ДЕМОКРАТИЯ	119
Функции армии. — Сохранение массовых армий для внешней борьбы. — Отбор и качество войск для «внутреннего фронта». — Реформирование современных армий в сторону профессиональности (наемничества). — Теория «солдата-гражданина». — Сравнительный анализ работы демократии с армиями Франции, России и Германии.	
НОВАЯ АРМИЯ	134
Организация государственной обороны для военного времени. — Отборные войска как «моральный резерв». — Действующая (Полевая и Крепостная) армия. — «Рабочая армия». — Внутренняя армия как особый вид гарнизонных войск. — Резервная армия. — Профессиональный корпус военных техников.	
ВЫВОДЫ	141
Повинность по государственной обороне. — Сокращение армии и сроков службы. — Ограничение вооружений посредством усиления профессиональных военных кадров. — Самозащита государства и армии. — На пути к миру и демократии. — Новая организация войск.	

К ВОЗРОЖДЕНИЮ ВОЕННОГО ИСКУССТВА..... 146

КАЧЕСТВО ИЛИ КОЛИЧЕСТВО?	146
Упадок маневренного творчества в Великой войне. — Опасность технической войны при системе «полчищ». — Причины позиционной войны. — Позитивизм в армии. — Когда военное дело пошло по пути упадка? — Условия восстановления военного искусства. — Качественная отборная армия	

должна сменить современные армии-чудовища. — Переход Российской армии к национальной военной доктрине. — Границы количественных сокращений. — Качественный коэффициент.

НЕОБХОДИМОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АРМИИ 163
Абсурдность существующей военной системы. — Сущность военного декадентства. — Массы губят военное искусство. — Средний солдат («горе-воин»). — Корень зла находится в Вооруженном народе. — Необходимость и преимущества профессиональной армии в России. — Превосходство профессионального воина. — Система военно-организованного народа. — Вдохновение как божественная часть военного дела. — Основы военного образования.

ИДЕЯ МАЛОЙ АРМИИ..... 178

Б. ШТЕЙФОН. ЗЛО МАССОВЫХ АРМИЙ..... 178
Возникновение и эволюция системы всеобщей воинской повинности. — Качество и количество. — Новые идеалы. — «Солдат-гражданин» и его недостатки. — Упадок военного искусства. — «Миролюбивые мещане». — Идея вооруженного народа не выдержала экзамена в годы Великой войны. — Армии-заводы. — Будущей национальной России придется заново устраивать свои вооруженные силы. — Возвращение к «малым армиям». — Приоритет русской мысли в разработке доктрины малой армии. — Необходимость вернуть русское военное искусство к историческим корням.

А. ГЕРУА. ПОВОРОТ НА МАЛЫЕ АРМИИ 191
Крайние цвета военного спектра современности. — Переход к качественным «малым армиям» как результат Мировой войны. — Необходимость коренной реформы и нового направления в военном строительстве. — Концепция фон Зеекта. — Формула «армия + прочное ополчение». — Признаки гражданской войны. — Войско не должно быть партийно-политическим.

А. БАИОВ. «МАЛАЯ АРМИЯ» И СПОСОБ ЕЕ КОМПЛЕКТОВАНИЯ..... 200
Положительное решение вопроса о «малой армии» для вооруженной силы будущей России. — Пределы общей военной повинности. — Нравственные требования к защитнику Родины. — Отбор на основе почетного права быть в рядах армии. — Возможности найма. — Преимущества и недостатки воинов-профессионалов.

А. КЕРСНОВСКИЙ. НАША БУДУЩАЯ МАЛАЯ АРМИЯ 206
Расплата за лжеучения XIX века в военной сфере. — Система полчищ не выдержала испытаний Великой войной. — Кадровые войска и «территориальная армия». Элементы вооруженной силы будущей национальной России: отборная постоянная армия с резервом, территориальная армия, части особого назначения. — Расширение системы комплектования по найму. — Создание крепкого офицерского и унтер-офицерского кадра.

П. КРАСНОВ. ПАМЯТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ РУССКОЙ АРМИИ 212

Слава и честь Императорской армии. — Нравственные основы. — Патриотизм. — Аполитичность. — Офицерский состав. — Участие в Мировой войне. — «Мы должны вернуть России Императорскую армию».

АРМИЯ 217
Характер будущей войны. — Задачи армии. — Армия и общество. — Воинское воспитание. — Армия не может быть вооруженным народом. — Христолюбивое воинство. — Рыцарский орден. — Отбор лучших.

О РОССИЙСКОМ ВОИНСТВЕ. ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ 223

I. «МЫ — РУССКИЕ, С НАМИ — БОГ» 223
Мысли из «Учения и хитрости ратного строения пехотных людей», документов и бумаг Петра I, П. Румянцева, А. Суворова, М. Кутузова, М. Скобелева.

II. ВЫСОКОЕ ПРИЗВАНИЕ АРМИИ..... 234
Мысли из работ Н. Обручева, Б. Чичерина, Д. Менделеева, М. Меншикова, Л. Карсавина и других.

III. АРМИЯ И ПОЛИТИКА 242
Мысли А. Добровольского, А. Волгина, А. Деникина, В. Татаринова и других авторов.

IV. ПУТИ ВОССОЗДАНИЯ ВООРУЖЕННОЙ СИЛЫ..... 251
Мысли Д. Милютина, А. Риттиха, А. Мариюшкина, Н. Головина, А. Баиова, Б. Штейфона, А. Керсновского. — Источники.

ПРИЛОЖЕНИЕ	262
<i>А. КЕРСНОВСКИЙ. УПУЩЕННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ</i>	<i>262</i>
О перспективах создания и использования в сентябре-ноябре 1917 года офицерско-добровольческой армии России (армии профессионалов) в составе 300 тысяч человек.	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	271
<i>А. САВИНКИН. РОССИИ НУЖНА ДОЛГОВЕЧНАЯ КАЧЕСТВЕННАЯ АРМИЯ!.....</i>	<i>271</i>
Россия — военная держава. — Армия — оплот российской государственности. — Неудачная военная система. — Качественное возрождение армии.	
СЛОВО ОБ АВТОРАХ	328
<i>И. ДОМНИН. ТАЛАНТ И ДОЛГ</i>	<i>328</i>
Ценность русской военной мысли. — О жизни и творчестве авторов, представленных в Сборнике.	

* * *

Георгиевский крест (на обложке) и гвардеец-знаменосец (перед главами) даны как символы качественной (отборной) армии России.

Рисунок знаменосца выполнен поручиком Александром Геруа для «Истории лейб-гвардии Егерского полка» (1896 г.)

* * *

Тексты печатаются с сокращениями. Мысли и отдельные слова выделены (подчеркнуты) в соответствии с их современной значимостью. Стилистика и пунктуация авторских оригиналов, как правило, сохранена.

Количественный перевес есть свойство посредственности. Качество.., а не количество, должно господствовать в нормальном состоянии человеческих обществ. Владычество числа может быть только переходной формулой, низшей ступенью развития, над которой должен воздвигнуться высший порядок.

Борис Чичерин

Будущая Российская армия несомненно должна использовать все хорошее и светлое из нашего Великого Прошлого. Она не может отказаться от того духовного капитала, который завещан нам Петром Великим и Суворовым. Только при соблюдении этого условия она достигнет уровня действительно мощной боевой силы. Душа армии выковывается на протяжении веков.

Николай Головин

Возродить Россию без армии и помимо армии нельзя. Армия — это не те или иные генералы, как бы велики не были их заслуги... Армия — это живое воплощение государственного бытия России.

Петр Струве

СПАСЕНИЕ В КАЧЕСТВЕ

Верим и знаем: придет час, и Россия восстанет из распада и унижения и начнет эпоху нового расцвета и нового величия. Но возродится она и расцветет лишь после того, как русские люди поймут, что спасение надо искать в качестве!.. Вспомните в пути и судьбы России, вдумайтесь в ее крушение и унижение... И вы увидите, что все основные затруднения ее были от объема и количества. На протяжении веков вся беда наша, вся опасность наша состояла в том, что судьба навязывала нам неисчерпаемое *обилие* — обилие пространств, племен и людей — и не давала нам времени для того, чтобы проработать это обилие, овладеть им, извлечь из него скрытые силы и довести их до качественного расцвета... Не мы брали это обилие; оно само навязывалось нам, напирая на нас угрозами и опасностями, огнем и мечом, игом и голодом. На протяжении своей истории Россия как бы задыхается в этой борьбе с объемом и количеством: начиная от южных степей и кончая северными лесами; начиная от монгольских нашествий и кончая небывалым фронтом последней войны; начиная от ста шестидесяти племен и наречий и кончая аграрным перенаселением наших дней. Россия могла существовать, только втягивая, включая в себя это обилие, разбрасывая по нему свои силы и перенапрягаясь в этом разбрасывании; избывая одну беду для того, чтобы встречать другую, стучащуюся в ворота. И вечно опаздывая, отставая от соседей... Вот почему мы всегда были не готовы и шли «на авось», и «авосевы города стояли негорожены...» Вот почему мы никогда не могли предусмотреть всех опасностей и привыкали утешаться успокоительным и беспечным «небось». Вот почему нам всегда было не до качества: хоть «как-нибудь», да «быть бы живу...»

Русская душа и до сих пор еще не поняла и не осмыслила, какой соблазн, какую отраву она впитала в себя вместе с этой идеей бескачественного обилия и объема. Мы и теперь еще не научились тому, что «много» и «здорово» — не значит хорошо; что «вольная волюшка» и «безудерж» — не то же, что свобода; что человек с «широкой» и «сильной» натурой может быть и зол, и вреден; что не все можно прощать человеку за «размах» и «удаль»... Кого и когда удалось нам «закидать шапками»? И почему мы всегда крестимся лишь после того, как грянет гром? Где-то в глубине души у русского человека живет смутная, но твердая уверенность, что качество ему «не нужно»; что это — «заморская выдумка»; что при «нашем» обилии и при «нашей» даровитости мы без учения и без старания, без умения и без навыка «по-своему» «справимся» и даже «еще лучше выйдет». Вот почему и аграрный

вопрос мы все думали разрешить количественно, чтобы у одного стало «больше», а у другого «меньше». Вот почему и теперь иные, ослепленные «объемом» и соблазненные «размахом» планетарных коммунистов, готовы закрыть себе глаза на сатанинское качество их работы...

Да, в нашей прошлой истории нам не хватало ни времени, ни сил на качество: на спокойную и сосредоточенную культуру: на возвращение и творческое оформление нашей природной даровитости; на воспитание и укрепление национального характера; на создание интенсивного, технически совершенного земледелия и промысла; на усовершенствование политической и бытовой организации жизни. И потому почти все, что мы создавали, мы создавали не культурой, а нашей первобытной, естественной даровитостью. И там, где западный европеец нередко извлекал многое из малого дара, в России и большая одаренность обычно шла прахом...

Культивировать наше качество, наши душевные и естественные дары мы начали, строго говоря, лишь в девятнадцатом веке. Сто лет... Мы только успели начать; мы едва приступили к осмыслению и собиранию наших как бы второпях создававшихся сокровищ; мы только успели опомниться и заговорить. И еще не научившись ценить качество, еще не осмыслив ни своего призвания, ни своих духовных сил, мы создали великое — и в слове, и в музыке, и в живописи, и в знании; мы начали создавать превосходное и в технике, и в промышленности, и в быту; и тут же, не умея ценить эти достижения, поспешили нигилистически отречься от них в толстовстве и в революции <....>

Всмотритесь же в пути и судьбы России, вдумайтесь в ее крушение и унижение! И вы увидите, что *русскому народу есть только один исход и одно спасение — в возвращении к качеству и к его культуре*. Ибо количественные пути исхожены, выстраданы и разоблачены, и количественные иллюзии на наших глазах изживаются до конца.

Что дала революция русскому народу? Избиение и вымирание лучших людей — самых честных, патриотичных и храбрых; невероятное падение жизненного уровня — умственного, нравственного, бытового и трудового; разрушение интенсивного хозяйства и растрату бесчисленных материальных сокровищ. Иными словами — *гибель лучшего*. И видя это, разумея это, кто из нас не спрашивал себя за эти годы: да могли ли самые лютые, заклятые враги России хотеть чего-либо иного? И кто эти люди, совершившие в России это *качественное опустошение*? Откуда они? И как мог поддаться их наветам и соблазнам русский народ?...О, этот трагический путь от утомления к соблазну и от беспечности к преступлению!.. Да будет же он отмечен прусской истории в последний раз!

После революционной ставки на жадность, на зависть, на слепоту, на труса и на подлеца Россию спасет только ставка на качество. Из хаоса, из оскудения, из растраты и разложения есть один только путь — к сосредоточенной концентрации, к интенсивному

труду, к волевой дисциплине, к подъему уровня, к отбору и выдвижению лучших сил. Чтобы возродить Россию, мало «сбросить большевиков», — это элементарно и бесспорно, но это близоруко и безыдейно. Надо творчески развязать качественные силы России!

Ныне наша Родина нуждается прежде всего в *честной верности*. Что могут построить бесчестные и продажные руки? Революция уже дала ответ на это... России нужны *опыт и умение* во всех областях: от генерального штаба до кооперации, от торговли до полиции. Или недостаточна еще была вся наша расплата за беспомощность революционных самознаек?..

Россия будет голодать по знающим и работоспособным людям на всех поприщах: от бухгалтерии до медицины, от агрономии до профессуры. Революция сама перевернула страницу невежества и трудового обмана...

России необходимы *воля и талант*. Их нельзя ничем заменить, ибо талант творит новое, а воля строит и держит народную жизнь. Революция навсегда скомпрометировала партийность и партийный отбор, и новый *отбор должен быть деловым, предметным*, а не партийным!

Дорогу честности! Дорогу знанию и таланту! Дорогу русскому гению!

Качество необходимо России: верные, волевые, знающие и даровитые люди; крепкая и гибкая организация; напряженный и добросовестный труд; выработанный первосортный продукт; высокий уровень жизни. Новая, качественная эпоха нужна нашей Родине, эпоха, которая довершила бы все упущенное за время перегруженности и беспечности, которая исцелила бы, заростила бы все язвы революционного времени. Эта эпоха близится и настанет, в том порукою -природная даровитость и духовная гениальность русского народа. И ныне верить в русское национальное возрождение — значит верить в грядущую победу качества, в победу верности над предательством, знания над невежеством, труда над хищением, вата над страстью, верить в победу божественных сил человека над сатанинскими...

И готовить восстановление России — значит прежде всего готовить себя самого к качественному служению Родине: готовить свой характер, свой разум, свое чувство, свою волевою идею. Имя этой волевой идеи — *русское качество*. Верим и знаем: придет час, и Россия восстанет из распада и унижения и начнет эпоху нового величия. И эпоха эта будет стоять под знаком нашей волевой идеи!

И. Ильин.

(Русский колокол. 1928. N 4. С.3–7)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ РУССКОГО ВОЕННОГО ИСКУССТВА В РОМАНОВСКИЙ ПЕРИОД НАШЕЙ ИСТОРИИ

А. Баиов

<...> На военное искусство, безусловно, оказывают влияние национальные черты характера народа и национальная обстановка, в которой живет данный народ. Отсюда несомненно, что *военное искусство в значительной мере национально*.

Обширность территории, обилие лесов и болот, преобладание суглинка в составе почвы, масса рек, речек и озер, бедность в сухопутном сообщении и отдаленность от морей, — таковы те естественные условия, в которых русскому народу приходилось жить с давних пор.

Политическое и национальное единство под властью сначала единодержавных, а потом в полной мере самодержавных Великих Московских князей, русских царей и впоследствии Императоров Российских, — таково то политическое устройство, в котором жило наше государство.

Как следствие отмеченных естественных условий и политического устройства является, прежде всего, в значительной мере однородность населения России, однородность, основывающаяся на давнишнем численном и духовном преобладании среди народов, составляющих государство Российское, великороссов.

Те же данные обстановки, в связи с процессом образования великорусской народности, привели к тому, что население России в значительном его большинстве обладает следующими особенностями: по составу своему оно преимущественно сельское, а не городское; в нем развилась личная самостоятельность, привычка полагаться только на самого себя как в принятии того или другого решения, так и в приведении этого решения в исполнение; сметливость, сообразительность, сознание необходимости взвешивать обстоятельства, умение примеряться к ним, изворотливость в затруднениях и опасностях, привычка к терпеливой борьбе с невзгодами и лишениями, неизбалованность, непритязательность, выносливость и наблюдательность.

Вместе с тем, та же обстановка под влиянием деятельности Государей русских и в особенности царей из Дома Романовых, развила в русском народе сильное чувство национального самосознания, высокую религиозность, самоотверженную любовь к родине и беспредельную преданность Государю.

Наконец, все это, вместе взятое, породило некоторую обособленность русского народа и русского государства от остального мира, что, в свою очередь, повлекло за собою *установление у нас своеобразной цивилизации и культуры, характеризующихся высоким духовным настроением и некоторой технической отсталостью.*

Является вполне понятным, что чем чаще какое-нибудь явление в жизни народа повторяется, чем раньше оно может быть подмечено в истории этого народа, тем больше оснований нам считать, что это явление вытекает из национальных особенностей народа и обстановки, в которой он живет.

Вот почему, желая отметить национальные черты нашего военного искусства, приходится обращаться чаще к более далекому прошлому.

С другой стороны, национальные черты в области военного искусства, как и во всякой другой, проявляются в деяниях наиболее самобытных, энергичных и активных деятелей, а также в обстоятельствах, которые в наибольшей мере вызывают активную работу этих деятелей.

Поэтому, чтобы дать характеристику национальных черт, указать, в чем они проявились в военном искусстве, нет надобности следить за историей шаг за шагом.

Вместе с тем, нет никакой надобности останавливаться с интересующей нас точки зрения на подробностях, особенно формальных и технических.

Не может также с данной точки зрения интересоваться нас вопрос, имели ли мы успехи или неудачу, проявляя в военном искусстве наши национальные особенности.

Все военное искусство заключается, во 1-х, в созидании в самом широком смысле этого слова вооруженной силы, и, во 2-х, в использовании ее для тех целей, ради которых она существует.

В деле созидания армии первым вопросом является вопрос о ее составе.

1) У нас армия была всегда национальной: наемных армий и вербовки наша военная история не знает. Армия пополнялась всегда из состава своего населения, причем население само выделяло из своей среды необходимое число ратников или рекрутов.

У нас на службе были иноземцы, иногда даже в большом числе, но их привлекали только для того, чтобы воспользоваться их техническими знаниями, и с течением времени у нас иноземцев в армии становится все меньше и меньше. Еще при Петре Великом у нас, по штатам, в каждом полку иноземцев-офицеров должно было быть не менее одной трети, но уже при Императрице Анне мы отказываемся от этой нормы, так как сознали, что иноземцы уже все дали нам, что нужно, и что больше мы в них не нуждаемся. Доступ иноземцев в нашу армию с этого времени все больше и больше затруднялся.

В принципе, господствовавшая при царях из Дома Романовых рекрутская система должна была ложиться равномерно на все население и при том воинскую повинность каждый призываемый на службу должен был нести лично. Такой принцип основывался на началах, не всецело материальных, а, главным образом, духовных, что и было так ярко подчеркнуто еще в 1795 г., когда у нас было провозглашено, что «защита отечества и ограждение пределов безопасности суть предметы общих усилий и возможности, и долг, и обязанность всех и каждого».

В связи с этим от всех лиц, отбывающих так или иначе, по той или другой системе воинскую повинность, как общее правило, требовался высокий нравственный ценз. Это требование предъявлялось как по отношению нижних чинов, так и особенно по отношению офицеров.

Наконец, по вопросу о составе армии нужно еще отметить, что идеи применения жеребьевой системы при комплектовании армии и содержании ее в мирное время в кадровом составе всецело являются русскими национальными идеями, получившими осуществление еще в царствование Императрицы Анны.

2) В деле подготовки армии, как национальную черту, необходимо отметить настойчивое требование обучать войска только тому, что нужно для войны.

Великий Петр требовал «непрестанно тому обучать... как в бою поступать ... Сначала на поле делать порознь, потом паки вкупе, яко и в самом деле».

В «Диспозиции» 1736 г. и в «Обряде службы» 1770 г. указывалось, что «армию учить только тому, что придется делать в бою. Лишние же и ненужные приемы и эволюция ведут только к утомлению войск».

В 1770 г. Румянцев в своем «Обряде службы» настаивал на том же.

Эта же мысль Потемкиным была высказана следующим образом: «Людей меньше мучить чищением лошадей, ибо не в сем состоит краса полка, но в приведении в исправность, нужную к бою.» Суворов всей силою своего гения всегда восставал против

каких бы то ни было «чудес» в обучении, и на практике показал, как достигать этого и к чему приводит его способ подготовки войск к войне.

Ту же мысль уже в последнее время талантливо развил в своих теоретических трудах и практической деятельности Драгомиров, которому в этом отношении следовал и Скобелев...

3) Несомненно национальной чертой нашей нужно считать то единение между массой армии и ее вождями, которое является результатом взаимного доверия, зиждется на отношениях между начальствующими лицами и их подчиненными и особенно между офицерами и нижними чинами.

Тон таким отношениям дал Великий Петр, который, подметив, что «не единый народ в свете так послушлив, яко Российский», указывал, что — «офицерам надлежит в пользу солдат делать, что в их мочи есть (а чего не имеют, доносить вышним), и не тяготить их лишними церемониями, караулами и прочим, а особливо, во время кампаний».

Этого же держались и ближайшие преемники Великого Петра. В царствование же Императрицы Екатерины II вопрос об отношениях начальствующих лиц к нижним чинам получил дальнейшее в том же русском духе развитие.

Так в инструкции командиру полка в 1764 г. по этому поводу было сказано: «Новоприверстанный не должен быть не только сначала бит, но нижестращен; все сие с ласковостью и истолкованием ему изъяснить».

Потемкин в 1788 г. в одном из приказов писал: «Я требую, дабы обучать людей с терпением и ясно толковать способы к лучшему исполнению; унтер-офицерам и капралам отнюдь не позволять наказывать побоями... Отличать прилежных и доброго поведения солдат, отчего родится похвальное честолюбие, а с ним и храбрость».

Вся система воспитания и обучения гениального Суворова зиждилась на заботливом и гуманном отношении к нижним чинам. «Никогда не испытывать страха и всюду идти за своим начальником», — таковы конечные результаты, к которым стремился Суворов в деле воспитания войск. Добиться же этого он считал возможным лишь тогда, когда нижние чины будут не бояться своих начальников, а верить им и испытывать к ним чувство уважения и признательности.

Вообще в веке Екатерины II не забывали личности нижнего чина, не заставляли его терять человеческий облик, не принижали его достоинства, а предоставляли ему возможность развивать свои личные особенности и сознательно относиться ко всему происходящему.

Заботы Скобелева о нижних чинах общеизвестны. Все также помнят, наверное, приказ Драгомирова, который начинался словами: «В войсках дерутся»...

Впрочем, могло ли быть иначе, когда венценосные вожди нашей армии от первого Романова и до ныне благополучно царствующего Государя Императора, следуя старой чисто русской традиции, одной из важнейших своих державных обязанностей считали всестороннюю заботу о нижних чинах, об установлении в армии гуманного и доброжелательного отношения к ним.

4) Одной из самых ярких национальных черт в нашем военном искусстве является способность русских воинов всех степеней и различных рангов к самостоятельности, к проявлению частного почина.

И наши державные вожди армий и ее лучшие представители понимали всю силу этого драгоценного свойства, доверяли ему и принимали к тому меры, чтобы оно могло бы проявляться в полной степени.

В дополнительном пункте к Воинскому уставу 1716 г. Великий Петр в 1722 г. собственноручно написал: «Правда, может офицер, якобы к оправданию своему, отвечать, когда в том спрошен будет, что я то чинил по Уставу Воинскому, однако же, то его оправдать не может, хотя то и написано, ибо там порядки писаны, а времен и случаев нет, того ради ему подлежит рассуждение иметь.. Того ради сей пункт прилагается, дабы офицеры в таковых нужных случаях накрепко рассуждение делали, без чего обойтись невозможно, опасаясь жестокого наказания за нерассуждение».

Говоря в Уставе Воинском о ведении боя и не давая на этот счет никаких определенных указаний, Петр писал: «Сие все зависит от осторожности, искусства и храбрости генерала, которому положение земли, силу неприятеля и обыкновение оного знать и потому свое дело управлять надлежит»...

Вся система управления Императрицы Екатерины II могла лишь способствовать развитию самостоятельности всех деятелей в различных отраслях государственной деятельности, а особенно на поприще военного искусства.

Недаром она говорила, что «крупные и решительные успехи достигаются только усилиями всех».

И естественно поэтому, что национальные свойства русских, самостоятельность и самодеятельность, достигли в Ее царствование наибольшего развития, придав военному искусству особый блеск.

Суворов в 1773 г. под Туртукаем в своей диспозиции писал: «Сия есть генеральная диспозиция для атаки; прибавить к тому, что турецкие собственные набеги отбивать по обыкновению наступательно, подробности зависят от обстоятельств, разума, искусства, храбрости и твердости г.г. командующих».

Нельзя при этом забывать, что эти командующие были только батальонные командиры.

В другой раз Суворов по этому же поводу высказался так: «Местный в его близости по обстоятельствам лучше судит, нежели отдаленный: он проникает в ежечасные перемены их течения и направляет свои поступки по правилам воинским. Я — вправо, должно влево — меня не слушать. Я велел вперед, ты видишь — не иди вперед».

Эту же мысль он неоднократно проводил в своих приказах. В одном из них он писал: «Спрашивать старших накрепко запрещено, но каждому постовому командиру в его окруженности делать мятежникам самому собой скорый и крепкий удар под взысканием за малую деятельность».

Отметим, что «постовые командиры» были в обер-офицерских чинах.

Еще решительнее о самостоятельности частных начальников Суворов высказывался в письме к Ферзену в 1794 г.: «Рекомендую Вашему Превосходительству решимость. Вы — генерал. Я издали и Вам ничего приказать не могу. Иначе стыдно бы было, Вы — локальный».

Румянцев в наставлении батарейным командирам говорил: «В подробное о сей полезности описание я не вхожу более, а отдаю на собственное примечание г.г. офицеров, яко на искусных артиллеристов».

Румянцев и Суворов, проявляя в широкой степени инициативу вплоть до отдачи приказаний неподчиненным им частям армии именем Императрицы, раз обстановка этого требовала и ведения кампании наступательно, когда указывалось вести ее оборонительно, и поощряемые к тому Императрицей Екатериной, не только теоретически, но и практически представляли своим подчиненным полную самостоятельность в пределах достижения поставленной общей задачи и не отказывались от этого принципа даже тогда, когда подчиненные не оправдывали в этом отношении ожиданий. В этих случаях переменяли людей, но принципу не изменяли.

Позже Кутузов в диспозиции для Бородинского сражения писал: «Не в состоянии будучи находиться во время сражения на всех пунктах, полагаюсь на известную опытность г.г. главнокомандующих и потому предоставляю им делать соображения действий на поражение неприятеля».

Степень же проявления инициативы самим Кутузовым определяется тем, что он срывал на театре войны крепости, не испросив на то разрешения Государя, хотя последним в этом было отказано предшественнику Кутузова, и возвращал с полдороги войска, Высочайшим повелением направленные на другой театр войны, раз это было нужно для достижения поставленных целей.

Император Павел I, считавший, что все должно делаться не иначе, как по его ближайшему указанию, отправляя Суворова в Италию, говорил ему: «Веди войну, как знаешь», а Император Николай I, не допускавший мысли, что в делах государственных может быть у кого-либо другое мнение, чем у него, в постоянных письмах своих к главнокомандующим в Крыму хотя и высказывался о том или другом способе действий, но неизменно прибавлял, что он не требует выполнения его предположений, предоставляя решение вопроса самому главнокомандующему, как хорошо знающему обстановку данной минуты.

Эти два примера показывают, насколько всегда всеми у нас — 18 сознавалась необходимость самостоятельности в военных действиях, проявления частной инициативы; и не только сознавалось, но и все исполнялось в этом направлении.

Скобелев также требовал «самостоятельности» и притом от всех офицеров. В одном из своих приказов в 1879 г., например, он писал: «В бою необходимо, чтобы г.г. офицеры сохранили полную энергию, самообладание и способность самостоятельно решать при всяких обстоятельствах» и затем: «в современном бою батальоны и роты приобрели безусловно право на самостоятельность и инициативу» <...>

5) Свободное отношение к форме, отсутствие преклонения перед ней, отсутствие приверженности к шаблону, — такова новая национальная черта нашего военного искусства. Эта черта чрезвычайно характерно и исчерпывающе была выражена в уставе 1755г., в котором было сказано, что «всякий тот способ, которым неприятеля победить возможно, за наилучший почитается».

В жизни же, на практике отсутствие приверженности к шаблону особенно ярко сказалось в боевой деятельности Петра Великого, когда он после 1706 г. внес в мертвенные формы линейного боевого порядка такие поправки, которые сделали его более гибким, поворотливым, более удобным для маневрирования, а главное, — способным парализовать в значительной степени невыгодные стороны современных ему боевых построений.

Особенно ярко сказывается нерутинное, нешаблонное применение у нас основ военного искусства в царствование Императрицы Елизаветы, как раз в то время, когда на западе малейшее отступление при каких бы то ни было обстоятельствах от установленных форм признавалось за отступление.

Построение войск в бою и пользование ими в сражениях при Пальциге, Кунерсдорфе и др., прежде всего, свидетельствуют, что наши генералы того времени больше считались с жизненными условиями обстановки, чем с мертвенными формами общепринятых тогда боевых построений и шаблонными действиями.

Все бои Румянцева и Суворова, не имея ничего общего с боями того времени наших западных соседей, вместе с тем, сами по себе были чрезвычайно разнообразны как по способу построения войск, так и по способу их употребления.

В более позднее время такое отсутствие привязанности к раз навсегда установленной форме сказалось особенно наглядно в войну 1877—78 гг., когда, по словам одного из талантливых исследователей этой войны, «войска наши, будучи недостаточно тактически подготовлены, обнаружили отличную способность к быстрому пониманию истинного характера современного боя и уже в конце первого сражения действовали совершенно иначе, нежели в его начале, соображаясь вполне с обстановкой».

6) Сильно развитое чувство взаимной выручки тоже является одной из отличительных особенностей нашей армии. Нет возможности перечислять всех случаев, где особенно сильно проявилась эта особенность, но нельзя не вспомнить, что еще Петр Великий говорил, что нужно «накрепко смотреть, чтобы друг друга секундовать, и когда неприятель подойдет на одно крыло, то другому крылу неприятеля с тыла и во фланг атаковать».

7) Через все эпохи нашего военного искусства красной нитью проходит общее убеждение, являющееся безусловно нашей национальной особенностью и заключающееся в признании, что главным орудием войны всегда был и навсегда останется человек.

Все Государи наши, а вслед за ними и все наши выдающиеся полководцы, и военачальники на практике считались с этим положением и потому главнейшее свое внимание всегда обращали на удовлетворение материальных потребностей людей, составляющих армию, и на поддержание на надлежащей высоте в соответственном напряжении нравственной, духовной их стороны.

Еще Великий Петр говорил, что «всему мать есть безконфузство» и что «при добрых порядках и храбрых сердцах есть противу неприятеля сильнейшая вещь — справное оружие», т.е. началу нравственному — «храбым сердцам» и «добрым порядкам» Петр отдавал предпочтение перед началом материальным — «справным оружием».

Вот почему Петр Великий, а вслед за ним и другие Государи, полководцы и военачальники наши громадное значение придавали нравственной подготовке воинов, притом подготовке, веденной в народном, национальном духе <...>

В конце концов, мысль, что главным орудием войны всегда был и остается человек, была развита нашими выдающимися военными мыслителями Леером и Драгомировым, в целом, вполне научно обоснованное и отвечающее природе явлений учение.

8) Традиционной и бесспорно нашей национальной особенностью в военном искусстве является никакой другой армией непревзойденная доблесть наших войск.

Нет надобности подтверждать наличие этой доблести каким-либо примером, но нельзя не отметить, что, благодаря ей, армия нередко совершала на войне то, что всеми до нее признавалось невозможным.

Достаточно вспомнить по этому поводу: нашу первую морскую победу, одержанную сухопутными войсками, отмеченную Великим царем медалью с надписью «Небываемое бывает»; атаку конницей укреплений в Рымникском сражении; штурм Измаила в 1790 г.; атаку спешенной конницей при Кобылке в 1794 г.; Швейцарской поход 1799г.; переход по льду через Ботнический залив; 11-месячную оборону Севастополя; зимний переход через Балканы; штурм Карса; сражение под Плевной 30—31 августа, когда наши полки дрались 30 часов подряд с потерей половины своего состава на позициях, где лежало более мертвых,

чем было защитников, под перекрестным огнем с фронта и 2-х флангов на позициях, укрепленных без шанцевого инструмента с ружьями Крынка, наконец, последнюю нашу войну вообще и беспримерную защиту Порт-Артура — в особенности.

9) Национальной чертой нашей стратегии являлось стремление вынести борьбу из пределов своего отечества, вследствие чего стратегия наша за последние триста лет преимущественно была наступательной; в случаях же необходимости вести войну в своих пределах, у нас прибегали к способу действий, дававшему столь блестящие результаты в 1707—1709 гг. и затем сто лет спустя — в 1812 г.

Стратегически наступая, наши полководцы всегда ищут боя с противником.

Стремление к наступлению Петр Великий выражал словами: «Нужно есть сочинять армию свою, смотря неприятельской силы и оного намерения, дабы его во всех делах упреждать и всячески искать неприятеля опровергнуть».

Миних по этому же поводу говорил: «Атака придает солдату бодрость и поселяет в других уважение к атакующему, а пребывание в недействии уменьшает дух в войсках и заставляет их терять надежду».

Румянцев относительно этого высказывается так: «Я того мнения всегда был и буду, что нападающий до самого конца дела все думает выиграть, а обороняющийся оставляет всегда страх соразмерно сделанному на него стремлению»; в другой раз он говорил: «Чем опаснее и ко вреду нашему ближе расположен неприятель, тогда наипаче идти на него прямо, не уклоняясь и не ожидая его на себя нападения, ибо наступлением можно унижить выгоды противника пред своими невыгодами».

Всем хорошо известно, что Суворов настойчиво повторял «ничего отступательного», а созданный им афоризм «глазомер, быстрота и натиск», всегда с успехом применяемый им на практике, лучше всего свидетельствует о взглядах на этот счет нашего гениального полководца.

10) Трудно сказать, какой вид боя для нас является национальным. Однако история показывает, что к наступательному бою в поле мы преимущественно прибегали тогда, когда во главе армии стояли первоклассные по талантам полководцы, как, например, Суворов, Скобелев и некоторые другие. Обычно же наша армия более охотно обращалась к оборонительному бою, который, однако, всегда вела чрезвычайно активно и стремилась закончить общим переходом в наступление.

В таких боях, которые в настоящее время называют выжидательными, наша армия нередко достигала колоссальных результатов, приводя армию противника к полному разгрому, как это, например, было под Полтавой и под Кунерсдорфом.

Результатом стремления к активности в оборонительном бою у нас являлась, во 1-х, идея подвижного уступа, идея, которая наиболее резко была проявлена в сражении под Полтавой в 1709г., под Пальцигом в 1759 г., Рушуком в 1811 г., в предполагаемом сражении на р. Уже в 1812 г., в сражении под Бородино. Во 2-х, то же стремление к активности в оборонительном полевом бою привело к активности и при обороне крепостей.

Наиболее ярким примером этому служит оборона Севастополя, которая и могла продолжаться 11 месяцев только благодаря ее активности.

Здесь кстати отметить, что на такой активности особенно настаивал Император Николай I, дававший даже по этому поводу детальные технические указания, исполнение которых приносило осажденным большую пользу.

Обширность нашей территории создала способность к продолжительным и быстрым маршам и привела к утверждению у нас мысли о необходимости иметь однотипную драгунскую конницу и к созданию конной артиллерии, которая несомненно явилась у нас раньше, чем где бы то ни было.

11) В бою решающее значение у нас придавали рукопашной схватке, удару в штыки. Однако национальные наши особенности не отрицают и значения огня и не заставляют пренебрегать им. Это видно, между прочим, из того, что в эпоху, когда национальные наши черты особенно культивировались в военном искусстве и при том с большой пользой для дела, а именно при Императрице Екатерине II, у нас, по частной инициативе и вопреки господствующим течениям на западе, появляются и развиваются егерские войска, предназначавшиеся для ведения стрелкового боя, и такие наши военачальники, как Румянцев, Суворов и Потемкин при подготовке войск всегда требовали тщательного обучения стрельбе и затем в боях всегда пользовались огнем в степени, соответственной его совершенству.

Взаимодействие огнестрельного оружия и холодного, и в зависимости от этого взаимодействие различных родов войск Суворов коротко и ясно определяет так: «Пехотные огни открывают победу, штык скалывает буйно пролезших в каре, сабля и дротики победу и погоню до конца совершают». А в другом месте Суворов по тому же поводу говорит: «Пехоте стрелять реже, но цельно, каждому своего противника, не взирая, что они толпою. При всяком случае наивреднее неприятелю страшный ему наш штык, которым наши солдаты исправнее всех в свете работают».

Впрочем, еще Петр Великий в 1711 году, готовя армию к войне с Турцией, требовал: «учить драгун и солдат огнем, а палашам покой дать, ибо с турками зло так не надлежит воевать, как со шведами».

Идея решающего значения рукопашного боя, вытекающая из наших национальных особенностей, развила в нашей армии склонность при действиях против крепостей штурмовать их.

Штурмы Измаила в 1790 г., Праги в 1794 г., Карса в 1877 г. и некоторые другие навсегда останутся блестящими проявлениями нашей национальной мощи, показывая, однако, при этом, что и нам для успеха в таких операциях необходима всесторонняя тщательная подготовка.

12) В работе конницы национальной нашей чертой является склонность и способность к стратегической деятельности самостоятельных отрядов впереди Фронта своей армии и на флангах в тылу противника. Подтверждением этой мысли служит блестящая деятельность конницы при Петре под его личным руководством, при Екатерине II — под начальством целого ряда талантливых кавалерийских генералов.

Эта склонность к самостоятельным действиям массы конницы и вызывала отчасти стремление иметь конницу одного драгунского типа. Еще Потемкин говорил: «ибо драгуны, обученные действовать, как пехота и кавалерия; можно делать с них двойное употребление, смотря по обстоятельствам, не заимствуя в помощь и подкрепление их ни пехоты, ни кавалерии».

13) Участию в бою артиллерии у нас всегда придавали большое значение, а во времена Императрицы Анны, Елизаветы и Екатерины II, отчасти Императора Александра I, артиллерия имела у нас решающее значение. При этом нельзя не отметить, что в царствование Императрицы Елизаветы в техническом отношении наша артиллерия, благодаря русским изобретениям, во многом стояла выше, чем в других государствах.

Таковы в главных общих чертах национальные особенности нашего военного искусства.

История показывает, что эти особенности при других, благоприятных обстоятельствах, как то: соответствующей подготовке, хорошем руководительстве, необходимом техническом оборудовании давали нашей армии и, конечно, будут давать и впредь возможность достигать боевых результатов, необыкновенных, поразительных, для других армий положительно невозможных. При обстоятельствах же неблагоприятных эти наши особенности являлись тем средством, благодаря которому наша армия никогда не доходила до полного разгрома и разложения и, благодаря которому, из самых тяжелых испытаний она выходила с честью и с достоинством.

С другой стороны, отмеченные национальные черты нашего военного искусства показывают, что русский народ таит в себе громадный запас творчества в области военного

искусства, что наша армия обладает богатством и силой мысли и духа и что она вовсе не нуждается в этом отношении в опеке, откуда бы она ни исходила.

На нашей национальной почве возросли такие военные гении, как Петр Великий, Румянцев и Суворов, такие выдающиеся полководцы, как Кутузов и Скобелев, такие талантливые генералы, как А.Д. Меншиков, Вейсман, Репнин, Багратион, Гурко, Радецкий, Кондратенко и многие другие, и такие военные мыслители, как Леер и Драгомиров.

Эта блестящая плеяда русских деятелей оставила нам громадное богатство в области военного искусства, и их деяния представляют неисчерпаемый источник для уразумения истины и приобретения знаний в военном искусстве. Не нужно только этот чистый и могучий источник засорять чуждыми нам насаждениями, способными лишь, вопреки природе русского человека, водворить у нас господство формы и шаблона...

Будем же с благоговейной благодарностью вспоминать всех почивших Монархов из Дома Романовых и свято следовать заветам нашего Государя, который указал нам, что «только та страна и сильна, которая свято чтит заветы своей старины».

(Отдельный оттиск из №№ 9–10 «Журнала Императорского Русского Военно-Исторического Общества» за 1913 год. С-Пб., 1913).

НАШ ВОЕННЫЙ ВОПРОС

Р. Фадеев

Вооруженные Силы России

Образование армии есть, конечно, дело военной специальности, как постройка железной дороги есть дело специальности инженерной. Техник имеет полное право представить свои возражения против направления предполагаемого пути вследствие местных затруднений, которые он может оценить лучше другого; но возражения его могут иметь предметом только то, чтобы дать другое очертание дороге, обойти препятствия изгибами, а не то чтобы перекинуть ее в другую сторону, строить ее не на Киев, а на Воронеж. От системы, положенной в основание военного устройства, зависит прямо степень могущества государства, а вследствие того и международная политика, сквозь которую это могущество сквозит во всем, как цветная подкладка через кисею. Между тем, превосходство военного устройства происходит главнейше от его соответственности с общественным складом, можно сказать, от его безыскусственности, ненатянутости; от того, насколько верно вооруженные силы нации представляют ее действительные, живые силы и ее общественные отношения во всей их естественности. С первого взгляда видно, насколько легче дать окончательное устройство силам, которые сами складываются в готовую форму, чем биться над устройством искусственным, которое требует столько труда и времени и потому уже не может расширяться по произволу. Если же правда, что вооруженные силы нации должны быть верным воспроизведением ее самой, то правда и то, что вопрос об основании военной системы становится вопросом о самой нации, об ее духовных и материальных основах, то есть обращается в вопрос политический и входит в область общественного сознания как его неотъемлемое право и потребность. Везде и всегда общество чувствовало, если не вполне ясно сознавало, эту истину, и никогда не считало чуждым себе вопросов такой коренной важности, хотя мало было подготовлено к их правильному обсуждению. Выходило то, что оно чаще решало их страстью, чем разумом <...>

Со времени Петра Великого до нынешнего царствования наша Россия, одна в целом свете, не имела своей собственной, выработанной жизнью военной системы и жила подражанием. Конечно, и наши военные учреждения не были совсем произвольны; они зависели довольно тесно от местных условий, например, от крепостного права; но влияние этих условий выражалось только отрицательно, тем, что они стесняли круг действий военной

администрации, не дали ей развернуться свободно. Положительного влияния они не имели. Где только военное управление располагало свободой действий, оно не обращало внимания на самые существенные черты народной личности. Идеалы наших организаторов были постоянно нерусские, заимствованные, и притом по большей части заимствованные из сомнительных источников, например, старопрусского; отсюда пришла к нам фридриховская школа, бившаяся столько лет, чтобы обратить русских солдат — в кого? в Пруссаков Иенской кампании, так как у нас именно подражали не Пруссакам новейшим, а старым Пруссакам, так блистательно покончившим свои дела. И не только воспитание войск, вся наша военная организация была взята целиком с чужого образца, почти без всякого применения к среде, в которую переносилась. Отсутствие установленных начал в управлении военной частью доходило до того, что не дальше как полвека тому назад, Аракчеев мог предпринять — устроить русское войско наперекор двум и более тысячам лет истории, по образцу древних Египтян и Мидян и основать наследственную военную касту <... >

С 1812 года наша армия разрослась, но не собственно армия, понимая под этим названием силы действительно противопоставляемые врагу, а недействующая, *мертвая часть армии*, относящаяся к ее живой части, как зарытый в земле фундамент дома относится к его жилым комнатам. Тогда отсутствие твердых начал, произвольность военных учреждений и подражание неподходящим образцам стали живо чувствоваться в государственном строе и в народной экономике. Постоянная миллионная армия с 25-летним сроком службы, в которой подвижных войск было не более как на половину, которая, забирая целые поколения, никогда не возвращала их назад, обращая в военно-потомственное сословие всякого человека, которого прикасалась, стала действительно *бременем*. Она истощала народ гораздо в высшей степени, чем могла защищать его. Это ненормальное положение дела разрешилось всем памятной катастрофой: на второй год восточной войны у нас состояло 2.230.000 людей на казенном пайке, а под Севастополем, где решалась участь гигантской борьбы, едва ли было налицо в рядах более ста тысяч штыков. Половина вины в этом случае может пасть на бездорожье и спешность вооружений, потребность которых не предвидели заранее; другая половина падает на тогдашнюю систему или, лучше сказать, бессистемность военных учреждений<...>

Военные средства России гораздо разнообразнее не только каждого европейского государства отдельно, но целой западной Европы вместе взятой. На Западе нет великой державы, которая не была бы вынуждена всею суммой исторических условий держаться односторонне той или другой исключительной системы военного устройства: Англия — наемных войск, Франция — одной постоянной армии, Пруссия — регулируемого

ополчения и т.д. Наше отечество не только не осуждено своею историей усвоить себе какой-либо однообразный способ военного развития; напротив того, никакая исключительная система не в состоянии обнять его потребности; источники наших народных сил так разнообразны, что каждый из них требует иных приемов для своего развития; только соединение многих самостоятельных учреждений и верное их применение могут ввести Россию в обладание всею силой, данную ей Богом.

С такими средствами Россия, конечно, может не бояться борьбы против каких бы то ни было сил: но средства эти должны быть заранее определены и развиты, должны стать из стихийных государственными. *Россия не может быть побеждена, но она может понести ряд временных, очень чувствительных поражений, может быть вынуждена несколько раз возобновлять борьбу с крайним для себя истощением, пока научится опытом и войдет в полное обладание своих богатырских сил...*

Займемся сначала чисто оборонительными, внутренними войсками, соответствующими ландверам, национальной гвардии или милиции других государств. Мы видели, что нам нужно, кроме запасных частей, приготавливающих рекрут, 480 или, на меньший конец, 400 тысяч таких войск, для того чтобы действующая армия не отвлекалась от своего прямого назначения.

Присущая России способность располагать земскою силой наравне с Швейцарией и Соединенными Штатами, также наравне с Пруссией, хотя в другом виде, составляет такое громадное, неоцененное преимущество, что обходить его, не ввести в расчет своих постоянных сил, значило бы отказаться от половины своего могущества. При крепостном праве ополчение могло быть только случайностью, вызываемую тяжкими обстоятельствами; в свободной России оно может и должно быть основною постоянною силой, делающей ее непобедимою, хотя бы весь свет обрушился на нее. *Устроенное ополчение 80-миллионного народа не ограждает государство от возможности поражения в наступательной войне, но ограждает его от всех последствий этого поражения <... >*

Ополчение не составляет боевой силы России, но составляет то подспорье, без которого она не выставит в поле боевых сил, соответствующих ее задачам...

Но земская сила существует до сих пор в Русском государстве только как возможность, как стихийная сила, как статуя существует в глыбе мрамора для глаза художника. Внезапное формирование ее во время войны сопряжено с чрезвычайными усилиями и даст опять самые посредственные результаты. Для того, чтобы принять ополчение в постоянный расчет русских сил, надобно не только рассчитывать на него, но заранее и положительно знать, на что и к какому сроку можно рассчитывать; надобно, чтобы ополчение, как *государственная*

сила, было утверждено законом и расписано вперед, — чтоб ополченцы знали себя как ополченцев и понимали бы хоть сколько-нибудь свое дело.

Если принять раз, что внутренние силы (за исключением постоянных действующих войск), вызываемые у нас в таком огромном количестве каждою войной, всего удобнее почерпать в народном ополчении, то надобно принять и то, что *ополчением же можно заменить все, что носит военный мундир, не принадлежа к действующим боевым войскам, за исключением технических частей, нуждающихся в долгом обучении*. Даже в некоторых специальных оружиях, кроме знающих людей, нужно много простой рабочей силы, требующей очень мало, а иногда не требующей никакого приготовления. Численность всех этих людей огромна: сюда принадлежат почти все нестроевые, фурштаты, усиленные по военным штатам команды провиантские и комиссариантские, лазаретная прислуга, денщики; в гарнизонной артиллерии — за исключением первых четырех номеров — вся остальная масса людей; в артиллерийских и саперных парках — все ездовые и фурщики. Армия не может существовать без этих невоенных солдат, а потому у нас, как в целой Европе, они числятся в ее списках, хотя не все находятся налицо в мирное время <...>

Рассчитывать на земскую силу, не подготовленную заранее — не приведет ни к чему. Для меня это аксиома, истекающая из самого ее назначения. Ополчение никогда не будет настоящим войском, годным для открытого боя; оно может быть распределено небольшими частями, (дружинами), при постоянных полках — конечно, может встретить в превосходных силах второстепенные десанты, всегда робеющие на чужой земле как дитя в потемках; может сдерживать сомнительные области, занимать крепости — такое назначение ему по силам, но не больше. Поэтому собирать ополчение в самый разгар войны для усиления действующих масс, когда неприятель взял уже верх, — значит добровольно морочить себя, тратить деньги и отрывать народ от работы без особенной пользы; ополчение не восстановит дела, проигранного постоянной армией. Естественное назначение ополчения, как всяких ландверов и милиций, — заменить внутри государства действующие войска, где только возможно, чтобы не отвлекать этих войск от их прямого назначения — боя с неприятелем. Война же теперь разыгрывается скоро и начало — едва ли не самый важный момент ее. Следовательно, надобно быть сильным к началу, т.е. заменить к первому выстрелу действующие войска, где можно. Я не считаю нужным доказывать, что к первому выстрелу нельзя создать ополчение из ничего, разве растянуть приготовления к войне на целый год, чего никакой противник не допустит <...>

При громадном и верном населении, но при слабых в то же время финансах, Россия не может обнаружить всю свою силу посредством одной постоянной, долгосрочной, если

можно так выразиться — солдатской армии; нам нужны армия народная и ополчение. Разумное преобразование началось; остается довершить его. Между тем события не ждут.

Можно сказать почти наверное, что если при первой войне против большого союза (иной войны у нас и быть не может) на врага выйдет не организованная сила русского народа, а одна армия в нынешнем ее составе, то шансы успеха будут опять не на нашей стороне. Принятую теперь у нас военную организацию можно сравнить с организацией союзников в 1854 году; в то время она поставила бы нас относительно учреждений на одной высоте с неприятелем; но она не равносильна нынешнему военному устройству Европы.

Ополчение нам совершенно необходимо. При громадном протяжении наших пределов одной постоянной армии, хотя бы значительно усиленной против нынешнего, не станет на двойное дело — ограждать пределы против всякого покушения и встретить врагов равносильною им массой на главном пункте. Это невозможно даже в случае одиночной войны, не говоря о борьбе против союза, к которой, однако же, мы должны быть всегда готовы. При том, *постоянное войско слишком дорогая сила, чтобы ее употреблять там, где без нее можно обойтись.* Для этого у нас может быть созвано земское войско — ополчение, вполне соответствующее народному духу, дешевое (ратник в мирное время обойдется не более 5-ти рублей со всеми посторонними расходами) и без которого, как многократно доказывал опыт, мы не можем обойтись в серьезной войне. Но ополчение главнейше нужно для того, чтобы сосредоточить действующие войска против неприятеля, не в разгар войны, когда дело уже отчасти решено, но к началу ее. *Чтоб на ополчение можно было рассчитывать, оно должно стать постоянным государственным учреждением,* а чтобы ополченцев двинуть вовремя, к первому выстрелу, их следует заблаговременно приучить владеть оружием, к чему лучшим средством представляется трехнедельный сбор, раз в год. Земское войско требует только постоянных складов амуниции и оружия и затем очень мало хлопот.

Из ополчения же можно выставить все число нестроевых, нужных для войны, и затем держать их в мирное время в самом ограниченном числе. Надобно также образовать ополчение за Кавказом, так как этот край достаточно успокоен и нет ему причин вечно оставаться на льготе.

Далее, при устроенном ополчении наша постоянная армия должна быть усилена по числу батальонов и батарей, иначе она будет в состоянии дать отпор только одиночному противнику, а не коалиции. В случае войны против союза (не только возможной, но представляющейся даже в весьма определенных очертаниях), русская пехота должна состоять из 60-ти дивизий (мы считаем 13-ти батальонного состава). Тогда можно будет выставить в большую действующую армию не менее 40 дивизий, составляющих вначале, со

всеми родами оружия, около полумиллиона бойцов — сила достаточная, при своей однородности и хорошем командовании, чтобы победить разрозненных союзников. При этом другая армия (южная и кавказская) будут довольно сильны для отражения врага, и все протяжение наших пределов будет ограждено от случайных покушений.

Армия и теперь значительно сокращается в мирное время за счет уменьшения срока действительной службы. Я убежден, что этот срок можно положить сейчас же в 5 лет, без всякого опасения за основательное обучение солдата, а впоследствии довести до нормального предела. При 5 годах службы под знаменем батальон будет состоять из 400 человек: 320 в рядах и 80 рекрутов в резервах; в этот состав можно привести всю действующую армию за исключением 8-ми дивизий и гвардии.

Повторяю в заключение: земская сила России не есть чье-либо личное изобретение. В полвека обстоятельства три раза уже вызывали ее из недр народа, чуть было не вызвали в четвертый и непременно снова будут вызывать каждый раз, как только Россия войдет в серьезную борьбу. *Возможность пользоваться земскою силою составляет великое и исключительное преимущество нашего отечества перед остальною Европой; потребность в этой силе у нас настоятельнее чем где-нибудь при относительной слабости нашего флота и непосильной задаче защищать бесконечное протяжение русских пределов одною постоянною армией, имеющей совсем другое назначение.* Возможность и потребность, существующие в одинаковой степени, составляют в результате необходимость. Но чтобы рассчитывать на ополчение, надобно организовать его правильно и постоянно; иначе оно останется стихийною силой, никогда не будет готово вовремя и не принесет пользы, соответствующей издержкам, нужным на его внезапное устройство. Скажу еще раз: *народное ополчение не может составить боевой силы России, но составляет то подспорье, без которого Россия никогда не выставит боевой силы, соответствующей ее задачам и ее положению в мире.*

<...> Даже при устроенном народном ополчении наша действующая армия, состоящая из 47-ми пехотных дивизий, все еще не/ястаточно многочисленна, т.е. не соответствует политическим задачам России.

Ополчение необходимо для того, чтоб можно было сосредоточить действующую армию на театре войны, но само по себе оно не составляет силы в международном споре; оно — щит, но не меч государства. Международная сила России, как и всякой другой державы, заключается в постоянной армии<...>

Тут идет дело о вещах первостепенной важности. *Может ли Россия обойтись без постоянной армии?* Если нет, то надо иметь ввиду, что постоянная армия есть учреждение совершенно исключительное, идущее вразрез со всеми прочими явлениями образованного

общества, подчиненное законам железной необходимости — одним и тем же со времени македонской фаланги и римских легионов. Солдат, какого бы чина ни был, не есть гражданин, вставший за родную землю: это совсем иной тип — он человек, сделавший из войны ремесло и средство к существованию, что несогласно с человеческой природою и потому может поддерживаться только искусственными мерами. Идеи и чувства, которыми живет постоянная армия, не заключают в себе никакой доли истины — они фикция и потому требуют исключительного, приноровленного к этому делу воспитания человека. Отказаться навеки от своей воли, как в монастыре; составить себе идеал чести из слепого повиновения; идти на неизбежную смерть по первому слову старшего, к которому не питаешь иногда ни уважения, ни доверенности; считать священным предметом в свете лоскут шелковой материи на конце палки, называемый знаменем; посвятить жизнь на изучение и преподавание прицельной стрельбы и беглого шага за столько-то рублей в год, и в тоже время считать себя не наемным учителем гимнастики, но цветом и украшением своего отечества, — все эти и множество других вещей, без которых нет постоянной армии, — ничто иное как громаднейшие фикции, прививающиеся к людям только при известной обстановке вещей, вовсе не произвольной. Между тем опыт двух тысяч лет доказывает, что вооруженные граждане, при каком бы то ни было напряжении благороднейших чувств естественных, не могут устоять против такого искусственного сочетания — армии. Из этого истекает уже не фикция, а явная истина — нельзя мерить военные потребности обыкновенным аршином, надобно подчиниться кажущимся несообразностям их собственной логики.

Первая потребность армии — высокое мнение военных о своем звании, находящее сочувственный отзыв в обществе. Если общество вполне сознает себя как нацию, то (в продолжающемся еще покуда положении света) оно должно высоко ценить свою армию, в которой осуществляется национальное могущество; ценить же армию значит — ценить людей, ее составляющих <...>

Армия должна быть живым организмом, в котором голова мгновенно чувствует хоть бы булавочный укол в пятке, а не наслоением разнородных материалов, положенных один на другой, но не сращенных между собою. В армии не должно быть никаких прибавочных, не входящих прямо в состав ее званий, никаких помощников и никаких чуждых одно другому подразделений. «Начиная от унтер-офицера, каждый начальник должен иметь свою часть, своих подчиненных, за которых он отвечает и которые смотрят ему в глаза — и каждый начальник, до фельдмаршала включительно, должен иметь своего прямого непосредственного, исключительного начальника; последнее верховное звено этой священной цепи, ограждающей государство, есть Государь, ответственный Богу. Тогда будет

известно каждую минуту чего нужно армии». *Офицерство*, с одного конца России до другого, *должно быть братским, рыцарским сословием*. Офицер должен значить — офицер; если при этом приходится спрашивать — какой? то уже ни сам он не знает какими глазами на себя смотреть, ни общество этого не знает <...>

Ни в каком обществе, а тем более в таком сложном обществе как постоянная армия, формы не могут заменить духа, царствующего между людьми. Для того чтобы армия складывалась правильно в отношении, как унтер-офицеров, так и офицеров и всего прочего, надобно, чтобы требования сверху были без изъятия правильны, чтобы на войско смотрели военными глазами, видели в нем исключительно боевую силу и ничего более <...>

Другая потребность нашего войска, и потребность несомненная, состоит в возобновлении существовавшего прежде разряда отборных людей, упраздненного вместе с расформированием гренадерских и карабинерных рот при батальонах. Человек не может жить одними отвлеченными чувствами без личных целей и надежд, возбуждающих его действительность; он заснет без них, станет вялым автоматом. Из всех личных эгоистических побуждений, способных подстрекать деятельность, у военного человека остается только одно — быть отличным в глазах товарищей, стать на высшую ступень в своей среде. В солдате это чувство действует столько же, как и во всяком другом. Бывали армии автоматические, отрицавшие у солдата душу, стремившиеся обратить его в машину, но они никогда не могли выстоять против *живых* армий, против *армии с душой*. Солдату необходимо должна быть открыта перспектива к отличию, — не к отличию, зависящему только от случая, выпадающего немногим, как крест, но к такому, которого каждый человек мог бы добиться, наверное, при должном старании, которое падало бы не на нескольких счастливых, — возбуждение еще недостаточное, — но массу людей, на четверть, по крайней мере, всего числа служащих. Люди, доказавшие опытом свое понимание военного дела, все без исключения считали подобную приманку, вызывающую соревнование, первым условием для качества войска. Наполеон I говорил: «если бы в моей армии служили великаны и карлики, я бы составил отборные части для великанов и карликов, чтобы не было никакой группы солдат, в которой человек не имел бы в виду возможности подняться над товарищами». Когда в военном человеке не возбуждено соревнование, он составляет только половину самого себя. Перспектива унтер-офицерского звания не может заменить такую приманку, во-первых, потому что их приходится менее чем один на двадцать рядовых, стало быть шансы на повышение слишком ограничены; во-вторых, потому, что качества, требуемые от рядового и унтер-офицера не одинаковы: отличнейший солдат может не годиться в унтер-офицеры. **Восстановление отборных людей в каждой части составляет одну из насущных потребностей нашей армии.** Но при нынешнем делении батальона на

стрелковую и линейные роты учреждение еще особой отборной роты стало совершенно неудобным. Притом же, самая цель такого учреждения вовсе не требует, чтобы отборные люди были отделяемы в особые группы, они должны быть разлиты по всей части, как кровь в теле. Извлечение лучших людей ослабляет фронт; признание же, видимая отметка, данная им, с оставлением во фронте, укрепляет его; таким образом каждое звено стрелковой цепи, каждые два ряда в строю будут иметь в голове своего признанного руководителя. Отношение числа отборных людей к общему числу строевых должно быть таково, чтобы всякий солдат имел уверенность, что добьется повышения, если захочет. Нормальная пропорция, как она была до учреждения стрелковых рот, — четвертая часть, один отборный на четырех рядовых.

<... > Сила России заключается исключительно в сухопутной армии. Наш флот может иметь оборонительное значение, избавить нас в военное время от расходов на содержание одной или двух лишних дивизий в балтийском и черноморском бассейнах, что при существовании ополчения не составляет слишком большой разницы; но такой роли, которая могла бы положить что-нибудь на чашу весов в большой европейской войне, он никогда не имел, и впредь не будет иметь, пока мы не добьемся исключительного обладания одним из смежных морей, не запрем его. Тогда другое дело, тогда наш флот будет в состоянии спокойно развиваться в своем недоступном убежище и в случае надобности вылететь оттуда, нанести удар и опять скрыться. Но и тогда мы не будем морской державой, в том смысле как Англия, Америка или даже Франция; наши морские силы, как бы они велики ни были, разделенные на две половины между Черным и Балтийским морем, никогда не могут равняться силам державы, которая владеет берегами океана и потому может сосредотачивать свои флоты. Без сомнения, великий народ не может обойтись без некоторой морской силы, для поддержания своих интересов на чуждых берегах, для того чтобы быть в состоянии, в случае морской войны, вредить неприятелю своими крейсерами; но все это вещи второстепенные, не влияющие ни на волос на участь великих международных споров. Для таких назначений у нас есть достаточно военных судов. Нам желательно иметь еще небольшую эскадру на Тихом океане, на берегах которого развивается понемногу русское могущество, желательно содержать полицию на Черном море, но и только покуда. По нашему крайнему понятию, воображать, что развитие нашего флота, в нынешних обстоятельствах, может иметь какое-либо влияние на русское международное могущество, значит совершенно не понимать военного дела. Содержать большой флот, который все-таки никогда не будет равен союзному, даже отдельно французскому или английскому, и который поэтому должен будет при первом выстреле скрыться в порты, отнимать для содержания его нужные суммы у сухопутной армии, в которой заключается действительная сила, значило бы

перелagать расход с производительной почвы на непроизводительную. Если б я обладал магической силой создать одним словом, с началом войны, или наш бывший, действительно превосходный и геройский черноморский флот, одаренный всеми новейшими усовершенствованиями, или лишний корпус хороших войск, то я не поколебался бы ни на минуту и создал бы корпус. Черноморский флот мог бы иметь великое влияние на второстепенные события Востока, особенно в мирное время; он часто мог бы доставлять торжество нашему народному самолюбию; но в военное время не мог бы оказать решительного влияния на события. Слишком ясно, что судьба Востока зависит не от побед на Востоке, морских или сухопутных; между тем как присутствие одного лишнего корпуса на поле европейской битвы может решить восточные и западные дела, вопрос о Черном море и всякий другой <...>

Россия и армия

Надо уяснить себе раз навсегда, в чем состоит главная задача русских вооруженных сил, к какой цели должно преимущественно клониться их устройство? Несколько лет тому назад этого вопроса нельзя было поставить. Всякий знал твердо, что задача постоянной русской армии состояла в ограждении силою существенных интересов империи, внутренних и внешних; но с 1882 года все документы военного ведомства и все военные журналы говорят о войне оборонительной. Этот факт можно было бы подкрепить бесчисленным рядом выписок, без единого исключения. Приходится, стало быть, думать, что в последние годы назначение боевой русской армии стало уже не тем, чем оно было от первых годов Петра Великого до 1862 года; что отныне все усилия будут направлены исключительно к оборонительным целям? Такой вопрос не игра слов, так как приемы устройства вооруженных сил для обороны или наступления, хотя довольно сходны, но все же не тождественны. Мы не спрашиваем, насколько пригодна для России исключительно оборонительная система, мы спрашиваем просто — возможна ли она?..

Великие народы держат великую армию именно для ограждения своих внешних интересов. Но есть ли смысл в том, чтобы ограждать свои внешние интересы, приготавливаясь к страдательной обороне? Великая держава, решившаяся держаться исключительно оборонительной системы, перестала бы с того же дня считаться великой державой, голос ее не имел бы уже никакого значения...

У всех великих держав есть великие заграничные интересы.но у двух из них — Германии и России, очевидно еще не вполне сложившихся, большая половина великих народных интересов лежит за рубежом государства. Из всех исторических русских вопросов,

могущих стать международными, перестал быть вопросом только один — вопрос о целостности и неприкосновенности московской России, начинающейся с левого берега Днепра. Все остальное еще не решено окончательно.

От Днепра до Баварии и от Немана (можно сказать даже от Финского залива до Босфора) тянется ряд владений и областей, протестующих более или менее настойчиво против их нынешнего политического деления; очевидно деление это далеко не представляет прочности рубежей Западной Европы. Русская граница — ничто иное, как условная черта, проведенная дипломатами через эту, покуда еще зыбкую, часть Европы. Все, что происходит на одной стороне черты, может и, вероятно, будет сильно отзываться на другой ее стороне. Окончательная участь царства Польского, прибалтийского и заднепровского края, свободное пользование Балтийским и Черным морями зависят, даже тесно зависят, от того, что случится с Данией, Богемией, Сербией, Румынией или с черноморскими проливами. *Действительная оборонительная система России, ограждающая не только настоящее, но и будущее, состоит в том именно, чтоб не допускать вдоль своей границы каких-либо политических сочетаний явно нам враждебных или неблагоприятных. Но для того, чтоб не допустить их, нужна подвижная, т.е. наступательная сила.* Было бы весьма замысловато противодействовать неблагоприятному для нас обороту дел за границей тем способом, чтобы молча готовиться к оборонительной войне. На нас никто не нападет, если мы не станем никому мешать делать все, что он хочет. В таком случае можно было бы совершенно безопасно протестовать и в то же время распустить армию; в ней не окажется никакой надобности. Без сомнения, такое отречение от внешних дел повело бы со временем к решению всех их в самом неприязненном для России смысле, и тогда международные вопросы передвинулись бы с внешней стороны нашей пограничной черты на внутреннюю. Но до этого еще далеко, а покуда на нас никто не нападет без прямого вызова. Чтобы Россия ни делала с собой, на войну с ней все-таки никто не пойдет без крайности. Недаром тени Карла XII и Наполеона носятся над русским рубежом, предостерегая неблагоприятных. Тем не менее, запираясь дома систематически, тратя ежегодно полтора миллиона на чисто оборонительные учреждения, не имеющие никакого веса в глазах света, значило бы не отвратить, а навлечь грозу, только не на наше, а на следующее за нами русское поколение. К тому времени внешние дела пришли бы уже в такое положение, против нас накопились бы такие силы, что наши оборонительные средства оказались бы, вероятно, недостаточными <...>

Наши оборонительные средства существуют сами по себе, независимо от всякой системы; они состоят в бесчисленном народе (для которого нужны только достаточные запасы вооружения), в климате и расстояниях; живая же русская сила всегда будет

выражаться постоянной армией, которая по существу своему есть учреждение вовсе не оборонительное. В действительности, по самому складу дела, наше военное устройство останется во всяком случае *наступательным*, основанным на многочисленной действующей армии; недавно же возникшая, весьма неопределенная склонность к оборонительной системе вовсе не поведет к дешевым, действительно оборонительным учреждениям, но может повести лишь к тому, что наше военное устройство, продолжая быть в сущности наступательным, останется недоделанным, недоразвитым, не достигающим настоящей цели.

Разумеется, всякая наступательная война может при неудаче обратиться в оборонительную с тем, чтобы с переменною счастия опять перейти в наступление. На нас тяготеет еще другое условие. Всякая русская война в Европе будет в начале непременно оборонительною, по невозможности сосредоточить наши силы одновременно с противником, вследствие чего необходимо заранее обеспечить сбор армии в пограничном крае и верно сообразить систему укрепленных лагерей. Но выжидать, пока армия соберется, с тем чтобы сломить неприятеля и преследовать по пятам — не значит вести оборонительную войну; тут все дело в полевых войсках, т.е. в силе наступательной.

Оборонительные учреждения не требуют в России ни больших расходов, ни большой изобретательности. Текущая задача военного управления состоит в том, чтобы уметь воспользоваться необъятными средствами России для создания могучей живой силы, чтоб устроить действующую русскую армию, первую в свете по числу и качеству, — для чего нынешний военный бюджет более нежели достаточен.

Надо прибавить еще одно. Людям не дано далеко заглядывать в будущее. Излишняя забота о прочности, о развитии в дальнем будущем такого изменчивого учреждения как военное — докажет только доктринерство учредителей. В настоящую пору нужно собрать и связать в один узел силы России не для потребления будущих поколений, а *для первой предстоящей нам войны*. Всякий русский сознает более или менее ясно, что в первой же войне положительно будет решаться участь России. Нам нужно быть сильными не к будущему столетию, а к завтрашнему дню.

Особенности русского могущества, вещественные и нравственные, таковы, что в деле переустройства русских сил нельзя ступить шагу, написать одной строки, не проникнувшись наперед их значением. Между европейскими государствами лежит разница вида; между Россией и Европою — разница рода. Существующее у нас естественное отношение валовых сил народа к военным потребностям государства по большей части иное, чем на западе. Не говоря о множестве особенностей второстепенных, мы перечислим только основные, неотразимо влияющие на постановку вопроса об устройстве русских сил.

Россия вдвое многолюднее каждого из европейских государств и может поставить под ружье вдвое более людей. При высшем напряжении сил Германия выставила 1.200.000 человек; Россия 1855 года, имевшая 10 миллионами населения менее нынешнего, поставила 2.560.000. Мы можем выдвинуть в настоящее время значительно больше людей, чем Германия и Австрия вместе. Об относительном народном богатстве нечего говорить, потому что, каково бы ни было это отношение, наш военный бюджет превышает двумя пятью германский и тремя пятью австрийский. Следствие очевидно: *вопрос заключается у нас не в количестве людей — главной заботе западных организаций, а в правильном их употреблении.* Нам незачем расплывать число солдат выше меры <...>

...Если мы будем держать солдат исключительно для полевой армии и кадров резервных войск, то, очевидно, армия будет гораздо сильнее, при гораздо меньшем количестве запасных солдат, т.е. сократится разорительный для народа рекрутский набор, окажется больше простора в назначении сроков службы; содержание вооруженных сил по мирному времени станет дешевле, а число людей рекрутского запаса значительно возрастет. Одним словом, армия останется армией, выделенным военным сословием, отдавшимся ратному делу, как было до сих пор, как желал Тьер, как должен желать каждый военный, как пожелали бы сами прусаки, если бы не были стеснены в этом отношении недостатком в людях. Нам осталось бы только позаботиться об устройстве резерва и о средствах пополнения действующих сил на войне хорошо подготовленным материалом ...

Выражая все вышеизложенное несколькими словами, особые условия русской земли и русского войска позволяют (а стало быть и требуют, потому что это выгодно) ограничить рекрутский набор потребностями одной полевой армии, в усиленном составе батальонов, с излишком для формирования кадров резервных войск. Никаких постоянных кадров для резерва в мирное время не потребуется, кроме артиллерийских. **Нам нужна сколь возможно сильная боевая армия из отлично обученных солдат, если можно не слишком краткосрочных, а за армией — достаточно подготовленные народные силы,** для образования неопределенного числа резервных войск, сколько бы их не потребовалось, и безостановочного пополнения армии в военное время. По своему многолюдству мы располагаем не одним, а двумя источниками вооруженных сил: рекрутским набором и рекрутским запасом или ополчением. Вот величайшая из особенностей России <...>

Россия же до сих пор чужая в Европе, она непрошенный гость, ее признают искренно только угнетенные славяне, она живет лишь потому, что ей не могут помешать жить, потому что она достаточно сильна, чтоб отбиться. Если б современная Франция не Думала об отмщении, она могла бы не заботиться о больших вооружениях. Для нас же вопрос силы есть вопрос жизни, мы не должны уснуть спокойно, пока не будем уверены, что владеем силою,

достаточную против всякой случайности... *Нам вовсе не нужно 2 1/2 миллиона солдат, нам нужны солдаты только для боевой армии и кадров резервных войск, а затем необходим более всего хорошо подготовленный рекрутский запас, т.е. ополчение.*

<...> Постоянная армия, действительно, «составляет исключение в просвещенном обществе, и стоит на совсем других основаниях, чем дух века, и потому не может быть подводима под взгляд прогрессивных журналов». *Армия* есть собрание вооруженных людей, оторванных от общества, имеющих призыванием обращать свое оружие, без рассуждения, куда прикажут, и воспитываемых в таком духе, стоящих особняком посреди безоружных граждан. Для того, чтоб эта вооруженная сила *была страшна врагам и безопасна для своих*, нужно, чтоб она была глубоко дисциплинирована, то есть, чтоб воля старшего была высшим и непреложным законом для младшего, что осуществляет царство произвола, а не закона — не то что в гражданском обществе, и чего можно достичь не регламентом, а только коренною привычкою, не терпящую никакого исключения. Не так легко заставить идти на явный риск смерти бодро и дружно людей, большинство которых не чувствует к тому никакого геройского влечения, и не легко также удержать вооруженного и ожесточенного своим ремеслом человека от насилия над безоружным. Затем, власть старшего сдерживается только старейшим, который должен смотреть, чтобы первый не злоупотреблял ею. Эта цепь безусловного повиновения охватывает всю армию и замыкается в руках главы государства, верховного главнокомандующего. Оттого отстаивание своего права, основной закон гражданского общества, неприменим к войску; там нет прав, а есть только жалоба непосредственному начальнику; военные законы писаны не для того, чтобы младший оградил свои права ими, а для того, чтобы старший отвечал за соблюдение их перед старейшим. Гражданское общество в своем развитии стремится к тому, чтобы у частного лица не только не было никакого начальника (потому что верховная власть есть выражение государственного права, а не начальства), но чтобы частное лицо пользовалось свободой идти наперекор всему обществу, вместе взятому, пока из его действий не происходит вещественного зла. В армии же начальник — все, и как каждый школьник знает — «младший о поступках старшего не рассуждает». Оттого постоянная армия не может идти об руку с гражданским обществом и развиваться вместе с ним; гражданский прогресс может влиять на внешние формы произвола, осуществляемого армией; на сознание лиц, облеченных им, а не на его сущность. Внутренний порядок постоянной армии и отношения между людьми, ее составляющими, не сдвинулись ни на волос, и не могли сдвинуться с того основания, на котором была поставлена первая постоянная армия, фаланга Филиппа Македонского. В самом рабском обществе и в самом свободном не может быть значительной разницы во внутренних учреждениях армии. Мы видим в истории примеры развращения

армии, но не видим примера добровольного приложения к армии «прав человека», что мой просвещённый оппонент принимает за отсталость понятий. Дисциплинированные янычары были страшною и безопасною для > Турции силой; янычары, утратившие дисциплину, стали бегать, и в тоже время стали жечь Константинополь. Это история всякой армии, в которой начинается растление; она сама додумается до «прав человека», не дожидаясь просвещенного почина сверху. Последствия же растления постоянных армий достаточно известны: первое — негодность в бою; второе — военные восстания под либеральною вывескою, как в Испании; третье — продажа власти и права с молотка как в Риме III столетия, с вешанием либералов (либеральными считаются те, кого можно ограбить). Не трудно вызвать искренние рукоплескания либерального студента, поставив на очную ставку начальника части с его рядовым; студент будет видеть тут торжество священных «прав человека». Но этому юноше можно объяснить в пять минут, что сцена, радующая его, противна интересам каждого — от старообрядца до нигилиста, что она со временем станет насильником всякого права, и что сам он может узнать из горького опыта, не только старости, но своих зрелых лет, к чему ведут такие сцены и такие рукоплескания. Избежать «отношений между военными людьми, истекающих из суровой необходимости, обратить их в слепое орудие единой воли», и не колоть глаза просвещенному обществу военною дисциплиною (несомненно идущей вразрез всякому просвещению), можно только одним способом — если народный склад и географическое положение позволяют — не держать армии внутри государства, как в Северной Америке. Но держать армию и допустить в нее «права человека» — это значит создать такое просвещенное состояние вещей, искоренением которого прославились Диоклетиан, Петр Великий и султан Махмуд II <...>

Понятно, что в таком исключительном кругу, какова постоянная армия, взаимные отношения и понятия людей о своем деле резко отличаются от взглядов гражданских. Настоящий военный человек на службе и вне службы — два различные лица. Эти особенные отношения и понятия стоят совершенно на своем месте — в военной среде, которая без них и существовать не может; они истекают из действительности, весьма отличной от обыкновенной общественной, но имеющей свои непреложные законы, как всякая действительность. Только изучить эту действительность со стороны невозможно, надо в нее вжиться, так как она состоит вся из бесчисленных мелочей, общий итог которых, тем не менее — годность армии для боя и безопасность для общества, или, напротив — негодность в бою и государственная опасность. По невозможности подвести несчетные случаи под правила, в военном человеке важнее всего склад, развившийся жизнью и определяющий потом сам собою его взгляды и приемы в деле; тогда ему не придется уже додумываться до последствия какого-либо вопроса в своем ремесле; он их видит практически вперед. В таком

искусственном и одностороннем мире как военный, принципы не имеют никакого смысла, вся важность в непосредственном результате. Потому действительная военная служба и ношение военного мундира вне ее, при какой бы то ни было книжной учености, не имеют ничего общего. Всякий знает, что армия не может обойтись без многих внешних учреждений, без администрации и разных специальностей; но все они должны только служить ей. Верно же судить о потребностях войск и распоряжаться ими — командовать на войне или воспитывать их для войны — могут одни военные люди, если не боевые (которых нельзя ставить по заказу), то строевые. Последнее разделение, впрочем, только теоретическое; в наше время и в большом государстве главные военные начальники по большей части вели войну, и оказываются вместе строевыми и боевыми <...>

Качества офицеров

Офицеры должны быть из властных сословий — тогда только они сумеют держать власть.

На свете бывали примеры победоносных демократических армий, не заимствовавших свой корпус офицеров из общественной иерархии, но вырастивших его из своей собственной среды, — только такие явления происходили в обстановке совершенно исключительной, во время долгого периода непрерывных войн, когда армия становилась как бы отдельным народом и складывала свою домашнюю аристократию, по общему закону всех народов. Такова была армия Наполеона I, очень похожая своим внутренним характером на старинные варварские ополчения, грабившие Европу и жившие за счет покоренных <...>

Но, кроме того, что подобные отношения не применимы к обыденному устройству армий и вовсе нежелательны, потому что войско такого образца властвует над своею страной так же жестоко, как над странами завоеванными, но пример этот, в сущности, подтверждает еще лишний раз правило Вашингтона, *когда армия вынуждена, в чрезвычайных обстоятельствах, создавать свою собственную аристократию*, оставляемую потом в наследство общему государственному строю, значит, она не может без нее обойтись; в обстоятельствах обыкновенных, лишаящих ее силы такого внутреннего творчества, ей остается только одно: заимствовать свое высшее сословие из иерархии общественной.

Особый закал людей, образующих *корпус офицеров*, — закал властности и личной чести, развиваемый исторически воспитанным обществом, но преимущественно наследственным политическим сословием, — совершенно необходим армии по той простой причине, что солдаты даже самые дисциплинированные и обстрелянные, никогда и нигде не идут и не пойдут в огонь сами собой, — у них нет для того достаточно внутренних

побуждений; они только следуют за своими офицерами. Известное дело, что часть, в которой офицеры перебиты, считается выбывшею из строя, сколько бы ни осталось в ней солдат. Офицеры же смело смотрят в глаза смерти потому, что в хорошо подобранном и воспитанном корпусе офицеров нужно в сто раз больше храбрости для того, чтобы струсить, чем для того, чтобы лезть на самую явную гибель. Всякий человек невольно поддается чувству самосохранения, если им не владеет чувство еще сильнее — влияние среды и неотступный вопрос: как потом стать перед нею? Такого настроения нельзя развить в толпе; оно возникает только в отборных общественных слоях. Фридрих Великий говорил, что бывает победоносным только то войско, в котором солдат больше боится палки капрала, чем неприятельской пули. Палка заменилась теперь другими средствами, но вполне сохранила свое аллегорическое значение: солдата ведет капрал, капрала офицер, который служит необязательно, а потому боится только самого себя и мнения своей среды; он исполняет при своей части обязанность механика при машине, в нем заключается единственный источник нравственной силы войска. Оттого, *для боевого качества армии большинство офицеров в мирное время, особенно же записка всего офицерского корпуса — должны неизбежно исходить из высшего исторического сословия, богатого или бедного — это все равно, для которого исполнение долга есть свободная, но тем самым еще несравненно более принудительная обязанность.* С другой стороны, так как вся сила войска — в офицерах, то, для связности, подчиненные им люди должны находиться в немом повиновении. Это называется военной дисциплиной. Неодолимое превосходство постоянной армии над ополчением состоит именно в том, что в первой отдельные части — полки, батальоны, роты — сращаются заблаговременно в одно целое, так что каждая часть представляет не сбор людей, а можно сказать единичное лицо своего начальника, обладающего, как индийское божество, несколькимистами пар вооруженных рук; к такой армии остается лишь подобрать надежных начальников. Но осуществить подобное сращение, управляя справедливо немymi подчиненными, могут вообще только люди, сызмала приученные к известной доле власти и превосходству над толпою, — люди, в которых солдат видит также не своих равных, а лиц, к которым он привык относиться с почтением еще в родном селе <...>

Солдаты без офицеров вовсе не составляют силы, а дать офицеров русской армии может только дворянство, никак не юнкерские училища, наполняемые писарями и исключенными семинаристами.

Наше спасение заключается в просторе, предоставляемом законом о всеобщей военной повинности; но для такой цели нужны новые постановления. В нынешнем своем виде недавно вышедший закон, составленный в духе всех прочих военных преобразований

системы 1862 года, никак не спасет нас, потому что делает *возврат к естественному, единственно-возможному и надежному иерархическому устройству русской армии* еще затруднительнее ...

Упрочение качества русской армии требует той же развязки, какая нужна для того, чтобы вдохнуть жизнь в наш земский строй, вызвать нашу общественную деятельность и сложить наше сборное мнение, вывести наружу национальную личность в образованных слоях для того, чтобы восстановить и окончательно сплотить нравственную и умственную силу русской народности, — требует связанного, самостоятельного, законно-установленного положения культурного общества, призванного к бытию Петром Великим в качестве политического и служилого государственного сословия, вне которого у нас нет ничего, кроме стихийных сил. *Надобно возложить ответственность за гражданское развитие и за армию на сознательных людей* — русских европейцев, сплоченных в одно нравственное целое. Пример армии высказывает эту необходимость столь же убедительно, но еще резче, чем все другие стороны нашей жизни. Петр Великий создал русскую постоянную армию как европейскую, с офицерами на образец европейских, без которых она немислима; для подбора таких офицеров, более чем для чего-нибудь другого, он трудился всю жизнь над образованием культурного европейского слоя в России. Эти офицеры сделали русскую армию, до того времени бившуюся вровень против крымских татар, чем она была на наших глазах — армией, побеждавшею Европу. В последних боях за Кавказом горстки русских солдат против огромных регулярных армий турок, лично очень храбрых и дисциплинированных людей, не уступающих никому другому, вооруженных лучше нас, мы достаточно видели, каким образом нравственная разница между офицерами той и другой стороны решала бой, вне всякого отношения к числу солдат. Наша армия была сильна тем же, чем может быть силен весь наш государственный и общественный строй — тем, что силы могучего от природы русского простонародья направлялись развитыми русскими людьми. Исторический дух нашей армии исчезнет невозвратно, если она перейдет в руки писарей, разночинцев и псаломщиков допетровской эпохи. Неужели такой возврат возможен после полуторавековой истории, потратившей все свои силы без остатка на создание образованного русского общества? <...>

Устанавливая обязательность личной военной повинности дворянства, нельзя, однако, упускать из виду, что *невольные офицеры, даже дворяне, не удовлетворяют цели*. Значение офицера состоит именно в том, что он свободно идет на опасность, а потому имеет нравственное право насильно вести за собой других; кроме того, обязанности офицера, даже в мирное время, требуют, чтобы он предавался им с охотою. Дело не в том, чтобы заставлять порядочных молодых людей служить офицерами, а в том, чтобы дать им нетрудный доступ к

этому званию и предварительную привычку к военной службе; при этих условиях, когда русское офицерство станет вновь дворянским по духу, охотники польются в него, как и прежде<...>

Установление твердого военного чиновачалия дает возможность поставить вооруженные силы России на подобающую им нравственную высоту, обеспечивая их потребным числом и качеством офицеров, но не достигает еще этой цели прямо. Цель достигается вполне, когда кончится преобладание бюрократии в военном ведомстве, когда устройство и воспитание нашей армии станет исключительно *боевым*. Самый лучший подбор офицеров, вводимых в полки, если б даже он был осуществим при нынешних условиях, не поправит дела, если офицеры не захотят продолжать службу или окажутся бессильными против общего течения. Мы только указали на этот вопрос и не станем входить в его подробности; он достаточно разъяснен уже в других трудах, чтобы «имеющий очи мог видеть».

Кроме того, для осуществления всей мощи, к какой способна русская армия, для *возвращения ей духа суворовских войск*, нужно изменение не только многих нововведенных порядков, но и некоторых прежних. Мы говорим о той лишь стороне дела, которая прямо касается качества офицеров. Нужна отмена внешних привилегий по родам войск. Пока каждый русский офицер не будет иметь в глазах правительства, если не общества, того же значения, как кавалергардский или Преображенский, пока эполеты не будут возведены в России в такой же почет, каким пользуется португез в Австрии, — у нас не возникнет цельного и связанного корпуса офицеров <...>

(Фадеев Р. Вооруженные силы России. — М., 1868. С. 6–47; 72–81; 202–237; Он же. Наш военный вопрос: Военные и политические статьи. — С.-Пб., 1873. С. 14–19; 85–99; Он же. Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?). — С.-Пб., 1874. С. 134–66).

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЦИТАДЕЛЬ НАЦИИ

М. Меньшиков

Вооруженная политика

Армия, как и вся Россия, погибает от засилья «людей с протекцией» над людьми без связей и без протекции. Правящий класс наш и на армию глядит, как на средство кормления своих сынков, племянников, внуков, сватьев, братьев и т.д. до седьмого колена. Сложилась каста дипломированных невежд и лентяев, которые усиленно затирают все выдающееся в армии и даровитое. Войну мы проиграли оттого, что не было военачальников, выдавших войну. Где же они были? Оказывается, они сидели в капитанах. «С началом Японской войны, — говорит г. Толузаков, — был объявлен приказ о производстве капитанов — участников прошлой турецкой компании в подполковники (27 лет сидели в одном чине)». Как вам это нравится? 27 лет держать боевых, т.е. уже рисковавших жизнью и имеющих боевой опыт, офицеров в чине капитана! Держать их полжизни в одном чине в то время, как проскользнувшие через академии их товарищи делались полковниками и молодыми генералами... Как хотите, одной этой несправедливости достаточно, чтобы поднять опасное брожение в армии. А разве была только одна эта несправедливость? <... >

Революционная пропаганда среди офицеров не новость. Я наблюдал ее еще тринадцать лет тому назад среди морских инженеров-кадетов, знавал революционеров-моряков, артиллеристов, армейских. Некоторые из них были повешены, расстреляны, сосланы на Сахалин. Несмотря на трагический исход для многих, несмотря на мое глубокое сочувствие пропаганде, *офицерское движение мне и тогда казалось не серьезным*. Помню мое изумление, когда в 1883 году ко мне явился подполковник Ашенбренаер, очень пожилой, лысый офицер. Удостоверившись, что это я, он долго шарил за подкладкой пальто и вытащил бумажную трубочку тоньше спички, — это было доверительное письмо от другого моего товарища-революционера. Ашенбренаер приглашал меня участвовать в подпольном журнале для солдат, где печатались бы все несправедливости, творимые начальством, все затрещины, все случаи дурной провизии и т.п. Я решительно отказался. Мне показалось прямо смешным то, что старый подполковник с такой таинственностью разъезжает по России и устраивает такое мелкое предприятие. Сводить великое революционное дело к возбуждению солдатского недовольства мне казалось пустым вздором. *Преступным казалось расстраивать дух армии, необходимой для защиты нации. Свобода свободой, а*

сила и величие отечества — прежде всего. Тогда и всегда я страстно желал политического переворота, но лишь при условии, чтобы он не повредил России, — ну а разве не неизбежна гибель страны, если солдаты будут вооружены против офицеров, офицеры — против правительства? Поэтому мы с Ашенбренером не сошлись <... >

Совершенно с тем же отвращением, как четверть века назад, я гляжу и теперь на попытки революции расстроить армию и флот, овладеть их силами. Эти силы принадлежат нации для исторических целей; с последними связано самое бытие наше, их нужно беречь, как зеницу ока. Я согласен с «Вестником Европы», который обсуждает этот вопрос в последней книжке. *Армия должна быть верна Верховной власти, которая в данный момент признана народом.* Так как законодательные функции Верховной власти разделяются теперь и парламентом, то армия должна быть верна и парламенту, поскольку он не нарушает единства власти. Пока народ, правильно представленный в палатах, в единении с монархом, армия должна подчиняться им, как своему отечеству, как божеству не за страх (потому что сама армия есть средство страха), а за совесть. Так как по конституции нашей верховным вождем армии остается Государь, то, не нарушая конституции, армия не может выйти из повиновения Ему. Если народ хочет обеспечить себя от покушений армии, он должен стараться о таком изменении конституции, где роль армии была бы поставлена в более определенную зависимость от парламента. Мне кажется, это нужно как-нибудь разрешить *мирным путем.*

Помимо невероятной, хотя крайне печальной возможности применения армии к борьбе с парламентом, надвигается вот еще какая *опасность.* Если не будет принято быстрых и нравственно-достойных мер, революционное брожение охватит в два-три года всю нашу «униженную и оскорбленную» армию сверху донизу. Долго накопившееся недовольство прорвется в губительных проявлениях. Но теперешние революционеры жестоко ошибутся в своих расчетах. Расстроенная армия может им дать власть, но с тою же легкостью и сокрушить их. Пока армия в руке Государя, она безопасна для той свободы, какую он дал народу. *Но вышедшая из повиновения армия может разгромить страну* — и правых, и левых одинаково. Если — чего Боже сохрани — парламент наш собьется на сербскую скупщину, с несветимой грызней партий, то есть опасность, что и радикально настроенная армия собьется на роль сербской армии, конечно в гигантском масштабе. Но тогда конец России. Армия станет одинаковой опасностью и для монарха, и для парламента. Она поминутно будет врываться в верховное управление, как в горячих республиках Южной Америки; она будет объявлять диктатуру, затевать войны и заключать мир. *Игрушка партий, она перестанет служить стране — станет ее вечной угрозой.*

(Письма к ближним. 1906. С. 1043—1045).

Государственный меч

«В ноябре будет *военная революция*». Вот, что я слышал от одного героя, офицера исключительной храбрости, израненного на войне и еще более ран измученного унижениями армии и полною трагизма теперешнею ее ролью. С разных сторон слышится то же самое, упорно и настойчиво. Идет *опасное брожение*, неизмеримо более серьезное, чем рабочие и крестьянские бунты. Идет пропаганда в войсках, организация каких-то замыслов, не только чуждых, но и чудовищных для армии по ее природе. Что же предпринимается против опасности, столь серьезной? Ничего, или ничего, по крайней мере, не слышно с этой стороны. Наши верховные бюрократы, все еще с непотухшими перунами в руках, с самовластием необъятным, повергнуты в маньчжурский столбняк, из которого никак не могут выйти. Они ждут. Они знают об опасности, они видят ее, но не в силах сдвинуться с мертвой точки. «Через три-четыре месяца возможно восстание», — говорят они меланхолически и, усталые от этой мысли, занимаются маленькими делами.

О, если бы восстание касалось только дюжины бюрократов! Но ведь жертвой его явится вся огромная страна, весь несчастный, разваливающийся заживо народ. *Военное восстание лишит нацию самой основы, на которой она держится — вооруженной силы. Гранитный устой гражданственности восстание превратит в динамитный взрыв.* Сейчас Россия походит все же на организованное государство. Какой ни на есть порядок все же обеспечивается, и авторитет закона, как везде на свете, опирается на солдатский штык. К чему лицемерить? Все мы понимаем, что живем в жестоком мире, где согласие гражданское, и жизнь дисциплинируется смертью. Представьте же себе *ужас мирных граждан*, чувствующих себя беззащитными, видящих, что национальная сила повернулась не за них, а против них!

Недаром враги России ведут теперь поход на армию — это приступ к центральной цитадели нации, после чего все рухнет. Революционеры говорят: армия должна спасти отечество не только от внешнего, но и от внутреннего завоевания. Вместе с народом и опираясь на него, армия должна установить новый, истинно-гражданский порядок, который обеспечивал бы достоинство нации. Меч народа должен быть обращен на врагов его, где бы они ни встретились. Внутренние же враги нации — те тираны, что держат империю в состоянии непрерывного грабежа и насилия. Так говорят агитаторы. Их софизмам недостает немногого, чтобы быть святою истиною. Недостает точного адреса, по которому обвинения должны быть направлены. Революционеры считают правительство тем самым, чем правительство считает их. Кто более своекорыстен и тираничен, кто опаснее из двух властей,

— для народа большой вопрос. А вдруг армия вместо дряхлой деспотии посадит нам энергичную и хищную?

Революционизируют армию с двух сторон. С одной — русская на инородческой подкладке революция, те разрушительные силы, что ищут погубить правительство, хотя бы для этого пришлось истребить Россию. С этой стороны ни бомб, ни патронов не жалеют, но прекрасно понимают, что пока на стороне Монарха армия — серьезный успех восстания невозможен. После московского погрома революция в этом совершенно убедилась. Отсюда — отчаянные усилия привлечь на свою сторону солдат и офицеров, отсюда невероятно смелая пропаганда, разбрасывание прокламаций и зажигательных брошюр, издание солдатских листков, втягивание армии в митинги, в устройство мелких бунтов и пр. и пр. Студенты поступают нарочно в солдаты, чтобы вести пропаганду, или передеваются в серые шинели. Как японские шпионы до войны, революционеры подстерегают воинских чинов всюду, до трактиров и притонов включительно, они деятельно вовлекают солдат в общение с чернью, с революционным пролетариатом, с озлобленными, безработными, безземельными крестьянами, наводнившими города. Чтобы ударить в самое сердце народной верности, революционеры выдвинули в Думе самый жгучий деревенский вопрос — аграрный. Ближайшая цель его — поднять крестьян, но истинный замысел — поднять армию. Солдаты — те же мужики. За краткое время нынешней мимолетней солдатской службы солдат не перестает быть крестьянином. Лозунг черного передела ему всегда понятен. Из всей утопии социализма, из всего похода на власть этот пункт — отнятие имущества у богачей — для крестьянина соблазнительнее, чем что-нибудь. Разжигая алчность бедняков, крича о даровом отчуждении земли, имеется в виду не только мирный, но главным образом вооруженный крестьянин. Когда солдат откажется стрелять в «своего брата» пролетария, ясно, что он не потребует команды, чтобы стрелять в тех, кого пролетарии считают своей добычей.

Утверждать, как некоторые, будто революционная пропаганда не имеет успеха среди солдат — ошибка гибельная, самая гибельная из возможных. Как бы нас ни успокаивало столь пугливое до тревоги начальство, факт неопровержимый, что брожение в войсках растет. Оно не может не расти. Революция в войсках не может не иметь успеха — это ясно а priori. Скажите, пожалуйста, почему это взрослые гимназисты, семинаристы, студенты чуть не поголовно ушли в революцию, — а солдаты — такие же юноши, чуть-чуть постарше, неспособны уйти в нее? Чем, какой пастеровскою прививкой они предохранены от этой заразы? Вы скажете — солдаты невежественны, они неспособны увлечься идеями, для которых нужна интеллектуальная подготовка. Совершенный вздор. Наша революционная молодежь тоже не блещет образованностью. Много ли умственного развития нужно, чтоб

разжечь любую страсть! Сколько-нибудь серьезное развитие, наоборот, погашает революционный дух. Подавляющее большинство революционеров принадлежит к возрасту, в который ни просвещенность, ни жизненная зрелость еще не успели сложиться. Именно потому, что солдаты молоды и не развиты, революционные идеи для них весьма приемлемы. В возрасте пластическом, склонном к метаморфозу, идея общественной перестройки всего естественнее. Среди солдат — до трети прошедших школу, т.е. как раз настолько подготовленных, чтобы жадно поглощать чужие мысли, презирая свои. Остальные две трети солдат смотрят на грамотных, как младшие братья на старших, и пропаганда, раз возникшая в армии, идет как пожар в лесу. У нас все думают, что идеи революционного социализма недоступны народу. Но они настолько доступны, что множество не только лакеев, но и горничных и даже кухарок в Петербурге, вовсе неграмотных, заражены революцией. Тем более безумно думать, что агитаторы не имеют успеха в войсках.

Пора понять, что *солдаты нашей эпохи* — совсем не те, которых начальство видело в своем детстве. Тогда молодой парень выходил из суровой крепостной дисциплины, из патриархальной семьи, из строго религиозного, хоть и крайне узкого мирозерцания. Рекрут того времени поступал в полк уже героем главной солдатской добродетели — послушания. Он поступал в условия драконовские, в смысле дисциплины, и служил солдатом до старости. Солдат в то время был отрезанный ломоть, — отпуская, его оплакивали заживо, и он сам довольно быстро переставал чувствовать себя мужиком. Под гипнозом всевозможных дисциплин, в терроре жесточайших наказаний, в одушевлении столетних побед, наш солдат был слепым орудием власти, подчиняясь ей *as cadaver*, по иезуитскому выражению. Но с тех пор условия изменились радикально. Солдат теперь выходит из разнузданной, беспутной деревни, из анархической молодежи, озорство которой доходит до психоза. Задолго до политической революции началась бытовая. Зрелище оскудевающих господ, опустившегося духовенства, хапающих чиновников и кулаков не воспитывает деревенских парней в идеях почтения, и рекруты очень часто поступают уже «форменными арестантами». Что можно сделать с ними в четыре года — при отсутствии старослужилой закваски? И велики ли средства дисциплинарного внушения? И велико ли теперь обаяние знамен и преданий — после плачевных погромов на Востоке? Совсем не надо большого ума для анархической агитации: почва для нее превосходно подготовлена. Но есть еще другой источник революционизирования армий — со стороны начальства.

Наряду с еврейской, несомненно, идет офицерская пропаганда революции. Отрицать это — значит закрывать глаза перед пропастью. Конечно, далеко не весь офицерский состав захвачен брожением, захвачена всего может быть незначительная часть, — но не ждать же, когда все сплошь подымется. *Революционеры в армии всегда были, со времен стрельцов*. Они

были в эпоху декабристов, — как им не быть теперь? Офицерская молодежь мало чем отличается от вообще интеллигентной молодежи. И если есть священники-радикалы, как не быть радикалам в мундире? Гапон и Шмидт исключения, но горе правилу, в котором начинают встречаться такие резкие исключения!

Нельзя сказать, чтобы все нелепое, чем богата революция, было безвредно. Если заразительно сумасшествие, то не безопасна и та его разновидность, которая называется глупостью. Весь психопатизм дешевых демагогов на кого-нибудь да действует — хотя бы на человеческих подонков. Но неизмеримо могущественнее безумия — тот разум, которым вооружена революция. Всего опаснее та доля бесспорной правды, которую никак из нее не выкинешь. И именно этой частью правды бунт подымается успешнее, чем самыми искусными революционерами.

Есть заслуженные достойные офицеры, рыцарски верные отечеству, которые говорят: мы не отказываемся от своего долга, но дайте нам возможность его выполнить. Не мы изменяем отечеству, а оно нам. Мы готовы умереть в битвах, но за Царя и Родину, а не за лесные спекуляции каких-то авантюристов. Армия, приносящая себя в жертву нации, имеет право на то, чтобы в мирное время она была подготовлена к войне, чтобы батареи, крепости и флоты были не на бумаге, чтобы командующие армиями были артистами военного дела, а не военными канцеляристами. Армия имеет право на то, чтобы война — раз решаются на нее — была хорошо обдумана, обеспечена мощными союзами, обставлена теми гарантиями победы, какие дает дипломатия, финансы и военное искусство. Нельзя вести на убой сотни тысяч необученного или разучившегося сброда, плохо одетого и обутого, без одушевления, без великой веры. Нельзя вручать судьбу молодежи народной трусам. Нельзя корысть, карьеру и самомнение ученых тупиц делать хозяевами героизма. Нельзя лучших в армии заставлять служить худшим. Если армия Петра Великого разделила участь флота Петра Великого, если обе руки народа-исполина разбиты, если знамена обесчещены и славная история загрязнена, как быть дальше? Что делать? Чем заглушить горькое чувство позора, который пойдет в долготу веков? После разгрома мы в таком положении, что война возможна завтра — ее может объявить каждый, кому не лень. Так неужели армии предстоит новая гибель, новые бесчестия? Неужели на убой нас погонят опять под предводительством Куропаткиных и Алексеевых?

Послушаешь глубоко возмущенное офицерство, видишь, что — это патриоты, искренно преданные престолу, порядку, народу и величию народному, — но они в тяжком, безвыходном кругу. Что делать им среди народного урагана, что угрожает разыгаться — в России?

Мне кажется, есть верное средство погасить военное брожение. Это средство — решительная реформа высшей администрации. Пока армия и флот видят, что решительно ничто не изменилось — ни в министерстве, ни в штабах, ни в канцеляриях, ни в воинских частях, пока армия видит, что во главе дела те же люди, что подготовили эту войну, или очень похожие на них, пока армию преследуют те же порядки и те же беспорядки, — разве может быть армия удовлетворенной, уверенной в завтрашнем дне? Униженная и оскорбленная, армия нуждается, чтобы найдены были виновные и хоть часть позора была снята с героев. Для носительницы народной чести необходимо удовлетворение чести. Уволили, правда, несколько десятков генералов — членов военного совета, обеспечив их — Бог весть за что — колоссальными пенсиями. Но на место их явилось столько же и таких же старцев, может быть пятью годами моложе, таких же рамоли, обучавшихся военному делу еще при Николае I и запомнявших все, кроме 20-го числа. Уволенные генералы за неслыханный погром военный ушли отягощенные звездами и крестами, — стало быть, то же обеспечено и их преемникам. Не может армия этого не видеть. «Идущие на смерть» не могут не волноваться трагедией, где им приготовлена роль жертв. Спасти армию — и вместе с нею Россию — могла бы коренная, беспощадная перемена военного управления, решительная замена старых людей новыми, восстановление справедливости, затоптанной на всех ступенях военной службы. Дайте ход талантливым людям, оттесните бездарности — и близкий взрыв может быть перейдет в энергичную работу.

Если бы молодая Дума наша была действительно государственной, она подумала бы об этом роковом вопросе.

(Письма к ближним. 1906. С. 1162—1167).

Ядро армии

Революционное брожение в армии, давшее в течение года до десятка военных бунтов в разных местах, отмечено на днях безобразным случаем: мятежным митингом в первом батальоне первого из гвардейских полков. Как бы для того, чтобы подчеркнуть и отягчить опасность факта, оказалось, что беспокойный батальон стоял в Петергофе, вызванный туда для несения самого ответственного в стране караула — при особе Его Величества. Если ближайшая к трону стража колеблется в чувствах долга, то чего же ждать от отдаленных за тысячи верст батальонов, находящихся в осаде со стороны революционной пропаганды?

С обычным для революционеров недостатком государственного смысла, они пытаются всеми силами анархизировать армию, внести в нее дух измены, полагая, что это повредит только державной власти монарха. Сама страна, видите ли, будто бы не нуждается в дисциплинированной армии. Народу, тратящему изнурительные жертвы на содержание военной обороны, будто бы все равно — организована будет эта оборона или дезорганизована, будет она состоять из верных присяге мужественных солдат или из предателей, которых можно сбить с толку любой прокламацией, может быть даже выпущенной врагами отечества. К глубокому сожалению, у нас нет государственного класса, где сознание политическое было бы национально. Иначе попыткам революционизировать армию был бы дан самый решительный отпор, и не только правительством, но и всей страной. Армия — это меч народный. Попытки привести ее в негодность должны приняты как обезоружение нации, — поступок неизмеримо более гнусный, чем вероломное нападение на войне. Надо быть идиотом или врагом России, чтобы теперь, в годы неслыханного военного унижения, когда народ обязан изо всех возможных сил стараться поднять свои знамена, надо быть глупцом или предателем, чтобы подрывать армию в ее духовном двигателе — верности отечеству. Не говорите пошлостей, будто верность монарху и верность отечеству — две вещи разные. Пока народ признает носителя своей короны, нет и не может быть расхождения долга между престолом и родиной: если же является такое расхождение, то оно бунт — одновременно и против престола, и против родины. Чтобы иметь хотя малейшую тень законности, такой бунт должен опираться на какую-нибудь историческую катастрофу — в роде захвата трона со стороны или всенародного отречения от династии. Но ведь ничего подобного в данном случае нет. Нет безусловно никаких оснований восстанавливать армию против престола, который подавляющим большинством народным признается священным. Народная верность монарху до такой степени еще тверда, что бунтари и не пытаются призывать к открытому бунту. Они сначала поселяют общее недовольство, ропот против ближайшего начальства, наконец, злобу против правительства. Далее, стреляя по родным крепостям (как это было в бунте Шмидта), солдаты все еще полагают, что не идут против Государя. Это прием, постоянно практикуемый у нас со времен самозванцев. Но несчастной стране не легче от того, из-за червей ли в солонине, или из восхищения перед теорией Маркса солдаты изменят отечеству, может быть, в самый трагический час нужды.

Недавно я касался вопроса, как бороться с солдатской анархией, Я говорил, что нужна крайне решительная мера — удаление из армии прежде всего виновников военного позора, тех престарелых невежественных генералов, которые продолжают вносить в армию деморализацию и которые непременно подведут нас под вторую бойню. Одно присутствие

этих господ составляет заразу бунта, если не для солдат, то для офицеров. *Необходимо с величайшею поспешностью прогнать бездарных людей и выдвинуть талантливых, которые сумели бы остановить разложение армии и вдохнуть потерянную надежду. Ничто так не воскрешает надежды, а с нею и веры в жизнь, как деятельная работа. Поставьте военную реформу широко, втяните в нее всю армию и уныние пройдет, пройдет и ропот. Побитые и посрамленные со страстью ухватятся за все способы восстановить свою честь, если явится для этого хоть какая-нибудь уверенность. Подайте сигнал, покажите пример, докажите, что правительство проснулось и что оно решило положить конец всему постыдному, что складывалось задолго до войны и привело нас к поражению. Не только генералы, многие штаб- и обер-офицеры должны исчезнуть из армии, и лучше их принести в жертву, чем в ближайшем будущем всю страну. Нужно коренным образом изменить систему офицерского образования. Пора перестать считать кадетский корпус богадельней для дворянских недорослей, пора сделать цензом для военной профессии влечение к ней, а не происхождение. В высшей степени пора изменить гибельную роль академии генерального штаба, благодаря которой армия потеряла свое старинное искусство побеждать. Обо всем этом уже писано и предстоит писать. Но вот важная сторона, которая кажется не затронута в печати. Можно ли серьезно дисциплинировать армию в нынешний короткий и недавно еще более сокращенный срок службы? Мне кажется это крайне трудно.*

Пример Запада ничего не говорит. На Западе в солдаты поступают люди, прошедшие школу, с умственным развитием, с дисциплиною, какую дает тамошняя культура. Школа на Западе глубоко патриотична; во многих местах задолго до поступления в полк солдат уже обучен военной гимнастике, строю, маршировке, стрельбе в цель. Бесчисленные стрелковые и гимнастические общества составляют даровой приговорительный курс для солдатской службы. У нас ничего подобного нет. нас специальная комиссия много лет рассматривала вопрос о том, можно ли разрешить стрелковые общества, и из страха пред революцией ничего не решила. Наш солдат более крестьянин, чем любой из европейских солдат, и приготовить из него сознательного солдата очень трудно. Вот одна из причин брожения в армии: оно более анархическое — в смысле беспорядка, чем революционное. Оторванный от сохи парень плохо понимает службу, тяготится ею и нисколько не заражается военным культом. Прослужив три года, он такой же переодетый в кафтан с погонами мужик, каким пришел в полк. А так как приходит почти без всякой дисциплины, семейной и культурной, то возбудить нелепое брожение в батальоне почти так же легко, как в деревне. *Хотя есть и должны быть изысканы способы быстрого воспитания солдата, но при нашей отсталости всеобщая воинская повинность едва ли не обрекает нас на опасность иметь худшую из армий.* Вспомните, что мы побеждали довольно успешно лишь в те отдаленные времена,

когда западный крестьянин не стоял выше русского по развитию и когда военная подготовка была одинаковая. Теперь совсем иные условия.

Мне кажется, согласно с этими условиями должна быть произведена коренная реформа армии. Кроме рати, прошедшей трехлетний солдатский курс и представляющей несколько подученное ополчение, нужна категория войск постоянных, как было в старые времена. Кроме общей повинности, которая в состоянии дать плохих подмастерьев военного ремесла, необходима система, которая давала бы мастеров его. Мастерство же требует посвящения делу всей жизни, до инвалидной старости.

У нас давно понята выгода оставлять на службе хороших солдат: им дается повышенное жалование и льготы. Но эта верная мысль проводится слишком робко. *Нужно не оставлять известный процент, а составить особую гвардию постоянных войск, где солдатами служили бы не три, а тридцать лет.* Пусть, ввиду значительных расходов, такая гвардия на первый раз не превышала бы ста тысяч человек. Неужели среди населения в 140 миллионов душ не найдется ста тысяч человек с действительным военным призванием? Я полагаю, что их найдется гораздо больше. Инстинкты войны, как охоты, глубоко заложены в нашем племени, иначе оно не отстояло бы свою государственность. Сделайте только военную службу *не слишком невыгодной* для солдат и явится сколько угодно охотников, как их является, например, в Англии. Постоянному солдату должна быть обеспечена средняя заработная плата, например, полтинник в день на всем готовом. При народной бедности нашей, при дешевизне рабочих рук, легко найдется сто тысяч храбрых и исполнительных людей, которые могли бы составить войско во всех смыслах безупречное. Соответственное *уменьшение обыкновенной армии, собирающейся по воинской повинности*, позволило бы содержать постоянные войска без чрезмерных приплат казны. Приплаты неизбежны, но большая выгода не даром дается. Государству нужны ученые, художники, писатели, врачи. Но если бы ввели всеобщую ученую, художническую, писательскую, врачебную повинность, все нашли бы это очень странным. Хорошо понимают, что не всякий может быть врачом или живописцем. Но вот в отношении солдата думают, что им может быть всякий. Не говоря об интеллигентных профессиях, не из всякого крестьянина выходит сапожник или хороший плотник. А солдат будто бы может выйти из любого парня. *Ошибка грубая*, которая может сделаться роковой. Мы послали на Восток кое-каких солдат и были не только они разбиты, но и Россия. Совсем не то было бы, если бы было послано хоть вчетверо меньше, но *отличных* войск.

На всеобщую воинскую повинность нужно смотреть как на всеобщее военное обучение, как на приготовительный курс, использовать который способны немногие. Теперь выходит такая нелепость: государство содержит и обучает большинство негодных солдат,

которые неспособны к войне и никогда не будут способны. Они совершенно даром едят казенный хлеб, а если вспыхнет война, то эти *неспособные могут подвести государство под катастрофу*. Побившись с ними три — четыре года, их распускают как раз в тот момент, когда они как будто начали походить на солдата. Берут новый набор, и в нем три четверти таких же неспособных, а между тем обученным и способным солдатам распущенного набора иной раз деваться некуда: люди с истинным военным призванием, от природы дисциплинированные, храбрые, искусные воины поступают в дворники, в кучера, в булочники, полотеры...

И престол, и страна нуждаются в защите более обеспеченной, чем крестьянская рать, непрерывно собираемая и непрерывно расплзающаяся. Всеобщая воинская повинность превращает армию в милицию, в сборище вооруженных обывателей, большинство которых неспособно обучиться, а меньшинство не имеет для этого времени. Самые жизненные интересы требуют присутствия в стране постоянной вооруженной силы, не большой, но надежной дружины, которая, как центральная башня крепости, была бы последи ею опорю народной.

(Письма к ближним. 1906. С.1204-1208).

Дружина храбрых

Что государства подавлены содержанием огромных полчищ — это бесспорно, но армии ли эти полчища? Насколько они удовлетворяют военным и государственным требованиям? Вопрос чрезвычайно острый — особенно у нас и во Франции, с которых военное разложение началось. А что если эти необъятные толпы молодежи, плоховоспитанной, наскоро кое-чему обученной, зараженной общею распущенностью, только даром едят народный хлеб? Что, если в минуту национальной опасности армия первая изменит своему отечеству? Надо вдуматься в это серьезно. Высшие военачальники во всех странах — люди старые; они родились в строгие времена, когда феодальная дисциплина насквозь проникала в народ. Генералы непосредственно знакомились с солдатами полстолетия назад, когда были прапорщиками, и понятие о солдатах у них архаическое. Им доселе молодой парень из деревни кажется добрым малым, вымуштрованным суровой семейной властью и внушениями веры. Подучить, как прежде, такого парня маршировке и стрельбе, — вот вам и солдат. Но это представление неверное, глубоко вредное. За полстолетия мир решительно переродился. Нынешний материал для

армии совсем не тот, что прежде. Вся подготовительная дисциплина исчезла: сплошь исчезло крепостное уважение к барину — офицеру, исчезла привычка повиновения старшим, страх перед властью. Подрастающая молодежь в Европе не знает ни розги, ни палки, ни тех суровых средств, которыми тысячи лет дрессировался человек — зверь. Политический гуманизм имел свои хорошие и свои отвратительные стороны. Еще так недавно дети государей и старой знати воспитывались гораздо строже, чем теперь воспитываются дети черни. К темным народным слоям сразу была применена рыцарская прерогатива — личная неприкосновенность. Ждали подъема народного достоинства и, может быть, благородные элементы в народе действительно возвысились, но элементы от природы низкие почувствовали то самое, что укрощенный зверь, когда с него снята узда. С возвращением к естественным условиям и зверь, и звероподобный человек быстро дичают. Они теряют культурную оценку, становятся теми «естественными людьми», остатки которых еще водятся в глуши далеких материков. Среди нынешней народной молодежи встречается, конечно, еще большой процент культурных людей. Есть прирожденно благородные, но наряду с ними с каждым десятилетием все резче выступает элемент дичающий и даже одичавший. Озорники дома, охальники, головорезы, эти «естественные» молодые люди не только не приобретают привычки к повиновению в родной семье, но приобретают обратную привычку — держать в страхе своих стариков, плевать на них, а подчас и поколачивать. С этой новой привычкой естественный молодой человек, пройдя подготовительную школу деревенского разгула, идет на фабрику, либо кочует по городским «легким хлебам», от трактира к трактиру. Наконец его призывают к отбыванию священного долга перед отечеством, ставят под знамена. *Как вы думаете, чудесное приобретение делает армия в виде такого молодого человека?*

От опытных генералов я слышал, что в два-три года, если налечь на обучение, можно приготовить хорошего солдата. Я с этим безусловно не согласен чисто по психологическим основаниям. В два-три года нельзя приготовить никакого специалиста. Вы его научите теории за столь короткое время, а когда же практика? Практика же, более необходимая, чем теория, требует не только большого, но непрерывного времени. Кто хочет быть хорошим сапожником, тому нельзя поучиться этому делу три года и бросить его. Нужно шить сапоги всю жизнь. Есть прирожденные артисты военного дела; они усваивают его очень быстро. Но даже артисту стоит лишь бросить свое искусство, чтобы разучиться ему. В какой хотите области труда поставьте это условие — научившись ремеслу, бросить его, — и всюду это условие покажется безумным. А в самом важном после хлебопашества труде народном — в военном деле -это безумное условие введено в закон. Я вовсе не уверен, чтобы даже из даровитого рекрута можно в три года сделать хорошего солдата. Чисто технически это очень

трудно. Даровитых же так немного. *Нужно ли прибавлять, что далеко не одно техническое обучение делает солдата? Трехлетний новобранец будет держать ружье, но кто поручится, что умение выпустить пулю он не использует против своего же ротного командира?*

Правительства должны знать, что кроме кипучей пропаганды в деревне, где молодежь народная захватывается анархией на корню, кроме усиленной агитации в казармах, есть еще одна сторона революционирования армии. Все разрушительные партии стараются провести в войска своих единомышленников -просто чтобы обучить революционную молодежь военному искусству. *На казенный счет под видом правительственной армии революция обучает свои собственные батальоны.* Пред вами стоит бравый солдат, унтер-офицер, фельдфебель. Он исправнее других, но кто знает его замыслы? Чей собственно он солдат — ваш или врагов ваших?

Если говорить о государственной армии, то пора бросить крайне легкомысленный взгляд, будто все обязаны быть солдатами и все могут быть ими. Это глубочайший абсурд, который стоил нам проигранной войны и потери мировой нашей роли. Японская война была в сущности первая, которую вела наша армия на началах общей воинской повинности. В последнюю восточную войну новая система еще не успела пустить корни и Дух армии был еще старый. Уже и тогда было отмечено, что «армия не та», и тогда случились эпизоды, о которых стыдно вспомнить. Но во всем блеске *нелепость новой системы* сказала именно в Маньчжурии, куда из трехмиллионного обученного *полчища* пришлось послать сброд, оказавшийся часто ниже всякой критики. Бородатые запасные, омужичившиеся в деревне, обабившиеся, распустившиеся, разучившиеся воинскому делу до неумения держать ружье, — они шли не в бой, а на убой, и если увлекали молодых солдат, то скорее «на утек». В силу того же *глупого принципа* — всякий, мол, годен стоять во фронт, — в действующую армию посылали части, где иной раз до 40% было евреев, где чуть не весь офицерский состав были поляки. В результате евреи устраивали искусственную панику в войсках, а в службе России разделились так: треть бежала, две трети сдавались в плен. Были отдельные случаи героизма среди евреев и поляков, но общая роль инородцев была крайне пагубна, как расскажут когда-нибудь неофициальные мемуары лиц, вернувшихся с войны.

Что же делать? вы спросите. Как я уже не раз писал, следует отречься от губельного предрассудка демократизации армии. Если нельзя сразу, то необходимо хоть постепенно, но настойчиво переходить к старой, разумной системе, к системе постоянной армии, армии не количества, а качества. Обучайте военному искусству весь народ, но не смотрите на это, как на армию. Начните обучение строю и выправке с народных школ, отмените льготы, требуйте, чтобы каждый гражданин — как в Японии и отчасти в

Германии — был бы подготовлен защищать отечество. Но серьезную военную силу набирайте лишь из способных людей и нравственно подходящих, причем основным условием следует ставить то, чтобы они посвятили себя службе не на время, а навсегда. Только такая, постоянная армия, с долговременною привычкою к дисциплине и к идее долга может быть оплотом государства. Армия берется, конечно, из народа, но она не должна быть народом: или она обращается в милицию, в вооруженное сборище, опасное более для своего отечества, чем для врага. Вся сила армии — в героизме, в преданности своим знаменам, в безусловном повиновении Верховной власти. Но эти качества на земле не валяются, — их нужно поискать да поискать. В народе они есть, но в скрытом состоянии, — раскрываются они лишь в особом сословии, как и другие качества народные. Необходимо, чтобы армия была особым сословием, т.е. классом постоянным, а не сбродом, который распускают, едва собрав. Распущенность армии — органическое ее свойство, вытекающее из основной идеи — роспуска. Само правительство, распуская армию физически, распускает ее морально. Само правительство, назвав военное дело «повинностью», теряет здравый взгляд в этом вопросе. Пора вернуться к убеждению древних, что это вовсе не повинность только, а прежде всего — призвание, и что только та армия хороша, которая хочет быть армией и остается ею навсегда. Какого вы хотите воинского духа, когда солдат знает, что он гость в полку, что вся его долгая жизнь будет посвящена какому хотите делу, только не военному? Воинский дух, как всякое увлечение, накапливается — и для этого нужно время. Лишь то делается священным в глазах наших, чему — как некоему богу — мы приносим самое великое жертвоприношение — свою жизнь. Всякое случайное дело есть чужое дело, — только постоянное занятие может быть своим. Кому же придет охота втягиваться на два, на три года в профессию, чтобы ее бросить?

Не то беда, что современные армии велики, а то, что они не армии вовсе. Переодетые в солдатские мундиры деревенские парни парадуют кое-как в мирное время, заставляя трепетать сердца кухарок, но попробуйте двинуть их на исполнение долга — они разбегутся, как солдаты 117 полка, или забунтуют. Для спасения государств, угрожаемых более изнутри, чем извне, необходимы хоть не большие, но постоянные армии, необходим строгий отбор людей, по призванию и таланту. Только талант удерживает человека иной раз на скромном и неблагодарном ремесле.

Дружинами храбрых начинались все государства. Только дружины храбрых могут спасти современные общества от распада.

(Письма к ближним. 1907. С.372–375)

Естественное войско

Из разных городов России приходят известия, что по праздничным дням снова, как в старину, начинают устраивать побоища: улица идет на улицу, стена на стену. Эти побоища без всякой вражды так и называются «войной». Они оканчиваются часто увечьями, даже смертью, но полиция ничего не может поделать. Мужикам, мещанам, ремесленникам это «нужно». Они скрываются в посады, уходят за город и все-таки дерутся. Нужна не борьба, а именно драка, с опасностью, по возможности близкой к крайней. Там, где побоища вывелись, расплодился нынче целая армия босяков, жиганов, хулиганов. Может быть и тут корень явления тот же: потребность больших страстей, широкой амплитуды жизни. Босячество завершает всюду длинные периоды мира. Пролетариат задорен, дерзок, склонен к насилию. *Мне кажется, эта буйная чернь не что иное, как неудавшаяся армия, естественная армия, не нашедшая себе дела.* Некогда по всей Европе бродили ландскнехты, нанимаясь в войска. По своим нравам они очень напоминали босяков. Во всех странах есть известный процент людей от природы воинственных, для которых счастье — борьба. В мирное время они проклятие своей страны, в военное — ее защита. Еще недавно, в крепостную эпоху, в солдаты сдавали самых буйных, «испорченных» крестьян, тогдашних босяков, отлынивавших от дела. И из этих босяков выходили герои суворовских и кавказских походов. *Всеобщая воинская повинность потеряла соответствие с психологией народной. Теперь берут под ружье и прирожденного солдата, и прирожденного буржуа, и дух армий не мог не понизиться. Участие буржуа омещанило солдатчину. В некоторых армиях теперь требуют от солдат поведения институток, их обставляют комфортом институток: лакомят конфетами и т.п. Но такая искусственная, «штатская армия», едва ли способна повторить подвиги прошлых веков.*

Если существуют породы законченные и незаконченные, мирные и воинственные по самой натуре, — то мне кажется для войны следовало бы пользоваться прежде всего этими последними. Если Платон Каратаев человек философского, мирного склада, зачем тащить его как агнца, на заклание? Плохой воин, он невольно явится изменником и может быть в самый критический момент боя, при атаке или штурме. *Армия из Платонов Каратаевых — опасность для страны худшая, чем армия неприятельская. Кому искренно и безотчетно воевать не хочется, тот, строго говоря, должен бы иметь право не воевать, подобно повару, который имеет право не быть скрипачом. Война должна бы по справедливости вестись между воинственными стихиями народов, оставляя в покое мирные. Мирным народам война противна потому, что не нужна. Она приятна не мирным потому, что нужна им в каком-то темном отношении их душевного роста. Раз война им нужна, пусть бы*

они и воевали между собой. Почти так и было в старину, и в этом, мне кажется, было больше человечности и смысла. *Англия и Соединенные Штаты не без основания держатся вербовок.* При нынешних свободных условиях добряк и трус не поддаются вербовке. В полки идут лишь люди храбрые, природные циники, хулиганы, подкальыватели, любители сильных ощущений. Отчего бы государству не использовать, — наряду с общей воинской повинностью, — вот этот материал для войны? Босяков у нас миллионы. Они — живая язва на народном теле, это те же солдаты Валленштейна, только разбредшиеся по стране, распущенные, принявшие за мирный грабеж за отсутствием войны. По-видимому, вся драма босяков в том, что в мирном обществе им нечего делать. В то время как на лугах раздаётся звон косы и скрип телеги, босяку хочется приключений, опасностей, подвигов (да, подвигов! Прочтите у г. Горького), хочется борьбы, и именно физической. «Трахнуть» мир, чтобы он разлетелся вдребезги, «перебить жидов всех до единого», произвести погром. Эти бесчисленные немирные элементы старательно революционизируются известной партией, *хотя по природе своей босяки более солдаты, чем революционеры.* Им дорога не цель борьбы, а самый процесс ее. Надо отметить, что будучи расой молодой и пестрою, русские издавна выделяют из себя *прирожденных воинов.* Теперь эти воины зовутся босяками и гибнут от безделья, — но пятьсот лет назад это была «вольница» вечевых городов, завоевавшая России весь Север. Триста лет назад это было *казачество*, завоевавшее России Юг и Восток. Разве запорожцы, например, были не те же беглецы из гражданского общества, бродяги, соединившиеся в крупную артель? Таких мелких запорожцев теперь бесчисленное множество по берегам того же Днепра, Волги, Черного моря. Знаменательно, что босяков тянет, как и казаков, к югу и востоку, в степь, к морю. И даже способы действий отчасти те же: «пошарпать» южные берега, «поучить жидов», махнуть на Кавказ, в Туркестан, в Сибирь. *Мне кажется истинным благодеянием было бы как-нибудь приспособить босяков к их природному ремеслу — к боевой службе.* Огромное большинство этих несчастных с наслаждением пошли бы на край света, в Маньчжурию, в Монголию, на Памир. Они нравственно воскресли бы в военной обстановке, отрезвились бы даже. В Англии, где армия вербуются в значительной части из босяков, дезертирство вовсе не развито и дисциплина держится достаточная. Нанявшись в службу, босяк подчиняется крутому режиму безропотно, особенно в военное время. Разве *кавказская армия* в старину не была переполнена бреттерами, дуэлистами, скандалистами и т.п.? И они чувствовали себя там недурно.

Вы скажите, заступник отечества есть звание высокое, солдат должен быть ничем не опороченным и наделен всеми мирными достоинствами. Я думаю это большая ошибка. В роскошно изданной на днях книге Н.И. Кравченко — «В Китай!» — среди других рисунков художника есть зарисованные им типы наших солдат на Дальнем Востоке. Особенно мил

солдатик «последнего призыва» пухлый, безусый, с бабьим, добрым лицом. Парень и даже еще парнишка, хотя со страшной 3-линейной винтовкой и шинелью через плечо. Очень возможно, что из него выработается недурной солдат, но ручаться за это нельзя. Слишком уж несет от него миром и тишиной, мякиной и навозом. Ремесленник войны из него может быть выйдет, но артист? Едва ли. А из какого-нибудь Челкаша, Коновалова, Орлова и пр., — из них вышли бы именно артисты войны, «герои» не только г. Горького, но и в самом деле герои. Чтобы приучить их к порядку, пришлось бы может быть повозиться с ними, не едва ли больше, чем офицерам приходится возиться с деревенскими головотяпами. *Если составляет истину, что войну делают не орудия, а люди, то прирожденный насильник само собой скорее поймет свое дело, чем простодушный мамкин сын, нигде дальше погоста не бывавший. В то время, как этого мамкина сынка, только что вы обучите — пора уже отпускать в деревню, где он быстро забывает всю науку, - на вербованная армия из босяков могла бы оставаться как в старину, накапливая в себе долголетний опыт и сохраняя его до инвалидного возраста. Такая армия, как старое казачество, могла бы служить важной функцией и в мирное время. Раз в нее шли бы прирожденные хищники, она очищала бы страну от беспокойных элементов.* «На низ», «на Дон», «в Запорожье» бежали все, кому было не по себе в серой трудовой лямке, — и внутри страны было от этого тише. Если в древние времена наш государственный организм умел приспособлять бродячую силу к своей защите, почему бы не попробовать сделать это и теперь? Теперь чуть человек вышел из ранжира — его выбрасывают на улицу, высылают по этапу, чтобы он тотчас вернулся назад. Что остается буйному человеку, как не бродяжничество? — Вы скажете: босяк высылается из столицы для того, чтоб в деревне он подыскал себе мирные занятия. Да, как же! Ждите этого! Если бы босяк был способен к мирному труду, он не был бы и босяком. Вся его трагедия в том, что он человек не мирный. Так дайте же ему и труд по его душе. Из паразита он мог бы сделаться нашим сберегателем подобно тем хищникам волчьей породы, которых человек приспособил к службе в незапамятные времена.

Позвольте закончить конкретным случаем. К общему прискорбию нападения босяков на офицеров все-таки разрешились катастрофой. Драгунский офицер Добродеев в Петербурге зарубил шашкой босяка Тихонова. И фамилии какие замечательные; добродетель и тишина звучат в них, — и все-таки вспыхнула кровь и смерть при уличном столкновении. Но босяк Тихонов, оказывается, окончил юнкерское училище, он служил в полку, был выгнан за что-то дерзкое. Выгнали на улицу и тем прямо-таки произвели в бродяги. Представьте же, что существует у нас где-нибудь на беспокойной границе *вербованная армия из беспокойных лиц* — тот же самый мещанин Тихонов нашел бы свое естественное место в природе, и сослужил бы может быть большую службу под командой того же штабс-

ротмистра Добродеева. Вместо бессмысленной ненависти и смертной за нее казни явились бы может быть те трогательные, выше чем дружеские и братские чувства, какие связывают часто там, на полях битв, офицера и солдата. И если бы была пролита кровь, то вместе, за то, что дороже жизни — за свое отечество.

(Письма к ближним. 1904. С.142–146).

МИЛИЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

С. Добророльский

1. Эволюция военных систем

На заре человечества не существовало деления общественных обязанностей. В первые эпохи истории народ и войско являлись понятиями тождественными. Все способные драться мужчины выходили на врага и, покончив с ним, возвращались к своему обычному труду.

Но постепенно, с укреплением оседлой жизни, занятия обособлялись по различным отраслям; общественная деятельность специализировалась по родам занятий. Зародились касты, и среди них каста воинов, по природе самой профессии, приобрела наиболее яркое выражение. На древнем востоке, в Индии, в Египте, а позже — в Спарте, военное устройство носило кастовый характер. Оно стало прототипом постоянных армий — замкнутых, лишенных способности дальнейшего внутреннего развития и потому не оберегших государство от завоевателей.

В древне-греческих республиках, а затем в Риме, защита страны была обязанностью всех граждан на основах воинской повинности. Войска имели милиционное устройство. Древний Рим не знал постоянных войск; граждане его брались за оружие в случае войны и распускались по заключении мира.

Бесперывные войны, которые вел Рим, способствовали накоплению массы опытных бойцов, а развитие материальной культуры и рабовладельчество отбили у римлян вкус к личной военной службе. Явился готовый материал для постоянной армии, пополняемой преимущественно наемниками и рабами. Появление постоянных войск в римском государстве совпало с началом императорского периода, а со времени Веспасиана (9–79 г. по Р. Х.) римские граждане фактически были вовсе освобождены от военной службы, и легионы стали получать укомплектования из завоеванных провинций.

Так можно проследить долгий исторический путь эволюции военного устройства, на котором состязались два разных начала. С одной стороны, обязанность каждого гражданина участвовать в обороне страны, с другой — предоставление этого дела особому профессиональному институту. Во все времена был крепок соблазн откупиться от личного «долга крови» посредством наемной силы.

Особенно ярко сказалось *наемничество* в Европе в средневековье, когда война приняла ремесленный характер. Возник международный цех военного дела. Явилась пехота

ландскнехтов, швейцарцев, гусситов, конница немецких рейтаров. Это были опытные мастера своего дела, которые служили везде, где хорошо платили.

Поворот к национальным войскам наступил в начале 16 века впервые в Италии, где во Флоренции Макиавелли проводил мысль о том, чтобы все флорентийские граждане были обязаны военной службой. Лувуа, во Франции, в 17 веке пытался создать народную милицию, как источник пополнения постоянной армии. Война за независимость Северо-Американских Штатов (1775 до 1783 г.г.) окончательно восстановила значение национальных войск: американские милиции под руководством Георга Вашингтона одержали верх над британскими вербованными войсками. Участники этой войны Лафайет, Рошамбо, Косцюшко и др. принесли в Европу идеи нового способа войны, которые затем широко использованы были во Франции. Армии французской революции нанесли смертельный удар наемным войскам. Возродилась идея всеобщей воинской повинности, получившая наиболее полное применение в войну 1914–1918 г.г.

Из трех способов воинской повинности в Европе перед войной господствовала *кадровая система*, средняя между двумя другими — рекрутской и милиционной. Действительная служба под знаменами в мирное время установлена была для 2-х — 4-х возрастных классов мужского населения, что приближало ее к рекрутской системе, а долготнее состояние главной массы военнообязанных в запасе и ополчении, с призывом их для фактической службы только в случае войны, а во время мира — на кратковременные учебные сборы, связывало ее с системой милиционной.

Принятая кадровая система подверглась жестокому испытанию в мировую войну. Но еще задолго до ее начала эта система имела много противников. В известной книге французского социалиста Жана Жореса обстоятельно разобраны недостатки устройства «искалеченной» армии, состоящей из кадров и резервов.

В долгие периоды мира это была постоянная армия прежнего казарменного типа. Та же кастовая организация, оторванная от народа и служившая послушным орудием господствующего класса. Эта армия старательно оберегалась от видимого участия в политике. Ее представители лишены были политических прав, принадлежавших народу. Но в действительности она бдительно стояла на страже внутренней политики, проводимой правительством, и потому разделяла общую с ним непопулярность среди непривилегированных классов народа, к которому принадлежало огромное его большинство. Кадровая армия пополнялась молодежью из всего народа, но была ему чужда, потому что в самой ее организации, как в зеркале, отражались главные недостатки социального устройства самих государств. *Нелюбовь в обществе к кадровой казарменной армии* росла особенно от сознания, что она одинаково призвана защищать страну от врагов внешних и -

правительство, правящий слой, от «врагов внутренних». Поэтому кадровая армия отождествлялась с высшим классом и, несмотря на свою наружную аполитичность, была окрашена в определенный политический цвет.

«Только когда офицеры познают, что сила армии, как института государственной обороны, заключается в ее тесной связи с созидательными элементами народа, т.е. с трудовой его частью, с одухотворенными силами пролетариата, только тогда они поймут превосходство военного устройства, предлагаемого социализмом и основанного на искреннем слиянии народа с армией» (Ж. Жорес).

При такой организации вооруженных сил будет достигнуто единодушие национальной обороны с стремлением человечества к международному миру. Вместо уродливого отпрыска древней кастовой армии, ложно именуемого «вооруженным народом», явится система настоящей народной армии, олицетворяющей своим устройством весь народ. Исчезнет хроническое пугало мира в виде постоянной армии казарменного образца, и, взамен ее, восстановятся естественные формы обороны государства.

По мнению Жореса, три характерные черты европейских постоянных армий наложили на них отпечаток оторванности от народа. Жизнь в казармах, со специфическим казарменным режимом, посредством которого старались воспитать войска в духе старой, отжившей солдатчины. Это — во-первых. Во-вторых, бесполезно, в смысле боевой подготовки, долговременное пребывание военнообязанных под знаменами, и, в-третьих, порядок комплектования командного персонала, т.е. офицерский вопрос.

Казарма, как средство воспитания, достигала обратных результатов сравнительно с теми, какие нужны нынешнему сознательному воину. Казарма представляла прямое наследие прежних вербованных войск, когда их отделяли капитальными стенами от окружающего мира. Тогда целью воинской муштровки было обращение солдата в автомат. Он дисциплинировался страхом, становился манекеном и должен был бояться только палки капрала. На поле сражения он действовал под влиянием привитых рефлексов, работая инстинктивно ружьем или штыком.

На молодого солдата кадровой армии казарма действовала развращающим образом. Она опустошала его наивную душу, портила его в нравственном смысле и, прививая ему внешнюю муштру, ставила его во внутренний разлад с самим собой. Казармой он отрывался от всего ему родного, и офицерские проповеди патриотизма мало его трогали. И не случайно с именем казармы в современном обществе связывалось понятие, близкое к острогу.

Сроки службы под знаменами вытекали не из требований военного обучения, а из общих военно-политических соображений правительства относительно численности армии в

мирное время и ее пропорции к общей массе развертываемых, в случае войны, вооруженных сил.

В кадровой системе центр тяжести организации вооруженных сил заложен был в постоянной армии. В общежитии установился взгляд — лишь бы отбыть срок действительной службы под знаменами, а дальше — пребывание в запасе, в ополчении, это докучливая тягота, о которой вспоминалось только во время редких учебных сборов.

Но в действительности, по замыслу, вся система должна была быть построена на использовании *резервов*. Не жидкие кадры постоянной армии, а десятки возрастных классов военнообязанных, после отбытия казарменной службы, составляли главную мощь военного устройства; это руководящее начало кадровой системы окутано было туманом в мирное время.

В крупных европейских армиях накануне войны сознательно не доверяли резервам, и военные руководители стремились ограничить их использование. Жорес много страниц, самых интересных в его труде, посвящает именно вопросу *недоверия* к принятой военной системе. Германцы строили свой успех на решительности первых ударов, и поэтому они, заботясь сделать возможно сильнее свою полевую армию, отводили ограниченную роль резервным соединениям.

Во Франции же, до введения в 1913 г. трехлетней службы, каждый гражданин служил 2 года под знаменами, 11 лет в резерве, 6 лет в территориальной армии и 6 лет в ее резерве. Но из числа 11 возрастов резерва для развертывания полевой армии бралось только пять младших возрастов. Франция лишала себя сознательно семи классов военнообученных в возрасте от 27 до 34 лет.

Если народ ведет политику истинного мира и права, заботясь только о своей защите, то он возьмется за оружие в крайнем случае, когда ему угрожает осязательная опасность, понятная для каждого гражданина. В таком случае, всем военнообязанным, обученным и физически сильным, должно найтись место в развертываемых вооруженных силах. Тогда это и есть вооруженный народ, поднятый для обороны своей страны. «Вооруженный народ не может быть иным, как настоящим народом. Правительства, которые отказываются от немедленного использования всех своих людских военно-обученных резервов, возбуждают подозрение в наличии у них скрытых намерений к насильственному нарушению чужих прав и интересов».

Истинно национальная оборона возможна только тогда, когда весь народ сердцем и разумом принимает в ней участие.

«Сильные демократические милиции, исчезновение казармы, как школы воина, и весь народ, призванный в качестве огромной вооруженной силы на службу для защиты народной

свободы и мира — таково было бы в военном смысле действительное освобождение Франции», — говорит Жорес. И он предлагал проект милиционного устройства французской армии по образцу, весьма сходному со швейцарской милиционной армией.

Разразившаяся вскоре война, как сказано, подвергла испытанию кадровую систему.

Необходимо с большой осторожностью делать выводы из боевого опыта, чтобы не ошибиться, относя конкретные последствия к причинам, которые при внимательном исследовании могут не оказаться в логической связи между собой. Такое сложное дело, как война вообще, к тому же в мировом масштабе, переплело в очень замысловатую сеть причины и последствия разных явлений, порожденных войной.

Столкнулись государства различной культуры, несхожих национальных свойств, противоположного устройства, с разными аппаратами управления. Два крупных участника борьбы неожиданно развернули свои вооруженные силы в размере и по качествам, которых нельзя было предвидеть накануне столкновения. Посреди войны Англия вводит, в мае 1916 г., обязательную воинскую повинность, но еще раньше — в декабре 1915 г. — ее сухопутные вооруженные силы достигают 5 миллионов человек, из коих 3 миллиона на фронте. А еще в августе 1914 года ее десант высадился во Франции всего в размере 150 000 человек. Северо-Американские Соединенные Штаты объявили войну в апреле 1917 г. К этому моменту налицо были постоянные войска в 190 000 чел. и национальная гвардия в 150 000 чел., всего 340 000 чел. А к 1 ноября 1918 года их сухопутные вооруженные силы достигают цифры в 180 000 офицеров и в 3 500 000 чел., из коих 2 000 000 были перевезены в Европу.

Военное напряжение, развитое обоими родственными англосаксонскими государствами в короткий срок, немного более года, может показаться соблазнительным доводом в пользу милиции. Не забудем однако благоприятных условий для подобной импровизации в обеих странах и особенно в Америке. Неуязвимость собственной территории для неприятельского вторжения, острое национальное сознание необходимых военных жертв, образованность всего населения, высокий уровень промышленной техники, авторитетное правительство, глубоко развитое чувство законности и государственности в народе.

На материке Европы, где издавна тлеют готовые очаги вооруженных столкновений под воздействием атавизма национальной вражды, жизнь народов развивается в других тонах. Даже гениальные реформаторы не в состоянии избежать влияния прошлого там, где оно брызжет всей обстановкой существования. Разве Франция третьей республики не напоминает во многих образах современной жизни эпоху Людовиков? Еще при Людовике XIV милитаризм был такой же заботой французского правительства, как и ныне, и его военный министр Лувуа занят был увеличением втрое вооруженных сил Франции,

заставлявшим и другие государства следовать ее примеру, — совсем так же, как это делают теперь Мессими, Мажино. Франция, Германия, Австрия, Италия, в истории своих взаимных отношений по очереди повторяют много черт, общих с древним Римом, и нельзя надеяться, что международная жизнь в Европе в ближайшее время пойдет по новому руслу. Постоянно действующие причины порождают сходные последствия, несмотря на разные эпохи.

2. Швейцарская и американская армии

Противникам европейского милитаризма, выраженного кадровой военной системой, почти идеалом представлялась швейцарская милиция. Жорес поет ей восторженный гимн в своей книге. Газета Times еще в 1887 г. назвала швейцарскую армию совершенной сравнительно со всеми другими европейскими армиями.

В вихре событий, охвативших Европу, а затем постепенно втянувших в свой круговорот и весь мир, прошла незаметной роль швейцарской армии в течение 1914–1918 годов в ходе мировой войны. И до сих пор остаются малоизвестными последовательные этапы вооруженного нейтралитета, который пережила Швейцария от первого и до последнего дня войны на западно-европейском фронте под прикрытием своей армии.

Эта своеобразная, почти пятилетняя, полубоевая деятельность швейцарской армии позволяет сделать много полезных выводов относительно устройства вооруженных сил при новейших условиях жизни государств. Я имею в виду воспользоваться швейцарским опытом для построения схемы устройства армии в будущем. *Активная служба швейцарской армии за 1914-1918 г.г. представляет пример использования милиционной системы для защиты государства в условиях, очень близких к войне.*

Сперва несколько слов о конструкции швейцарской армии. С ее именем связывается представление о милиции. Каждый гражданин обязан военной службой в течение 28 лет, с 20 до 48 лет. Совокупность всех военнообязанных граждан является армией, которая разделяется на три части: 1) elite — цвет, отбор армии, 2) ландвер и 3) ландштурм. Первые 12 лет военнообязанный числится в элите, следующие 8 — в ландвере и последние 8 лет — в ландштурме. Милиционность службы выражается краткостью фактического пребывания людей в мирное время в состоянии воина, оторванного от домашнего очага и обязанного усваивать военное ремесло. Это время определяется пребыванием в рекрутских школах — ecoles de recrutes — и на повторительных курсах cours de repetition. Люди призывного возраста — в среднем до 30 000 человек — поступают в рекрутские школы: для пехоты на 65 дней, для артиллерии на 75 дней и для кавалерии на 90 дней. Всего имеется 16 рекрутских

школ. По окончании обучения в них, люди возвращаются по домам. В последующее время 12-ти летнего состояния в элите военнообязанные фактически служат только во время пребывания на повторительных курсах: в пехоте 7 годовых призывов по 11 дней каждый; в кавалерии 9 призывов по 11 дней; в артиллерии 7 призывов по 14 дней. В ландвере — в течение 8 лет ежегодно однодневный смотр. В настоящее время заметно стремление все указанные сроки фактического пребывания на службе удлинить, причем призыв на повторительные курсы людей элита установить ежегодным.

Формирование армии в случае войны — строго территориальное; вся страна разделена на дивизионные и полковые округа; в пределах каждого из них подготовлен подъем определенного числа войсковых частей. В каждом округе периодически учреждается унтер-офицерская школа с курсом 20 дней. Для подготовки офицеров имеются школы прапорщиков, *les ecoles d aspirants*, две центральные офицерские школы, школы генерального штаба и стрелковая.

Кадровый состав мирного времени ничтожен и выражается в 250 офицерах — инструкторах, которые только и являются военными профессионалами, военными «карьеристами». На них в мирное время лежит все бремя подготовки мобилизации армии и обучения военнообязанных, призываемых в школы и на повторительные курсы. Но ввиду достаточной культурности населения, среди призываемых на повторительные курсы имеется всегда достаточное число помощников инструкторов и, кроме того, в стране — большое число лиц, окончивших офицерские школы. Офицеры за время пребывания вне фактической службы повышаются в чинах по старшинству лет офицерского звания <...>

Тактическая организация подымаемой в случае войны полевой армии рассчитана на три армейских корпуса. Каждый корпус состоял из двух дивизий, представлявших соединение пехоты, артиллерии, инженерных войск. Кавалерия драгунского типа сводится в 6-ти эскадронные полки, которые по два составляли четыре бригады.

Чина генерала в швейцарской армии не имеется, но для военного времени учреждается должность одного генерала, который становится главнокомандующим всех вооруженных сил республики. Лицо на эту должность выбирается федеральным (союзным) парламентом тотчас по объявлении мобилизации. Союзный совет постановил 31 июля созвать по телеграфу парламент на чрезвычайную сессию 3 августа для обсуждения мер, принятых советом по обеспечению независимости и нейтралитета страны, а также — для выборов генерала, для предоставления совету чрезвычайных полномочий и для разрешения выпуска банковых билетов стоимостью в 5 франков <...>

До мировой войны устройство и обучение швейцарской армии были приурочены к наиболее неблагоприятной гипотезе — к ведению войны оборонительной. На основе такой

подготовки армия была способна выполнить задачу, вытекавшую из состояния вооруженного нейтралитета, который государство имело в виду соблюдать в случае европейской войны.

Согласно им была организована служба войск по охране границ. Но из чрезмерно продолжительного срока несения этой службы, вызванного неожиданной длительностью войны, для швейцарской армии возникли крупные затруднения.

Период *вооруженного нейтралитета* в течение 4,5 лет не был для государства состоянием войны, то также еще менее мог назваться временем мира. И прежде всех такое неестественное, срединное положение испытывала армия во всем, начиная от отношений между генералом и союзным советом и кончая мелочными эпизодами пограничной службы <...>

Стратегическое сосредоточение армии в августе 1914 года имело в виду держать все вооруженные силы страны в полной готовности для отражения предумышленного вторжения в Швейцарию любой из воюющих держав. На этом основании армия заняла «позицию стратегического ожидания» — *une position d'attente strategique*, выдвинув необходимые авангарды в наиболее угрожаемые пограничные секторы.

В этих секторах охрана границы приняла характер аванпостной службы на достаточную глубину, согласно уставу полевой службы, с тем, чтобы даже в случае вторжения извне дать время главным силам принять боевой порядок для удара по вторгнувшимся иноземным войскам.

Когда с течением хода войны стала выясняться маловероятность намеренного проникновения иностранных армий на швейцарскую территорию, потребность продолжать состояние «стратегического ожидания» не прекратилась, так как в связи с военными действиями поблизости Швейцарии всегда можно было ожидать нарушения ее границ крупными или мелкими отрядами воюющих армий, часто, может быть, даже помимо воли высшего командования только по стратегическим или тактическим соображениям военачальников. Могли быть случаи оттеснения иноземных отрядов войсками противной стороны. Один из противников мог решиться нарушить швейцарский нейтралитет для предупреждения этого со стороны другого. Подобные случаи не раз бывали в истории Швейцарии. Принимая в расчет огромные массы воюющих держав, главнокомандованию было необходимо для быстрого предотвращения подобных случайных нарушений нейтралитета держать всегда под рукой большую часть, если не все вооруженные силы страны. В течение всей войны Швейцария имела полное основание опасаться нарушения ее нейтралитета, и потому она не могла существенно ослабить своего вооруженного состояния.

Кроме указанной главной задачи армии, и даже наряду с понижением вероятности вторжения в страну крупных иностранных сил, постепенно повышалась надобность в военной *пограничной полиции*, обязанности которой могли быть возложены только на армию.

Военная полиция имела назначение внушать воюющим странам уверенность, что швейцарское правительство не потерпит ни малейшего нарушения нейтралитета во имя принципа «*principiis obsta*» — священного права сопротивления.

Такая полиция была обязана препятствовать переходу границы одиночным людям или небольшим отрядам иностранных армий по тактическим или иным соображениям, а также задерживать дезертиров и очищать пограничную полосу от разных подозрительных элементов. Для этого требовалась более или менее полная закупорка границы постами и постоянным патрулированием вдоль нее.

В действительности за всю войну не произошло ни одного вторжения в Швейцарию извне, и это нужно приписать сразу решительному тону ее правительства, поддержанному от первого и до последнего дня *реальной готовностью* отразить вооруженной силой малейшую попытку перехода ее границ чужими войсками.

Швейцарию благополучно миновала военная гроза, которая в продолжение 4,5 лет бушевала вокруг нее со всех сторон. Нет сомнения, что армия ее много способствовала сохранению нейтралитета страны. Конечно, эта армия была невелика; шесть полевых дивизий, столько же ландверных, всего 200 тысяч человек, — сила ничтожная в сравнении с теми миллионами солдат, которые дрались у самого порога древней Гельвении. Ничего не стоило этим массам хлынуть через границу и, смыв швейцарские войска, открыть свободный проход для удара во фланг или даже тыл врагу. Соблазн был велик, особенно для армий центрального союза, для коих Швейцария представляла во вторую половину войны единственные ворота для прорыва из осажденной крепости, в которую превращена была их территория усилиями Антанты. Да и пример Бельгии был налицо. Намерение повторить то же со Швейцарией существовало у обоих противников. Об этом думал еще фон Шлиффен. Упоминает о таком плане и Людендорф. Не столько единственно сама швейцарская армия своей реальной силой могла охладить подобные намерения, особенно при ее технической отсталости сравнительно с воюющими четыре года первоклассными армиями, как та *мужественная решимость всего маленького народа восстать на защиту своей неприкосновенности, которая воплощена была в швейцарской армии*. Эта очевидность столкновения с целым народом удержала и австро-германцев, и англо-французов от покушений на прорыв через швейцарские кантоны. Их армия выражала наглядно идею ошестившегося за свое существование народа, и она спасла его от участи Бельгии.

Швейцарская милиционная система не избежала участи подвергнуться экзамену в минувшую войну. Ее армия не была втянута в борьбу, может быть, по причине переоценки могущественным соседями ее достоинств. Перед войной в Европе преобладало мнение, что Швейцария дешево не поступится своим нейтралитетом. Ежегодные осенние маневры ее армии привлекали внимание самых строгих европейских экспертов. Республика уберегла свою неприкосновенность гипнозом наиболее совершенного воплощения в ее армии идеи вооруженного народа — той идеи, которая далась великим державам вполне только к концу борьбы.

Но теперь мы знаем из признания ее собственных вождей, что эти совершенства были во многих отношениях мнимыми, и если бы дело дошло до боевого испытания, то со Швейцарией повторился бы пример Бельгии: она, может быть, не обратилась бы целиком в чужое генерал-губернаторство, но коридор через ее территорию был бы прочищен.

Под таким сознанием намечаются реформы швейцарского военного устройства, причем подчеркивается традиционная преданность основной идее милиции. Однако осуществление реформ отклонит устройство вооруженных сил Швейцарии от милиционного характера. Шестимесячные рекрутские школы, ежегодные повторительные сборы, система подготовки офицеров, создание кадров командного состава — все признаки эволюции по тому пути, где недалеко до одногодичного срока службы, к чему, в свою очередь, откровенно стремится гнездо новейшего милитаризма — французская армия. Крайности готовы протянуть друг другу руку.

В этом взаимном влечении нужно искать разрешения современной *военной проблемы*, которая, может быть, удовлетворит и шовинистов, и пацифистов <...>

Другой пример, в совсем иной общеполитической обстановке, устройства вооруженных сил, близкого к милиции, представляют Североамериканские Соединенные Штаты. Их военная организация, как по основным чертам самого государства, так и по опыту участия их в последней войне, возбуждает исключительный интерес, и потому остановимся подробнее на американской организации.

Особенно после войны 1914–1918 г.г. усилилось внимание к военному устройству Американских Соединенных Штатов. Нельзя было не поразиться как размером выставленных ими сил, так и быстротой превращения жидких милиций в могущественную 4-х миллионную армию (3 700 000 чел.).

Фактическое участие американской армии на фронте было невелико, но моральное и политическое значение ее участия были огромны.

По окончании войны Штаты вернулись к мирной организации, блестяще оправданной боевым опытом. Отметим ее наиболее характерные черты.

Основным законом, определяющим военное устройство Соединенных Штатов, служит «акт о национальной обороне» от 3 июня 1916 года с изменениями, внесенными 4 июня 1920 г.

Американские сухопутные силы подразделяются на регулярную армию, национальную гвардию и организованный резерв. Первая представляет собой общегосударственную организацию, существующую в мирное время в виде кадров. Национальная гвардия составляет милицию отдельных штатов, призываемую для службы вне своего штата только по особому закону, проводимому через конгресс. Она имеет в мирное время небольшие кадры, более слабые, чем в регулярной армии.

Организованный резерв в мирное время не существует. Его можно уподобить второлинейной армии.

Обязательной воинской повинности нет. Все три категории вооруженных сил нормально комплектуются волонтерами. Закон не предусматривает обязательной службы и в военное время. Но опыт минувшей войны показал, что в случае опасности конгресс разрешает правительству временно ввести обязательную военную службу. 18 мая 1917 г., был объявлен подобный закон об «обязательной военной службе по выбору».

Центр тяжести всего военного устройства перенесен на отдельные штаты ввиду особых условий американской жизни, где все основано на децентрализации и доверии к местным властям, и где невозможно было бы побудить Штаты нести расходы на армию и участвовать в ее боевой подготовке, если бы им не была дана достаточная самостоятельность <...>

Запись волонтеров в регулярную армию принимается на 1 год или на 3 года — по желанию записывающихся.

За две недели подготовки солдатам удается привить основы военной дисциплины и выправки, сообщить им элементарные знания по технике и тактике своего рода войск, организовать их в боевые единицы и научить основам военной гигиены. Люди не приобретают, конечно, законченной подготовки, но получают необходимый фундамент военных знаний, позволяющий им впоследствии быстро пройти, в случае надобности, напряженный курс основательного обучения.

Несомненно, очень выручает при этом высокая интеллигентность американского волонтера. Например, опыт обучения совершенно сырых рекрутов национальной гвардии в Нью-Йоркской береговой артиллерии показал, что через 6 дней люди могли служить при орудиях, пользоваться наблюдательными приборами и вести вполне удовлетворительную боевую стрельбу безо всякой помощи со стороны обучающего состава.

Для подготовки унтер-офицеров при корпусных центрах существуют особые школы. Унтер-офицеры комплектуются обыкновенно из состава волонтеров, подписавших повторный контракт на службу в армии. Их продвижение делается по выбору. После 30 лет службы они увольняются в отставку.

Сухопутные силы Соединенных Штатов нельзя считать устроенными по типу чистой милиции. Их регулярная или постоянная армия в мирное время, по закону, достигает почти трехсот тысяч человек. Американцам удалось счастливо сочетать вербовку с милиционностью, хотя обязательного признака последней — всеобщей воинской повинности всех граждан de jure в Штатах не существует.

Отличительным свойством американской организации нужно признать строгую систематичность накопления в населении военнообученных людей, которые могут быть в нужный момент с принятием закона о воинской повинности выставлены для обороны страны. Если высшие интересы государства потребуют введения на время обязательной воинской повинности, то в подготовленном человеческом материале недостатка не окажется.

Девять дивизий регулярной армии имеют назначение, сходное с английским «экспедиционным корпусом». Это есть орудие внешней политики государства. Но когда государству угрожает смертельная опасность, то необходимо обратиться к основным источникам сил, которые должны быть подготовлены с соблюдением интересов населения.

Такое решение современной военной проблемы представляет наиболее удачную форму, но требует наличия ряда благоприятных особенностей в государственном организме, каковые только имеются в Северо-американских Соединенных Штатах.

Рассмотренные примеры Америки и Швейцарии убедительно подтверждают, что военная система государства должна быть строго согласована с его естественными свойствами и с его устройством. Опасно навязывать определенный общий шаблон. Из истории военного искусства мы знаем такие эпохи, когда государства рабски подражали чужим образцам, мало стесняясь с тем, что они не соответствовали их собственным интересам. Нужно было появление крупного великого полководца, который своими победами разоблачал несостоятельность царившей рутины. Пятипереходная магазинная система Фридриха вызвала по всей Европе слепое подражание прусской армии. В Потсдамском лагере он морочил стекавшихся отовсюду иностранных офицеров, и ослепленные современники уничтожали у себя многое хорошее, именно то, чему завидовал сам Фридрих. Австрийский фельдмаршал Ласси, организуя в 1765 году свою армию по прусскому образцу, уничтожил легкие войска кроатов, превратив их в линейную пехоту. Во Франции введена была палка, это несчастье прусской армии. В русской армии, после побед Петра Великого, и сподвижников Екатерины, воцарился, при Павле, пресловутый вахтпарад,

который привился так прочно, что благополучно пережил весь период наполеоновских войн и просуществовал до крымской войны включительно: под Севастополем для атаки применялись батальонные колонны, в духе фридриховского боевого порядка <...>

Итак, армия по своему устройству должна быть *народной в истинном смысле этого слова*. Она должна отвечать характерным свойствам государства, которое образовал народ. Вместе с тем, олицетворяя собой вооруженную мощь народа, призванную обеспечивать его независимое и свободное существование, армия (конечно, нераздельно и флот) оправдывает свое назначение только *полной боеспособностью соответственно новейшим требованиям войны*.

Богатейший опыт последней войны, в котором приняли участие армии 13-ти различных государств, позволяет установить наилучшие технические, профессиональные качества вооруженных сил для нашей эпохи.

На основании рассмотрения примеров Швейцарии и Соединенных Штатов, а в дальнейшем и некоторых других, разберем возможность в настоящее время совмещения требуемой боеспособности армии с началами милиционной организации.

3. Свойства боеспособной армии

У каждого из нас, военных, по опыту службы в мирное время и, особенно, на войне выработался точный масштаб оценки тех свойств, которыми должна обладать воинская часть для успешного выполнения боевого назначения. Продолжительная война рельефно отчеканила, в представлении ее участников, совокупность признаков *боеспособной* части.

На основании такого масштаба рассмотрим те качества армии, без наличия которых, будучи только скоплением вооруженных людей и боевых машин, она не в состоянии удовлетворить цели своего существования.

Последующее затем исследование о том, насколько обязательные свойства сильной качественно армии достигаются при нынешних условиях войны в милиционной системе, позволит осветить вопрос о жизнеспособности самой системы.

Сначала будем говорить о профессиональной ценности армии, о ее технических качествах. Дух армии является результатом не только всех ее профессиональных свойств, но и зависит от основных начал всей государственной жизни, и о нем речь будет позже.

1. Войска должны быть воспитаны и обучены для боя. Это первый принцип их существования.

Мерилом *военного воспитания* служит уверенность, что каждый воин способен выполнить свое назначение в бою не только по приказанию и на глазах начальника, но и по собственному почину, не получая никакого приказания. Эта уверенность должна одинаково внушаться как солдатам, так и всему командному составу. Пусть она проникает весь организм армии. Эта высшая степень военной воспитанности войск окружает их полным доверием и, в свою очередь, порождает в них радостное чувство. Всякий человек окрыляется им при сознании, что он справится со своим делом и сумеет выйти сам из трудностей, которые оно может представить.

Уверенность, что каждый человек в армии выполнит свое дело, в каких трудных обстоятельствах он не очутился бы, служит лучшим фундаментом военной дисциплины.

Есть разные виды *дисциплины*. Уже упоминалось о дисциплине, внушаемой страхом перед палкой капрала. Дисциплина, покоящаяся на сознании необходимости во что бы то ни стало исполнить свой служебный долг, является противоположным полюсом палочной дисциплины.

Цель военного воспитания и заключается в прививке каждому воину сознания, что успех общей борьбы находится в прямой зависимости от успешного выполнения каждым порученного ему дела.

В армиях разных государств военное воспитание достигается различно, в зависимости от национальных свойств и уровня развития народов. Там, где населению присуще вообще понимать важность общественного долга, где оно сознает необходимость подчинения личных интересов общим, сознательная дисциплина прививается легче и скорее. Внутренний быт народа, уклад семейных и общественных отношений в нем, закрепленные долгим временем, оказывают огромное влияние на военное воспитание армии <...>

Нынешний воин в бою предоставлен самому себе, и успех боя в очень многом зависит от доброй воли его. От него требуется в современных условиях упорное выполнение своего воинского долга в напряженной обстановке длительного боя и *вне взоров начальника*. Очевидна важность развития сознательности и характера у рядового бойца.

Военное воспитание должно выработать в нынешнем солдате привычку работать всегда и во всем точно и основательно; для него не может быть мелочей, к которым можно относиться пренебрежительно <...>

Часто военное воспитание заменяется внешней строевой муштровкой. Муштра — у германцев Drill — находила полное оправдание в прежних армиях Фридриховского типа. Применяясь в течение долголетней службы, она вырабатывала солдата-автомата, который в компактной массе представлял силу на глазах и в руках вождя. Это то же, что и дрессировка животных. Прививка войскам муштры требует долгого времени натаскивания. При коротких

сроках службы муштра является только поверхностной, и нет большей опасности для боевой подготовки войск, чем муштровка только для вида. Она дает на войне самые отрицательные последствия, когда никто не обращает внимания на внешность. Под ней чаще всего и скрывается работа спустя рукава. Возникает произвольное отношение к служебному делу: одно — важно, другое — неважно; каждый начинает судить по-своему, и подкрадывается легкомысленное отношение к службе. Рождаются недоверие к тому, как человек исполнит данное ему поручение. Но ему нельзя верить в большом деле, если он не заслужит его в малом. В военном деле нет разных степеней доверия: или оно есть вообще, или его нет вовсе, середины быть не может. А нет доверия к войскам, дело плохо: нельзя строить никакого расчета заранее.

Без военного воспитания нельзя создать настоящей, боеспособной армии. Оно является наиболее важным отделом обороны государства, и какова бы ни была система его военного устройства, но главным устоем всякой системы должно быть положено воспитание личного состава вооруженных сил. Военное воспитание дисциплинирует его, прививая способность справляться со своими эгоистическими инстинктами в минуты наибольшего соблазна им поддаться и самым разумным и самоотверженным образом исполнять свое служебное дело.

2. За воспитанием следующим профессиональным качеством войск поставим их военную образованность или обученность. т.е. знание каждым воином своего дела и практическое умение его выполнять. Wissen und Können, как говорят немцы, — знать и уметь. От знания до умения требуется большой прыжок, как во всякой профессии.

Практическое умение служить облегчается расчленением военного дела на многие специальности, число которых увеличивается с развитием техники. Она породила издавна разные роды войск или оружия. Последняя война увеличила их число до пяти; возможен и дальнейший рост их, если разделить разнообразные роды войск, сведенные случайно в общую категорию инженерных войск; затем — тяжелые танки, броневые автомобили, газовые войска, по существу, представляют новые самостоятельные роды. И в каждом роде войск, в связи с техникой, заметно стремление к специализации разных видов. Как мало общего между береговой и легкой артиллерией, в пехоте — между самокатчиками и пулеметчиками.

Разделение войск по технике боевого оружия облегчает элементарную подготовку армии, но более всего *боевая обученность* войск зависит от общего уровня образованности в стране и от степени развития населения. Мы видели, например, в Америке достаточно 6-ти дней для того, чтобы сырые рекруты в нью-йоркской береговой артиллерии могли служить при орудиях, пользоваться наблюдательными приборами и вести удовлетворительную

боевую стрельбу. Национальная гвардия там же проходит первоначальный курс обучения летом в течение 2-х недель. В Швейцарии курс рекрутских школ продолжается 65–90 дней, но недавний опыт убедил главнокомандующего в необходимости удлинения этого срока до 4-х и даже 6-ти месяцев <...>

Мерилом военной обученности армии служит согласованность в действиях всех родов войск, знание боевых свойств друг друга и истинно дружеское, лишенное всяких предубеждений единение между всеми родами войск — «взаимная выручка» на войне. Это достигается серьезной работой командного состава армии и совместной практикой войсковых частей в условиях, наиболее приближающихся к боевой обстановке.

3. Далее, для действительной боеспособности армия должна быть оборудована в материальном отношении по последнему слову военной техники. Это надежный залог ее боевой подготовленности.

Чем больше уступает армия в технике вооружения иностранным армиям, тем она больше вынуждается, в случае борьбы, возмещать это неравенство напряжением своих моральных сил. Война в таком случае развивается для нее в неблагоприятной обстановке. Моральные свойства войск и их технические возможности взаимно дополняют друг друга. В каком положении окажется в нынешнем бою солдат, безупречный в физическом отношении, воодушевленный самым высоким героизмом, если он окажется с устаревшим оружием и плохо снабженный?

В истории русской армии подобное невыгодное соотношение морального и материального элементов борьбы случалось не раз, но особенно резко оно выразилось в Крымскую войну, когда наша пехота вооружена была гладким ружьем, стрелявшим на 300 шагов, а у союзников было нарезное оружие со стрельбой на 1200 шагов. Наши войска оказывались в беспомощном положении: поражаемые издали, они стремились скорей сойтись на штык или на близкое расстояние, достаточное для их ружей, но враг отходил и продолжал безнаказанно расстреливать их. Так было на Альме, под Инкерманом и в других сражениях. В ту же войну наш черноморский парусный флот столкнулся с паровым флотом союзников и вынужден был, вследствие своего бессилия, покончить самоубийством на севастопольском рейде.

В последнюю войну русская армия вышла без тяжелой артиллерии и с недостаточным запасом снарядов. А германская армия начала войну со 148 батареями тяжелой артиллерии, по 4 орудия в батарее <...>

Неравенство с противником в материальном отношении делает армию мало боеспособной. Техническое оборудование сводится не к одним денежным средствам, так как без заблаговременной, в годы мира, разработки этого вопроса, с началом войны не помогут и

денежные средства. Мы видели выше, что в Америке, даже при ее исключительно благоприятных условиях, понадобилось от 5 до 13 месяцев для выполнения технических заданий и только отчасти, так как многие предметы материальной части были получены от Франции.

Техническое оборудование армии требует целые годы для подготовительной работы в зависимости от уровня промышленного развития страны. Нужны густая сеть заводов и возможность добывать у себя или получать из заграницы разнообразные сырые материалы.

Ныне вооруженные силы насквозь пропитываются материальной частью. Все роды войск перегружены разными видами боевых машин. В германской артиллерии в мировую войну в обращении было 168 типов орудий. Военную технику двигают два побуждения. С одной стороны, стремление поразить врага внезапностью. Действует желание выйти с таким оружием, которого нет у неприятеля. Так возникло много новейших материальных факторов боя: «большая берта», смертоносные газы, танки, огнеметы, разные сорта пороха и сильных взрывчатых веществ, скрывавшиеся под таинственными литерами. С другой стороны, действует человеческая изобретательность и быстрый рост изобретений и открытий, как только возникает вероятность, что они найдут практическое применение <...>

В будущем развитие техники не остановится, и армии будут все более насыщаться материальными средствами борьбы, причем уже в мирное время это *состязание техники* будет играть немаловажное политическое значение, как и в прошлом. Неожиданное введение в армии нового средства может на известный срок охладить воинственный пыл соседей. Известны случаи провоцирования грядущей опасности посредством бряцания новым оружием или демонстрацией боевой подготовки армии или флота. Возможные соперники жадно следят друг за другом и за всеми изменениями реальных сил в разных государствах.

При неудержимом росте техники возникает вопрос о том, откуда в случае войны мобилизованная армия получит всю нужную ей материальную часть? Из опыта прошлого известна трудность хранения «неприкосновенных запасов», их освежения и пополнения. Во время войны требуется непрерывный приток нового имущества взамен истраченного и заготовка, в требуемом количестве, вновь изобретенного <...>

Но нельзя забывать только одного, что армия, которая не заботится непрерывно об улучшении и усовершенствовании своей материальной части, скоро станет отставать от соседей и будет вынуждена вступить в бой с *подавленным чувством невозможности успешной борьбы с боевыми средствами противника*. Такая армия уже заранее в известной степени разбита.

4. Следующим признаком армии, удовлетворяющей своему назначению, служит соответственно подготовленный ее командный состав. Он составляет постоянный кадр вооруженных сил, которые образуются из всего боеспособного мужского населения страны.

Чем шире развертываются при мобилизации вооруженные силы, тем выше должна быть подготовка командного состава. Это составляет одну из главных забот государства. Не одно военное ведомство заинтересовано в подготовке кадров. От подготовки их зависит судьба государства.

Главное значение в кадрах принадлежит *корпусу офицеров*. Сверхсрочные унтер-офицеры представляют вынужденное им дополнение, и самостоятельная их роль без офицеров невелика.

В обстановке нынешнего боя главным средством управления людьми служит личный пример начальника, и это положение должно быть исходным при воспитании офицера. Чтобы подавать пример, нужно основательно знать свое военное дело и обладать *комплексом духовных свойств*, внушающих к себе уважение людей. Знать дело нужно теоретически и практически. Внушая к себе и к своим знаниям *доверие подчиненных*, офицер будет пользоваться у них действительным авторитетом, и в бою заставит их работать не за страх, а за совесть.

В офицерском вопросе также большое значение имеет общий уровень образования в стране. Подготовка резервных офицеров нужно приблизить к подготовке кадровых. На войне вредна разница профессиональной ценности между теми и другими.

В ряды мобилизованной армии войдет весь цвет мужского населения страны, в ней сольются представители самых разнообразных профессий, различного образования и социального положения, и в такой армии лицам командного состава мало быть только специалистами своего дела. Чтобы быть авторитетным в ее рядах, нужно быть непременно и образованным человеком.

Вот почему мысль о слиянии военного образования с общенаучным развитием, мысль, которая, как мы видели, проводится в С.-А. Соединенных Штатах и отчасти осуществляется во Франции для подготовки резервных офицеров, находит полное оправдание в самом характере современной народной армии.

Военные знания представляют в наше время важную отрасль общей системы человеческих знаний, и самым жизненным разрешением офицерского вопроса, во всей его полноте, явилась бы подготовка офицеров, как и всех иных специалистов, в государстве, в университетах и вообще в высших учебных заведениях нормальной сети школ <...>

Нельзя не согласиться по этому вопросу с мнением Жореса: «Смелая стратегия масс не будет косным накоплением сил, подобно тяжелому нагромождению камней в постройках

ассирийских дворцов. Она не будет отречением от живой сознательной идеи перед исполинским сырым материалом. Наоборот, она явится торжеством творчества, которое служит миллионам душ. Но для этой цели в офицерском воспитании должны пасть преграды, которыми военные школы отделяют будущих офицеров от нации. Они должны в университетские годы войти в соприкосновение с живым духом времени и своей страны и приобрести безграничную смелость знания и демократичности, чтобы через них расширять методы и способы войны».

Командный состав современной народной армии обязан иметь общую научную подготовку и должен комплектоваться из всей массы населения. Заботы о его формировании принадлежат к самым важным в государстве, требуют много времени для осуществления и, если им не были посвящены годы мира, то даже самая блестящая импровизация во время войны не восполнит упущенного.

5. Следующим безошибочным критерием боеспособности армии служит такая организация вооруженных сил, которая давала бы возможность наиболее полного их применения против неприятеля на войне.

Мы пропускаем тактическую организацию войск, которая на основании опыта войны вылилась в определенные, хорошо известные формы. В каждом роде войск имеется основная единица - группа, которая в боевом смысле нераздельна. Последовательное соединение таких единиц образует ряд крупных частей как одного рода войск, так и смешанных — из двух и более родов.

Многовековой опыт указывает, что органическая цельность войсковых единиц достигает наибольшей прочности, когда они образуются из военнообязанных одной местности, когда соблюдается принцип территориальности или землячества. Везде стремятся осуществить этот принцип, и, как мы видим, он проведен с большой систематичностью в швейцарской и американской армиях.

Начало территориальности положено было в Пруссии в XVIII веке — веке вербовки. При отце Фридриха XI была введена в 1735 г. кантональная организация, по которой вся территория государства была разделена на призывные округа — кантоны. Каждый полк приписан был к призывному округу, все мужское население которого считалось принадлежащим к составу полка, жило по отпускным билетам, выдававшимся из рот, и носило цвета полка. Кантональная система не давала достаточного контингента для армии, возраставшей в численности, и потому одновременно в широких размерах существовала и вербовка. Фридрих старался соблюсти полнее принцип территориальности в коннице, которую он считал главным родом войск. Его кирасирские и драгунские полки комплектовались исключительно из местных земельных собственников, причем семьи

новобранцев отвечали в случае их дезертирства. В прочих родах войск он требовал, чтобы одна треть состава была из местных жителей.

С тех гор были оценены сильные стороны территориальности при устройстве войск.

В настоящее время территориальность приобретает еще более важное значение в связи с двумя чертами современной обороны государства.

Первая заключается в том, что вся нация, вся страна, с началом мобилизации, примет участие в борьбе, и *вторая* — в том, что в будущую войну не может быть проведено резкой границы между фронтом и тылом, так как при новейших технических средствах фронт в смысле того местного района, на котором происходят военные действия, совместится с тылом.

Эти особенности новой войны вызывают к *децентрализации обороны* по всей территории государства.

В этом отношении знаменательна организация обороны Франции, где под влиянием неуверенности в завтрашнем дне недавние победители проявляют много творчества в разгадке тайн будущей войны. Как известно, ими разработан *проект общей организации нации на случай войны*. Это устройство государства в военное «ремя построено на глубоком проведении того же принципа территориальности.

Прежде он применялся только, как мы видели, для комплектования вооруженных сил и значительно облегчал их мобилизацию. Опыт войны подтвердил всю пользу разделения территории государства на *военные округа*, кои служили для призыва, устройства и обучения пополнений, постепенно вливавшихся в полевую армию на фронте. Отныне те же военные округа станут и *экономическими округами* для пополнения армии всем ей необходимым материальным снабжением. Во главе каждого из них станет военный начальник, при котором будет штаб из различных специалистов, подготовленных в мирное время к своим обязанностям. Техническая часть в каждом округе вверена будет торговой палате — *chambre de commerce*, в которой в мирное время сосредоточено коммерческое и промышленное руководство своим экономическим районом. Государство во время войны обращается в сплошной крепостной или укрепленный лагерь, главной задачей которого — *держаться* возможно долгое время. Его сопротивляемость является результатом усилий всего народа, руководимого высшим в государстве органом власти на манер «военного комитета» — *le Comité de guerre*, созданного во Франции в 1915 году. Предполагается, что таковой комитет с началом войны превратится в «высший совет национальной обороны», преобразованный в связи с такой целью в 1921 году.

Полное слияние фронта с тылом находит себе подтверждение и в том, что новейшая военная техника не стесняется пространством, которое она способна безгранично «пожирать». Естественно, что наше поколение живет под впечатлением завоевания воздуха.

Говорят, для воздушных сил не существует физических препятствий, и потому возможно, что в будущую войну воздушная армия без труда перелетит, примерно, с берегов Сены на берега Волги и подвергнет «ужасам войны» мирную Казань и т.п.

Налет воздушного флота может ошеломить, разрушить какой-либо отдаленный важный центр, но без последующего наземного действия он все-таки останется только налетом, последствия которого могут быть существенно ослаблены принятием заблаговременных мер. Одной из важнейших мер и явится *эшелонирование вооруженных сил и рассредоточение складов военного имущества и заводов, его выделяющих, по всей площади государства*. В связи с этим начало территориальности приобретает выдающееся значение. Мы вернемся еще раз к территориальности.

6. Остается упомянуть об одном свойстве армии, без которого в нынешних условиях вся оборона государства может рушиться. Система вооруженных сил должна отличаться *продолжительной сопротивляемостью, рассчитанной на долгий срок.*

Ошибочный взгляд на скоротечность борьбы привел к сюрпризам в недавнем прошлом, между прочим, вызвал небережливое расходование кадров. Последствием этого взгляда и явился кризис полевой войны, приведший к медленной позиционной борьбе, во время которой государства принялись за создание новых сил и материальной части.

Страны с культурно развитым населением и с запасом научных сил легче справились с импровизацией новых средств борьбы, нежели государства, бедные народным образованием и технической культурой.

При удовлетворении требования продолжительной сопротивляемости приходится иметь в виду два условия:

а) Сохранение кадров, подготовляющих пополнения для полевых войск в течение войны. Дело, конечно, не в том, чтобы сохранились одни и те же лица, но чтобы соблюдена была *преэмптенность подготовки*. Важно, чтобы война не разрушала систему военного обучения, которая была налажена в мирное время.

б) Сохранение во время войны необходимых специалистов во всех отраслях знаний и техники, которые имеют значение для обороны.

7. При перечислении важнейших факторов боеспособности современной армии не был пока упомянут характерный признак, который всегда считался главным залогом достижения армией победы, а именно — *высокий военный дух армии или ее бодрое душевное настроение.*

Этот признак особого порядка, и его нельзя ставить рядом с рассмотренными выше качествами армии, группирующимися преимущественно вокруг материальной природы войны. Душевное состояние войск есть результат многих сложных причин и тесно связано с чувствами, которыми охвачен весь народ.

Чем армия ближе к своему народу, тем она своим настроением вернее отражает дух народа и тем больше нравственных сил для борьбы черпает от него.

Хорошо известен классический пример зависимости духа войск от настроения народа: в 1800 году при трудном переходе Бонапартом Альп было назначено по 1000 франков награды за каждое орудие, которое солдаты перетащат через горы; солдаты с гордостью отказались от денег, и орудия были перетащены с *воодушевлением*; а в 1859 году Наполеон III, чтобы побудить батальон пехоты ко вторичной атаке Маджентского моста, предложил солдатам 2 миллиона франков, и они от денег не отказались, а во время боя кричали офицерам: «*les epaulettes en avant!*»

В старых армиях кастового характера, солдаты которых отрывались от народа даже на всю жизнь, мог существовать дух воинственности, подогреваемый разжиганием корыстных инстинктов и разными специфическими приемами. *В армии народной военный дух зависит от настроения нации.* Способы для поддержания этого настроения — правдивое и популярное объяснение причин и целей войны, правильно поставленная пропаганда и проч., действуют и на душевный подъем армии.

Кроме того, настроение армии поддерживается на должном уровне:

- а) развитием сознательных взглядов на задачи армии;
- б) развитием чувства национальности;
- в) добрыми товарищескими отношениями между всеми людьми, принадлежащими к составу армии, и взаимным доверием друг к другу — подчиненных к начальникам и обратно;
- г) знанием своего дела, что вселяет уверенность в свои силы;
- д) техническим оборудованием армии, внушающим каждому убеждение, что она не уступит в этом отношении врагам;
- е) вообще всей боевой подготовкой согласно рассмотренным выше требованиям.

Дух армии можно определить, как синтез всего ее устройства, и потому он всегда служил верным показателем ее боеспособности.

Все известные в истории полководцы ревностно заботились о культивировании высокого настроения своих войск, и *система военного устройства страны должна на первом месте ставить заботу: духа не угашать, а наоборот всеми способами его подымать...*

Разобранные основные свойства необходимы армии, чтобы она выполнила при современных условиях войны свое назначение. Эти свойства должны ей принадлежать при всякой системе ее устройства.

Теперь исследуем, насколько совершенно достигаются означенные свойства при милиционном устройстве вооруженных сил; какими способами в милиционной системе эти свойства проводятся и в какую форму при этом выльется ход самой войны.

В идеале при милициях, казалось бы, нет вовсе постоянных кадров. Все граждане в случае войны призываются в ружье и образуют вооруженные силы для борьбы с врагом. Весь секрет в том, как привить им все те свойства и снабдить их всем тем, что в общей сложности образует из призванных людей подготовленную к войне армию.

Разберем процесс превращения, при условиях милиционных, сырой человеческой массы в хорошо отточенный инструмент войны.

Воспитание человека требует времени. Воспитывать военнообязанных нужно, очевидно, в мирное время, в обыденной их жизни. И при коротких сроках кадровых армий настоящего воспитания не было. Его заменяла муштровка, более или менее поверхностная, быстро исчезающая, как только кадровый солдат превращался в резервиста. На войне любая воинская часть, в смысле боевого воспитания, была ценна настолько, насколько был на высоте призвания командный персонал, а затем выручали природные свойства солдат.

Пехота к концу первого года войны обратилась в милиционную, и по ней можно судить, что военное воспитание в милиционной системе может достигаться только при наличии элементов этого воспитания в самом народе.

Военное воспитание должно, во-первых, привести к тому, что каждый гражданин, становясь воином, т.е. около 20-летнего возраста, явится физически тренированным. Он должен легко переносить все тяготы и невзгоды жизни на войне и, особенно, в боях в течение продолжительного времени <...>

Но одного физического воспитания для воина недостаточно. Моральную энергию тоже нужно накапливать и развивать подобно всякой энергии. Таков основной закон природы. *В накоплении и развитии духа заключается нравственное воспитание воина.* При милиционной системе такое воспитание в не меньшей степени, чем физическое, должно усваиваться дома, до призыва на кратковременную подготовку военнообязанных в школах или на курсах.

Уже приходилось говорить о *сознательной дисциплине, как о видимом проявлении духовной энергии воина.* Это та дисциплина воли, в силу которой все члены армии, от рядового и до главнокомандующего, отказываются от своей личности, от свободы, от

собственной своей воли, и жертвуют, когда потребуется, жизнью для достижения конечной цели, ради которой существует армия.

Истинная дисциплина вытекает из жертвенного служения своему идеалу.

У каждой армии должен быть идеал, без которого она обращается только в механически сцепленную массу, подобно полчищам древних завоевателей.

В милиционной армии ее идеал может быть только тождественным с народным, и чтобы армия в момент ее призыва зажглась искренним воодушевлением, нужно, чтобы она поднялась ради понятных всему народу стремлений.

Истинно народные армии, а милиционная может быть только таковой, всегда служили выразителями желаний своего народа.

Армии Крестовых походов двигались и действовали под влиянием массового религиозного чувства, охватившего всю западную Европу в XIII веке.

В следующую за ними эпоху Столетней войны то же народное религиозное чувство, но уже на основе национализма, нашло яркое выражение в Жанне д'Арк, которая воодушевила французскую армию.

Но особенно ярким примером единства идеалов нации и вышедшей из нее армии служит время великой французской революции.

Когда молодая республика бросила клич «отечество в опасности», весь народ поднялся на защиту своих знаменитых лозунгов. Душой «комитета общественной безопасности» стал военный министр, инженерный капитан бывшей королевской армии, Карно, «организатор побед». Комитет, по его настоянию, ввел обязательную воинскую повинность и поднял поголовное ополчение, что дало возможность в 1793 году выставить 14 армий в составе 1 200 000 человек.

Война стала делом народным; явились воины, отстаивающие свои очаги и прекрасные принципы революции. Воодушевление республиканцев создало *высокий военный дух войск*, последствием коего в армии водворились порядок, дисциплина и благоустройство. Собственное достоинство революционного солдата поднялось так высоко, что пришлось уничтожить телесные наказания; высшей наградой считалось объявление, что такой-то гражданин оказал услуги отечеству. Солдату стали доверять, могли его в одиночку пустить в леса и горы; бой можно было расширить и по времени, и по пространству, и перенести с ровной местности на пересеченную.

Жизнь армии уподобилась жизни религиозной общины, которая в служении своему идеалу нашла источник дисциплины и новой тактики. Сила страсти создала силу порядка и способ действия.

Возник *культ отечества*, тот самый, какой был в древних Греции и Риме. Им искусно воспользовался Бонапарт, обманув революцию ради своих честолюбивых замыслов <...>

Однако Жорес не считает достаточным возбудителем для нынешнего времени «культ отечества».

«Отечество, как показала нам история, дает рамки и основу, но само по себе не внушает вдохновляющей к победе силы. Оно служит материалом для постройки, костром для жертвенного огня, но не может само стать пламенем, которым загорятся сердца».

Говоря далее о божественной искре, которая может возжечь к подвигу французские сердца, он находит, что такой искрой ныне не может быть и религиозная вера, которая является потухшей силой для французского народа, одержимого рационализмом и духом критики; тем более и проповедь миру политических свобод, и славолубие не могут воспламенить дух народа. Таким пламенем может стать новая социальная проблема: «Эта великая проповедь может быть полна смысла и деятельности». Под этой проблемой Жорес подразумевает победу над собственностью, торжество международного третейского посредничества и заступничества *за естественное право мира*. «Народ, который при борьбе имел бы этот идеал перед глазами, соединил бы в себе все благородство великой национальной традиции и весь объем человеческих надежд». Жорес далее высказывает, что *организация национальной обороны и организация интернационального мира связаны между собой воедино...* Милитаризм и войну можно победить развитием такой военной системы, которая дала бы возможность уничтожить конфликты в самом корне. Эта система будет воодушевлена наравне с силой исторического отечества и идеальной силой нового отечества: мира, труда и права <... >

Социалист Жорес писал свою книгу за несколько лет до войны, и он считал *чувство родины* основой для воодушевления народа новой пламенной идеей.

Война повсюду заострила еще сильнее эту привязанность к родине и чувство национальности. В любой стране западной Европы прилагаются усилия к развитию *национального чувства* в народе и в армии.

В Швейцарии развитию моральной силы армии на основе *патриотизма* оказывается выдающееся внимание. Еще во время мировой войны штаб армии издавал каждые два месяца записки, в качестве пособия офицерам, для развития у солдат патриотических и военных обязанностей. Задача этого развития состояла в том, чтобы возбуждать в воображении швейцарского воина *живой образ родины*. «Чем лучше познает он Швейцарию, тем теснее свяжет он свое дело с национальной жизнью». После войны дело нравственной подготовки военнообязанных слилось с таковым же всего населения.

В старой русской армии последнего периода не было идеала. Официальный трехчленный лозунг «за веру, царя и отечество» поражал фальшью при анализе его смысла. Первый его член был фактически ложен для армии, где господствующую религию исповедовало не более 60% состава. К концу уже XIX века религиозное чувство потускнело в народе. В Крымскую войну на севастопольских бастионах наши солдаты истово жгли церковные свечи перед образами, а в войну 1914–1917 г.г. в окопах никогда не было признаков потребности молитвы, кроме редких отдельных исключений. Последний член был мертвым, так как в народном мировоззрении не укладывалось понятие единого отечества от Вислы до Камчатки по той причине, что народ нарочно держался в умственном мраке, и его пониманию не были доступны умозрительные формулы. Средняя часть лозунга в народных понятиях была неотделима от гнета и произвола, которые отягощали все его существование. И пустота сакраментальной формулы особенно остро испытывалась во время войны. Начальники сознавали всю трудность подъема солдат в бою иным способом, кроме как угрозой наказания. И потому с первых же дней войны во всех случаях, когда отсутствовал бдительный надзор командиров, происходили массовые сдачи в плен и такая же утечка в тыл под всевозможными предложениями. Об энтузиазме только писалось в официальных сообщениях.

Без идеала не может быть надежды на победу. Не будем спорить о том, каков он должен быть в современной армии. Но одно бесспорно, что для армии милиционного устройства идеал будет тот, какой созрел в сердцах всего народа.

И в день мобилизации милиционер должен принести его в свою воинскую часть из своего села, из своей семьи.

Весь народ должен ясно сознавать, ради чего нужно его сынам жертвовать кровью, рисковать жизнью.

В этом коренная разница между кадровой и милиционной системами. При существовании кадровой армии в государстве считали, что армия может взять на себя задачу гражданского воспитания всего народа, прививая ему через проходящие возрасты молодежи государственную мораль. Говорили, армия — школа народа. Это был абсурд. При кратких сроках службы, в три года, солдата в возрасте 20–30 лет воспитывать трудно. *Милиционная же система целиком строится на воспитании народа, в государственном смысле, до призыва.*

Только при осуществлении этой предпосылки милиционная система может оказаться жизненной. Тогда легко в милиционной армии, в час ее подъема, окажутся налицо высокие моральные свойства, и охваченная тем же увлечением, каким горит весь народ, она справится со всеми трудностями войны. В этом смысле моральная «дисциплина милиций,

поскольку она порождается условиями жизни и работы всего народа, настолько же выше дисциплины постоянной армии, приобретенной выучкой и упражнениями, насколько жизнь выше школы» (Ф. Меринг).

Итак, все воспитание армии при милиционной системе духовное и физическое, должно быть отнесено к заботам государства о воспитании народа вообще.

Во многих государствах уже давно была оценена *важность воспитания всего народа с целью обороны страны*.

В Японии традиционный военный характер общего воспитания населения преимущественно перешел от древнейшего сословия самураев. С 70-х годов прошлого века правительство взяло дело воспитания в свои руки. Юношество ведется в духе традиций горячего патриотизма, культа народных героев, уважения к воинским добродетелям и любви к спорту. Большая часть призывных, поступая в армию, представляет собой нравственно, умственно и физически подготовленных воинов.

Также и в Англии общее нравственное и физическое воспитание молодежи прочно стоит с давних пор. При свойственной английскому народу самостоятельности это воспитание не носит никакого принудительного характера, а является следствием общего в стране сознания благодетельности для всего народа воспитания молодежи в духе подготовки к военной службе. Достаточно вспомнить об организации с 1907г., по мысли ген. Баден-Поуэля бой-скаутов — отрядов юных разведчиков — с целой системой воспитания, в которой главную роль играет развитие характера, твердой нравственной дисциплины, самостоятельности, находчивости и пр. присущих воину качеств. 70–80% разведчиков добровольно поступают в армию.

Рузвельт пересадил на американскую почву британский бойскаутизм для воспитания в юношестве качеств, которыми создается *боеспособность народа*: телом силен, духом деятелен и нравственно не тронут, отечеству предан. Основа бой-скаутизма зиждется на коллективной работе. Бой-скаут по принципу бескорыстен, и потому он не может существовать отдельно; ему нужно, чтобы все собирались вместе для работы сообща.

Швейцария по подготовке юношества к военной службе является классической страной. Вся молодежь школьного возраста обязана заниматься гимнастическими упражнениями; за этим неослабно следят кантональные власти. Союзное правительство материально поддерживает многочисленные союзы физического и спортивного воспитания. Особенное внимание уделяется стрельбе, для практики в которой населению выдаются безвозмездно оружие, патроны, снаряжение. *Можно настойчиво утверждать, что для будущей войны нельзя себе представить воина, лишённого воспитания. Без такового армия, сформированная из сырого человеческого материала, представляет то, в буквальном*

смысле, пушечное мясо, которое устилает поля сражений или наполняет концентрационные лагеря на территории противника.

В последнюю войну Россия выставила до 15 миллионов людей, и каждому участнику памятли отвратительные зрелища бессмысленного скопления человеческой массы и на фронте, и в тылах. На лицах большинства можно было прочесть непонимание того, зачем их оторвали от дома, всунули ружье в руки и сказали — иди и дерись. А зачем, для чего, как? никто толком даже им не разъяснил. Никакому воспитанию, ни государственному, ни военному, они не подвергались.

По внешности все армии, участвовавшие в мировой войне, были *милиционного типа*, особенно по прошествии первого года борьбы, и там, где уже в мирное время существовало государственное воспитание, как в Германии, Англии, Соединенных Штатах, отчасти во Франции, этот тип вооруженной системы себя оправдал; где таковое отсутствовало, как в России, Италии, Австро-Венгрии, Турции, Болгарии, Румынии, Сербии, армии этих стран, как и надо было ожидать, не справились с тягостями длительной борьбы и более или менее разложились.

Глубоко проведенное через толщу всего народа воспитание в государственном смысле — физическое и духовное — является краеугольным камнем построения милиционной системы.

Чтобы организовать народную оборону на началах милиции, нужно иметь много времени перед собой и весь народ за собой.

Коснемся далее *военного обучения* милиционной армии, знания каждым воином своего специального дела. Оно, как известно, в наши дни крайне разрослось и осложнилось. Об этом уже упоминалось в одной из прежних глав.

При кадровой системе в профессиональном обучении заключается главное назначение постоянной армии. При милициях обучение военному ремеслу производится в особых школах или курсах и во время повторительных учебных сборов.

Главным возражением против милиций всегда выставляется слабость этой подготовки, особенно наряду с ростом новейшей военной техники. Нельзя отрицать справедливости такого мнения. Мы приводили взгляд по этому поводу швейцарского командования. *Всякая система имеет свои плюсы и минусы.* Неустранимый в корне этот органический недостаток милиционной системы может быть только до некоторой степени нейтрализован систематическими мерами общегосударственного характера.

Чем основательнее будет поставлена допризывная военная подготовка молодежи, тем легче добиться положительных результатов технической обученности в короткие сборы. Уже не говоря о духовном воспитании, но и физическая тренировка, и всеобщая грамотность

отражаются на бытовом усвоении употребления разнообразного огнестрельного оружия, понимании устройства пушки, пулемета, танка, автомобиля. Молодому уму, возбужденному грамотностью, свойственны любопытство и пытливость в ознакомлении со всякой машиной и ревность к тому, чтобы скорее постигнуть весь ее секрет. Развитие искусства стрельбы, верховой езды, велосипедного и лыжного спорта в населении благоприятно отразится на военном обучении в школах и на курсах. Очевидно, главное значение, как уже отмечено, имеет *умственная развитость, интеллигентность населения*.

Очень трудное дело — подготовка разнообразных специалистов-техников. Для них нельзя обойтись без постоянных кадров мирного времени; конечно, весьма много зависит от общего уровня промышленной техники в стране. К этому вопросу мы еще вернемся позже.

При кадровой системе, как было сказано, обыкновенно заботились более о самих кадрах и забывали об оставивших действительную службу резервах, в которых, между тем, заложен центр тяжести вооруженной обороны.

При милиционной системе труднее, конечно, забыть, что все возрасты военнообязанных должны быть подготовлены одинаково.

В минувшую войну в первый же год постоянные кадры, недурно подготовленные в мирное время, были выбиты почти полностью в пехоте, а пехота и является настоящим выражением принятой системы; она обречена нести всю тяжесть борьбы. Как только *кадры*, это ядро армии, были выбиты, вся система вооруженных сил расстроилась, и никакая импровизация во время самой войны не могла восстановить быстро израсходованных мирных кадров.

При милиционном устройстве настоящее ядро должно быть заложено глубже. Нужно создать неуничтожаемое борьбой на фронте ядро — основную ячейку в качестве неистощимого источника, не пушечного мяса, а сознательных и обученных бойцов. Такой ячейкой должен стать определенный *территориальный район, земельный участок*, население которого и явится постоянным источником пополнения действующей армии.

В кадровой системе внимание было обращено на ее поверхность — кадры мирного времени, а в милиционной системе внимание должно быть отнесено в глубину — на основную территориальную единицу — уезд или волость. Все способное мужское население этой единицы и будет зародышем целого ряда войсковых частей милиционной армии, а совокупность единиц, т.е. территория всего государства, даст целую армию.

Таким образом, милиционная система органически связывается с землей. Нам уже приходилось указывать на осязательные преимущества подобной связи военного устройства с территорией. Они были издавна оценены, но обыкновенно соображения внутренней политики вынуждали многие правительства отказываться от проведения территориального

комплектования, заменяя его смешанным. Любопытную попытку устройства войск на принципе территориальности представляли в России «военные поселения», возникшие в начале XIX века. Предполагалось их организовать во внутренних губерниях с тем, чтобы, не увеличивая расходов на содержание армии в мирное время, иметь на случай войны резерв вполне обученных войск. Вместе с тем, предполагалось дать возможность солдатам во время продолжительной их службы оставаться среди своих семейств и продолжать заниматься земледелием, а на старость обеспечить им пристанище и «кусочек хлеба». После бунта, летом 1831г., военные поселения постепенно были преобразованы в округа пахотных солдат, а с воцарением Александра II они были упразднены. Конечно, они ничего общего не имели с настоящей милицией, но идея их интересна, как подтверждающая давнее стремление обосновать прочность военного устройства и обеспечить получение во время войны обученных пополнений путем тесной связи войск с землей.

Установив территориальную войсковую единицу, желательно всю техническую подготовку милиционных частей приурочить к этой единице.

Величина территориальной единицы определится потребностью специалистов для той войсковой части, которая комплектуется с этой единицы. Подготовка разных специальностей происходит в соответствующих военных школах, образуемых на ее территории <...>

Значение *профессиональной ценности начальников* всех степеней приобретает для милиционных войск первостепенную важность как в годы мира, так, конечно, и на войне.

Остановимся, поэтому, несколько подробнее на подготовке командного состава при милиционном устройстве.

Институт войсковых начальников при милиционной системе подготавливается среди крайне трудных условий. Не будет ошибкой признать, что это труднейший в ней вопрос. Уже упоминалось об основных условиях его подготовки вообще в современной армии.

Кадровая система может щеголять своим командным составом. Если в старой русской армии этого не было, и первые дни войны доказали негодность огромного большинства генералов, то в этом виноваты основы старого режима, вследствие которых и армия, подобно самому государству, оказалась колоссом на глиняных ногах. Недавно пришлось на страницах нашей военной печати познакомиться с мнением о профессиональной непригодности 90% высшего командного состава старой русской армии. Это суждение и по нашему мнению несколько не преувеличено.

Нормально же кадровая система именно сильна своими начальниками. Это все профессионалы, посвятившие всю жизнь военному делу. Даже — больше, часто офицеры наследуют свое военное призвание по традиции в роде; от отца к сыну переходит любовь к

военной карьере. В офицерах запечатлен тот кастовый характер, который составляет характерную черту постоянной армии.

Этого не может быть при милиционном устройстве. Практическая подготовка командиров при милициях ведется урывками, время от времени, в период сборов.

В Швейцарии командный состав подготавливается следующим образом:

Всякий призванный может быть офицером. После окончания рекрутской школы предлагается желающим поступить в унтер-офицерскую школу. По успешном ее окончании унтер-офицеры, оказавшиеся соответствующими офицерским должностям, поступают в офицерскую школу того или другого рода войск. Продолжительность курса офицерской школы для пехоты, кавалерии и крепостных войск определена в 80 дней, для обозных войск в 60 дней, для артиллерии и инженерных войск — в 105 дней. Вновь произведенные офицеры должны вслед за тем быть выдержаны при рекрутской школе для практики обучения солдат<...>

Офицер при милиционном устройстве не может непрерывно совершенствоваться.

В постоянной армии офицер в мирное время соприкасается с тем человеческим коллективом, которым он будет управлять на войне. Постепенно в его сознании произвольно запечатлеваются реальные формы боя. При милициях офицер формально никогда не выходит из положения резервного офицера.

В связи с таким положением возникает вопрос, можно ли обойтись при милиционной системе без офицеров-профессионалов, без офицеров карьеры?

Только в идеале. Швейцарский опыт это мнение подтверждает. Официально постоянный состав армии насчитывает только 260 инструкторов. В действительности большинство командных должностей от ротного командира и выше в швейцарской армии, мобилизованной в 1914 году и достигшей численности до 250 000 чел., замещено было лицами, которые в мирное время преимущественно посвятили себя военной деятельности и продвигались по ступеням военной карьеры. Эти лица по своим житейским профессиям, конечно, имеют мало общего с военной службой, будучи крупными землевладельцами, профессорами, адвокатами, промышленниками, но они уделяют много времени военному делу теоретически, усвоение которого, при их общем высоком развитии, дается им легко.

Даже Жорес, этот горячий сторонник швейцарского устройства, не мог не высказать по поводу офицерского вопроса, что «милиционная система не исключает необходимости наличия специалистов командования и военной науки; швейцарской армии, вероятно, пришлось бы страдать от недостатка в таковых, если бы он не был восполнен иными качествами народа, одинаковым общим образованием и традиционным воодушевлением».

Наряду с этим он беспощадно бичует подготовку офицеров в кадровых армиях, где будущий офицер, в качестве юнкера или вольноопределяющегося, проходит солдатскую школу только для вида, зная наперед, что через год или два он облечется в офицерский мундир. Это внушает кандидатам поверхностное отношение к своим солдатским обязанностям и вырабатывает белоручек. Во Франции не так давно существовала поговорка, что солдатом должен быть каждый гражданин, кроме офицера.

Если вообще умственная развитость населения значительно облегчит, как было сказано, проведение милиционной системы в жизни государства, то широкое распространение образования будет способствовать накоплению среди военнообязанных запаса офицеров. При этом вновь повторим здесь, что для *милиционной армии особенно важно иметь офицеров с высоким уровнем образования. В современной народной армии, при склонности каждого из воинов собственным умом разбираться в явлениях войны, командный состав, чтобы быть авторитетным, должен не только знать практически военное дело, но и быть научно образованным*: кто больше знает, того охотнее слушают.

Наиболее подходящее средство для получения образованных офицеров заключается в такой подготовке офицеров, какая принята в Соединенных Штатах, т.е. через университеты и другие высшие учебные заведения страны.

Но без офицеров постоянной службы милиционная армия обойтись не может при современном состоянии военной техники. *Опытный командный состав, закаленный войнами и долгой служебной практикой, представляется ценным капиталом нации, какового в минуту опасности не заменит никакой импровизированный институт; все подобные будут только суррогатами командования.*

Казалось бы целесообразным, чтобы в мирное время каждая войсковая часть была представлена не только одним командиром, но с добавлением штабной ячейки, на которой будет лежать подготовка мобилизации и производство ее. Должен существовать в мирное время зародыш каждой милиционной части.

Необходимо также иметь налицо в мирное время всех строевых начальников с командира полка и выше, с зародышами их штабов.

Относительно специальных войск — артиллерии, инженеров, авиации, химиков придется сделать уступку в пользу кадров, в зависимости от развитости населения и уровня промышленности в стране. *Нельзя отказаться и при милиционной системе от некоторых видов постоянных технических частей в кадровом составе.* Некоторые типы артиллерийских батарей, танковые единицы, группы боевых самолетов, броневые автомобили, химические отряды должны существовать в сокращенном числе уже в мирное время.

Таким образом, в мирное время нужно иметь эмбрионы милиционной армии в следующем составе:

1. Инструкторы всех военных школ, причем инструкторы офицерских школ исключительно высшей образовательной подготовки.
2. Кадры пехоты и кавалерии в составе командиров частей и зародышей полковых штабов.
3. Кадры специальных родов войск.
4. Старший командный состав с зародышами штабов.
5. Управления военно-территориальных округов.
6. Генерал-инспекторы армии и родов войск с их штабами.
7. Высшее военное управление вполне развитого состава.

Органические недостатки милиции нужно возместить наличием возможно совершенного старшего командного состава. Особенно важно, чтобы уже в мирное время во главе стоял вполне компетентный вождь *со способностью критического анализа* свойств своей милиционной армии. Тогда он сумеет руководить в мирное время подготовкой милиций так, чтобы своевременно парализовать их слабые стороны, особенно принимая в расчет и свойства тех армий, с которыми придется воевать.

При милиционном устройстве требуется иметь высший аппарат армии возможно совершенных качеств. Этого требуют самые жизненные интересы государства.

В материальном снаряжении армия, как мы уже говорили, должна представлять последнее слово военной техники.

Дело не в том, чтобы иметь огромные склады новейшего вооружения, которое будет лежать и тлеть в ожидании того часа, когда оно понадобится для боевого употребления. Желательно, напротив, *избегать мертвых запасов*, обременяющих народные средства.

Наиболее удачное решение материальной стороны военной подготовки сводится к тому, чтобы *тесно связать техническое оборудование вооруженных сил с промышленными потребностями населения*.

На такой путь, например, стало правительство СССР в деле химической обороны: создать на территории государства химическую промышленность, в которой нуждается население, с тем, чтобы в случае войны, благодаря той же промышленности, легко можно было бы иметь боевые газы.

Подобный способ можно применить и в деле авиации, и в снабжении армии танками, и в применении автомобилей, грузовиков, разных тракторов с гусеничными лентами, полевых переносных дорог, мостового материала и в снабжении армии средствами связи. На

эту почву можно стать и для заготовки для войны запасов продовольствия и обмундирования.

При казарменных кадровых армиях характерной чертой являлась отчужденность народного творчества и энергии от забот о снабжении армии всем необходимым. Все делалось путем бюрократическим. То было государство в государстве. Правительство требовало людей и денег, и ими распоряжались келейно, с опаской народного участия, и потому в час борьбы возникали сюрпризы вроде тех, что мобилизованной армии не хватало ружей, тяжелой артиллерии, снарядов.

Необходимо в мирное время создать промышленность в государстве по такому плану, чтобы в случае войны дома получались бы, по крайней мере, главные предметы материального снабжения мобилизованной армии. Должен быть разработан *план промышленной мобилизации государства* на основе отечественной промышленности, причем продуманно провести распределение военнообязанных между потребностями армии и государственной промышленности для надобностей армии. Придется весьма внимательно отнестись к пополнению фабрик и заводов, работающих на оборону, рабочими силами для крайнего напряжения деятельности этих промышленных заведений. При проведении в жизнь промышленного плана нужно предусмотреть общую обстановку, в какой окажется государство в случае войны, отрезанное от иностранных источников снабжения и вынужденное производить все у себя <...>

Важным подспорьем материальному оборудованию милиций служит равномерное распределение промышленности для надобностей снабжения по всей поверхности страны в соответствии с распределением самих войск, т.е. *распространение территориального устройства и на материальное снабжение войск*. Нужно иметь основную земельную ячейку, на которой формируется определенная группа войсковых единиц, и ей соответствующую экономическую ячейку, с площади которой эти войска получают все необходимое им материальное снабжение. На нее ляжет, по плану мобилизации промышленности, и заготовка всех нужных технических средств для означенной войсковой группы во время войны. Будет достигнуто рассредоточение по всей площади государства материального снабжения, что имеет значение для достижения безопасности от воздушных налетов неприятеля. Нельзя вовсе избежать централизации некоторых видов промышленности. Промышленные центры, несомненно, всегда будут существовать в связи с определенными районами рудных залежей, бассейнов угля, месторождений сырых материалов, а также в силу исторически образовавшихся пунктов производства в узлах путей сообщений и по другим причинам. Возможно только медленно переносить и рассредоточивать центры промышленности. И вообще создание военной промышленности

по специальному плану, приуроченному к требованиям государственной обороны, может совершаться исподволь, и это обстоятельство отразится на способе снабжения милиционной армии предметами техники. Обойтись без складов с материальными запасами невозможно. Например, в Соединенных Штатах, в каждом из 9 корпусных округов имеется обширный арсенал с запасами материальной части и снаряжения для мобилизации армии.

Здесь остается еще сказать по поводу удовлетворения требования *продолжительного сопротивления* милиционной армии. Если система милиций разработана и проведена глубоко в жизнь нации и слилась с ней, то в этом и будет лучшая гарантия долговременной сопротивляемости, жизненности самой системы.

Такой глубиной внедрения в народную жизнь милиционных начал крепка швейцарская армия. *Когда характерные черты военного устройства приобретают значение национальных свойств, достигается наивысшая степень крепости государственной обороны.*

В Германии кадровая система, заложенная под влиянием тяжелых условий тильзитского мира в 1807 году Шарнгорстом, Штейном и Гнейзенау, *проникла в глубину народной жизни*, встретила там патриотическое воодушевление, окрепла в освободительную войну 1813 года, затем закалилась в эпоху войн за объединение в 1884–1871 г.г. и в мировую войну выказала крайнюю степень сопротивляемости. *Германия проиграла войну не по вине своей армии.*

Наоборот, в России, как и во Франции, та же кадровая система была только поверхностно привита и обнаружила несостоятельность в первый же год войны; когда была снята наружная амальгама постоянных кадров, резервы, представляющие, по идее, главную силу этой системы, оказались сырым, неподготовленным материалом.

Милиционная система на территориальном начале, при общеобязательности военной службы, по замыслу полнее воплотит идею народной обороны. Но нужно проявить глубокое творчество при проведении этой системы и требуется много времени, чтобы семена ее посева дали богатую жатву.

Нужно коснуться некоторых особенностей ведения войны армией милиционного устройства. Эти особенности вытекают из неустранимых слабых сторон этих армий.

Боевые свойства армий, выставленных в результате введенной заблаговременно в мирное время милиционной системы, будут тем выше, чем больше времени потрачено в годы мира на ее укрепление в государстве. Разве можно швейцарскую армию считать импровизированной?

Но, тем не менее, *ведение войны милиционными армиями* несомненно подвержено своим особенностям.

Милиционная армия не способна к быстрому достижению решительного результата войны.

Даже если ее мобилизация и сосредоточение будут закончены в короткий срок, то ей придется первоначально избегать серьезных сражений. Вспомним слова швейцарского генерала, который считал нужным дать своим войскам не менее пяти недель, чтобы они стали «полезным инструментом войны». План войны должен быть рассчитан на долгий срок. Одним из руководящих его оснований должно быть стремление отдалить решительное столкновение настолько, чтобы милиционная армия успела приобрести сплоченность и некоторую походную закаленность. Способы, посредством которых достигается подобная оттяжка решительной встречи, много зависят от политических и географических условий государства. В мировую войну британская и американская армии, приближавшиеся к типу милиционных, широко воспользовались временем для подготовки. Если нет такого благоприятного географического положения, какое существовало в эту войну для Великобритании и для Соединенных Штатов, придется начать войну, для выигрыша времени, с отступления вглубь страны. *Стратегическая оборона* особенно свойственна милиционной армии в первый период войны. Иногда придется временно пожертвовать пограничными областями своей страны. Особенно важно, чтобы первыми боевыми встречами молодые войска не были обескуражены.

Одна и та же войсковая часть в милициях способна подвергаться серьезным колебаниям боевой стойкости. Начальникам нужно быть чуткими к настроению войск, нащупывая непрерывно биение их боевого пульса и отдавать себе ясный отчет, что можно требовать от войск, и какими средствами поддерживать их настроение на высоком уровне.

Выше говорилось о важном значении для милиций авторитетного, в военно-научном отношении, руководства ими. Для этого требуется рука настоящего мастера военного дела, знающего и теоретически, и практически технику управления войсками.

Доверие к вождю и личная привязанность к нему внушают милиционным войскам ту стойкость, которая в постоянных армиях достигается традиционной дисциплиной и воинскими привычками. Исторический опыт подтверждает, что сила личности гипнотически действует на молодые войска: влияние Георга Вашингтона, генералов Дюмурье, Гоша, Марго, Бонапарта на свои милиционные войска было безгранично. Они очень чувствительны к обращению с ними начальников. Последним нужно уметь выходить из холодной сдержанности и иногда вовремя сказать горячее слово. Этим свойством отличался Дюмурье, крайне популярный среди революционных французских войск. Молодые войска хотят, чтобы ими руководили живые люди, а не чиновники в мундирах.

Не только в боевом смысле вождь должен руководить войсками, но он должен, не переставая, работать над обучением и воспитанием милиционных частей на войне. От этой работы в значительной степени зависит их успех. При этом много может сделать личное воздействие старшего начальника. А в правильном обращении с мало втянутыми в походную и боевую жизнь войсками и познается настоящая талантливость полководца.

Наряду с опытным и талантливым командованием в милиционных армиях приобретает большую ценность и образцово подготовленный, с широким военно-научным кругозором, генеральный штаб, как орган, передающий волю старшего начальника войскам и связывающий их в боевом смысле в одно целое. При милиционной системе нельзя жалеть средств на серьезную научную подготовку генерального штаба.

Заключение

Итак, милиционное устройство вооруженных сил в настоящее время опирается на следующие начала:

1. Воспитание всего народа на самосознании, что каждый гражданин ради своих жизненных интересов должен участвовать в обороне страны.

2. Воспитание начинается с первых лет сознательной жизни человека и охватывает его физическую и духовную природу.

3. Физическое воспитание обнимает развитие в будущем воине всех телесных свойств, закаляющих его здоровье, втягивающих его во все трудности военной жизни и делающих его ловким и искусным бойцом.

4. Участие в обороне государства составляет обязанность каждого гражданина.

5. В зависимости от общего плана обороны и личных свойств граждан, они распределяются для участия в составе вооруженных сил или в работах на оборону внутри государства.

6. Вооруженные силы поднимаются с объявлением мобилизации. В мирное время требуется подготовка их мобилизации, разработанная в подробностях не меньше, чем и при существовании постоянной армии.

7. Граждане, предназначенные в состав вооруженных сил, подготавливаются в специальных военных школах и периодически призываются на повторительные учебные сборы, пока они состоят военнообязанными.

8. Оборона государства строится на строгой территориальности комплектования, обучения, мобилизации и снабжения армии всеми материальными средствами.

9. В мирное время существуют ограниченные постоянные кадры вооруженных сил в составе инструкторов военных школ, командного состава с зародышами штабов и кадров специальных войск.

10. Подготовка будущих офицеров разделяется на общетеоретическую — в стенах высших учебных заведений государства, и практическую — в военных школах. В течение службы подготовка должна периодически освежаться в специальных школах и на курсах.

11. Материальное снабжение армии связывается, на начале территориальности, с общей промышленностью в государстве. Для войны подготавливается приспособление мирной промышленности для удовлетворения технических потребностей армии. Необходимо стремиться в мирное время поставить промышленность своей страны так, чтобы в случае войны она удовлетворила бы все материальные потребности армии.

Должно существовать полное единство между обороной и промышленностью государства.

12. Старший командный состав армии должен полностью существовать в мирное время и быть подготовленным для руководства милиционной армией.

Перечисленные *основания милиционной системы* натолкнутся при применении на множество практических препятствий. Уже указывалось, что *военное устройство государства должно быть согласовано с его естественными свойствами, с его культурой и с ходом исторического развития.*

Сочетание голых принципов с национальными особенностями влечет за собой разнообразие форм милиционной системы. Потребуется долгое время для проведения ее начал в народную жизнь.

Неизбежна всегда переходная эпоха, в течение которой будет существовать и переходная форма — смешанная милиционно-кадровая система. Она выражается наличием постоянной армии, под прикрытием которой совершается постепенное насаждение чистого милиционного устройства. Эта постоянная армия в случае войны составит армию, прикрывающую угрожаемые границы, и под ее защитой произойдет мобилизация всех сил государства.

Такое явление наблюдается во Франции. Еще более рельефно выражена подобная милиционно-кадровая система в С.А.Соединенных Штатах и в Англии.

В обоих англо-саксонских государствах в мирное время постоянная армия состоит из волонтеров. Они добровольно, за вознаграждение, становятся военными специалистами и образуют в государстве тот остов, который, в случае войны, превращается в вооруженный народ.

Этот способ, когда в мирное время солдат служит только по желанию, как и во всякой профессии, а обязательной военной службой становится только в момент общей опасности, представляет немаловажные преимущества. Нет принуждения к военной службе во время мира, нет упреков государству в насаждении милитаризма, а, вместе с тем, накапливается хорошо подобранный кадр профессионалов на случай войны. Подобная система до последнего времени существовала и для колониальных французских войск; для колоний французские офицеры признают этот способ — волонтерно-милиционный — наиболее достигающим цели иметь туземный подготовленный кадр для мобилизации колониальной армии.

То же самое происходит ныне, правда вынуждено, в Германии. Небольшая армия волонтеров в 100 000 чел. с добавлением устроенной по-военному полиции в 150 000 чел., явится надежным костяком народной германской армии в случае войны. На примере Германии при этом особенно ярко вырисовывается значение для милиционной системы высокой культуры населения, духа спортивной тренировки и того горячего патриотизма, который выплавляется в народе на конкретной цели, понятной каждому немецкому сердцу от малыша и до глубокого старика...

Каждой эпохе, в зависимости от руководящих стремлений человеческого духа, отвечает своя военная система, и под ее влиянием вырабатываются и свои особенности ведения войны.

Наступающей новой эпохе более не соответствует кадровая система, в которой господствующее положение принадлежало постоянной армии казарменного воспитания. Новая война возможна только при сознательном участии в ней всего народа, сочувствующего идее войны. Она образует народную армию милиционного типа.

Таким образом, в военное время неизбежно появление народной милиционной армии. Чтобы она не явилась импровизацией, целесообразнее уже в мирное время принять систему милиционного устройства.

Эта система также требует непрерывной подготовки в годы мира, но на иных началах — на тех, которые указаны в нашем исследовании. Нужно при этом не забывать, что настоящая борьба ведется именно во время мира: судьба народа решается не на войне, а раньше — до нее. Сильный, с накопленной в годы мира энергией народ не погибнет на войне. Но потребуются длинный ряд лет для полного проведения новой системы военного устройства в государстве. До этого срока неизбежны переходные формы, отвечающие переходному времени.

«Война и мир», 1924 г., № 12–15.

ОТ «ПОЛЧИЩ» К «НОВОЙ АРМИИ»

А. Геруа

Впредь превосходство сил будет измеряться не миллионами поставленными под ружье людей, а превосходством техники и организации.

А последняя потребует, чтобы в армии не было бы «плюшкинской» кучи «гражданских» солдат, а было бы возможно более «военных» солдат.

Удел *варварского способа ведения войны*, основывая все расчеты исключительно на массе, на орде, надеяться на победу людским «наводнением». Такая война, как это будет доказано ниже, совсем не исключается и в наши дни, но подобная бойня лишь частный случай, печальный для цивилизованных наций, ведущий к их одичанию и к разорению Европы.

Цивилизация должна защищаться ей свойственными средствами, дающими ей непрерываемое превосходство над варварами, т.е., техникой и организацией <...>

Победа дикой, превосходной числом массы над техникой цивилизации возможна только при *моральном разложении* живой силы, обслуживающей эту технику. Нужны организаторские приемы, чтобы предотвратить самую возможность такого разложения.

Древний Рим погиб именно от невозможности предотвратить такое разложение своих легионов, а эта невозможность объяснялась наплывом в их ряды элементов, *чуждых* интересам Рима и его армий.

Ценность техники — в возможности уменьшить армию без ущерба для обороны страны. Но это исполнимо только при условии *строгого отбора и подбора* в деле организации. В противном случае техника может повернуться против организатора, т.е. современного государства <...>

Зарождение и вырождение

Военная организация не может претендовать на существование, раз не отвечает общим политическим условиям данной страны и эпохи.

Действительно, если мы бросим быстрый взгляд на историческое прошлое, то без труда убедимся в этом. В период феодально-удельный сеньоры и удельные князья, собирая вокруг себя дружину своих вассалов и холопов и сражаясь за неприкосновенность родных очагов, были настолько нужными и ценными хранителями общего благосостояния, что

люди, не задумываясь, за эту защиту отдавали им самое дорогое — личную свою свободу <...>

Королям понадобилась вооруженная сила, независимая от феодалов и даже им враждебная, и вот на смену удельных дружин появилось *постоянное* войско вербовочного типа — родоначальник и нынешних армий. При помощи этого именно войска началась борьба за объединение рас, еще не закончившаяся и поныне, когда она готова смениться борьбой за иные идеалы. Но королевским вербовочным армиям пришел конец. Опираясь на них, как на силу, им всецело и безраздельно преданную, государи постепенно пришли к злоупотреблению своею властью...

Началась эпоха развития народоправства и, вместе с тем, период нового вида армии, «Вооруженного Народа». Но и эта разновидность вооруженной силы в наши дни дошла до своего вырождения. *В руках демагогов нынешняя армия довольно легко может быть повернута против самого института государства, которое она призвана защитить.*

С нарождением новых политических условий чувствуется необходимость крупной реформы в системе создания государственной оборонительной силы. *Нужно вступить на путь не дальнейшего развития системы вооруженного народа, а обратно, наметить ряд мер по ограничению этой системы.* Мы живем в век не национальных движений, а в эпоху, когда на смену им нарождаются теории индивидуализма, интернационализма и даже печальных опытов коммунизма. Эти опыты стали возможными даже вопреки здравому смыслу лишь при условии, что современная армия оказалась состоящей из таких элементов, которые не пожелали поставить свое личное благо на второй план и у которых само понятие о долге трансформировалось под влиянием эгоистического «индивидуализма», на чем и сыграли демагоги.

Словом мы дожили до вырождения нынешней вооруженной силы в такое уродское явление, как «Красная Армия», грабящая и насилующая свое собственное население и готовая ограбить и разрушить все, что представится. Напрасно думают, что «Красная Армия» явление специально-русской жизни. *Она может появиться во всякой стране, не справившейся с экономическим кризисом и обладающей достаточно толстым слоем недовольных.* Мы уже видели, что она была в Венгрии, в Германии и в Италии, странах достаточно культурных. Несомненно может появиться и во всякой иной стране, лишь бы у нее был налицо запас по-современному обученных военному делу людей, а также запас социального недовольства и розни.

«Красная Армия» — исторически-логическое явление *упадка* современной вооруженной системы, при посредстве которого народоправство выродилось в самоуправство. Совершенно также, как в свое время в такое же самоуправство выродилась

когда-то благотворительная власть феодальных владельцев, а позднее и монархов, не помнивших о своем долге или выдавших его сквозь призму придворных интриг и отношений <...>

Обратимся к примерам нашей эпохи. Из армий, принимавших участие в Великой Европейской войне с точки зрения, нас интересующей, особого внимания заслуживают — армии Русская, Французская и Германская, как вынесшие на своих плечах главную тяжесть борьбы, как построенные исключительно на принципе «Вооруженного Народа» и как типичные представительницы разных видов применения этого принципа. Поучительны также и результаты борьбы, доставшиеся уделом каждой из них: *победа* — для французской армии, *поражение* — для германской и *саморазложение* — для русской армии. Было бы большой ошибкой приписать победу французов одному совершенству их организации, забыв о благоприятном действии политики, поражение немцев — недостаткам их организации, забыв об ошибках их политики, и развал русских — одной политике, упустив из виду промахи их организации. Сравнивая французскую и германскую армии, нужно признать, что, не взирая на выдающуюся, даже талантливую, последовательную работу в духе единого плана германского генерального штаба, французский генеральный штаб, столь же сильный в этой технической работе, оказался неизмеримо выше в творческой деятельности; офицерские корпуса обеих армий, не взирая на демократичность одного и аристократичность другого, можно с военной, боевой точки зрения признать равными; то же можно сказать и про солдатскую массу, не взирая на расовые их отличия; но необходимо указать на огромное превосходство унтер-офицерского корпуса германской армии по сравнению с французской: *немецкие унтер-офицеры, настоящие профессионалы своего ремесла, были истинными квалифицированными рабочими своей армии и, быть может, главнейшей опорой организационной прочности ее при испытаниях войны.*

Действительно, ни одна из воевавших армий не принуждена была так растягивать свои выше отмеченные три устоя современной военной системы, как германская и, притом, не только во имя собственных потребностей, но потребностей своих слабых соседей, австрийцев и турок, отдавая им ценные кадры для уплотнения их ненадежных рядов. И, не взирая на это, до последнего времени войны, до решительных ударов Фоша, германская армия не знала минут слабости, не чуждых всем армиям-победительницам, если не говорить об американцах, которые слишком недолго несли бремя войны.

В минуту же гражданской разрухи та же германская армия, хотя и трансформированная, удержала страну от падения вниз по наклонной плоскости анархии. Три ее устоя, генеральный штаб, офицерский корпус и унтер-офицерский кадр, и здесь сыграли роль, которая может не нравиться, но которой нельзя не отдать справедливости.

Четвертый фактор организации современной вооруженной силы, дающий ей устойчивость, техника, был в обеих названных армиях, примерно, на равной высоте, пока условия блокады не передали перевес союзникам Согласия.

Возвращаясь к основной мысли, остается лишь только, на основании грубого сравнения качеств обеих армий выяснить, что же дало победу одной и было причиной упорства другой. Ответ ясен: *из организационных данных причиной победы французов были их талантливый генеральный штаб и превосходство техники*, а лучшую по сравнению со своими противниками стойкость немцы по справедливости должны объяснить своим превосходным корпусом унтер-офицеров.

Такова роль этих факторов современной военной организации. Нужно сознаться, что *русская армия занимала во всех указанных отношениях второстепенное место*. Ее генеральный штаб не имел твердой школы и бродил от одной отсебятины к другой и от одного подражания к другому в тщетных поисках единства доктрины; ее офицерский корпус не отличался также единством доктрины и этики; главная масса унтер-офицерских кадров была в сущности не кадрами, а переменным составом, не имеющим никакой профессиональной силы; техника была далека от армии и недостаточно развита в стране; а огромная солдатская, некультурная масса, растворявшая в себе все вышеупомянутые, притом недостаточно качественно сильные кадры, нуждалась в них, как ни одна из европейских армий.

Результат, неизменно логический и неизбежный, был как известно тот, что постоянная победительница в столкновениях с армиями слабее организованными, австрийской и в особенности турецкой, русская армия ни разу во всю войну не имела решительной победы над германской, если не считать отбития наступления немцев на Варшаву, когда эта атака была отброшена подошедшими как раз к тому моменту сибирскими войсками такого выдающегося организатора, как генерал Лечицкий. Это исключение только подтверждает общее положение: *нет победы без победы в области организации <...>*

Уже в течение войны один гвардейский полк, после славных боев, понеся огромные потери, к концу сражения под Лодзью, оказался в составе всего около 1000 человек при 13 офицерах. К нему прислали 600 человек пополнения, но таких, что становилась ясной и неизбежной после влития этих людей в ряды, если не полная потеря боеспособности части, то значительное ее ослабление. Командир полка, командовавший одновременно по случайным обстоятельствам боя сводной дивизией из двух гвардейских и двух армейских полков, из которых один находился в состоянии полного морального упадка после понесенных в Восточной Пруссии неудач, просил не вливать этого пополнения в ряды части, знамя которой никогда в вековую историю не знало пятна. Начальник дивизии —

небезызвестный впоследствии среди первых большевистских генералов В.Н. Чернавин, не считал нужным удовлетворить это желание полка — *драться в меньшем, но лучшем составе*. Внял этому командир корпуса и разрешил влить прибывших людей в ряды упомянутого выше пострадавшего армейского полка, который таким образом усилился численно, не ставши от этого хуже качественно. А слабый численно упомянутый гвардейский полк настолько хорошо исполнил свою задачу до конца Лодзинских боев, что получил особую благодарность Государя, присланную на место сражения. Значит, *этот пример указывает на то, что в организационном отношении главная роль принадлежит не количеству, а качеству*. Вся военная организация построена именно на этом моральном фундаменте: самое трудное в ней не получение огромных по численности итогов мобилизованных войск, а такая комбинация призванных элементов, чтобы они работали наиболее продуктивно <...>

Вот почему разительно поучителен пример России с ее 12-миллионной армией, рассыпавшейся, как песок по ветру. Собрать «массу» — это еще не значит владеть ею. Чтобы ее подчинить, нужно слить массу в плотный монолит. А этот процесс имеет свои многовековые законы, о которых теперь все чаще и чаще забывают не только люди политики, но и мечи... *Взять человека, вооружить, обучить и бросить в бой — подобный способ действий граничит с полным безумием, избличающим совершеннейшее невежество в вопросах строительства вооруженной силы*.

Слишком часто, и не только в русской армии, особенно на первых порах войны, забывали, что кадры войск — *это драгоценность, которую следует по возможности ревниво оберегать от полного уничтожения, так как оно исключает возможность возрождения части*.

...Недостатки русской системы мобилизации уничтожали единственное ее преимущество над армиями союзников и противников — *неисчерпаемые людские резервы*. Путем недосмотра закона, при посредстве недостатка контроля и что самое важное, «бытовыми» особенностями, проистекавшими от отсутствия гражданской честности, русские боевые части были обречены на качественное вырождение, которое неизбежно должно было привести, и в действительности привело, к *крушению* не только всей армейской, но вместе с ней и всей государственной системы.

Как бы для нанесения последнего удара вооруженной силе государства, перед самым большевистским переворотом, точно, чтобы облегчить его, Керенский и его Военный Министр генерал Верховский, которые, не зная что делать, создавали свою популярность путем всяких попустительств и послаблений. Одной из наиболее губительных в ряду подобных мер нужно признать *увольнение осенью 1917 года четырех старейших возрастов*

с фронта и замена их разным числом людей из запасных частей, к тому времени уже достаточно распропагандированных большевиками.

Этой мерою были достигнуты следующие результаты:

1) Армия лишилась начисто своих лучших унтер-офицеров и вообще обстрелянных кадровых солдат, составляющих ее главное моральное ядро;

2) Артиллерия, которая благодаря малым потерям, ей свойственным, к этому времени состояла из чинов, по духу, опыту и всему своему складу напоминавших заправских солдат-профессионалов, была одним ударом подравнена к пехоте, т.е. ее уровень был понижен;

3) В армию в изобилии влились большевистско-революционные элементы и пропагандисты <...>

Таким способом, еще за несколько лет до большевистского переворота, начиная с монархического периода через все время революции, с неперменным участием командного состава, вследствие его невежества или крайней *наивности в вопросах военной организации* началась подготовка русской армии к восприятию большевистской морали. С началом революции — с марта 1917г. в армии заработали комитеты и комиссары, а к октябрю 1917г. кадры, т.е. основа всего, уже можно сказать, не существовали в армии: держался еще сильно подточенный кадр офицеров. Для его уничтожения большевикам оставалось только провозгласить выборное начало командного состава, и *армия перестала существовать*. По призыву «заклучай мир» и «уходи по домам» вооруженная 12-миллионная толпа хлынула назад, грабя и убивая своих соотечественников.

Неуважительное отношение к «кадрам» и их роли в современной системе было вообще отличительною чертою русской военной власти. У французов в самом начале войны опомнились и приняли решительные меры по прекращению мотовства боевого начальства, приводившего к полному и неизлечимому уничтожению войсковых частей; немцы никогда не отличались этой особенностью, и их кадровая система выдержала наиболее солидное испытание, дав прочность не только своей армии, но и армиям обоих слабых союзников.

В России организация кадров действующих войск была также непостоянна, как и система подачи в них запаса людей. В начале появления всеобщей воинской повинности в России кадры запаса пребывали в составе действующих частей; затем, уяснив неудобства смешения разнородных обязанностей, образовали особые специально-резервные бригады, особенно выгодные для России, так как громадность ее территории вызывала необходимость расквартирования действующих частей армии от их районов пополнения иногда на расстоянии тысяч верст; но по непонятным соображениям, как раз в то время, когда французы из подражания нам начали изучать у себя способы введения такой же системы, мы отказались от нее. Как кажется, причиною такого шага был печальный опыт в боях Японской

войны некоторых из корпусов, сформированных из таких резервных бригад. Вывод уже потому неправильный, что он явился результатом неправильной организации: не следовало из этих частей, предназначенных для фильтрации запаса, формировать целых корпусов и сразу их пускать в бой.

Столь же неправильным было и использование разных классов запаса. С первых же дней войны в ряды войск начали вливать людей всех возрастов без различия и даже ополченцев, перемешивая часто роды оружия и специальности <...>

Та же *организационная непредусмотрительность* случилась и с русским генеральным штабом. С началом войны академию совершенно закрыли, офицеров ее разослали по войсковым частям, а профессионалов — на штабные и командные должности. Все это было сделано в расчете на скоротечность компании. Когда же обнаружился затяжной характер войны, стали спешно образовывать временные курсы для подготовки суррогата офицеров корпуса генерального штаба с плохим и случайным составом профессионалов из числа по преимуществу тех, которые вынуждены были по тем или иным причинам покинуть театр войны. К концу войны таким спешным способом приготовленные офицеры генерального штаба занимали уже подавляющее количество должностей.

И здесь дурная организация и недостаток предусмотрительности сыграли свою разрушительную роль: корпус офицеров генерального штаба был испорчен, причем исправить сделанное даже при желании было уже невозможно. Для этого нужен продолжительный период мирного времени.

Минувшая необыкновенно длительная война потребовала крайнего растяжения кадровой системы всех воюющих армий, и эта опасная операция могла пройти без ущерба для самого существования данной армии только при условии бережного обращения с кадрами, при заботе об их не только систематическом поддержании, но и при обязательности их созидания и новых элементов, которые творились самою войною<...>

Современные полумилиционные армии могут быть прочны только при железной системе организации.

Иначе, как это и было с русской армией, лишившейся своих задерживающих центров (кадров), современный «вооруженный народ» обращается в вооруженную толпу, идущую только на заманчивые лозунги демагогов. Такая *толпа* делается легкою добычею партийных распрей, имеющих внутри нее свои партийные кадры, которым она подчинится охотнее, чем расплывшимся в этот момент командным кадрам. Причина очень ясна. В то время как вторые, ослабленные и деморализованные, требуют все же жертв долгу, первые, конечно только на словах, улещивают толпу эгоистическими, шкурными приманками.

Именно таким способом русская армия в 1917-1918 г. обратилась в толпы Стеньки Разина и Емельки Пугачева, чтобы затем постепенно, путем дисциплинирующих усилий своих демагогов, превратиться в *орду* Атиллы, способную схватываться уже и с регулярными войсками.

Люди, утверждающие, что все это удел русской дикости, не имеющий вероятий для повторения на Западе, должны помнить, что массою руководит не рассудок, достояние старой культуры...

Нужно принять меры, чтобы современная армия, часть этой массы, не была увлечена этой партийной организацией, как это уже случилось в России.

Под влиянием такого стремления народной толщи ее зеркало, нынешняя армия, милиционизированная и, под натиском гипноза вооруженной «массы», все более и более милиционизируемая, начинает чувствовать себя как бы нераздельной составною частью такого потока. *По мере того, как народ становится все менее и менее заинтересованным во всех внешних начинаниях правительств и все решительнее приковывается своим горячим взором к событиям внутри страны, армия сначала полусознательно, а потом все яснее и яснее видит перед собою устрашающие призраки гражданской вооруженной борьбы классов. Эти кровавые тени — неизбежный спутник милиционирования войск.* Скажут, пример Швейцарии противоречит этим мрачным выводам. Здесь речь не о государствах, не имеющих самостоятельной политики, а о державах, имеющих мировой размах <...>

В такое время, как наше, необходимо громко предупредить, что нынешняя армия несознательно готовится своими вождями для этой ужасной операции, которая, как это происходит на глазах у каждого в России, равняется полному уничтожению всего того хорошего, что может дать умеренная мудростью своих вождей революция. Это естественный путь милиции. Это форма вырождения того древнего института, который призван для охранения безопасности и целостности государства и который именуется армией.

Другая опасность милиционирования войска — это «масса». Масса, как верх выражения демократического принципа всеобщей воинской повинности; масса, как политический фактор угрожающего свойства, и масса, как стратегическое средство.

Масса, как демократический принцип, который такие люди, как Жорес и группа ген. Дюваля, хотя и доведут до предела, приведет к полному вырождению военной специальности и военных специалистов. Война, как и всякое другое дело, ведется и совершенствуется в своей технической части специалистами. Только они могут усовершенствовать военное действие так, чтобы оно потребовало наименьших усилий и жертв со стороны народа.

Масса, как угрожающий политический фактор, страшна тем, что она сама по себе вызывает войну. Вооруженный мир вооруженного народа — мы все еще недавно видели, что это такое. Напряжение готовых для удара наций было таково, что, казалось, лучше море крови, чем невыносимый гнет натянутых отношений. У народов, как и у отдельных индивидуумов, оказались обыкновенные нервы, напряжение которых ускоряло неизбежность столкновения. Как это далеко от вечного мира, о котором возвещают все творцы милиций!

Наконец, масса, как стратегическое средство, оказывается сильно подорванной. Есть много данных, которые указывают на неизбежность эволюции в сторону уменьшения численности бойцов с одновременным усилением машинности армии и трансформирования техники ведения операций, вызванного этими новыми факторами. Конечно, окончательный вывод в этой области может сделать только новый боевой опыт, но уже теперь, чтобы хорошенько подготовиться к последнему, нужна упорная теоретическая и практическая работа в этом отношении.

Чтобы закончить о массе, как средстве стратегии, необходимо, сверх того, подчеркнуть, что длительная война есть неизбежное следствие употребления масс на театре мировых столкновений. Прежний здоровый, энергичный и решительный Наполеоновский маневр, основанный на экономии сил и времени, сменился ныне войною на измор. *Победитель сделался такою же жертвою войны, как и побежденный.*

Словом, нынешняя армия, по мере дальнейшего своего милиционирования, будет становиться все менее надежной опорой государственной власти, все менее и менее действительным средством в руках командования на театре войны и все более и более верным орудием внутренней политической борьбы классов, которую даже может вызвать и ускорить.

*Не вправе ли мы эту эволюцию вооруженной силы назвать ее **упадком**?<...>*

Будущее, по-видимому, будет принадлежать не «массе» и не ее исчадию — «милиции».

Кадры и милиция

Родина современной военной системы, т.е. *системы кадров, разворачиваемых во время войны*, — Франция в эпоху Великой революции, когда угрожаемая коалицией, она нашла в себе энергию встать в поголовное почти ополчение; организатор этого ополчения Карно навек оставил за собой прозвище «Организатора побед», но не в его отечестве его идея нашла затем наиболее гостеприимный прием.

Когда Пруссия, разгромленная в 1806 году под Йеной, приговорена была победителем к сокращению своей армии до 40.000 человек, генерал Шарнгорст, тогдашний прусский военный министр, ввел в действие свою систему тайного разворачивания этого столь ограниченного кадра путем призыва резервистов. Этот призыв дал в 1813 году армию Блюхера, превосходившую 100 000 бойцов.

Как это ни странно, эта система после того пребывала в забвении везде, кроме Пруссии, которая при помощи нее вела успешно свои войны 1864, 1866, 1870-71г.г. В последнюю кампанию она победила Францию образцово усовершенствованным аппаратом призыва и мобилизации по идеям Карно. Немецкое «*levee en masse*» дало то превосходство сил и исправности их функционирования, которое с первых же дней войны всюду и везде побивало французов, не взирая на их геройство и самоотверженность.

Необходимо отметить, что *рожденная в период взрыва патриотизма во Франции*, эта система получила свой расцвет в период острых патриотических переживаний германской расы в годы завершения ее политического объединения. Только при таком патриотическом подъеме эта система может быть доведена до своего крайнего развития. *На это надо смотреть, как на правило ее бытия.*

Что же дали французы и немцы своему общему дитяти? Французы дали смелую новаторскую идею и сумели ее привести в исполнение при убожестве средств якобинской Франции, немцы придали этой идее практическую жизненность путем продуманной системы и метода. Словом, как всегда, блеск концепции — французам, старательность исполнения — немцам. Приложение этой системы за сто лет, в разные эпохи и войны, конечно, настолько разнится друг от друга, что общего зачастую остается очень немного — лишь принцип. Частности же применения, все время развиваемые и совершенствуемые, настолько разнообразны, что заслуживают того, чтобы на них остановиться. Основанная на развалинах королевской армии во Франции, нынешняя «кадровая» система армий после многочисленных эволюции на наших глазах готова обрушиться также на обломках существующего социального порядка, увлекая его силою своего падения, как это уже и случилось в России. Общая причина этого — *неразумное растяжение «кадров»* в желании поставить в ружье возможно больше военнообязанных.

Чтобы судить, до чего дошли в этом отношении в наше время, лучше всего обратиться к цифрам. Сто лет назад для наиболее напряженного периода Наполеоновских войн в 1813-1814 годах обеими сторонами было мобилизовано в общей сложности не более *1 миллиона человек*; для подобной же борьбы в 1914-18г.г. европейские армии, развернувшись каждая не менее, как в десять раз, выставили в общей сложности не менее *35-40 миллионов бойцов*. *Это был результат усовершенствования «кадровой» системы вооруженных сил, но*

это и причина ее неизбежной гибели и вырождения — как фараоновы коровы, она должна сама себя пожрать.

Система, которая для затяжной войны, на многие годы отнимает от мирного труда (и, следовательно, останавливает его) почти поголовно всех трудящихся, которая парализует промышленность, превращая ее в отрасль войны, которая держит долгими годами под ружьем все молодое и сильное из мужского населения, которая достигает путем таких невероятных жертв лишь неполных результатов, не дающих возможности провести грань между побежденными и победителями, эта система должна быть признана отжившей, или, по крайней мере, осужденной на вымирание.

Вообще говоря, «кадровая» система имеет тем большее право на существование, чем интеллигентнее страна, так как *только достаточно интеллигентный кадр может служить гарантией прочности развернутой до предела армии.* Цифры, относящиеся к русской и французской армиям, в особенности поучительны в этом отношении.

Россия, при своем населении в 160 миллионов человек, в период наибольшего напряжения борьбы смогла мобилизовать 12 миллионов, т.е. около 8%, тогда как Франция, при населении в 35 миллионов, поставила под ружье около 8 миллионов бойцов, что составит свыше 25%. Другими словами, с населением в 4,5 раза меньшим Франция выставила армию лишь на 1/3 слабейшую, чем Россия, если сравнивать абсолютные цифры, и в 3 раза сильнейшую, если сравнивать цифры, относительные к общему количеству населения.

При этом русская армия саморазложилась, тогда как французская осталась до конца прочно организованной. Первый залог и объяснение такой прочности — это интеллигентность «кадров».

Эта истина, столь очевидная из приведенных сравнительных цифр, нуждается однако и в иных, не только статистических доказательствах.

За сто лет существования «кадровой» системы армий с нею произошло то, что случается обыкновенно, когда чем-нибудь увлекаются. *С этой системой перешагнули чувство меры.* Из робких опытов начала XIX столетия сделали смелые выводы о необыкновенной растяжимости «кадров» и так как растягивали их постепенно, не сразу, исподволь, но все смелее, то и не заметили, как переступили меру благоразумия.

Нынешняя армия состоит из «кадров» и «переменного» состава различного достоинства. Кадры — это офицеры, унтер-офицеры и солдаты долгосрочной службы. Переменный состав надо разделить на две главные группы: интеллигентную и неинтеллигентную и каждую из них — на подгруппы, в зависимости не только от степени подготовки, полученной при прохождении военного стажа, но и от профессиональной

специализации, которая не может не накладывать на каждого своего адепта решительного отпечатка, особенно, что касается характера, — главного двигателя в жизни отдельных людей и народов. Этот «характер», вливаясь в армию вместе с пополнением, не может, в свою очередь, не изменять ее лица. *Вливание подобного чуждого армии элемента, должно, конечно, производиться лишь по известной системе, дабы не нарушить здорового духа армии прежде всего и ее подготовки-потом.*

Пренебрежение этим правилом, увлечение возможностью беспредельно увеличивать численность армий и есть основная причина той угрозы, которая кроется в современной вооруженной силе.

Другой причиной того же нужно назвать все более и более забываемое значение профессиональности в военном деле. Введение всеобщей воинской повинности, когда каждый гражданин проходит через воинские ряды, очень популяризировало военное дело, но и очень его, если можно так выразиться, опошвило: появились развязные главнокомандующие, вроде Керенского, посредственного адвоката, не имеющего о военном деле никаких понятий, или вроде Крыленко, опытного палача, прапорщика в запасе, приютившегося на время войны в обозе или же вроде большевика Антонова и других героев самоуверенности.

Конечно, все это карикатуры, но карикатуры вполне современные, подобно всем шаржам, отлично характеризующие свою эпоху. Эта эпоха знаменуется прежде всего забвением значения «кадров» и, что еще важнее, забвением тех законных норм этих кадров, которые нельзя преступать *без опасности для благополучного существования всей не только военной, но с нею вместе, и всей государственной системы.*

Во всех профессиях никто не отрицает важности наличия «специалистов». Никто не сомневается, например, что «квалифицированный рабочий» — основа всякого производства. И почему-то считается модным, развивая теории о милиционной системе, низведение «квалифицированного» труда в военном деле на степень совершенно ничтожную. По мнению многих создателей военных теорий с пошибом на демагогичность, он достоин полного пренебрежения, как величина бесконечно малая <...>

...Среди «людей в казармах» есть такие, без которых будет тщетным трудом создание вооруженной силы какой бы то ни было страны; это — специалисты военного дела, пожизненно ему преданные. Вообще говоря, без слов ясно: всякий специалист важен постольку, поскольку он «интеллигентен» в своей области и в своих пределах. Конечно, иная интеллигентность нужна для офицера генерального штаба, иная — для фельдфебеля роты, но несомненно и в том, и в другом случае она необходима в достаточной для данной специальности степени.

Сверх интеллигентности каждый такой специалист вносит с собой в ряды армии «духовные», крайне ценные данные, источник «этики» вооруженной силы страны.

И эта «интеллигентность», и эта «этичность», при том, носят строго профессиональный отпечаток. Несомненно, для восприятия таких специальных качеств наиболее способными из населения страны будут слои населения и интеллигентные, и этичные, т.е. достаточно подготовленные к восприятию особенностей, необходимых для кадровых чинов.

Тут и кроется разгадка загадки, почему французская армия смогла без риска для своего бытия поставить за время последней войны в ружье 25% своего населения, тогда как Россия, мобилизовав всего 8% привела свое войско к саморазложению.

В первом случае кадры были велики и интеллигентны, во втором — слабы и числом, и качеством.

Как сказано, эта интеллигентность для разных слоев кадров должна быть различной и не может быть одинаковой. Действительно, если обратиться к *генеральному штабу*, придется предъявить очень повышенные и строгие требования к его интеллекту.

Постоянная научная и практическая работа, неустанная, творческая, преисполненная предвидения, даже пророчества, лишь одна может дать генеральному штабу чувство исполненного долга, а стране — чувство благодарности к нему. Мозг генерального штаба должен быть утонченно культурный, с философской закваской, дающей возможность делать выводы вперед на основании строго логических заключений из настоящего и прошлого.

Сто лет работы германского и последняя четверть века труда французского генерального штаба дали в этом отношении блестящие образцы. Работы Клаузевица, Бернгарди, фон-дер-Гольца, Розенберга, Бонналя, Фоша и др. никоим образом не могут быть поставлены на ряду с писаниями Драгомирова, — единственное имя в русской армии, которое могло бы по популярности сравниться с ними, давшими военной науке действительно классические образцы обработки Наполеоновского опыта. Эти труды даже при отживании их фактического багажа останутся навсегда образцами научного метода исследования, тогда как хлесткие произведения фельетонного пера Драгомирова, в большинстве глубоко ошибочные по существу, должны послужить показательными образчиками того, как с точки зрения метода, не следует трактовать военные вопросы. Драгомиров, яркий и даже талантливый представитель чисто русского стиля военной литературы, стиля прибаутного, охотно хватящегося за смелый парадокс и кладущего его в основу своей логики. Этот стиль имеет свою историю. Во времена Великого Суворова ему оставался только этот путь для популяризации его гениальных идей в невежественной

рядовой массе воинства. Без наследования этих идей и этого искусства нашлись наследники суворовского литературного *стиля прибаутки*. Эти наследники были: Скобелев-дед, Иван Никитич, самородок — солдат, без всякого образования, времени Отечественной войны; Меньков — Севастопольской эпохи и М.И. Драгомиров — наших дней. Эти прибаутки украшали бедность идей и часто глубокую их неверность (Драгомировская война против современного огня).

Солидная и талантливая подготовка идейной и практической основы как военной организации, так и способов ведения войны и боя, выполненная столь блестяще генеральными штабами, французским и германским, и должна быть «главнейшей задачей всякого генерального штаба, как идейного кадра армии, ее интеллекта. Так как вопросы воспитания тесно связаны с упомянутыми отделами военных знаний, то и основы военной этики также должны быть разработаны генеральным штабом. Из этого краткого перечня не трудно убедиться, что выполнение такого труда не только составляет пожизненную усидчивую работу, но, даже вернее, последовательные систематические усилия нескольких поколений, как это мы видели на примере германской армии.

Проведение всего этого знания и опыта в жизнь и сохранение его в рядах армии в течение тех же поколений требует также не случайных исполнителей, а постоянного, проникнутого единством идей, взглядов и этики корпуса офицеров. Поле действия всякого кадра — это область интеллекта и этики. Перевес в сторону интеллекта приходится на долю работы корпуса офицеров генерального штаба, тогда как этика — поле действия прочего офицерства, конечно, не чуждого и умственной работы. Но упомянутых двух видов кадров недостаточно для равновесия всей системы вооруженной силы. Нужны еще профессиональные унтер — офицеры и профессиональные солдаты. Их специальность — исключительно этика. Они проводники в толщу солдатской переменной массы тех понятий о долге прежде всего и, вообще, обо всем укладе понятий, необходимых рядовому воину, без которых немислимо никакое воинство, претендующее на регулярность. Цель настоящих строк — доказать исключительную важность унтер-офицеров и солдат профессионалов. В наши дни это они образуют ячейки в рядах войск, которые проводят в рядовую массу мудрость опыта; это они дают устойчивость рядам при покушении со стороны вредной пропаганды современности; в двух словах, это они превращают слово в дело; слово военного закона, военной мысли, слово приказа, или слово и волю начальника. Они — фундамент солдатской массы и ее руль.

Во введении уделено место нападкам на рутинерство «специалистов». Здесь пришло время указать на полезную сторону рутины, а следовательно и специалистов. «Рутинисты» или, если хотите, «Школа» данной армии, всегда творение «специалистов», т.е. «кадров». Для

создания ее они должны быть профессионалами; должны быть они таковыми и для поддержания ее.

Но этим *роль профессионалов* не ограничивается. Хранители самого дорогого — профессиональных заветов и традиций, источника души армии, ее духа, создатели ее знаний и науки, они в то же время являются воспитателями того стоицизма долга, без которого невозможна никакая война или боевое действие, стоицизма, как следствия привычки, которую недаром вековая мудрость считает второю натурой.

Патриотический порыв в эпохи острых исторических народных переживаний, религиозный фанатизм периодов рождения новых культов, фанатизм классовой розни во время революционных взрывов, — все это прекрасный цемент для единства духа вооруженной массы, но нельзя строить организацию этого духа на столь случайном скоро преходящем фундаменте. Испытания войны так серьезны и так тяжелы, превратности ее так иной раз неумолимо грозны, что все импульсы порыва любого вида фанатизма часто не выдерживают их искуса. Массовый аффект — лишь аффект, не более. *Нельзя поддерживать духа армии взрывами. Один только стоицизм долга, одна профессиональная стойкость способны противостоять им, не уступая и не сгибаясь под тяжестью ударов военных невзгод. Этот стоицизм, эта стойкость и есть дисциплина, живыми проводниками которой, следовательно, служат всё те же профессионалы.* Никто не станет отрицать значения дисциплины в армии, никто потому не может не оценить значения кадровых чинов для ее воспитания и поддержания в войсках <...>

Жорес почему-то совершенно произвольно считает, что кадровая армия — принадлежность монархического и автократического режима, тогда как, по его мнению, только милиционная армия является республиканским типом вооруженной силы. Откуда этот вывод — остается тайною автора. Римская республиканская армия была профессиональным воинством, тогда как русская или германская, монархические, по сравнению с ней были, конечно, милицией.

Вообще форма вооруженной силы определяется не формой правления, а состоянием военного искусства и в каждую данную эпоху во всех странах, находящихся на высоте культуры, бывает приблизительно одинаковой, независимо от того, какая система правительства в них имеется. Это тем более верно, что форма правительства часто не характеризует системы правления: британская монархия, например, гораздо ближе к идеалу республики, чем многие из государств, официально усвоивших себе эту последнюю форму. Важна не форма, а демократическая сущность современного государства, ее развитие и устойчивость.

С этой именно сущностью нынешняя система вооруженной силы действительно находится в тесном взаимодействии, но эта сущность не исключает специализации, а скорее требует ее. Она требует от всех во всех отраслях человеческой деятельности личного труда и личных заслуг, труда в высшей степени изоцированного, т.е. труда специалистов <...>

...В наше время армия состоит из двух совершенно не сходных между собой категорий людей: кадровых и милиционной массы.

Эти две категории должны взаимно друг друга уравнивать в общем армейском организме. Недостатки одной должны устраняться или ослабляться достоинствами другой. Разумеется, и у той, и у другой имеются и свои достоинства, и свои пороки. В двух словах преимущества специалистов сводятся к тем военным добродетелям, без которых невозможно существование армий, их недочеты — в ненормальностях отношений к гражданскому укладу страны; обратно, достоинства милиционной массы армии — в ее нормальной и тесной связи с народной толщей, а пороки, с военной точки зрения, — в ее, к сожалению, естественном удалении от всего того, что касается войска, его духовных особенностей и его технических, организационных и бытовых основ, столь необходимых для войны и выношенных многовековым опытом.

Действительно, если у специалистов военное дело — ремесло и пожизненная профессия, для переменного состава оно — неприятный перерыв их постоянной деятельности; если личные интересы первых тесно сплетены с интересами армии, для вторых личный интерес всегда не сходится с интересами армии и, так как род занятий определяет род понятий и характер отношений, то и психологическое несходство между обеими группами военнослужащих также неизбежно: отсюда разность во взглядах на дисциплину, отсюда несхождение в отношении к особенностям быта, отсюда нередко взаимное непонимание, тяжело отражающееся на стройности всей работы армейского механизма. *Военная специальность, как и всякая иная, требует знаний и опыта.* Если первые приобретаются сравнительно просто и в короткий срок, то для второго требуется время и время. Знания образуют, тогда как опыт воспитывает; поле действия знания — ум, опыта — характер. Старая истина, — что в жизни характер важнее интеллектуальных данных, особенно в военном деле. *Впрочем, и знания, требующиеся ныне военным искусством, столь сложны, что в высших и средних своих областях, они отнимают всю жизнь для своего усвоения. Демонстрировать необходимые идеи не трудно, но чрезвычайно сложно добиться их усвоения.*

«Идеи могут получить воздействие на душу народа, лишь когда путем очень медленной обработки они спускаются из неустойчивой области мысли в устойчивую и бессознательную область чувств, где вырабатываются мотивы наших действий. Они

становятся тогда элементами характера и могут воздействовать на наше поведение. Характер отчасти образуется напластыванием бессознательных идей»¹. Ясно, что для этого нужно время и немалое время, которым, что касается военной специальности, располагают только одни «кадровые», а не переменный состав.

Последний вносит в армию всё разнообразие мнений, вкусов, политических взглядов, профессий, партийных лозунгов и, что самое важное, страстей, уровней образования и воспитания, племен и состояний, культурных стремлений, национальных чаяний и упований, общественных и национальных достоинств и недостатков.

Все это должно в армии перерабатываться особым аппаратом, и этот аппарат — кадр армии со своей монолитностью в отношении мышления, психики, чисто профессиональной морали и взглядов. Подвижности, изменчивости и даже иногда капризности переменного состава он противопоставит рутину, школу, автоматизм, технику, любовь и преданность делу, привычку и навык, единство доктрины и морали, отчужденность от политики, часто наследственность профессии, что не редкость в военной касте. И в армии естественно образуется та полезная равнодействующая, которая необходима для производительной работы всего механизма в руках государственной власти.

Сохранение этой равнодействующей в армии — труднейшая задача военной организации как в мирное, так, в особенности, в военное время. В мирное время опасно естественное и согласованное с духом времени желание увеличить численность войск с попутным их демократизированием. Во время войны кроме этих причин действуют еще несколько губительных для этой равнодействующей <...>

Высший идеал искусства военной организации в том и заключается, чтобы обеспечить самим механизмом войскового устройства непоколебимость «духа» армии не только во время мира, но и во время войны, хотя бы даже и длительной. Разгадка этой трудной загадки — в организации «кадров» и в классификации переменного состава. Пользуясь этими обеими мерами, можно конденсировать этот дух, эту невесомую, казалось бы, силу и направлять куда угодно по желанию руководящей руки, хотя бы даже против желания массы (Троцкий и красное воинство). Это совершенно, как с электричеством. Теперь каждый ученик средних классов знает, что нужно сделать, чтобы направить рассеянное в природе электричество по проволоке для производства полезной работы. Он знает, что для этого существуют особые конденсирующие и распределяющие электричество машины. Такая машина в армии — ее «кадры». Им грозит *опасность* не только во время войны, но и во время мира от увлечения чрезмерным разворачиванием армий. И в том, и в

¹ G.Le Bon. «Les Lois psychologiques», 145 (40)

другом случае нужно, классифицируя переменный состав, находить в нем те интеллигентные слои, которые, соответственно обработанные, могли бы дать, после молниеносного по своей поучительности опыта войны и во время самрй кампании, новые контингенты всех сортов кадров, нужных для непоколебимого существования армии и ее духа. Наполеон говорил: «Война быстро старит». Это выражение касалось именно ее опыта и воспитываемой ею опытности.

Армия, где принято в расчет это требование, может спокойно взирать на свое будущее и не бояться потерь, неизбежных в бою. Иначе даже успехи в сражениях могут обратиться в Пирровы победы (Россия).

Словом, необходимо, чтобы пополнение кадров во время войны было соображено так, чтобы «относительное» превосходство духа было бы всегда на нашей стороне, а дух — это «кадры».

Существует очень распространенное, «ходячее» и потому страшное своей неодолимостью мнение, что так называемое военное школьное и внешкольное обучение и воспитание может возместить недостаток кадров. Это способно парализовать, и то отчасти, лишь в слабой степени, нежелательные с военной точки зрения данные милиционной массы, а не отсутствие или неудовлетворенность кадров. Все эти школьные батальоны, соколы, бойскауты никогда не включают в свои ряды той массы юношества, которая одна способна обеспечить пользу этих организаций. В противном случае они обращаются в забаву более или менее зажиточных классов населения, интересующихся спортом <...>

Недостатки кадровых войск, как сказано, исходят из удаленности их от общих бытовых условий населения страны, от их обособленности, иногда чисто кастовой, как это наблюдалось, да и наблюдается по сию пору в германской армии. Эти недостатки приводят к следующему: к цезаризму, к преторианству и к наемничеству.

Недостатки милиционной массы армии, исходя из ее отдаленности от военной специальности и от многих положительных особенностей ее быта, приводят нередко ее к политиканству, к индивидуализму, к эгоизму импульсов и, как следствие всего этого, к недисциплинированности и саморазложению.

Без особых доказательств ясно, что цезаризм и преторианство не страшны, раз существуют постоянные или наемные войска. Что ж касается наемничества, то мы его видим в Красной армии во всей его красе (и здесь не исключается опасность и цезаризма, и преторианства), а также в среде тех отдельных военных, которые среди бури революционных переживаний с невероятной легкостью меняют свою политическую окраску, в зависимости от того, кто может в данный момент оплачивать их услуги. Вообще говоря, этому наемничеству не бывает места в нормальное время и в нормальных условиях быта армии.

В итоге о недостатках, свойственных кадрам, приходится признать, что они в нашу эпоху или нежизненны (цезаризм и преторианство), особенно в нормальных армиях, или же сводятся к порокам той худшей части, без которой не может, к сожалению, обойтись никакая среда.

Обращаясь к недостаткам милиционной массы, нужно признать, что они не только существуют в настоящее время во всей силе, но и обещают большое развитие в будущем. Если с полной справедливостью приходится установить, что цезаризм и преторианство в наше время представляют исторический пережиток, а наемничество всюду, кроме Красной армии, порок не массовый, чисто индивидуальный, не страшный всему армейскому организму, то политиканство, индивидуализм, эгоизм, недисциплинированность, склонность к саморазложению и даже к интернационализму, как идеалу, — все это находится в расцвете развития, обещающего в недалеком будущем сделать главную народную массу, быть может, способной и пригодной лишь к гражданской войне и к бою, т.е. к смуте.

Сверх отмеченного, приходится также подчеркнуть, как следствие, и еще одну психологическую особенность, к которой очень склонна современная милиционная масса и от влияния которой вполне обеспечены кадры армий, это — демагогия и тесно связанный с нею цинизм, которые способны даже заменить отсутствующий общий идеал, что мы и видим в Красной армии, где именно демагогия и цинизм, доведенные до высшего совершенства, сплачивают воедино разнокалиберную и разноплеменную массу, в большинстве враждебную идеалу своих вождей.

В двух словах: недостатки кадров аннулированы современными условиями, силою вещей, тогда как именно они усиливают пороки милиционной массы.

Невольно припоминаются, при этом, слова Наполеона, сказанные им князю Меттерниху в разговоре об организации тогдашней австрийской армии: «У вас забывают самое драгоценное в армии — это кадры!»²

Государство не только приготовило армию, внимательную к голосу демагогов, но и создало ту систему вооруженной силы, которая держала в течение долгих четырех с лишним лет войны под ружьем огромную массу в 35-40 миллионов людей, оторванных от своего обычного труда, от своей семьи, от мирного обихода, при полной неизвестности, возможно ли будет и как скоро возобновить свой прежний труд. Шутка ли сказать: 35-40 миллионов! Много ли в Европе великих держав, имеющих такое население!

Психика всей этой массы под длительным воздействием войны не могла остаться неприкосновенной. И когда святой подвиг был окончен, когда лучшие душевные эмоции

² «Memoires, documents et ecrits divers laisses par le prince Metternich», p. 123

войны прошли, наступила очередь тех, которые вызваны суровыми условиями личной жизни. Беда, когда эти условия объединяют воедино не сотни и тысячи, а миллионы людей, притом всех европейских рас. Беда, когда это недовольство распространяется среди массы, известным образом перевоспитанной войною.

«Люди, которые в продолжение нескольких лет привыкли к грабежу, пожарам, убийству и к презрению всего того, что они привыкли уважать, не будут вести себя вновь также, как они вели себя до войны. Кривая преступности будет долго повышаться у авторов стольких правонарушений... Когда все препоны, воздвигнутые цивилизацией, разрушены, очень трудно их восстановить».³

Бывшие солдаты повсеместно принимают живое участие в забастовочном движении, внося в него ту привычку действовать в коллективе, которую воспитала в них. армия и, следовательно, государство. Особенно опасно такое участие для стран с сильно развитой промышленной жизнью, где массы живут наемным трудом, нарушенным войною. Еще недавно в Англии вспыхнула именно такая стачка бывших солдат, в количестве не менее миллиона человек, оставшихся без места из-за войны. И творчество государства, желавшего смягчить движение, не пошло далее организации общественных работ, т.е. полумеры, еще никогда никого не удовлетворившей и бесполезно истощающей государственный бюджет.

Все эти явления народного быта — продукт отжившей организации милиционного, переменного состава армий.

Путь противодействия этой нежелательной эволюции — это путь усиления и улучшения кадров, как противовеса масс. В этом отношении, как это ни странно, даже наемные армии надежнее для государственной власти, чем милиционная.

Они всегда исполняют приказ нанимателя. Такова Британская армия. Она в руках своего правительства будет надежным орудием борьбы в период, когда гражданская распря того потребует.

В заключение нельзя не прийти к выводу, что если дальнейшее милиционирование массы приведет к гражданской борьбе, то совершенствование кадров, в связи с усовершенствованием оружия, закончится сокращением армий.

Малые хорошие армии будут побивать огромные милиции совершенно так, как персидские полчища разгромлялись небольшой, но отличной по качеству армией Александра Македонского.

Когда это случится — предугадать нельзя, но быть уверенным в этом можно <...>

³ G. Le Bon. «Premieres Consequences», p. 291

Полчища и демократия

Армия, один из рычагов государственной власти, должна быть готова для борьбы на оба фронта — внешний и внутренний. И эта готовность не может ограничиваться лишь постановкою цели, но должна обеспечить «возможность» такого действия. Внутренняя организация войска укажет, можно или нельзя рассчитывать на него при обеих комбинациях: ясно, что для борьбы внутренней нужны свойства иные, чем для внешней войны. В нынешней вооруженной силе можно найти все необходимые элементы; нужно только сознательно их классифицировать и дать им назначение соответственно их свойствам.

Весь вопрос в качестве и количестве. Для внешней борьбы по опыту минувшей Великой войны масса все еще служит необходимым залогом победы. Будет ли это так и в следующую войну, категорически сказать трудно. Имеется несколько веских данных, предвещающих реакцию в сторону сокращения современных полчищ. Об этом речь будет впереди. *Но пока военному организатору к разрушению массы приходится подходить с осторожностью. Поэтому массовые армии признаются пока необходимыми для внешней борьбы.* Следовательно, в этом случае, не взирая на присутствие внушительных предупреждений о непрочности современных полчищ (Россия), количеству все еще отдается предпочтение перед качеством.

Не то — при борьбе на фронте «внутреннем». Здесь масса не имеет никакого значения. Отбор и качество — вот необходимые данные для успеха борьбы. Войска должны обладать иммунитетом от заразы внутри. Здесь важен не набор людей, а их выбор. Набор — это милиция, выбор — это кадры <...>

Лучшею стойкостью на «внутреннем» фронте отличаются, конечно, наемники. Они свободны от каких бы то ни было политических симпатий или антипатий.

Такие войска имеются в наше время только в Совдепии, в Германии, в Англии и в Америке. Китайцы, Латыши и коммунистическая часть Советской России это — циничное выражение принципа аполитической армии, как условие силы государственной власти. Этот циничский пример дорог тем, что он показывает самодовлеющее могущество правильной военной организации и верность высказанной мысли о достоинствах наемных войск. Большевики нам показывают своим начинанием, что самое важное — это правильность принципиального решения вопроса военной организации. Раз это имеется налицо, даже вопрос национальности контингента не играет преобладающей роли.

Последние мероприятия большевиков, очевидно, довольных достигнутыми результатами, направлены на интенсификацию наемнического элемента в своих войсках. «Большевики открыто заявляли о необходимости полной реорганизации Красной армии к

весне 1921 года на основе образования многочисленных и поддающихся широкому развертыванию кадров красных офицеров, коммунистов и вообще наемников, долженствующих дать «надежную» спайку «действительно сильной армии»⁴. Что это означает? Это значит, что большевики удовлетворены своим опытом с наемниками и готовятся поставить эту организацию на широких началах, использовав неисчерпаемые людские резервы России. Им это не будет трудно, так как в бездомных, голодных, выбитых из колеи и находящихся в безнадежном состоянии людях, ищущих вступления в Красную армию, как средства не только не умереть с голоду, но даже, быть может обогатиться, недостатка не будет. Ныне вся Россия — готовый резервуар для пополнения такой наемной армии, которой никогда не видала история. И эта армия будет претендовать на социальный переворот в истории.

Возможно ли это? Скажут, что в истории не было огромных наемных полчищ. Мы имеем случай совершенно исключительный. В России не существует ничего, кроме разорения. У народа нет иной надежды исправить свое положение, как за счет «материалов» чужого государства. Способы: концессии и война, причем оба эти слова с успехом могли бы для ясности быть заменены одним — «грабеж».

Так как, надо надеяться, в конце концов заманиваемые большевиками концессионеры поймут вовремя угрожающую им опасность ограбления, то этот путь уже теперь нужно рассматривать, как неудачный. Остается другой: война. И на нее в России охотно пойдут многие и многие из числа влиятельных: и убежденный, и поддельный коммунист ради мировой революции и мирового грабежа, и патриот ради восстановления границ и великодержавия родины, и бездомный и голодный ради теплого угла и куска хлеба, аферист, спекулянт, авантюрист и преступник ради личной выгоды, карьерист ради честолюбия, наконец, инородцы-латыши, башкиры, киргизы, буряты, кавказцы и прочие азиаты, оставшиеся на культурном уровне орд Батыя и Мамаю; да и молодежь, не учившаяся, одичавшая и сбита с толку — прекрасный материал для новых орд современного «Атиллы» <...>

«Получилось парадоксальное явление: длительная сверхсильная война утомила армию; армия вместо того, чтобы вернуться домой, произвела революцию; революция привела к разрушению дома и продолжению войны и тем настолько оторвала часть армии от мирной жизни, что заново приковала ее к войне»⁵.

⁴ «Руль», 18 -1.-1921, №51, «Красноармейский бунт».

⁵ Там же.

И для того, чтобы удержать армию в качестве столь надежного в своих руках орудия, большевистские власти не щадят усилий по упрочению и увеличению наемного, кадрового элемента, зная, что переменный состав не делает войска.

Тем более удивительны усилия французской демократии расплыть 15.000 офицеров, оказавшихся излишними по штатам мирного времени. Не зная, что с ними делать, их отпустили сначала в 2-летние отпуска в надежде, что они «устроятся». *Однако эти люди войны почти все предпочли по истечении отпусков вновь надеть форму. Казалось бы следовало использовать этот капитал народной обороны, изменив штаты. Ведь эти офицеры стоят по крайней мере 200.000 солдат. Но нет, решено этот капитал уничтожить так или иначе. Конечно, это не будет трудно. Трудно было создать эту силу; для этого нужна была война.*

Если Красная армия интересна для нас как войско, построенное на началах наемничества для целей наступления, то Британская армия, организованная на тех же принципах, обращает на себя внимание *в работе по обороне «внутреннего» фронта*. Эта работа происходит без малейших недоразумений. Британская армия в Ирландии сдает великолепный экзамен незаражаемости. Без преувеличения можно сказать, что в данный исторический момент она главная и, быть может, единственная опора британского могущества <...>

Итак, наемники в Совдепии, профессионалы постоянной службы в Германии, наемники в Англии. Все с успехом исполняют свое назначение. Как помирить эту действительность с господствующей теорией о солдате — гражданине, безраздельно господствовавшей до последнего времени? *Не теории создают жизнь, а обратно, жизнь создает теории*. Лишь действительность дает им само право на существование. Все равно, как в юриспруденции: сначала практика, а потом уже закон. На наших глазах бурная практика в России смела без остатка столетиями слагавшийся закон, но история не знает случая, когда закон мог бы остановить бурную жизнь. Не непонимание ли этой истины служит, между прочим, причиной неудач современной Англии, где культ буквы закона так высок? К сожалению для спокойствия человечества не жизнь идет за законодателем, а законодатель гоняется за жизнью. То же происходит и со всевозможными теориями. Они хороши лишь для популяризации уже неразрывающихся и существующих жизненных явлений, для объяснения и более энергичного проведения их в практику.

«Я думаю, — пишет Ле-Бон, — что только умственная тупость толпы и узость мысли некоторых фанатиков могут еще оставаться при идее, что важные социальные изменения делаются декретами. Единственная полезная роль законодательств — давать законную

санкцию изменениям, которые нравами и мнениями окончательно приняты. Они следуют за изменениями, но не предшествуют им»⁶.

Для военных организаторов вопрос о введении наемнического принципа хотя бы для части вооруженной силы есть не столько вопрос военный, сколько политический, а известно, что в этих вопросах нет более сентиментальных людей, чем военные. Отказаться от солдата-гражданина и перейти к найму — значит отказаться от тех чувств и представлений, которые имеют за собой по крайней мере столетнюю давность. Все нынешние военные выросли в мысли, что ничего не может быть хуже наемника и ничего нет лучшего, как солдат-гражданин. И между тем современная жизнь начинает все чаще и чаще показывать, что могут быть положения, когда наемник бывает несравненно лучше солдата-гражданина <...>

«Вооруженный народ» вовсе не такое послушное орудие в руках политической власти, как это принято обыкновенно думать. «Вооруженный народ» нередко сам навязывает свою волю власти, и, к сожалению, не всегда эта воля выражает наиболее мудрое решение вопроса. Нередко прозорливая политическая власть, сознавая это, все же видит себя вынужденной послушно плестись за капризным хотением эгоистически настроенной массы.

Талант и предвидение всегда дарование одаренных людей, а не масс. Толпа живет жизнью, которая отстает на несколько сот лет от жизни гения. Поэтому не удел толпы принять решение, продиктованное предвидением. Однако, не взирая на это, политические деятели, предчувствующие события, умеющие их предугадать, вынуждены зачастую вопреки своей прозорливости идти, уступая тупому хотению массы, т.е. грубой силе. Нынешняя армия из орудия власти постепенно обратилась в орудие давления на нее <...>

Единственное государство, где не изжиты еще империалистические стремления — это Япония, и поэтому в ней имеет право на законное и безбедное существование нынешняя система вооруженной силы в ее чистом виде. Тут армия не откажет никогда правительству ни при каких его начинаниях.

Все прочие армии, чтобы сделаться столь же послушным орудием в руках государственной власти, должны реформироваться в сторону профессиональности, т.е. наемничества. Как это удобнее всего осуществить, об этом будет сказано впереди. Пока же можно вновь повторить, что текущие события и сама жизнь уже дают нам для этого образцы. Необходимо их схватить, что называется, налету и энергично, пока не поздно, осуществить.

Чтобы на это решиться, придется совершить великий подвиг; отказаться от предрассудка, имеющего столетнюю давность, о полной непригодности наемного солдата.

⁶ G. Le Bon, «Les Lois psychologiques», p.86

Забывают при этом, что солдату-гражданину всего сто лет, тогда как солдату профессионалу-наемнику многие столетия. Он создатель величия Рима, он же творец и британского могущества. Не прусский гражданин служил Фридриху Великому в его трудах по закладке величия и могущества королевства Прусского, а наемник, часто международный авантюрист, боявшийся палки своего капрала больше, чем пули. Фридрих Великий сознательно ковал себе свое послушное воинство, готовое со своим вождем вместе, в качестве слепого орудия, далеко опередить жившее тогда поколение прусских граждан. Ленин теперь делает то же самое со своей Красной армией. Человек «без предрассудков» в этом отношении «без школы», а, следовательно, без «рутины», он имеет в этом отношении большое преимущество перед своими противниками <...>

Армия из солдат-граждан, набранных по общей воинской повинности, — это учреждение по существу своему демократическое. Она может существовать только в стране с демократическим устройством. Только в стране с развитою и организованною общественностью это войско способно пережить все тягости военного времени, не рискуя собственным развалом еще до достижения цели. Именно поэтому, между прочим, рассыпалась и русская армия и именно по этой причине оказалась столь жизненной французская, поставившая в ружье 25% населения, тогда как русская мобилизовала едва 8%. Демократическая армия иногда сдает прежде времени, как в приведенном греческом примере⁷ и сдает под влиянием общественного мнения, но она и поддержку свою духовную получает также с тыла, от того общественного мнения. Без этой поддержки она сражаться не может.

Один русский генерал, весьма неглупый, с брезгливостью допрашивал всех: «Скажите, что значит выражение — общественное мнение?» Этот генерал не был на фронте. Тогда другой тоже русский генерал, отбывший на фронте всю войну и смуту, ответил ему: «Это то, чего не хватало русской армии для победы». И, действительно, дух современной вооруженной громады куется общественным давлением с тылу: в парламентах, в печати, в общественных организациях, в учебных учреждениях, в литературе, в семье. Вот почему неизъяснимо велика заслуга таких кузнецов общественного мнения во время войны, как Клемансо с его борьбою с пораженцами, и на века проклятая работа русского Штюмерера, о котором Людендорф, говоря о событиях 1916 года, пишет в своих записях: «Штюмерер... был

⁷ «Корреспонденты итальянских газет пишут, что, когда новость о событиях в Афинах дошла до греческой армии в Малой Азии, солдаты сделали большую демонстрацию с криками: “Да здравствует наш король Константин!” Среди офицеров произошло некоторое возбуждение, но они кончили тем, что присоединились к этим крикам. Единственный полковник, объявивший себя за Венизелоса, угрожаемый солдатами, должен был сесть в поезд, чтобы покинуть фронт и вернуться в Смирну».

уже давно председателем совета. Начали говорить о возможности заключить мир, используя сотрудничество последнего». В одном случае — о гениальная энергия для установления сотрудничества общественного мнения с армией, в другом — намечающееся сотрудничество с противником, причем несомненно отношение Штюмера к общественному мнению было аналогично с приведенным взглядом одного русского генерала.

В России общественное мнение во время войны не пользовалось почетом и в то же время хотели использовать огромный армейский аппарат, вся моральная сила которого зиждилась на этом самом мнении. Презирать эту силу — отнюдь не значит ее упразднить. Она, конечно, существовала, жила своею жизнью, независимо от правящих кругов, с ними зачастую расходилась, хотя упорно и добивалась сотрудничества, пока, наконец, не разошлась совсем. И так как общественное мнение ищет вождей, и так как правительственные вожди в своем ослеплении его упорно чуждались, оно нашло своих вождей, увлеченных взрывом революции и вскоре также снесенных волною беспредельного народного гнева. Правильно сказал один из наиболее заметных вождей того времени: «Вы думаете, что это мы сделали революцию. Это она нас сделала». Точнее говоря «оно», общественное мнение — руководящая сила демократического строя.

Она, как и всякая сила, в руках истинно — демократических вождей, может быть канализирована и направлена на полезную работу, как это случилось во Франции во время войны, и может быть заброшена в анархическом состоянии, как в России, и тогда, прорвавшись наружу, она произведет только разрушение. Это своего рода «белый уголь» психологии народных масс. Он любит опытных кочегаров. Таким именно кочегаром и был Клемансо. Он делал для фронта ту работу, отсутствие которой в тылу нечем заменить на фронте. Не во власти военных вождей, будь они недюжинных ораторских дарований, восполнить этот пробел непосредственным влиянием на солдатскую массу. Эта масса духовно питается с тылу. После переворота в России многие вожди русской армии пытались такую именно словесную пропаганду удержать от развала вверенные им войска. Многие из них обнаружили при этом действительно редкие дарования живого слова. Многие ворочали комитетами, как хотели. Но все эти усилия выразились лишь в более позднем развале частей. И объясняется это очень просто: *надо было работать не на фронте, а в тылу. Надо было влиять на общественное мнение и общественные силы страны, а не на армию, которую вместо втягивания ее таким способом в политику, следовало сберечь от нее, насколько возможно.*

Дело Керенского, который тогда был всем, всем, всем, если бы он был на месте, подобно Клемансо, и понимал бы положение, заключалось не в скачке по фронту с митинговыми, истеричными речами под такие же истеричные крики, а нередко и под

дружный свист солдатской толпы, а в работе в тылу, во влиянии на общественное мнение страны. Последнее само передалось бы в армию. *Недостаток влияния политического вождя в тылу не может быть возмещен влиянием в армии, так как и страна, и ее полчища одно и то же.*

Вся эта напряженная, но неверная работа Керенского, призывавшего свои полчища на наступление, окончилась, как известно, Тарнопольским скандалом, бегством превосходных сил перед малочисленным противником.

Штюрмер был противником общественности. Керенский был выдвинут ею, но оба были замечательны непониманием ее общественных сил, во главе которых волею судеб стояли. Поэтому оба они работали равными, противоположными путями, но в одном направлении. Между ними сходства, как это ни странно, гораздо более, чем кажется с первого взгляда. Слепота и непонимание были общими и результат тоже — развал сил России.

Итак, перед нами три вождя: Штюрмер, Керенский и Венизелос. Скажут: последний не может идти в тройку с двумя первыми, он — знаток народной массы, он умел ею владеть, он ее двигал на подвиги. И между тем он, как и Керенский, не знал, что можно потребовать от современной армии и чего нельзя. Он не знал, что *нынешние полчища совсем не послушное орудие в руках своих начальников, а послушное лишь условно, пока вожди творят волю массы.* В этом отношении теперешние войска, как и во всех прочих, разделяют психологию демократической громады.

«Чем более распространяется и крепнет демократический дух на основе возрастающего умственного развития масс, чем более многочисленны эти круги, тем сильнее их критическое отношение к всякому авторитету, тем менее общим признанием пользуется даже крупная личность с несомненными заслугами». На наших глазах произошло крушение популярности лиц даже такого высокого достоинства, как Клемансо и Венивелос; Вильсон из распорядителя судьбами превратился в очень непопулярного простого гражданина родной страны; даже маршал Фош не избег шокирующего прикосновения части печати. Конечно, это тяжело для людей такого высокого идеала и такой чистой репутации. Но будем ли роптать на это? Разве лучше, когда авторитет переживает себя и безвозбранно, как в России генерал М.И. Драгомиров, не приносит в течение десятилетий ничего, кроме вреда? «Демократия доверяет своим вождям, но не доверяет им слепо», что было при почитании «героев» прежде.

Оно сохранилось лишь в Японии в явном противоречии с демократизмом. Прежде, и еще недавно, оно было и в России. «Бисмарк понимал это; главное достоинство русских, говорил он, состоит в том, что ими легко управлять. В этом замечании выражается мысль о

русском обществе, как о среде мертвой, неподвижной, где легко укрепляется слепая вера в авторитет».⁸

Теперь это безвозвратно миновало. И для русского авторитета нужна демократическая организация выражения общественного мнения. *Вождь только тот, кто владеет этой организацией и умеет ее отправить на действие во имя любезной ему идеи.* Но это политика, которой не должно быть места в армии. А между тем современные полчища очень и очень к ней склонны вследствие своего внутреннего устройства. Следовательно, чтобы избежать этого, исход один — изменить организацию войск.

Влияние демократической системы на армию не ограничивается вышесказанным. Необходимо указать еще на *демагогию*. Что касается русской армии, то в ее пределах эта черточка начала наблюдаться задолго до войны. Приказы М.Драгомирова, касающиеся отношений офицеров и солдат, носили все отличительные особенности самой вредной демагогии, рассчитанной на впечатление в солдатской массе. И они действительно производили свое развращающее влияние. Автор их, конечно, был далеко от мысли, что он своими словами рубил дерево морали армии под самый корень. Обратно, он был уверен в противоположном действии его хлестких приказов. И у него, как у человека талантливого и, притом, активного, конечно, нашлись подражатели и неталантливые, и иной раз просто неумные, которые перещеголяли своего учителя в грубостях по адресу офицера. Чему же удивляться в период революции, когда офицер сделался мишенью для оскорблений, если его старшие товарищи по армии не щадили еще в мирное время? Создалась особая школа хамства в обращении с офицером. После революции демагогические способы влияния на массу расцвели, как никогда. Многие начальники были грешны в этом. В итоге они могли бы быть лучшими свидетелями, что эти способы, негодные нигде, лишь губительны и для дела, и для самих демагогов. Это вернейший способ разложить войска в кратчайший срок.

Но все эти попытки слабых военных начальников есть ни что иное, как неудачные старания найти новые способы воздействия упадающей власти на солдатские массы. Как в политической области, так и в военной личное обаяние вождя пало. Вернее говоря, его труднее получить и еще труднее удержать. Массы оказались неблагодарны. *И как прежде в малых армиях, состоявших из профессионалов-наемников, вождь был все, так в нынешних полчищах он окончательно потерял самодовлеющее значение. Он ныне лишь часть и выразитель системы.* Влияние его также обуславливается его принадлежностью системе. Разрыв с нею или уклонение от нее значит и гибель его авторитета. Только таким положением дела объясняются варварские убийства таких вождей русской армии, как

⁸ Проф. А.А. Исаев. «Вопросы социологии», стр.183.

Русский, Радко-Дмитриев, гр. Келлер и масса других, а также потеря авторитета М.В.Алексеевым, Калединым, Лечицким и таким героем любви к своей родине, как Корнилов. Таков роковой закон демократизма.

Что нынешняя армия по своей организации уже многие десятки лет представляет собою демократические образования, построенные на принципах равенства перед законом и на службе, где нет никаких сословных перегородок, это является избитой истиной даже для таких армий, как германская. Сама численность полчищ вызывала уравнение. Невозможно было бы даже и думать обеспечить современную армию офицерским составом, преследуя какие-то перегородки. Добиваться в наше время какой-то демократизации офицерского состава — это значит ломиться в открытую дверь. Керенский силился было что-то придумать для этого, но ни до чего путного не додумался и ограничился лишь приказом об обязанности для воспитанников военно-учебных заведений самим подметать полы своих покоев.

К сожалению, этот, как и все приведенные примеры демократической работы в Русской армии, сводился к популярничанью в демагогии, что, в сущности, одно и то же.

Тем более полезно посмотреть настоящую демократическую деятельность, направленную на пользу армии. Этот образец нам дает Франция. Как и везде, в начале войны в управлении страны был введен автократический режим. Вскоре однако там отдали себе отчет в том, что автократическая воля при всех ее даже иной раз выдающихся дарованиях не в силах использовать все полезные силы страны и еще менее — обезвредить губительные влияния. Почувствовалось, что ее, даже творческая иной раз, фантазия оказывалась недостаточной для конденсирования всех сил страны во всем их разнообразии. Наконец, было признано, что эта автократическая воля не справляется с задачей необходимого контроля. Талантливые люди французского правительства признали тот факт, что насколько нужно и необходимо умение и искусство одаренного человека использовать и направить производительные силы страны, насколько же обязательна в пределах допустимого известная свобода выражения последних, их самостоятельность, без чего не может быть работы от сердца, работы творческой. По справедливому мнению Ле-Бона эта особенность современного демократического общества имеет силу естественного закона. «Один из величайших уроков войны будет несомненно тот, что он научил народы и их вождей, если не в окончательной форме, то по крайней мере надолго, что известные естественные законы господствуют над волею даже наиболее могущественных деспотов».⁹

⁹ G. Le Bon «Premieres Consequences», p. 97

Нужно ли приводить примеры глубокой верности этих слов, написанных еще до всем известных катастроф единоличной воли в ее неразумном отрицании коллективной воли демократического общества? Эти примеры у всех перед глазами. Их драматизм усиливает звук этих пророческих слов до густых раскатов тревожного набата. Имеющие уши да слышат!

Во Франции этого набата не понадобилось. Там нашлись люди предвидения и чистой совести, чтобы предупредить иначе неизбежную драму. Они поняли вовремя, что автократическая власть, необходимая в начале войны во имя молниеносного, если можем так выразиться, объединения сил и воли страны, а также для устранения злой воли общества, с течением времени сама и помимо своего желания, выродилась в злую волю, мешавшую обороне. Вследствие этого и свобода, и энергия выявления общественных сил пала.

Этому сознанию, конечно, предшествовал критический период борьбы. Нужно было время для торжества этой идеи. «Эта общая неспособность понять силу естественных законов кроется несомненно в том, что они воздействуют только через известный промежуток времени, тогда как диктаторские мероприятия дают представление о немедленном эффекте. Видимое близкое заслоняет невидимое отдаленное, но неминуемое»¹⁰. Этот оптический обман был настолько силен, что общественное мнение покорно примирялось даже с беспорядками, даже с злоупотреблениями как с неизбежным следствием войны.

«Однако кончилось тем, что уткнулись в ту точку, что автократическое правительство должно эволюционировать и подчиниться парламентским собраниям, столь долго избегаемым».

Если судить по русскому примеру, такая мера рисовалась крайне рискованной, так как должна была привести к бесконечной болтовне и к парализованию воли власти. Однако в стране с настоящей демократией, т.е. такой, которая привыкла и умеет работать и говорить так и ровно столько, сколько это нужно для дела, результаты получились блестящие <...>

Как бы то ни было, усилиями организованной французской демократии, настроенной патриотически и умеющей не только болтать, но и делать дело, кооперация общественных сил и командования была налажена во имя спасения Франции. И долг справедливости требует сказать, что без этой заслуги демократии не было бы победы.

Сознавалась необходимость такой постановки дела, сочетания здоровой критики и исполнения и в России. «Жертва измены отовсюду, обманываемый своими советниками, видя свои армии беспрестанно побиваемыми, не зная, к кому обратиться, Царь решился созвать Думу. Хотя лишь тень Парламента, она быстро разоблачила измену и

¹⁰ Стр. 97

злоупотребления, которые подвели Россию к самому краю пропасти. Военный министр заключен в тюрьму, один из его протеже, который продавал все планы генерального Штаба противнику, повешен, другие осуждены на каторжные работы. *Хищения были остановлены*, по крайней мере на некоторое время, и *снабжение боевыми припасами достигнуто*. Но идти далее по тому же пути помешали, конечно, те люди, которые слишком рисковали от наличия контроля». «Разоблаченные скандалы были так, к тому же, велики, что предпочли распустить Думу, чтобы не слишком пугать общественное мнение»¹¹.

После нее русские парламентарии не только вошли в ближайшее общение с армией, но, можно сказать, ринулись на это сближение. Но как! Вот вопрос, на который лучше ответить примерами из были.

В начале марта 1917г. на ст. Замирье, близ Несвижа, стоянки штаба 2-ой армии, приехал один из видных членов временного правительства, министр внутренних дел, впоследствии Туркестанский генерал-губернатор, Н.Н. Щепкин и собрал митинг из толпы солдат, болтавшихся на тыловой станции: это были разные рабочие команды, люди тыловых служб, интендантские сторожа и солдаты, самовольно отлучившиеся с позиций. Среди такой аудитории Н.Н. Щепкин, в своей наивности, позволил себе высказать уверенность, что с пришествием свободы революции, старая дисциплина в армии, «которую злоупотребляли», также найдет свой конец. Ничто не произвело такого радостного впечатления на собравшуюся толпу настоящих или будущих дезертиров, как именно эти слова думца.

Не взирая на такую *преступную демагогию*, Щепкин, замаскированный почему-то купчиком, в поддевке и в сапогах бутылками, был впоследствии едва не избит солдатами на фронте, где один из них прервал митинговые упражнения наивного парламентария криками: «братцы, не слушайте его, это переодетый провокатор». Впоследствии Щепкин жизнью своею заплатил за свои демагогические, безумные шутки в Туркестане. *С толпой шутки плохи!*

Так же и за то же сенатору по назначению временного правительства Соколову окружавшая оратора толпа солдат 10-ой армии с такою силою нахлобучила на голову стальной шлем, что «оратель», по солдатской терминологии, повалился, как подкошенный, и только случайно остался жив.

О свистках по адресу Керенского уже упоминалось, хотя в свое время о них старательно замалчивалось при помощи и любезном содействии цензуры.

А между тем в предупреждающих голосах, и голосах авторитетных, в России недостатка не было. *На циркулярный запрос военного министра начала революции, можно ли*

¹¹ G. Le Bon. «Premieres Consequences», p. 101

ввести политику в армию, все честные начальники ответили категорическим и доказательным «нет». Несмотря на это, А.И. Гучков послушался советов тех из генералов, которые ему ответили дифирамбами его идеи.

Один из таких, начальник только что сформированной и скорее других развалившейся дивизии, генерал Ставров, писал о политике в армии настолько восторженно, что его мнение лучше всего было бы изложить стихами. К сожалению, генерал стихом не владел. Один из начальников штабов армий, вызванный в половине марта 1917г. в Петроград для инструктирования военным министром, был приглашен, очевидно, для поучения, на заседание думского комитета с участием генерального штаба в доме министра на Мойке. Председателем был никогда ничем не командовавший, пресловутый генерал Поливанов; среди присутствовавших были: Л.Г. Корнилов, уехавший в начале М.В. Родзянко, Шингарев, Масленников и др.

Говорилась такая чушь о мерах необходимой демагогической пропаганды в армии, что свежий человек с фронта, не зная хорошенько, располагал ли он в этом заседании правом голоса, решил протестовать и в выражениях, быть может, несколько горячих и негодующих, старался объяснить святым людям, что армия — это, к счастью, еще не гарнизон Петроградских банд, который, очевидно, держит в руках присутствующих, *что армия еще прочна, что если с ней не делать глупостей, то ее можно предохранить от участи столичного гарнизона и т.д.* В ответ на эти слова Поливанов засуетился и поспешил закрыть заседание, не обсуждая мнения с фронта. После заседания он «отечески» старался успокоить расхोлившегося «бестактного» генерала, причем среди доводов увещания был и такой: «не придавайте серьезного значения тому, что здесь говорилось». Ныне вполне ясно, серьезно все это было или несерьезно.

Все эти люди не знали, что творили и брались за дело, которого не понимали и не знали. Свое святое неведение они считали возможным заменить демагогией. Ею можно двинуть толпу только на разрушение. Если же хотят получить от толпы героические усилия, нужны иные средства, гораздо более трудные <...>

Было бы полезнее для дела, если бы парламентские деятели остались и после революции при своем прямом деле, и по примеру французских собратий, способствовали бы не разложению армии, а ее скреплению. Увлеченные болтовней на фронте, в условиях для них совершенно невиданных, русские думцы оставили тыл без своего влияния и внимания. Там шла явная и открытая работа большевиков. Что доброго из этого могло получиться? Как сказано, дух современных полчищ — это дух народа, а этот последний был предан на бесконтрольное завладывание Ленинских агентов. Получилось то, что должно было случиться.

Работа демократии германской занимала во время войны посредствующее место по сравнению с работой двух крайних типов демократии, русской и французской. Идея войны, основательно подготовленная в Германии еще с мирного времени, не нашла надлежащей опоры в парламенте и общественном мнении немецкой демократии. Руководимая канцлером-чиновником, не связанным с Рейхстагом органически, эта демократия, по мере нарастания неудач и затяжки войны, все более и более превращалась в аппарат исключительно критический, не зная участия в живом и ответственном творчестве, как это было с французской демократией.

В то время, когда последняя в 1917 году, в самую роковую для всех воюющих эпоху, нашла в себе силу и сильных вождей, способных побороть все трудности, германская демократия оказалась как бы скованной режимом, исключавшим ее самостоятельность и разумевающим наличие вождей Бисмарковского масштаба, которых в последнюю войну не оказалось.

Людендорф с горечью сознавал тот досадный раскол между слабой властью и *парламентом без творческих сил*. Жалуясь в своих воспоминаниях на канцлера Гертлинга, он уныло говорит, что последний «имел положение человека, чуждого перед самим парламентом»¹². Этот «канцлер примирения»¹³ пришел к власти почти одновременно с такими темпераментными вождями французской и британской демократии, как Ллойд-Джордж и особенно, Клемансо. Разница характеров вождей не могла не сказаться и в разнице результатов борющихся сторон.

Немцы расплатились за неполное развитие своего демократического аппарата полную неудачей войны.

Между двумя примерами работы демократии с армией, французским и русским, небезынтересно провести параллель. Во Франции за работу на армию взялись уже опытные государственные и политические деятели, отбывшие на фронт в должностях маленьких офицеров, следовательно, в пекле боя тяжелые, нередко двухлетние цензы (Абель Ферри). В России — люди, не только не нюхавшие порошу, но часто не имеющие никакого понятия об армейской среде; в лучшем случае это были земские и городские деятели, работавшие во время войны в тыловых санитарных и иных организациях, так называемые, по меткому ходячему выражению в войсках, «земгусары»; шифр их погон «ВЗС» читался в армии так: военно-обязанный заведомо скрывающийся.

¹² Е. Ludendorff. «Souvenirs», II p. 126

¹³ Там же, p.140

Во Франции парламентские борцы за армию, конечно, не могли заслужить ничего иного, кроме глубокого уважения. В России самые прозвища, данные членам общественных организаций, показывают отношение к ним массы.

Не смотря на это, во Франции мы видим осторожное и бережное отношение к вопросам организации армии, тогда как в России молодые люди из заведомо скрывающихся обнаружили на первых же порах революции развязность, которая могла соперничать только с их апломбом.

Во Франции министр А. Ферри начал войну в строю и отбыл два ее года на должности младшего офицера. В России молодой человек призывного возраста, Керенский, начал свою кампанию в должности верховного главнокомандующего. Другой главнокомандующий, Крыленко, не сумевший уклониться от призыва, попал в главнокомандующие сразу из своего военного убежища в каком-то обозе.

Сверх того такие патриоты, как А.Ферри, нередко кровью и жизнью своею запечатлели самоотверженное служение родине после подвигов военного и гражданского мужества; такие же герои, как Керенский, закончили свои военные подвиги дезертирством со своего поста в самую критическую минуту.

Борьба французских общественных деятелей была направлена на введение усовершенствований в способы ведения войны. В России все внимание их было направлено на борьбу с мнимой контрреволюцией среди командного состава, причем признаком последней почиталось отвращение лучших из начальников к демагогии, которая систематически начала развращать солдатские массы. Отсюда высокий авторитет представителей французской демократии в армии и полное отсутствие авторитета русских общественных деятелей как среди офицеров, так и среди солдат, с которыми они кокетничали. Помню одну характерную сцену, поясняющую эту мысль. Накануне водворения большевизма в армии корпусный командир одного из корпусов на Румынском фронте, желая повлиять на солдат одного из комитетов, подозрительных по своему настроению, старался беседою своею отвлечь решение этого комитета вынести резолюцию о желательности подчинения главнокомандующему Крыленко. Дело происходило уже через месяц после дезертирства Керенского. На доводы генерала один из солдат возразил: «Если мог командовать Керенский, почему не может командовать Крыленко?» «Потому, ответил при общем смехе корпусный командир, что одна глупость не должна вызывать еще большую другую. Если Керенский бежал с фронта, это не значит, что и мы можем бежать!»

Во Франции честный труд представителей общественности привел к торжеству демократической, производительной работы. В России демагогия помогла торжеству солдатских невежественных масс и привела к власти плебсокрации, черни, толпы и улицы.

Во Франции опыт армии через общественность шел к тылу и, влияя на него, возвращался в виде полезной работы страны на армию и, следовательно, для победы. В России неопытность тыла вливалась через русскую общественность в армию для ее разложения; кадеты это делали по наивности, социал-революционеры — по невежеству и большевики — по злой воле, но все это привело к общему результату: нельзя, поэтому сказать, чтобы русская общественность действовала разрозненно. Нет, она, как и французская работала дружно, но с тою только разницею, что французы добивались упрочения своих армий, а русские, частью бессознательно, их развала<...>

Какие же общие заключения о взаимодействии полчищ и государства?

Прежде организации современной армии, построенной на демократических началах, организуйте просто демократию страны.

*Иначе «вооруженный народ» обращается в вооруженную толпу, чернь: **разложение демократии равно разложению войск.** В виду назревающей мировой классовой борьбы нужно в армию ввести независимые от политических влияний наемные контингенты, которые, служа власти, поставленной демократией, не будут орудием анархии и разрушения существующего строя.*

В то же время эти контингенты сохранят и поддержат упдающую профессиональность, специализацию военного ремесла, без чего не может существовать ни одна специальность; в особенности, день ото дня все более осложняющаяся, военная.

Демагогия должна быть заменена и в армии, и в демократии дисциплиной и деловой работой.

Империализм век свой отжил, но наступление во имя грабежа и «социала» получает все большее реальное значение. Тут-то понадобятся наемные профессиональные войска.

Понадобятся они также и для колониальных предприятий, где терпимы только они и волонтеры.

На внутреннем фронте — наемники, на внешнем — смешанные части; внутренний — качество, внешний — пока масса.

*Если Лига Наций сумеет перейти от слов к делу, то это случится только тогда, когда будет обеспечено действие **международной жандармерии.** Такая интернациональная жандармерия может быть только наемной.*

*Чтобы предотвратить проникновение в современные полчища партийной агитации и борьбы, нужно создать сдерживающие внутренние в армии организации, и это будет ни что иное, как **наемное ядро, чуждое политике.** Ложно понимаемый демократизм нынешней системы призыва (все равны, все одинаковы) должен быть заменен строгим **отбором и классификацией:** эгализацию заменит специализация.*

Дальнейшее ослабление кадров во имя милиции, предпринимаемое ради *ложного демократизма* (роющего самому себе могилу) и *пацифизма*, (готовящего свои собственные похороны), должно быть не только остановлено, но сделано несколько шагов назад. *Иначе — гибель современной демократии* вследствие развала ее полчищ под натиском пропаганды и орд современного «Атиллы».

Путь для спасения от грядущих бедствий — *в проведении принципа разделения труда при организации армии*. Ради экономии народных сил нужно старался постепенно выделить военную специальность так, как это существует и считается естественным и необходимым для других специальностей. Конечно, это может быть исполнено лишь постепенно, *но уже ныне можно наметить то равновесие между милицией и наемниками (профессионалы тоже), которое в будущем должно вывести военную организацию не только на путь столь желаемых народами облегчений личной воинской повинности, но и сокращения вооружений вообще*.

Словом, как XIX-й век работал над слиянием армий с народом, так XX-е столетие уже трудится над их разобщением <...>

Новая армия

До той поры, пока не будет упразднена «всеобщая воинская повинность», нельзя и думать о **достижении трех целей**:

- 1) сокращении вооружений и
- 2) ведении войны с необходимою энергией и быстротою,
- 3) упрочении государственной обороны.

Сила последней не в «массе», а в технике и в «отборе». Таков приговор войны, который красноречивейшим образом свидетельствует о бедствиях и о бестолочи, которые влекли за собою «массы» в качестве орудия войны.

Что же касается первой, важнейшей цели, т.е. сокращения вооружений, то по странному утвердившемуся недоразумению считается, что единственным путем для этого служит введение милиции, т.е. всеобщая воинская повинность, доведенная до предела. Этот путь вернее было бы назвать путем «поголовного» вооружения. Этот путь выводит в ту область государственных и социальных отношений, где психологическое насилие дается в руки каждому, кто желает этим воспользоваться. Соблазн слишком велик, чтобы не нашлось охотников.

Мало того, все военное искусство под влиянием «массовых представлений», свелось к подсчету количества солдат под ружьем. Раз это количество имеется в руках у честолюбца, возглавляющего народную массу, национального или партийного типа, ему естественно хочется использовать непреложный довод физического воздействия. Мы это видели перед началом Великой войны в Германии, мы это видим теперь в России. В первом случае в игре участвовали национальные идеалы, во втором — классовые.

Отсюда ясно, что *аппарат вооруженной массы косвенно вызывает войну*. Чем же, как не недоразумением, можно объяснить наивное желание предупредить ее в будущем поголовного постановкою в ружье всего народа при посредстве милиции? Миролюбие швейцарской милиции, непререкаемого образца для идеалистов подобного сорта, объясняется не ее природою, а особенностями маленького швейцарского государства, не знающего внешней войны. Но и здесь в случае «конфликтов ожидаемых и в тайне желаемых», милиция будет первою угрозою внутреннему миру, так как частью будет служить партии.

В заключение не вредно вновь подчеркнуть, что *именно милиция облегчает завязку и развитие гражданской войны*, и любовь к ней представителей боевых политических партий должна быть объяснена именно этим <...>

По истечении переходного периода новая армия государства должна быть образована, исходя из трех, выясненных прошлого войною принципов:

- 1) строго необходимое количество людей на фронте,
- 2) достаточное количество рабочих рук в тылу и
- 3) широчайшее развитие машинности и на фронте, и в тылу. В соответствии с этим новая армия должна, подразделяться на следующие главные составные части:

- 1) Действующая армия.
- 2) Рабочая армия и
- 3) Внутренняя армия,
- 4) Резервная армия.

Первая из них предназначается для ведения операций, вторая — для поддержания производства страны, третья — для охраны внутреннего в ней порядка, четвертая — для пополнений всякого вида и назначения.

В свою очередь Действующая армия должна подразделяться, в зависимости от свойства операции и от качества входящих в их состав контингентов, на маневренную (Полевую) и Крепостную. Первая из них (Полевая), как о том свидетельствует и ее название,

предназначается для ведения активных военных действий с первого же дня войны. Вторая, т.е. Крепостная, — для операций пассивных.

Резервная армия получает первенствующее значение только в случае затяжки войны, когда «масса» получает решающее значение.

Такая система обеспечивает «качество» на всех ступенях военной организации.

Но этими мерами отнюдь нельзя ограничиваться, преследуя все ту же цель — «качество». «Отбор», проведенный последовательно логически, должен привести и к решению вопроса об **«отборных войсках»**, как специальных частях, особо пропитанных традициями, составляющих «моральный резерв» всей армии.

Всякая из существующих современных армий, достойная этого имени, имеет в своих рядах некоторое количество частей, проникнутых особым духом самоуважения, основанного на *выдающемся историческом прошлом* этих воинских соединений. Эти части, сведенные вместе в одну организационную единицу, корпус, армию, отряд, должны служить *гарантией преемственности тех невесомых традиций, которые составляют фундамент всякой армии*. Все равно, как будет называться этот «этический резерв» армии: гвардия, отборный легион, особый корпус, — важно одно, чтобы он существовал в общем организме армии в качестве исторического, морального, этического и традиционного резерва всего армейского механизма. Он во всяком случае не должен быть рассадником для привилегий, но *источником особо высоких понятий о воинском долге и его выражении*. В соответствии с этим *эти отборные войска должны состояться по преимуществу из профессионалов и служить как бы практической школой, рассадником для кадров прочих частей армии*. Совершенно так, как в каждой отдельной воинской части ее кадр является основой ее самой во всех отношениях, так должен существовать такой же кадр и для всей армии, и этим кадром будет *корпус отборных войск*.

Сверх этого корпуса должен быть образован *особый отборный учебный корпус*, составленный из частей всех родов служб и предназначенный для постоянного технического усовершенствования их. Сюда войдут учебные унтер-офицерские части, офицерские школы всех видов и наименований с состоящими при них воинскими частями, испытательные полигоны и пр. Этот корпус должен фактически и на практике обеспечивать: 1) совершенство войсковой техники и 2) единство практической доктрины и общность усилий в этом отношении.

Новая организация войск должна предусматривать необходимость развития техники внутри самих войсковых соединений, но, конечно, здесь техника никогда не сможет достичь того напряжения и того предела, как в «*Образцовом Техническом Корпусе*».

Этот корпус должен давать войскам специалистов-техников по всем отделам практики, независимо от тех, которые войдут в ряды войск из промышленности. Люди, данные корпусом, будут, что очень ценно, чужды всякой партийной подготовки и обработки.

Основа государственной обороны, само собою, Действующая армия и, в особенности, активная ее часть — Полевая армия <...>

Организация Полевых армий (2 армии по 5 трехдивизионных корпусов) может быть по желанию видоизменена и так: 3 армии по 5 двухдивизионных корпусов. Избрать одну из этих организаций можно только взвесивши все данные стратегической обстановки и связанного с нею удобства оперативного управления.

Подобная армия и должна составлять *ядро вооруженной силы страны*, отличаясь от прочих составных частей той же силы более прочной внутренней организацией.

Армией второго разряда по качеству будет в таком случае та, которая предназначена для гарнизонов географических укрепленных районов. Ее для краткости можно назвать Крепостною. Эта армия может иметь кадры и количественно и качественно слабейшие, чем армии Маневренная и Полевая <...>

Войсковые части Крепостной армии будут по необходимости иметь разнообразную внутреннюю организацию. Впрочем в этом не будет ничего нового, т.к. и ныне гарнизоны крепостей составлены также по этому же принципу.

В сущности тактической единицей в Крепостной армии и должен стать *«сектор»*, а так как один сектор никогда не бывает похож на другой, то и организация его гарнизона будет у каждого сектора своеобразной.

Во всяком случае дивизионная организация найдет себе применение в укрепленных районах только как исключение, об одном из которых будет упомянуто ниже; главный же тип подразделения крепостных войск составит *бригада* из крайне разнообразного количества отдельных батальонов.

При склонности вообще современной военной организации в сторону развития всевозможных технических команд и технических снабжений особенно этим будут отличаться крепостные войска. Всякое последнее слово техники должно найти в них немедленный отклик и применение.

В соответствии с этим в их рядах должны получить широкое применение всякие технические сведения и должна высоко цениться специально-техническая подготовка.

В интересах прочности войсковой организации *все эти техники должны быть профессиональными военными*. Это тем более важно, что современная война, требуя невероятного напряжения производства тыла, не будет в состоянии отделить для войск необходимое им количество техников из числа рабочих, инженеров и прочих специалистов.

Эти военные техники и составят наиболее ценную часть кадров крепостных войск, сильных не количеством людей, а качеством их.

Для высшего управления бригады крепостных войск должны быть сводимы в *корпуса* тоже крайне разнообразного состава: в одном корпусе будет всего две бригады, в другом их может быть будет пять. И здесь элемент местности секторов, как и во всех случаях организации крепостных войск, должен получить решающее значение <...>

*Полевая и Крепостная армии на фронте должны опираться на стройно и могуче организованный труд внутри страны, причем и эта организация должна носить в существенных своих чертах характер военный. Для этого предназначается **рабочая армия**.* Однако эта армия, с названием, заимствованным у большевиков, имеет очень мало общего с их учреждением по существу своего устройства и своих обязанностей.

У большевиков рабочие армии появились под влиянием двух факторов: грозного разрастания дезертирства и полного развала производства, фабричного и сельского, внутри государства. Для того, чтобы иметь возможность продолжать войну, большевистская власть и прибегла к созданию рабочих армий, где, во-первых, будущие дезертиры находили свое положение как бы легализованным, их тяга в тыл канализировалась самою правительственной властью, а, во-вторых, отсутствующий в стране правильный труд заменялся его суррогатом, случайной солдатской работой согнанных насильно полков.

Не таковы задачи Рабочей армии в будущей государственной организации.

В рабочей армии не будет никаких полков, не будет оружия и формы одежды. Все это не нужно для успеха производства.

Рабочая армия будет включать в свой состав все производство страны во всей своей совокупности, но, при этом, милитаризованное таким образом, что некоторые данные военной организации будут применены и к личному составу всякого вида производств. Это тем более справедливо, что этот персонал избавляется одновременно с этим от того самопожертвования жизнью, на которое готов идти каждый чин действующей армии. Если здесь свобода всякого ограничена до отнятия права распоряжаться своею кровью по своему желанию, то тем более пристало и рабочему поступиться некоторыми своими правами свободного гражданина во имя высшего блага страны, его безопасности и свободы <...>

Огромный и сложный тыл современной армии служит не только источником прилива на фронте полезных сил и средств, но и приютом вредной деятельности всех черных сил своих и чужестранных. Отсюда ведется пораженчество, здесь спекуляция старается разжиться за счет бедствий других, в тылу организуется разрушительная работа некоторых политических партий, чтобы изнутри подорвать современное государство в период трудных для него переживаний. Здесь царство эгоизма и злой воли, которая для успеха внешней

борьбы должна быть обуздана действительным для нее средством, т.е. физической силой. И эта физическая сила должна быть заранее организована.

Вот цель и задача **Внутренней армии**. Одной государственной полиции, существующей еще в мирное время, недостаточно, потому что она не компетентна в борьбе с указанным злом в ближайшем тылу армий и бессильна там, где требуется обуздать массу, часто организованную и нередко хорошо вооруженную. Здесь нужен просто-напросто *особый вид гарнизонных войск*, по принципам своего внутреннего устройства мало чем отличающихся от прочих войск.

Части Внутренней армии должны быть построены на трех принципах:

- 1) более мелкие организационные соединения, чем в действующей армии,
- 2) исключительно богатое снабжение машинами,
- 3) значительный % солдат-профессионалов.

Для Внутренней армии не понадобятся части большие, чем рота в пехоте, эскадрон в коннице и взвод в артиллерии, но пехота щедро оснащенная пулеметами. В этой армии особенно пригодны велосипедные и автомобильные части, равно как броневые и бронированные поезда.

Для высшего управления достаточно отрядов разнообразного, состава, сообразованного с местными условиями и требованиями, а также, по возможности, без нарушения основного правила военного командования, не допускающего сведения воедино более пяти частей.

Внутренняя армия обеспечит благополучие и порядок в гарнизонах и на путях сообщений. В ее рядах найдут свое применение во время войны раненые, не могущие уже более продолжать службу на фронте, старые военные, офицеры и солдаты, не подлежащие призыву по состоянию здоровья или по условиям возраста (при хорошем.одяако, здоровье) и, наконец, особые контингенты запаса, специально предназначенные для этого рода службы во время войны <...>

Резервная армия, служащая для пополнения Действующей Полевой и Крепостной, Рабочей и Внутренней, должна подготовить для каждой из них контингенты, соответствующие числом и качеством.

Как показал огромный опыт Великой войны, учебная подготовка даже миллионных новых резервных формирований (Англия и особенно Америка) не берет много времени. Англия после поражения своей маленькой регулярной армии под Шарлеруа в августе 1914 г. смогла выставить на французский театр войны 63 дивизии, Америка при посредстве своей маленькой регулярной армии, едва превышавшей 100.000 человек, выставила ко времени перемирия в 1918 г. двухмиллионную армию. Обычно, как показывает продолжительный

опыт применения существующей военной системы, *четыре — шесть недель напряженного обучения совершенно достаточно, чтобы из штатского человека сделать простого рядового воина, умеющего обращаться с оружием и найти и использовать свое место в боевом порядке.* Правда, этому солдату за этот короткий срок нельзя будет передать нравственных понятий профессионального воина, но этого невозможно достичь и в те краткие сроки действительной службы, которые приняты повсеместно, в качестве исходной для того, чтобы составить понятие о реальных возможностях в этой области. Эта норма — *один человек регулярной армии мирного времени соответствует двадцати человекам мобилизованной армии.*

Следовательно, при высокой культурности населения, при полном демократизме государственной системы, при наличии огромного технического аппарата, при неутомлении страны борьбою и понятной массам цели войны эта норма соотношения между кадрами и резервистами может быть достигнута без ущерба для боевых качеств армии на театре войны.

Нечего и думать получить те же результаты при отсутствии хотя бы одного из перечисленных требований. В таком случае норма должна быть уменьшена. *Растяжка срока разворачивания позволяет нередко и преступить указанную норму, но это опыт часто смертельный.* Смертелен он часто и в тех случаях, когда не имеется в наличии тех предварительных условий, которые были указаны для американской армии. Так: русская армия, насчитывавшая в своих рядах в мирное время 1 ½ — миллиона человек, развернулась во время войны всего только в десять раз (даже несколько менее) и погибла от саморазложения. Для нее оказалась смертельной даже половина нормы американской армии. При изучении американской нормы нельзя также упускать из виду, что армия Северо-Американских Штатов не вела самостоятельной кампании, а была лишь вспомогательным контингентом.

Приведенные две большие нормы (Американская и Русская), приложимые для решения широких вопросов военной организации, должны быть дополнены детальными нормами, пригодными для частных случаев.

Так: в России, где, как известно, до войны существовала огромная армия мирного времени с многовековыми военными традициями, в первые дни мобилизации большинство полков развернулось в 3 раза, и это разворачивание уже сильно понизило качественный уровень частей Действовавшей армии.

Какие же общие выводы можно сделать из приведенных цифровых норм?

Они могут быть следующие:

Для первого наступательно-активного периода войны, которому желали бы придать в то же время и характер решения, нельзя наполнять кадры Полевой армии резервистами более, чем в количестве, равном численности самих кадров.

По мере затяжки войны, по мере постепенного превращения ее в позиционную, не представляет никакой опасности наполнять кадры резервистами свыше указанной нормы, но при одном неременном условии: благополучии внутри государства и, особенно, твердом моральном уровне народной массы. В противном случае упорство в позиционной войне приведет к революции...

Кадры новой армии должны быть усилены. В настоящее время профессионалами в армии являются одни офицеры и незначительный сравнительно % унтер-офицеров. Этот процент должен быть увеличен до того максимума, до которого только позволят финансовые средства страны. Идеал, чтобы все унтер-офицеры составляли профессиональный корпус такого же морального значения, как и существующий корпус офицеров. Странно ожидать создания унтер-офицеров в рядах переменного состава нынешних годовалых контингентов. Эти люди набора должны оставаться рядовыми и только во время войны могут рассчитывать на галуны. Унтер-офицеры же мирного времени должны быть не только обеспечены денежно не хуже, чем их сверстники гражданских профессий соответствующей подготовки, но им должен быть предоставлен и выход к офицерским чинам. Только при этих условиях подобные унтер-офицеры будут действительными профессионалами своего важного ремесла.

На подобных же основаниях должен быть организован и профессиональный корпус военных техников всех специальностей, требующихся современной войною.

При соблюдении этих условий удастся значительно повысить ту норму соотношения между кадрами и переменным составом армии, которая приведена выше и которая определена примерно в 1/6. Хорошо, если эта новая норма будет равняться 1/4, еще лучше, если она дойдет до 1/3. Это вопрос денежных средств, но в то же время и основа всей новой организации, почему, казалось бы, денег на это жалеть не приходится.

Выводы

*К чему сводится предполагаемая реформа обороны государства? К упразднению «всеобщей воинской повинности» и к замене ее иною повинностью, которую точнее всего было бы назвать «**повинностью по государственной обороне**», которая отличается от ныне принятой тем, что прежде всего **она не всеобщая**, что касается именно службы в*

рядах войск в мирное время и пребывания на фронте во время войны. Затем она не одинаковая для всех граждан, а различная в зависимости от действительной потребности обороны в том или ином специальном труде той или иной разновидности граждан. И, наконец, люди, предназначенные, собственно, для строя и фронта, в законе об этой повинности найдут сравнительно скромный отдел, так как прочая часть этого закона будет посвящена гораздо более важным и требующим более сложной обработки вопросам работы тыла для фронта.

Но самое главное отличие предлагаемой реформы от нынешней общепринятой системы заключается в том, что она немедленно приводит к следующим благотворительным результатам:

1) к интенсификации мирного труда, так как он будет поощрен повинностью и 2) к немедленному сокращению численности личного состава армии. Что касается последней меры, то к ней прилагаемая реформа подходит с двух концов: путем сокращения призывов и сроков их пребывания под знаменем (что опять-таки является громадным выигрышем для мирного труда) и усилением профессиональных военных кадров постоянной службы.

В то время, как сторонники и проповедники милиции или постепенного милиционирования современных полчищ, во имя разоружения или ограничения вооружений, с несомненным риском при этом скомпрометировать самую сущность благополучия государственной обороны, настаивают на постановке всех и каждого в ружье, в это самое время предлагаемый проект для большинства граждан предлагает провозгласить — долой оружие.

Которая из двух мер более похожа на ограничение вооружений, представляется судить каждому <...>

Как современное буржуазно-демократическое государство в сознании грозящей ему внутренней опасности со стороны воинствующих политических партий готовится к самозащите, так к такой же **самозащите** должна приготовиться и вооруженная сила, которой также грозит опасность саморазложения под натиском тех же политических тенденций.

Государство справедливо видит свое спасение в проведении мирового мира, но армия «массы» противоречит этому стремлению, так как одно из ее свойств — вызывать войну внешнюю и приближать войну внутреннюю, т.е. революцию. **Мир при массе под ружьем невозможен.** Вот почему армия демократического государства должна поддерживать его своим стремлением сократить свою «массу» как одну из главных угроз и миру, и демократии. «Масса», имея в виду ее организационные особенности, — это слабость, а не

сила. Настоящая сила — это «качество», и на улучшение его должны быть направлены все усилия современного организатора.

«**Масса**», при склонности к неподвижности, при способности вызывать позиционную войну, в политическом отношении наступательна, так как приводит к войне внешней, а после или во время нее и к внутренней. **Вооружить несметные полчища — это значит сознательно идти на революцию, так как «масса» показала себя слишком склонной к политике и политической пропаганде <...>**

Милиция — это позиция, это затяжка войны, это экономический кризис, это политический переворот, это революция, это гражданская война, это перемежающаяся война внешняя и внутренняя, это вечная война.

Нужны крупные организационные меры для изменения милиционного характера современного войска. Они сводятся к следующему.

Колоссальная работа тыла почти исключает всякую возможность участия рабочих в обороне на фронте: все они останутся в тылу. Поэтому *рабочие должны теперь же быть изъяты из контингента, предназначенного для пополнения Действующей армии.*

Машинность нынешней войны в то же время требует от армии наличия в ее рядах большого количества технически подготовленных чинов, которые до сих пор, как например, во флоте, пополнялись исключительно из среды рабочих. Так как последние теперь останутся в тылу, *необходимо в рядах самой армии начать подготовку своих собственных техников. Это новое сословие в рядах армии, от удачной организации которого зависит будущее армии.*

*А это будущее, в свою очередь, выражается в машинности, которая приводит к ненужности «массы» и к необходимости «качества». Так как до последнего времени главную массу образовывала пехота, то именно ее **машинизация** должна дать огромный скачок в сторону сокращения армии.*

Невозможность произвести эту операцию быстро не исключает, однако, полной возможности уже немедленно приступить к такой организации пехоты, которая выводила бы естественным путем, посредством постепенной практической эволюции *к машинизации*. Технические батальоны могли бы сослужить прекрасную службу для подобного медленного превращения.

Один из главнейших выводов Великой войны, в противность мнения сторонников милиции об универсализации военной специальности, гласит о крайней необходимости проведения во всем полной специализации. Отсюда важное значение профессиональных военных кадров.

Из изучения силы современных пассивно-оборонительных средств государственной защиты явствует, что *вся армия должна быть подразделена на два крупных, тоже специальных контингента: армию активно-полевую и армию пассивно-позиционную с различной внутренней организацией и подготовкой. Первая будет носителем наступательного начала в доктрине и в практике, вторая — оборонительного, на важность которого в отношении его влияния на благополучие всей военной системы уже указывалось.*

Соответственно этому и резервы армии должны быть не только эшелонированы в глубину, но и специализированы по фронту: одни будут служить для активной армии, а другие для пассивной.

*Важное значение специалистов приводит к важной роли контингента **волонтеров и добровольцев** в армии, т.е. людей, сознательно, по доброй воле и, нередко, по призыванию отдающих себя военному ремеслу.*

Усилением профессионального элемента, устранением рабочих, подразделением армии и ее запаса на категории, образованием армейского корпуса техников сама собою будет уничтожена склонность современной армии к политике и к влиянию крайних политических партий. Этим достигается аполитичность армии, насущно необходимая в наше время.

Приведенная организация войск отвечает всем возможностям и потребностям, могущим обнаружиться за время войны.

Удержится война в рамках активности — значительная часть запаса останется неизрасходованной. Понадобится перейти к пассивной обороне — для нее все подготовлено: и особые специальные войска, и обширные укрепленные районы, и тщательно разработанные специалистами приемы обороны.

Все перечисленные меры в их совокупности приводят к возможности сокращения численности живой силы армий. *Именно этим путем можно прийти к упразднению «Вооруженного народа», этого главнейшего бича современности.* Он мешает и угрожает миру и не позволяет вести войну наиболее гуманным, т.е. быстрым темпом.

Если перед очами военного специалиста идея «всеобщего» разоружения является все еще химерой, то упразднение «всеобщей обязательной и одинаковой для всех воинской повинности» совсем не абсурд. Только этот путь выводит на сокращение вооружений.

Необходимость избрания этого пути ускользает только от военных, поклонников полчищ Ксеркса, и от политических деятелей, ожидающих событий «в тайне желанных».

«Интернационалисты, объединенные социалисты и другие теоретики, сторонники мира между народами, но и войны гражданской внутри наций, не способны разобраться в

этой дилемме»¹⁴. А между тем «различные признаки, наблюдаемые в нескольких странах, показывают, что народы гораздо более угрожаемы ныне гражданскими войнами, чем войнами внешними»¹⁵.

Военная организация должна отвечать этому историческому заданию, имея в виду необходимость отнять у беспокойных партий возможность распорядиться по своему усмотрению «полчищами» современности, столь чуткими к партийности.

Новая армия, здесь проектируемая, не только отнимает эту возможность, но и вообще представляет собою первый этап к постепенному сокращению вооружений, а также указывает перспективы и для дальнейшего следования в том же направлении.

Эти перспективы приводят к исполнению важнейшего догмата истинной религии наших дней, идеи мира.

От социалистического мира, провозглашаемого коммунистами через поголовное вооружение всех и каждого, необходимо выйти к миру истинному через сокращение вооружений и числа вооруженных и обученных.

(Геруа А. Полчища. — София, 1923. С.10–73; 110–138; 396–425).

¹⁴ Le Bon. «Psychologie des Temps Nouveaux», 258.

¹⁵ Idem, 300.

К ВОЗРОЖДЕНИЮ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

Е. Месснер

Качество или количество?

1. «Всякий общий принцип до крайности прост и поэтому кажется, что доступен самому ограниченному пониманию, но в практическом деле сущность не в том, чтобы знать, а в том, чтобы уметь применять». Эти слова М.И. Драгомирова как нельзя более приложимы к явлениям Великой войны, доказавшей, что *принципы военного дела в нынешних армиях применять не умеют.* Действительно, фраза Наполеона, что **«победа принадлежит армиям, которые маневрируют»**, была у всех на устах, но претворения этого завета в дело мы не видим. Уже в схеме развертывания армий к началу враждебных действий выявляется, какое значение все (а особенно французы) придавали прикрытию всего протяжения границы, вследствие чего *армии крайне растянулись*, ограничивая себя в возможности предпринять один из тех маневров, которые основываются на умении сосредоточить силы на важнейшем операционном направлении, заранее мирясь с потерей пространства на второстепенных направлениях. Лишь немцы, собрав кулак против Бельгии, рискнули обнажить русский фронт, но через несколько дней испугались своей смелости и, в жадном стремлении все удержать, кидают резервы в Восточную Пруссию, ослабляя свою маневренную массу. *С первых дней войны стала намечаться кордонная система, которая началась «бегом к морю» и перекинулась на все фронты, вылившись в форму позиционной или полупозиционной войны.*

Кажется совершенно непонятным, как люди, считавшие себя последователями идей Наполеона (а таковыми считали себя все), могли додуматься до восстановления в модернизированном виде той кордонной системы, о которой Наполеон писал в одной из своих директив «что это за проект движения маршала Бесьера на Фриас, протягивая свой правый фланг на Бильбао или Сантандер? Разве уже принята кордонная система? Может быть, хотя не пропустить контрабандистов к противнику?.. И кто это мог посоветовать королю выставить кордон? Неужели можно делать такие глупости после десятилетнего опыта войны?»

В течение четырех лет Великой войны, вследствие панического страха иметь обнаженный фланг и непреодолимой боязни пред отдачею врагу клочка земли, армии были вытянуты в нитку, хотя вожди великолепно знали, как должно действовать — «держат свои силы соединенными, не быть нигде уязвимыми, быстро переноситься на важные

пункты» (Наполеон). Они не умели применить это знание в усложнившейся обстановке современной войны; постепенно сокращая амплитуду маневра, они пришли к тому, что маневром стали называть простое нестояние на месте: ведь по нынешней терминологии безыдейные силовые приемы кампании 18 г. именуются маневренными действиями. Если прежнее понятие о маневре заключало в себе представление о некотором вдохновенном замысле, то теперь маневр понимается как синоним сильного удара и ценного своим механическим действием и могущего (но не обязательно) усиливаться действием моральным. Так во Франции слушателям Высшей Военной школы внушают: «Моральный фактор не только ускользает от нас, но и все, что есть чисто морального в достигнутом успехе, не всегда окончательно приобретается», «мы используем моральный эффект, когда он будет образовываться в нашу пользу, но... мы будем действовать так, как будто бы он не должен был произойти, и так, как если бы мы должны были действовать, имея в виду полное уничтожение противника».

Эта теория боя на уничтожение, родившаяся на полях технических битв, приведет нас в будущем к техническим битвам, к борьбе на истребление, имеющей смысл при значительном материальном перевесе одной из сторон, но совершенно бессмысленной при однокачественности и разноколичественности вооружения обоих противников. Техническая война, требующая чудовищных средств, не может не быть затяжной, т.е. и кровопролитной, и крайне разорительной, — война принимает форму осады государств, форму, при которой истребление врага становится главной целью, становится почти самоцелью. Бой-бойня является характерным для технической войны видом боя, ибо борьба машин развивается медленно; обороняющийся, пользуясь совершенством средств сообщения, быстро уравнивает силы на атакованном участке, лишая таким образом врага надежды на стратегические успехи. Поэтому и Верден, и Сомма 17 г., и немецкие удары 18 года, и все почти сражения на французском театре были боями на уничтожение. При такой системе действий маневру на войне не было места — остались лишь интенсивные перевозки грузов и людей <...>

Этот упадок маневренного творчества, как в тактике, так и в стратегии, является характернейшей особенностью Великой войны, которая прошла под знаком отказа от маневра и искания решения в материальном, а не моральном действии. Это обстоятельство приходится поставить в связь с загрузкой армий машинами и техническими усовершенствованиями — за все эпохи войска теряли маневроспособность с введением тяжелого вооружения. Сейчас тяжесть вооружения армии (то есть общее количество поглощенной ею «техники») достигла небывалых размеров, потому что правильный принцип беречь, по возможности, кровь, расходуя материалы, был в дни Великой войны подменен

другим принципом — заменить в бою людей машинами. Формула «артиллерия завоевывает, пехота занимает», обращение пехоты в пулеметное войско, безграничное увлечение танками — *все это проявление характерного для нашего времени стремления воевать, не дерясь, сражаться, не сходясь, побеждать, не рискуя собой.*

Не касаясь пока вопроса о том, «правильна» ли с точки зрения военного искусства техническая война, мы не можем не указать на то, что она с практической точки зрения абсурдна. Как уже упоминалось выше, техническая война не может не быть медленной, как в отдельных эпизодах (сражения), так и в общем своем развитии; вследствие этого она катастрофически изнуряет силы: моральные, физические и материальные, — борющихся государств и в одинаковой мере разоряет и побежденного, и победителя: победитель может залечить свои экономические раны, только взыскавши громадную контрибуцию с побежденного, но последний оказывается в результате войны неплатежеспособным. По вычислению проф. Водовозова, сумма, потребованная Антантою в возмещение всех военных убытков, почти в 3 раза превышает мировые запасы золота в монетах и изделиях. Чтобы несколько иллюстрировать дороговизну технической войны, можно указать на то, что бой у Мамaison (1917 г.) обошелся французам в 500 000 000 франков, а их контрнаступление у Вердена — 700 000 000 франков!

Эта дороговизна технической войны, ее изнурительность в моральном и физическом смысле и полное несоответствие между ее результатами и тяжестью жертв, которых она требует, заставляют нас решительно осудить ту сторону войны, которая была принята в 1914–18 годах на западном театре и которой старательно подражали на прочих театрах.

Великая война могла сделаться технической лишь потому, что она стала позиционной; стабилизация фронта является необходимым условием возникновения технической борьбы. Но почему она стала позиционной?

По немецкой версии «позиционная война возникла из-за ослабления сторон (Führung und Gefecht...»), по французским объяснениям — из-за недостатка снарядов. В этих утверждениях кроется крупная ошибка: так возникла приостановка войск на известной линии, приостановка боев, но вовсе не позиционная война. Ведь в Русско-японскую войну ни ослабление сторон, ни недостатки снабжения не вызывали позиционной войны, а создавали лишь периоды затишья на фронте. Почва для позиционной войны стала создаваться, когда французское и германское командования без всякой нужды принялись состязаться в выигрыше фланга. В результате «бега к морю» образовался непрерывный фронт от Швейцарии до моря. Но и это еще не была позиционная война — это была лишь благоприятная обстановка для зарождения позиционной войны: отсутствие флангов

требовало лобовой атаки, а лобовые атаки внушали страх после кровопролития первых боев, вызывавших убеждения, что без могущественной артиллерии атаковать нельзя; войска решили зарыться в землю в ожидании артиллерии — так создалась у французов позиционная война. У немцев мысль о ней пришла не снизу, а сверху: Фалькенгейн решает фортификацией и артиллерией удерживать французов и англичан, а тем временем обрушиться на русских.

Таким образом, причина позиционной войны лежит гораздо глубже, нежели в явлениях внешнего порядка — отсутствии снарядов или резервов; она лежит в стремлении привлечь к широкому участию в бою машины с целью экономии людского материала. Это стремление вызвало нагромождение боевых машин и привело армию к позиционной борьбе, то есть к применению в поле осадных методов. А затем — L'appetit vient en mangeant — желание помочь людям машинами обратилось в желание заменить людей машинами, и тогда позиционная война обратилась в позиционно-техническую, в утрированно-позиционную.

Борьба духа претворилась в борьбу техники, и это вышло не случайно — люди сами пожелали придать ей такой характер: «со второго месяца войны утвердилось убеждение, что победа, долженствовавшая быть в конечном итоге результатом победы морали, могла быть подготовлена и достигнута только предварительной победою материальной части» (L.Guillet et J.Durand) <...>

2. То умаление значения маневра, выродившегося в простое усиление передовой линии для фронтального боя на измор, которое мы видим ныне, имеет своим первоисточником психологическую особенность современных культурных народов — веру в материальные факторы и пренебрежение к факторам моральным. Пышно разрастаясь в обществе, позитивизм и в армии пустил глубокие корни. Симптомы этого уже подметил Шарнгорст, писавший: «Мы начали военное знание оценивать выше, чем воинские добродетели. Это являлось во все времена падением народов, ибо моральные свойства никогда не находятся в состоянии покоя; они понижаются, лишь только перестали стремиться к возвышению». Военному знанию придается ныне исключительное значение, значение воинских добродетелей недооценивается — таково следствие проникновения позитивизма в армию.

Возвеличивая знание, ставя науку выше искусства, позитивизм убивает искусство. Из фразы Наполеона: «Своими духовными очами, целокупностью своего разума, своего рода наитием главнокомандующий видит, познает и решает», — позитивист вычеркнул бы упоминания о духовных очах и наитии и всю творческую работу вождя приписал бы лишь разуму. Подобная тенденция с легкой руки немцев проникла в военную среду уже давно, но

теперь после войны сделалась всеобщей, несмотря на то, что несостоятельность чисто позитивного мышления в военной области достаточно, казалось бы, наглядно выявилась в годы минувшей войны: слишком умственное, подчас ремесленное понимание военного дела имело своим прямым следствием безотрадную шаблонность операций как в деталях, так и в общих очертаниях, а это, конечно, привело к падению искусства маневра.

Позитивизм развивает, как выше сказано, пренебрежение к воинским добродетелям: преклоняясь лишь пред реальными ценностями, он очень сдержанно относится к духовным ценностям. Поэтому позитивист, не задумываясь, отдаст предпочтение двум плохим солдатам перед одним хорошим — реальное, осязаемое количество он предпочитает трудно улавливаемому качеству. Весьма характерно в этом отношении заявление военного комиссара Украины: «Красная армия будет преобразована в милицию и, хотя при этом солдаты будут хуже подготовлены, но зато будет лишний миллион их».

Вот в этом доверии к количеству безотносительно качества и даже вопреки качеству кроется главное зло позитивизма с точки зрения военного дела. Зло это предвидел ген. Михневич, писавший: «В настоящее время начинает крепнуть слишком большая вера в значение численного превосходства во что бы то ни стало, утверждая, что теперь масса значит больше, чем качество войск... Вредное поклонение числу может привести к тому, что при столкновении с противником начальники начнут подсчитывать его силы, не рассчитывая победить своим искусством и доблестным напряжением сил своих войск».

Поклонение численности привело к созданию многомиллионных армий, импозантных своею величиной, но качественно весьма слабых. Такие армии к маневру мало пригодны, ибо маневр базируется на стойкости и дерзновении другой части. Все эти качества слабо развиты в современных армиях, набираемых без всякого отбора, наскоро обучаемых и не получающих сколь-нибудь глубокого воинского воспитания. Мы были свидетелями того, как быстро понижалось во время войны качество русской армии по мере ее развертывания и разжижения ее кадров запасными старших сроков, ополченцами и молодежью досрочного призыва, то есть людьми, сомнительными в отношении физической годности и безусловно слабыми в смысле воинского воспитания и обучения, давно забытых или же слишком краткосрочных.

Не лучше, чем у нас, дело обстояло и в других армиях. В июне 1917 г. неповиновение во французских войсках приняло такие размеры, что большая часть конницы была направлена для усмирения; накануне французской атаки 20-X-17 из 206-й германской дивизии перебежало к противнику 102 человека; в первой половине 1918 г. немецкие матросы бунтовали в Киле, Вильгельмсгафене и Катарро; осенью 1917 г. итальянцы в Альпах братались с австрийцами и в результате — Капоретто, где произошла повальная

сдача итальянских солдат, обошедшаяся Италии в 335000 пленных и в 3000 орудий, а через год австрийская армия в течение нескольких дней потеряла пленными 400000 человек при 6860 орудиях. *Эти факты подтверждают мнение, что нынешние армии в качественном отношении стоят на очень низкой ступени, потому что при формировании их внимание уделяется исключительно вопросу о количестве.* А так как «могущество вооружения должно быть тем большим, чем слабее военная ценность войск» (ген. Серриньи), то естественно, что параллельно с возрастанием количества войск, выставляемых страной, возрастает и пропорция снабжения этих войск предметами военной техники. И это делается тем охотнее, что механизация армии вполне соответствует духу позитивизма с его увлечением реальными ценностями: как численный перевес есть реальный фактор, так реальным фактором является технический перевес.

Сколь велики были количества машин, поглощенных армиями во время Великой войны, какое количество материалов пришлось доставлять на фронт для питания этих машин, как возрастало число машин по отношению к числу штыков, известно всем, поэтому ограничимся лишь следующим интересным подсчетом генерала Мэтр: в 1914 г. 850 бойцов батальона в 5 минут могли выбросить 1170 килогр. металла, теперь 450 бойцов батальона в то же время выбрасывают более 4000 кило металла, то есть каждый боец — в 7 раз больше прежнего. Этот небольшой пример показывает очень ярко, насколько возросло в армии потребление боевых средств, насколько, следовательно, увеличился тоннаж грузов, требуемых армией, и насколько армия стала зависимой от налаженности работы органов снабжения и средств сообщения. Последнее обстоятельство делает маневр, то есть более или менее значительное перемещение (поступательное или обратное, а особенно — боковое) чрезвычайно затруднительным.

Вышеизложенное укрепляет нас во мнении, что позиционная система борьбы не была явлением случайным, что она своею причиною имела не маневроспособность миллионных армий, перегруженных техникой, а первопричиною имела — господство в армиях позитивного мышления, выдвигающего на первый план количество, массу (а не качество) и рассудочное творчество (а не духовное).

Выяснив таким образом, какому психическому поветрию мы обязаны возникновением безманевренной доктрины позиционной войны, мы тем самым определили путь, по которому следует идти для возрождения военного искусства. Но прежде чем перейти к провешиванию этого пути, следует остановиться на следующем вопросе; если мы нынешний период жизни военного искусства называем регрессивным, и если мы эпоху Наполеона, несомненно, должны считать прогрессивным периодом в истории этого искусства, то где же был поворотный пункт, в котором восхождение сменилось снижением? Действительно,

возрастание размеров армий шло на протяжении веков, не служа признаком регресса; теперь же оказывается, что громоздкость нынешних армий — упадочный факт: когда же размеры армий перешагнули норму, допускаемую военным искусством? Развитие технических средств войны наблюдается в течение всей военной истории и рассматривалось как симптом прогресса; теперь же оказывается, что обилие и сложность техники способствуют упадку военного искусства: когда же произошла эта перегрузка армий техникой? На эти вопросы и другие, подобные им, можно ответить, но не с математической точностью, а с известным приближением, вполне достаточным для выяснения, где начинается склонение военного искусства к упадку.

Когда увеличение массы стало вести к упадку военного искусства? — Когда было потеряно равновесие между мощностью армии и силами страны: при невозможности мощи отечественной промышленности и заграничных закупок удовлетворить своевременно все запросы фронта война сделалась затяжной, то есть потеряла все выгоды быстротечности кампании, осуществлявшейся маневром не столь громоздких армий. В 1913 г. германский императорский канцлер, требуя дополнительных ассигнований на увеличение армии, сказал в парламенте: «История не являет нам народа, который пал бы под тяжестью вооружения, но являет много наций, погибших потому, что они помышляли лишь о роскоши и благополучии и пренебрегали своей защитой». Однако история последних годов являет нам пример: как нации, как целый континент — Европа — были раздавлены под тяжестью вооружения, безрассудно надетого во время войны. В 1918 г. французская артиллерия развернулась до такой численности, что все силы оружейной промышленности страны уходили на фабрикацию стволов взамен прогоревших, и тем не менее положение стало таким, что тяжелую артиллерию пришлось уведомить, что на дальнейшую замену стволов она рассчитывать не может — следовательно, величина армии далеко превзошла ту максимальную нагрузку, какую в состоянии выдержать страна.

Когда именно усиление военной техники перестало способствовать прогрессу военного искусства и двинуло его по пути регресса? — Когда количество всякого рода машин сделалось таким, что обслуживание этих машин стало неудовлетворительным за невозможностью выучки достаточного числа специалистов: машина, использованная полностью, полезна армии, машина, дурно использованная, — обуза для нее. Каждая американская дивизия в 1918 г. имела 936 пулеметов (168 тяжелых и 768 легких); трудно сказать, на каком именно пулемете — на двухсотом или на трехсотом достигается предел возможности выбрать в состав дивизии людей храбрых, толковых и сильных, какими должны быть пулеметчики, но совершенно несомненно, что цифра 900 лежит за этим

пределом и что при таком числе пулеметов значительная часть их, лишь загромождая дивизию, не дает пользы, кроме звукового эффекта.

Когда именно стратегия в своих приемах перестала усовершенствоваться и пошла по нисходящей ветви эволюции? — Когда в основу стратегических комбинаций стало полагаться убеждение, что в бою двое всегда больше одного, когда пришли к решению базировать успехи исключительно на нагромождении сил и средств, отказавшись от гибкого маневра. По этому поводу можно привести остроумную мысль полк. Камбюза: «Муха, сидящая на стекле, может быть убита ударом молотка; удар платком причинил бы ей такое же зло, но стекло осталось бы целым».

Когда именно тактика стала клониться в сторону упадка? — Когда пехоту лишили способности к удару, сделав бой материальным состязанием в огне вместо состязания в волевом стремлении сойтись с врагом. В 1914 г. половина пехотинцев была вооружена винтовкою, а в 1918 г. — лишь одна десятая часть (Геруа. «Полчища»), поэтому за отсутствием надлежащего количества штыков пехота стала годной лишь к удару «растопыренными пальцами». Знаменитая формула Петэна — наступление — это огонь, который продвигается, оборона — это огонь, который стоит на месте, — кажется теперь высшим откровением, и лишь очень немногие решаются сказать, как сказал на последних маневрах один французский генерал: «Огонь — это очень хорошо, но нужна же и решимость действовать». Пехота лишилась своей ударной силы, и вследствие этого тактика удара выродилась в тактику инфильтрации с ее полустремительностью и полурешимостью.

Военное дело пошло по пути упадка, когда военные увлеклись численностью, увлеклись техникою, когда реальные факторы победы стали казаться важнее иррациональных, когда поэтому бой-стрельбу, бой-уничтожение стали предпочитать бою по психике врага.

3. Возрождение военного искусства может быть достигнуто при том условии, если будет положен известный предел влиянию позитивизма на военные умы, на армейскую массу. Речь идет не о полном изгнании идей позитивизма — это и неосуществимо, и бесполезно — а лишь о свержении гегемонии этих идей.

Для этого надлежит прежде всего бороться против чрезмерного увлечения знанием, наукою, ибо наука, созданная господствующей сейчас культурою, обладает таковою способностью удушать искусство, способностью создавать вражду между умом и духом. В египетской культуре наука и религия (ум и дух) жили в полной гармонии; в эллинской культуре наука и искусство отлично уживались, а наша культура есть непрерывный конфликт между запросами духа и запросами ума, занявшего воинственное положение.

Подобно религии, подобно всем искусствам, ограждающим себя от непримиримости разума, и *военное искусство должно восстать против тенденции обратить военное дело в одну лишь совокупность знаний.*

Невежество на войне недопустимо, знание, «сокращающее нам опыты быстротекущей жизни», необходимо на войне, где эти опыты оплачиваются дорогой кровью. Как писал в древности Полибий, «благодаря достигнутым в наше время успехам в точных знаниях и искусствах, человек любознательный имеет возможность как бы подчинить все, что от времени до времени случается, определенным правилам». Но применение этих правил на войне открывает такое громадное поле действий для интуиции, для вдохновения, для неоправдываемого логикой разума инстинкта, природы рассудочные при самом богатом запасе знаний обычно пасуют перед натурами артистическими, если они не соединяют в себе достаточные знания со способностью к действию по логике чувств. В этом отношении австрийский *Hochkriegsrat* и наш Суворов олицетворяют собою два полюса.

И не следует думать, что логика чувств, способность к, так сказать, художественному вдохновению нужна лишь полководцу, лишь высшим начальникам — она нужна и младшему начальнику, и всякому, на чью долю выпадает самостоятельное решение какой-либо боевой задачи. Поэтому никоим образом нельзя согласиться с полк. Камбюза, который полагает, что подготовка к войне состоит из трех видов изучения — науки, ремесла, искусства; первая — в кабинетах, лабораториях, комиссиях; второе — в школах, штабах, войсках, мастерских; третье — в персональных трудах отдельных личностей. Ремесленником может быть мастерской — машина при машине, но воин, обращенный в ремесленника, годится лишь для мирного времени. От мастерового требуется знание техники работы и автоматизм в работе, от кустика требуется знание техники работы и вкус — поэтому воин может быть сравниваемым не с рабочим, не с ремесленником, а с кустарем, ибо и он должен обладать *знанием дела и вкусом*, тем более развитым, чем выше стоит он на иерархической лестнице.

Развитие этого вкуса к военному делу (совершенно несовместимого с ремесленным пониманием этого дела) составляет основную задачу военного воспитания и обучения. «Читайте, перечитывайте кампании Александра, Ганнибала, Цезаря, Густава-Адольфа, Тюренна, Евгения и Фридриха; равняйтесь на них. Вот единственное средство стать великим полководцем и постичь секрет военного искусства», — писал Наполеон, указывая нам способ выработки военных способностей — это *развитие воображения*. Мы же сейчас предпочитаем точные науки, иссушивающие воображение и потому враждебные искусству. Ограничив строго необходимым изучение точных наук, *мы должны центр тяжести военного образования переместить в сторону теории военного искусства и его истории,*

эстетики, философии, психологии. Эти занятия в связи со спортом и охотой выработают вкусы и инстинкты, необходимые воину и непостижимые для того, кто, загрузив ум математическими знаниями, убил в себе фантазию, основу всякого искусства.

Отказавшись, таким образом, от перегрузки армии знанием (необходимо подчеркнуть — не от знания, а от перегрузки им) и от чрезмерного увлечения точными науками, мы поставим военную науку на приличествующее ей место относительно военного искусства, твердо установив, что первая занимает служебное положение относительно второго: военная наука есть умовая выработка средств и приемов борьбы, военное искусство есть вдохновенное их применение.

Начав борьбу с позитивизмом в военном деле, мы восстановим правильное понимание значения моральных факторов на войне. Основываясь на том, что «военное искусство выражается в умении пользоваться различными силами (духовными и материальными) для достижения победы на войне» (Михневич), мы придем к разумению, что *базирование на одном лишь материальном действии, как это ныне принято, является грубой ошибкой.* Исходя из того, что «успех войны и боя зависит не от количества материальных потерь, которые мы нанесли противнику, а от того, в какой степени мы поселим в нем веру в невозможность нам сопротивляться» (М. Драгомиров), мы придем к выводу, что *основной принцип позиционной войны — неправилен, ибо моральное ослабление противника добывается дешевле и затраты на него окупаются сторицею.* Таким образом мы действительно, а не на словах только (как ныне), направим умы армии в сторону подвижной войны, единственной формы войны, какую признавали военные гении.

Первым следствием признания господства на войне моральных факторов будет отказ от возвеличивания значения числа в бою. История войн полна примеров одержания победы над численно сильнее противником. Для человека, не исповедующего культа множества, нет никаких оснований думать, что в наши дни нельзя рассчитывать победить без численного перевеса. Справедливо пишет один французский автор: «...современная эпоха, благодаря как успехам, уже достигнутым, так и тем, которые могут быть предусмотрены, дает, кажется, удивительные средства для маневра. Эти успехи, действительно, уполномочивают крошечку освободиться от увлечения числом, подчас так мало согласуемым с удобоуправляемостью масс».

Проникшись той истиною, что нереальное на войне значит больше, нежели реальное, мы откажемся от безрассудного нагромождения реальных сил и будем искать способы использования нереальных сил. Одним из таких способов является развитие моральной упругости войск, о которой генерал М. Драгомиров писал: «Если в армии нравственная упругость не только не подорвана, а, напротив, по возможности развита, можно решаться на

самые отчаянные предприятия, не рискуя потерпеть неудачу». В целях усиления духовной мощи армии необходимо комплектовать ее по **принципу отбора**, а не заполнять ее кадры толпами сознательных и бессознательных антимилитаристов, толпами людей, не имеющих представления о патриотизме, о долге, о красоте подвига, о славолюбии. Осуществление принципа отбора поведет к уменьшению армии в количественном отношении, что будет компенсироваться повышением ее качества.

Улучшение качества армии может быть достигнуто и такою организацией службы в ней, чтобы возможно большее число чинов ее возможно больше находилось под непосредственным воздействием того этического кодекса, который составляет воспитательную базу армии. Модные сейчас утверждения, что «национальное сознание», «демократическое сознание», «пролетарское сознание» делают излишним воинское воспитание, могут иметь успех лишь среди людей, ненавидящих армию, и среди тех, кто не в состоянии понять, что между гражданским и воинским долгом такая же разница, как между жертвой денежной и жертвою кровью. К сожалению, приходится сознаться, что и в среде военных находятся люди, верящие в возможность замены воинского воспитания насаждением в народе гражданских добродетелей и не считающиеся со следующим важным обстоятельством: христианская проповедь милосердия и социалистическая проповедь братства не производят в массах такого нравственного перерождения, чтобы сделать невозможным возникновение войн, делают эти массы морально мягкими для сурового подвига войны, иными словами говоря, войны не упразднены, а люди становятся для войны не годными. Весь уклад жизни современного государства с его полицией и судами, делающими ненужным и запретным отстаивание своих прав с оружием в руках и развивающими склонность не бороться, а жаловаться, — весь уклад жизни способствует понижению воли к вооруженной борьбе, и никакие вспрыскивания милитаризма не в состоянии устранить это печальное (с военной точки зрения) явление.

Лишь одному народу — германскому — удалось в течение последнего полувека пробудить в себе до известной степени дух милитаризма. Этого они достигли потому, что незлобивое христианство подменили у себя религиею, пропитанною духом древнегерманских верований. Вспомним постоянные упоминания Императора Вильгельма II о «нашем старом, немецком Боге», вспомним проповедь Ницше: «Вы слышали, что было сказано в древние времена — “Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю”, а я говорю — блаженны храбрые, ибо они сделают землю тронem своим, престолом. И вы слышали людей, говоривших вам — “Блаженны нищие духом”, а я говорю — блаженны великие духом и свободные умом, ибо они войдут в Валгалу. И вы слышали людей, говоривших — “Блаженны миролюбцы, ибо они нарекутся сынами Божьими”, а я вам говорю — блаженны

творящие войну, ибо они будут названы если не детьми Иеговы, то детьми Одина, более высокого, чем Иегова».

Не каждый народ способен на подобную подмену религии, и поэтому нельзя рассчитывать, что начала здорового милитаризма могут быть поддержаны в массах на должной высоте путем общегражданского воспитания, отсюда вывод: *воинское воспитание необходимо, и военная система страны должна быть такова, чтобы воинское воспитание было не поверхностным, а глубоким. Глубокому, то есть длительному и напряженному, воздействию воинского воспитания не могут подвергнуться все граждане — тем более сильному воздействию должна подвергнуться та группа граждан, которая будет предназначена для восприятия этого воспитания. При интенсивности, но не экстенсивности воинского воспитания, армия, ослабленная количественно, будет усилена качественно.*

Придя к решению отбирать в армию только морально годный элемент и не расточать педагогической энергии армии на забавы со всеобучем и подобными затеями, мы создадим армию не на принципе количества, а на принципе качества, или, точнее говоря, — **на принципе гармонического сочетания качества и количества.** *Если количественный признак перестанет служить для нас мерилom мощи армии, если таким мерилom будет служить наличие гармонического сочетания между качеством духа и количеством материи, то мы получим армию, в которой качество будет подкреплено возможно большим количеством и где количество будет строго сообразно с возможностью выработать максимальное качество. Такая армия, менее громоздкая, нежели современные армии — чудовища, ищущая решения не столько в материальном, сколько в моральном действии, отвергнет нынешние теории позиционной войны и восстановит теорию маневренной войны.*

Если армия проникнется убеждением, что моральный эффект важнее материального, если она поэтому будет стремиться не столько к нанесению врагу материальных потерь, сколько к моральному потрясению его, то эта армия не будет верить в чудодейственное значение нагромождения на поле сражения убойных машин. Если эта армия будет воспитана в уверенности, что увеличение качества легко компенсирует уменьшение количества, если она поэтому будет знать, что эффект удара может быть повышен не только увеличением массы, но и улучшением качества удара (его точность, скорость, своевременность), то эта армия ограничится принятием в свой состав такого количества убойных машин, какое может быть обслуживаемо с полным совершенством. Таким образом, в противоположность современным армиям, где машины, выставляемые в большом числе, не дают надлежащей рентабельности за недостатком

опытных мастеров для работы у машин (артиллеристов, пулеметчиков, летчиков и т.д.), — в армии, организованной на здоровых началах, количество машин будет сравнительно меньшим, но сумма их действий от этого не уменьшится, ибо каждая машина в руках опытных мастеров дает максимум рентабельности, а мастера будут опытны, потому что количество машин будет сообразовано с возможностью отобрать годных для специализации людей, с возможностью обучить их и воспитать.

Такая армия, не перегруженная техникой, будет менее громоздка, нежели современные полчища, а поэтому и более приспособлена к маневру, к подвижной войне.

4. Итак, мы пришли к следующим выводам: господство в военной среде позитивного мышления привело к тому, что современная военная доктрина придает чрезмерно большое значение материальным элементам войны, в результате чего:

1) война приняла характер борьбы на истощение материальных средств, а бой перестал быть маневром, а сделался взаимоистреблением и 2) армии создаются с принесением качества их в жертву величине, а возрастание армий как в смысле увеличения их численности, так и в смысле накопления средств военной техники создает условия невозможности маневрировать. Возникшая таким образом позиционная форма борьбы истощает обе воюющие стороны до катастрофической степени и дает результаты, не соответствующие затраченным усилиям.

От этого несовершенного вида войны можно избавиться, вернувшись к осуществлению основных принципов военного искусства. Для этого надо признать (de facto et non de jure) преобладание на войне духа над материей, постичь, что военное искусство доминирует над военной наукой, развить в армии вкус к артистической стороне военного дела и построить армию на принципе гармонического сочетания качества и количества. Такая армия, менее громоздкая, нежели современные армии, и обладающая высоким духом, будет способна к ведению маневренной войны, единственного вида войны, допускаемого принципами военного искусства.

Каково же практическое значение этих выводов? Возможно ли приложение их на практике в условиях современности? Если точкою опоры рычага, долженствующего повернуть военное дело на путь истинного искусства, признается освобождение военной мысли от гнета позитивизма, то не следует ли мысль о восстановлении военного искусства считать утопиею, неосуществимой в наш век материализма?

Весьма возможно, что в Западной Европе, которая ныне проявляет несомненные признаки одряхления, позитивизм пустил столь глубокие корни, что смягчить его влияние на военное мышление более чем трудно. *Но если мы рассмотрим возможность подобного*

поворота в военном деле на нашей родине, то мы придем к выводам, весьма оптимистичным.

Не входя в исследование свойств русской души и не занимаясь анализом особенностей русского мышления, мы можем (без необходимости доказывать это) утверждать, что позитивизм не свойствен русскому человеку. В силу этого в Российской армии не могли привиться современные позиционные теории — они принимались по форме, а не по духу, принимались из подражания и вследствие неумения создать свою национальную военную доктрину. Поневоле мирясь с насаждением западных рационалистических теорий (мирясь — за отсутствием других), русское офицерство в глубине души чувствовало, что они не подходят для армии того народа, где искание духа во всех проявлениях жизни составляет своего рода потребность. Наличие этого инстинктивного протеста против европейской доктрины, возросшей на позитивизме, позволяет верить, что русская армия без всякого усилия может перейти к доктрине, отмежевывающейся от позитивизма. Благоприятствующим этому обстоятельством будет и то, что годы изолированности от Европы тех, кто оставался в СССР, и годы ознакомления с Европой теми, кто скитался в эмиграции, ослабят до некоторой степени нашу обычную подражательность. Национальный подъем, долженствующий родиться по освобождению государства от интернациональной власти, также будет способствовать исканию своеобразных путей в военном деле.

Итак, мы можем считать, что в России имеется психический фундамент для создания доктрины с духовным, а не материалистическим пониманием принципов военного дела. С такою же уверенностью мы можем сказать, что имеется и материал для построения армии в духе такой доктрины. Качества русского солдата всегда были высоки, и Великая война не опровергла правильности подобной оценки: если мы часто уступали качественно немцам, то причину надо искать в резком несоответствии огневых средств сторон, в чрезмерно коротких сроках обучения, не дававших возможности надлежаще обработать сырой материал, который, будучи неотесаннее немецкого, нуждался в более длительной шлифовке, и — главным образом — в неумении командного состава освоиться с приемами войны, предписываемыми заимствованной, чуждою доктриною. Нет оснований опасаться, что за годы революции русский человек стал менее годным к обращению в отличного солдата; в нем, правда, ослабели кое-какие из его нравственных качеств (религиозность, послушание), но зато он приобрел другие качества, также необходимые солдату (энергия, чувство собственного достоинства).

Во всяком случае несомненно, что, как бы сильна ни была пронесшаяся над народом буря, консерватизм природы, закон сохранения вида обеспечивает незыблемость основных

черт народа, поэтому можно быть уверенными, что и ныне качество русского солдата, при умелом использовании его природных свойств, будет высоким, обеспечивающим **возможность формирования армий на принципе качества, а не количества.**

Таким образом, имея и солидный фундамент в психике народа, и отличный строительный материал в виде русского солдата, можно воздвигнуть здание русской военной мощи по принципам, выдвинутым в настоящем труде. Можно, но нужно ли? Не проще ли, избегая «рискованных» экспериментов, следовать по дорожке, проторенной государствами Западной Европы? И не грозит ли этой «новомодной армии» катастрофа в случае ее столкновения с громадной и технически богатой армией современного образца?

*Отвечая на первые два вопроса, необходимо сказать, что для русской армии нет другого выхода, как отказ от проторенных путей и искание новых. Россия, страна земледельческая, ни в коем случае не может при создании своей вооруженной силы пользоваться образцами, созданными государствами промышленными. Она никогда не будет в состоянии выставить столь же богатую техникую армию, а без этого подражание не будет иметь цены, и армия «под француза» или «под немца» будет жестоко разбита французом или немцем. Отсутствие в настоящее время у России общих границ с Великими державами не должно вселять уверенности, что война с таковыми невозможна: если американская армия могла переплыть океан, то перевозка какой-либо европейской армии на территорию одной из соседних с Россией государств должна при нынешних средствах сообщения рассматриваться как вполне осуществимая комбинация. **Поэтому России надо быть готовой к большой войне с большими государствами, стоящими за спиною наших маленьких соседей. А раз это так и раз мы не в состоянии состязаться с ними в готовности к технической войне, то, будь мы даже поклонниками этого вида войны, мы вынуждены избегать ее и выработать такие приемы борьбы, чтобы уравновесить шансы на успех в схватке с промышленно богатым врагом.** Древняя Греция, воюя с Персией, понимала, каким преимуществом на стороне персов является наличие многочисленной конницы, но, усилив маневроспособность своей фаланги придачею ей кавалерийских флангов, греки и не пытались состязаться с персами в развитии конницы — этого не допускали конные ресурсы страны — а нашли правильный путь в поднятии качества пехоты. В 1812 г. русские, отвергнув тогдашнюю военную доктрину, применили «скифскую стратегию», и это противопоставление европейскому методу войны азиатского дало победу в безнадежной, казалось бы, борьбе. Так и сейчас абсолютная невозможность следовать западным образцам требует выработки своего собственного образца; **противопоставив изощренное качество утрированному количеству, мы***

создадим такую армию, которая будет в состоянии бороться с современными полчищами.

Количественное сокращение армии с одновременным поднятием ее качества должно иметь исходные границы. Стотысячным войском атаковать пятисоттысячное можно лишь в исключительных случаях (идеально выгодная стратегическая или тактическая обстановка, громадная разница в настроении сторон или в талантливости вождей), но имея 100000 хороших солдат, атаковать 200000 плохих солдат можно при всех обстоятельствах. Если наша армия в 1 1/2, 2, 3 раза лучше армии противника, то мы можем считать силы равными, если противник выставит в 1 1/2, 2, 3 раза большее количество войск. Но как же определить этот коэффициент? Человек математического склада, для которого всегда $1 = 1$, не в состоянии допустить возможность такого коэффициента, но человек, сколь-нибудь одаренный артистическими способностями, поверит, что путь интуиции может привести к результатам, более верным, чем математические исчисления.

Мы знаем множество примеров, когда военачальникам приходилось решать подобные «иррациональные» задачи, учитывая при определении потребных для операции сил разницу вооружения, обучения, крепость духа. Ведь не по формуле $1 = 1$ определялись силы наших отрядов в азиатских наших войнах; и не по этой формуле буры вели свою войну с англичанами; и в нашу гражданскую войну варьировавшийся коэффициент качества принимался в расчет при оперативных соображениях; и немцы в Великую войну сообразовали плотность своих войск на фронтах не с абсолютной численностью противников, а с их численностью, умноженной на *качественный коэффициент*, причем этот коэффициент слагался из активности французов и из тактической малограмотности их войск, из качества английского вооружения и из вялости английского командования, из доблести русского солдата и из неповоротливости русского командования. Нельзя согласиться с одним выдающимся русским военным писателем, который при определении размера потребной России армии возражает против «признания прирожденного качественного превосходства наших войск» и потребное России число дивизий исчисляет в предположении, что качество наших и вражеских войск одинаково. Ужели можно считать русскую и румынскую армии 1914 г. равноценными? Или нынешнюю сербскую и греческую? Или французскую и испанскую? Нет, эти армии по качеству не равны и сила их не может рассчитываться по формуле $1 = 1$; при расчете сил необходимо взять поправку на качество.

Вышеизложенное отнюдь нельзя понимать как отказ от точных исследований, расчетов, подсчетов: но в военном искусстве, *как и в каждом искусстве, расчет должен быть дополнен угадыванием.* Как художник, независимо от правил симметрии и асимметрии,

угадывает наивыгоднейшее место для главной фигуры в своей картине и многое другое, что не может быть точно регламентировано законами пропорции, перспективы и т.д., — так и вождь интуицией определяет то, что не может быть измерено по методам точных наук, в том числе и качественный коэффициент. Элементы «угадывания» всегда существовали в военном деле: выбор между доктриной «я так хочу» и доктриной «посмотрим, что сделает противник» — это угадывание, ибо доказать превосходство той или иной нельзя; выборы между вооружением пехоты легкими пулеметами или автоматическими ружьями (что приводит к различным типам организации пехоты) — это угадывание, ибо никаким неопровержимым аргументом не доказать преимуществ того или иного оружия и связанного с ним устройства роты. А раз люди с математически дисциплинированным складом мышления не возражают против такого «угадывания», то некоторое расширение сферы «угадывания» не покажется недопустимым тем, кто освободился от шор рационализма.

Избавившись от ига позитивизма, мы, дав известный простор интуиции, сумеем построить армию, откинув формулу $1=1$, и, приняв во внимание качественный коэффициент, создадим такую армию, которая, компенсировавши ограниченность своей численности высоким качеством, выдержит бой с многомиллионною ордою вооруженного народа. Система вооруженного народа должна быть отвергнута и заменена другою системою, базирующейся на гармоническом сочетании количества и качества.

Пословица «клин клином вышибают» применима не всегда и не всюду. Лечить зло, причиненное одним увлечением, противоположным увлечением не рекомендуется. *Поэтому мы считаем нужным еще раз подчеркнуть, что основною нашею мыслью является не необходимость перехода от одной крайности к другой крайности, а необходимость гармонического сочетания элементов военного дела. Увлечение знанием, заучиванием приводит к шаблонизации мыслей; увлечение «артистичностью» приводит к верхоглядству; поклонение одной технике влечет за собой забвение духа; поклонение одному лишь духу вызывает катастрофические явления при столкновении с реальной обстановкой; безграничная погоня за количеством делает армию слабой, но и полное пренебрежение численностью — абсурдно.*

Древние недаром называли середину золотою: посередине между двумя крайностями или вблизи этой середины обретается правда.

Памятуя это, мы, отвергнув нынешнее увлечение количеством и не поддавшись соблазну удариться в противоположную крайность, изберем средний путь, путь гармонического сочетания духа и материи в соответствии с их относительным значением на войне.

Уверенность в возможности подобного переворота в военном деле основывается на законе повторяемости событий и явлений в мировой истории, на законе периодичности подъемов и упадков военного искусства <...>

Мы можем с уверенностью сказать, что гармонически сочетав использование на войне духа и материи, количества и качества, вдохновения и знания, мы возродим войну, не только теоретически наиболее совершенный вид войны, но практически для нас, русских, наиболее приемлемый, ибо в такой войне мы техническому богатству громоздкого полчища противопоставим нашу подвижность, а его множеству — нашу качественную мощную отборную армию.

(«Военный сборник» Общества Ревнителей Военных Знаний и Кружков Высшего Военного Самообразования ¹⁶. Белград, 1930. Книга XI. С.75–102)

Необходимость профессиональной армии

Война на измор — детище декаданса — есть самая несовершенная из войн, так как она приводит к истощению побежденных и победителей.

Война не только стала дорогой к самоубийству — она стала совершеннейшим абсурдом, так как современная военная систему приняла абсурдные формы и размеры. Для иллюстрации приведу два примера: по словам генерала Цытовича, план промышленной мобилизации Северо-Американских Соединенных Штатов на случай войны предусматривает, что развертывание промышленности и доведение производства до требуемых войной размеров осуществится в следующие сроки: изготовление снарядов — через 12 месяцев, патронов — через 22 месяца, автоматических пистолетов — через 24 месяца, хирургических инструментов — 9 месяцев, радиоприборов — 12 1/2 месяцев. *Разве не абсурдна война, которая лишь на третьем году получит полное развитие?*

Другой пример: если, как полагает генерал Головин, считать, что России необходимо содержать в мирное время 80 пехотных дивизий и что на дивизию должно иметь 150 орудий и если согласиться с французским мнением, что на орудие надо 5 000 снарядов, то окажется, что нам придется хранить 60 000 000 снарядов; запас этот необходимо освежить максимум через 20 лет, поэтому в год надо расходовать 7 000 000 снарядов; считая каждый снаряд в

¹⁶ Главный редактор — Генерального штаба ген.-лейт. профессор Н.Н. Головин. Редакторы: Генерального штаба полковники В.М. Пронин, И.Ф. Патронов, адмирал А.Д. Бубнов.

среднем в 40 руб., мы получим, что лишь на освежение запаса снарядов придется России ежегодно тратить 120 000 000 рублей.

Разве эти примеры не доказывают, что *современное государство является рыцарем, надевшим непомерно тяжелое вооружение, под тяжестью коего он не только не может драться, но и дышать не может.*

При нынешней военной системе государство похоже на человека, страдающего чудовищной гипертрофией кулака, развившегося за счет других частей тела и за счет головы — причем голова-то пострадала больше всего, иначе человек этот увидел бы всю вопиющую абсурдность этой системы.

Эта система, будучи негодной с точки зрения и военной, и экономической, опасна еще и с политической точки зрения. Ведь современная армия есть милиция, или, вернее, становится милицией во время войны, когда кадры сверхсрочной и срочной службы растворяются в океане мобилизованных крестьян, рабочих и граждан. А будучи милицией, армия является жуткой угрозой существующему социальному строю и государственным порядкам. К этому выводу пришел и генерал Геруа в своей замечательной книге «Полчища», и советский военный писатель С. Белицкий, говорящий: «Империалистическая буржуазия, мобилизующая и толкающая в бой массы рабочих и крестьян, уподобляется тому кудеснику из старинной французской легенды, который вызвал подземные силы, но не учел этих сил и погиб от них».

Генерал Геруа полагает, что «психология милиции отличается почти женской нежностью. Ее психологические переживания отличаются иной раз такой неожиданностью, как у слабого пола». Эта неуравновешенность делает милицию легкой игрушкой в руках демагогов. На это рассчитывал Жорес, настаивая на обращении армии в милицию чистого образца. На это еще до Жореса рассчитывал Энгельс, который писал: «Война 1871 года заставила все континентальные державы ввести у себя всеобщую воинскую повинность, а вместе с последней наложить на государство военное бремя, под тяжестью которого они в течение немногих лет должны погибнуть. Армия сделалась главной целью государства, сделалась самоцелью. Народы уже только для того и существуют, чтобы поставлять и содержать солдат. Милитаризм охватывает и пожирает Европу. Но этот милитаризм несет в себе также зародыши собственной гибели... Милитаризм, научая весь народ употреблять оружие, дает народу возможность в известный момент проявить всю волю против командующей иерархии».

Если это пророчество Энгельса сопоставить с обстоятельствами последних лет, то мы с совершенной ясностью увидим, что *современная скрыто-милиционная армия* является той силой, которая под руководством злонамеренных лиц может в любой момент войну между

нациями обратить в войну между классами. И это является еще одним аргументом в пользу признания современной военной системы порождением мышления упадочного, декадентского. О тлетворном влиянии декаданса на военное искусство, на военную науку, на все отрасли военного дела можно было бы сказать еще много, но не задерживаясь дальше на этой теме, я перехожу к вопросу — в чем сущность этого декаданса, в чем его природа.

Сущность военного декаданса легко определяется в нескольких словах: *декаданс есть увлечение реальными элементами войны в ущерб элементам нереальным. Это увлечение проявляется в преклонении перед количеством, массой и в засорении умов рационализмом.*

Преклонение перед количеством, массой приводит к ненасытному стремлению применять в борьбе неисчислимые массы людей и невероятные массы технических средств.

Нагромождение человеческого материала достигло астрономических размеров, и, несмотря на все проистекающие от этого неудобства и даже катастрофы, никто не желает понять, что в этом множестве — не сила, а слабость. Забыты слова Великого Петра: **«Больше разумом и искусством побеждают, нежели множеством»**, забыт суворовский афоризм: **«Воюют не числом, а умением»**, и все, поддавшись гипнозу множества, возвели преклонение перед численностью в культ. Это трусливое стремление завладеть толпой, толпами толп, нашло себе выражение в стихах большевика-поэта Вяткина, восклицающего: *«Нас много, нас много, так будем смелее...»* *Апофеозом стада является нынешняя военная система, возродившая орды Ксеркса и Дария.* Каким диссонансом звучат сейчас слова Суворова, внушавшего своим солдатам: **«Подавай нам десяток на одного — всех побьем, всех повалим!»**

Теперь же, формально принявши слова Наполеона, что «большие батальоны всегда правы», *мы убедили себя, что численный перевес — единственный верный способ одержания победы. А так как мы не уверены в своем умении оказаться в решительном пункте сильнее врага, то мы стремимся быть всюду сильнее — отсюда и проистекает тот военный ажиотаж, то лихорадочное увеличение армий, которое вот уже несколько десятилетий давит государства налоговой и натуральной повинностями.*

Наполеон говорил: «Вести войну теперь — это значит учитывать вероятности». *Мы же стараемся упростить дело и от неблагоприятных случайностей хотим застраховаться множеством.* Поэтому не совсем, пожалуй, ошибаются советские новаторы, утверждая, что мы со всей нашей многолетней военной наукой способны вести войну только огромными массами.

Эти массы губят военное искусство. В самом деле, можно ли фехтовать, взявши в руки дышло? Можно ли писать картину метлою?

Наполеон учит: «Победа принадлежит армиям, которые маневрируют». Но нынешние миллионные армии к маневру неспособны. Посадите Карсавину в шкаф и заставьте ее танцевать — танца не получится. *Миллионная армия это та же танцовщица в шкафу — ей негде двинуться. Современным армиям тесно в Европе, поэтому пока такие армии существуют, мечты о маневренной войне надо оставить, как несбыточные, пустые бредни.* В недалеком будущем, когда неугомонные европейцы втянут в орбиту своих распрей всех чернокожих, всех желтых, тогда для армий будет тесна Европа — тесен будет земной шар.

Миллионные армии неспособны к подвижной войне и по целому ряду других причин. Они тащат с собою такое безумное количество повозок боевых и небоевых, что при движении своем без остатка пожирают все дороги, как саранча пожирает растительность на своем пути. Сложность тыла, сложность управления также весьма решительно парализует подвижность армий-чудовищ. Таким образом, увлечение количеством приводит к войне неподвижной, войне позиционной, войне извращенной, то есть приводит к упадку военного искусства, к декадентству.

Этот культ численности имеет своим следствием полное пренебрежение качеством. Да оно и понятно — создать 2 плохие дивизии легче, чем одну хорошую: первая задача выполняется известным количеством исходящих и входящих бумаг, вторая же — кропотливой, самоотверженной, продуманной работой над выработкой качества. Немудрено поэтому, что все народы своей первейшей задачей ставят не улучшение, а увеличение армий, и создают корпуса числом побольше, ценою подешевле. Объем армии теперь громаден, но их удельный вес ничтожен, ибо армии отливаются ныне не из благородных металлов, а из легковесных.

Современный воин и не воинственен, и не умеет воевать. Прежде воина вытачивали на станке воспитания и обучения, а теперь его штампуют в сотнях тысяч экземпляров. Уже во второй половине прошлого века Ардан дю Пик писал: «Человек в бою наших дней — это человек, едва умеющий плавать, неожиданно брошенный в воду». Теперь же, когда, с одной стороны, усложнились условия боя, а с другой стороны, сокращение сроков службы и социальные обстоятельства еще более ухудшили солдата — меткое замечание Ардан дю Пика оказывается весьма справедливым.

Но это ухудшение качества бойцов никого, кажется, не пугает — с азартом зарвавшегося игрока руководители армий яростно повышают ставки, не думая о последствиях. Сейчас считается вполне соответственным взять черного дикаря из глубины Конго, сказать ему, что он гражданин прекрасной Франции, дать ему в руки винтовку и немедленно кинуть в кровавый бой. И это делают люди, которые на страницах военных

журналов вещают, что человек — единственный из всех элементов боя является носителем духа!

В других армиях до черных еще не добрались, но и белые в их рядах по своим качествам не намного белее этих черных, так как солдаты нынешних скрыто-милиционных армий к войне не годны, будучи плохо обученным сбродом.

Но в этом мы, военные, не хотим сознаться или, если сознаемся, то утешаем себя тем, что у соседей, мол, не лучше. **Мы, военные, коим вверяется забота о безопасности государства, идем вот уже десятки лет по пути, который ведет военное дело к гибели.** *Мы, хранители аристократизма духа, оказались демократичнее любых демократов и гостеприимно всем без разбора открыли путь к командным должностям, делая каждого интеллигента офицером независимо от его моральных свойств:* и теперь дантист, купец, либеральный учитель, добродушный буржуа облачаются в офицерскую форму и вдруг становятся носителями волевого импульса. Мы, представители здорового консервативного начала, оказались социалистичнее социалистов и самым радикальным образом осуществили идею всеобщего равенства: и ныне суровый охотник, сильный волей землепашец, и городской апаш, сутенер, — все считаются равно подходящим элементом для перештамповки в воина.

Мы смешали в одну кучу и добродетельных и развращенных, и мягкотелых и закаленных, а сделавши этот винегрет, мы изобрели ужасающее слово (средний солдат), и все наши рассуждения, все наши выводы приноравливаем не к образцовому солдату, а к этому упрощенного типа «среднему солдату». Все более и более забывая, каков должен быть солдат, мы понижаем наши требования и, спускаясь со ступеньки на ступеньку, мы и пришли к современному типу мобилизованного горе-воина. Теперь о наших армиях можно сказать то же, что Геродот сказал о персидских: **«В армиях персов было слишком много людей и мало солдат».**

Таковы результаты погони за множеством. Этой погоне способствует система комплектования, изобретенная Шарнгорстом, — система понравилась ремесленникам военного дела и они без всякой осторожности стали растягивать кадры армии в 5-10-15 чуть ли не 20 раз, обращая армию в скопище крестьян и рабочих с винтовками. В минувшую войну эти армии сохраняли тень боеспособности, пока сидели в глубине окопов — корсет позиций стягивал и поддерживал их дряблый стан, но лишь только в 1918 г. им случилось выплеснуться из траншей, они, не чувствуя опоры корсета, становились беспомощны и жалки. Главные квартиры метали громы и молнии, требуя возрождения маневренной способности армии, но тщетно: как распухшее от водянки тело человека неспособно

двигаться, так и армия, разжиженная миллионами и миллионами крестьян, обречена на неподвижность.

Таким образом, снова приходится сделать выводы, что погоня за количеством в ущерб качеству приводит к войне неподвижной, то есть приводит к декадентству.

Культ численности процветает и расцветает параллельно с культом техники — оба они черпают свои догматы из общего источника, из фанатической веры в то, что победа добывается реальными элементами войны.

Последователи этой веры требуют широкого использования на войне техники — этого самого реального из реальных факторов боя. Великая война показала нам, какую роль играют на войне всякого рода машины, она показала нам также, какую роль получают машины в будущих войнах, когда удастся осуществить все те пожелания, какие были высказаны многочисленными апостолами механизации военного дела. Количество этих механизаторов крайне велико, ибо идея заменить в бою человека машиной соблазняет всех безграмотных в военном отношении людей — а ведь в современной мобилизованной армии на одного грамотного, то есть кадрового офицера, приходится до 500 безграмотных, то есть офицеров и вооруженных крестьян и рабочих. Психика этих штатских дилетантов противоположна нашей психике, ибо мы верим в силу духа на войне, а они поклоняются идеалу техники.

Бороться с этими материалистами трудно, так как мы лишь в мирное время являемся хозяевами в армии, в военное же время она заполняется толпой, и толпа эта диктует свою волю, находя могущественных союзников в лице парламентариев, общественных деятелей и прессы. Поэтому, пока существует современная военная система, неизбежно будет происходить то, что наши голоса о всепобеждающем духе будут тонуть в реве толпы — «давай технику!» Напрасно будем мы ссылаться на Наполеона, говорившего: «Моральная сила в военных успехах исходит на три четверти, тяга же реальных сил входит лишь на одну четверть». Напрасно будем мы приводить слова полковника Грандмезон: «Моральные факторы не являются наиболее важными; они единственные, с которыми приходится считаться на войне». Напрасно мы будем цитировать других авторитетов — штатские, с их инстинктом самосохранения, двинут события на путь технической войны <...>

Искусство военное согнулось под бременем техники, армия загромождена техникой, боец задавлен техникой. Современный пехотинец тащит на себе в бою винтовку и массу патронов для этого боевого прожорливого товарища, тащит гранаты, противогаз, лопату, шлем, полотнища для опознавания цепи летчиками и сверх того либо ракеты сигнальные, либо светящиеся, либо перископ, либо ножницы для резки проволоки и т.д., тащит запас

консервов и, конечно, весь свой гардероб. В этом виде солдат похож на коммивояжера универсального магазина, нагруженного образцами разнообразнейших товаров.

Современный полк — это передвижной музей убойных машин. Без большого преувеличения можно сказать, что пехота перестала существовать как пехота, а сделалась одним из видов технических войск.

Конечно, трудно отрицать необходимость большинства этих боевых машин, равно как и целесообразность значительного числа всякого рода технических усовершенствований, но теперешняя дозировка этих машин и усовершенствований совершенно недопустима. Зонтник очень нужен человеку под дождем, но два зонтика сразу были бы обузой. Чрезмерное употребление целительных веществ может привести человека к тяжким заболеваниям; так и чрезмерные порции техники привели армию к параличу.

Но тот паралич, в котором пребывал франко-германский фронт в течение почти всей войны, не смутил нынешних законодателей военной моды, и они идут все дальше и дальше в своем увлечении техникой. Сейчас, например, для ведения боя высокого стиля необходимым считается иметь на 1 километре 35 батарей, то есть 140 орудий; если к этому добавить орудия полковые, противотанковые и противосамолетные и если все эти 160–180 орудий поставить на уставных интервалах в 30 шагов, то на этом километре артиллерия не уместится и в 5 сплошных линиях.

Этот пример иллюстрирует ту техническую вакханалию, которая свирепствует в нынешних армиях, и он подтверждает уже высказанную мною ранее мысль, что увлечение техникой неизбежно приводит к технической войне, то есть к глубокому упадку военного искусства, к декадансу <...>

Резюмируя все вышеизложенное, можно сказать следующее: стремление побеждать множеством, побеждать техникой приводит к декадансу, то есть к извращению военного искусства, к гегемонии в военном деле реальных ценностей над моральными; а это стремление базируется на обуявшем человечество рационализме, первопричине военного декадентства; осуществление военного декаданса делает современную военную систему непосильной для государств и влечет за собой создание абсурдной формы войны, т.е. войны на измор.

Военное декадентство зародилось в XIX веке, во время Великой войны оно получило всеобщее признание, прочно овладело умом и душой военных масс и сейчас, в послевоенный период, оно продолжает углублять и расширять свои тезисы, грозя окончательно выкорчевать истинное военное искусство. Судьба этого искусства не может не волновать нас, военных, ибо даже отказавшись от чисто теоретического взгляда на него («искусство для

искусства!»), мы не можем не признать, что *с практической точки зрения декаданство есть явление отрицательное, приводящее государство к разорению.*

Каким же образом избавиться от пут декаданса? На этот вопрос гораздо труднее ответить, нежели констатировать наличие декаданса. Но все же постараюсь ответить на него.

Во-первых, в целях возрождения военного искусства необходимо отказаться от существующей военной системы, известной под именем Вооруженного народа. Нам, воспитанным на догматах этой системы, кажется чудовищным подобный революционный акт, но он будет признан и необходимым, и благодетельным всеми, кто проникнется убеждением, что корень зла — в Вооруженном народе.

Нам, подавленным грандиозностью этой системы, покажется немислимым свержение ее, но способ свержения легко может быть найден теми, кто ясно постигнет, что причина декаданса — в Вооруженном народе. И этот способ уже указан; указан, как ни странно, одним из апостолов идеи Вооруженного народа, генералом фон дер Гольцем, который как-то высказал предположение, что в один прекрасный день небольшая, хорошая армия во главе с талантливым вождем разгромит миллионные армии Вооруженного народа.

Нам нужно, подобно Жоресу (но из других, конечно, побуждений), проникнуться мыслью, что «современная военная организация есть система незаконорожденная — полунациональная, полу-профессиональная, полу-демократическая, полу-олигархическая», и нам необходимо объединиться в одном кличе: «Долой Вооруженный народ!»

Мы должны отказаться от миллионных армий, армий громадных, но хрупких, и тем более хрупких, чем они громаднее. Мы должны обратиться к системе постоянной, профессиональной армии, так как при этой системе военное искусство пойдет по правильному пути, освободившись от нынешних уродливых наслоений.

Мы, отвергнув Вооруженный народ, должны принять противоположную систему — профессиональную армию. Для этого нам не только надо теоретически проникнуться убеждением, что на войне качество ценнее количества, но и нужно решиться осуществить это убеждение на практике, отказавшись от миллионных орд. Нам нужно вместе с генералом Геруа признать, что «одним из главнейших оснований будущей военной доктрины должно быть осуждение массы как главнейшего фактора победы». *Избавившись от увлечения массой, мы проведем равнодействующую между количеством и качеством так, чтобы гармонически сочетать эти два элемента. И мы увидим, что сочетание возможно лишь в профессиональной армии, где качество может быть доведено почти до идеала и где вопрос о количестве разрешается тем легче, чем больше возрастает качество.*

Профессиональная армия — это хорошо закаленный клинок, современная скрытно-милиционная армия — это чугунный топор. Первая из них — прочна и надежна; скрытно-

милиционная — полна микробов разложения. Первая — это строй, вторая — это толпа. Мы знаем свойства толпы впечатлительной, трусливой и способной на высокое лишь в состоянии аффекта. Но, говорит генерал Геруа: «Массовый аффект лишь аффект, не более. Нельзя поддерживать дух армии взрывами. Один только стоицизм долга, да профессиональная стойкость способны противостоять, не уступая, не сгибаясь, под тяжестью ударов военных невзгод».

Впрочем, кажется, нет нужды доказывать качественные преимущества профессионального солдата над мобилизованным — все мы помним, каким великолепным военным материалом были наши сверхсрочные. Но возникает серьезный вопрос: можно ли качество противопоставить количественному перевесу? И в какой мере качественное превосходство может компенсировать отсутствие количественного преобладания. По первому вопросу ответ может быть лишь положительный — это аксиома, доказательств не требующая. Отвечая на второй вопрос, *я бы сказал, что армии равны в силе, если равны произведения их качества на количество, то есть если армия качественно вдвое лучше другой, то последняя будет ей равна в силе лишь при двойном превосходстве в численности.* Доказать эту теорему нельзя, но поверить в истину этого положения можно. Ведь верил же каждый из нас в эпоху гражданской войны в то, что 3 кадровых корпуса разогнали бы всю красную армию. А кто из нас не мечтал во второй половине Великой войны о том, чтобы явилось 10–12 корпусов кадрового качества и смели миллионные полчища врагов, составленные из мобилизованных пацифистов? Эта глубокая вера в великое могущество качества бойца блестяще подтвердилась на наших глазах: мы видели, как в армии ген. Деникина юнкерские роты наносили поражения фанатично настроенным красногвардейским полкам, мы видели, как офицерские полки разбивали большевистские дивизии. В этих примерах с красноречивой яркостью выступило превосходство профессионального воина над милиционными, хотя бы и полными энтузиазма.

Если профессионал всегда и всюду сильнее дилетанта, то в военном деле, где большинство дилетантов становится ими из-под палки и где пред бледным лицом смерти бледнеют все знания, наскоро выхвачанные, бледнеют чувства долга и самопожертвования, не успевшие стать компасом души, — в военном деле профессионал неизмеримо ценнее дилетанта, наскоро засунутого в военный мундир. Поэтому можно с глубочайшим убеждением утверждать, что *профессиональная армия справится со скрыто-милиционной армией, превосходящей ее численностью в несколько раз.* В этом случае повторится та картина, которая развертывается перед глазами историка при изучении греко-персидских войн: у одной стороны — сказочные силы, страшное превосходство в числе воинов,

вооруженных метательным оружием, у другой — относительно небольшие дружины, привыкшие к бою вкуче, обученные стройным движениям.

Как греки превосходили персов и силою духа, и изощренностью выучки строевой, тактической и стратегической, так и профессиональная армия будет обладать преимуществами и в моральном отношении, и в отношении обучения.

*Путем отбора профессиональная армия может быть составлена из людей, одаренных силою духа, энергией, удачью; путем длительного воспитания в профессиональной армии качества эти могут быть развиты до высокой степени, и они могут быть дополнены величайшей из военных добродетелей — готовностью к самопожертвованию, жаждою самопожертвования. **Возможность накопления этих духовных богатств делает профессиональную армию идеалом армии.*** Она обладает высоким иммунитетом против микробов пораженчества, развивающихся в воюющей стране естественным образом или культивирующихся врагом. Вместе с тем она обладает и надежной сопротивляемостью против «врагов внутренних» — в этом убедились англичане за время Ирландского восстания, в этом убеждены большевики, возлагающие все свои упования на наемные войска.

В смысле обучения военному делу профессиональная армия стоит на высоте, совершенно недостижимой для современных армий, где контингенты сменяются с кинематографической быстротой. Поэтому *профессиональные войска* являются безукоризненным орудием маневренных действий, орудием не громоздким и гибким. Поэтому же она может быть и орудием напряженнейшего огневого действия, так как высокие качества бойца позволяют снабдить ее усовершенствованными средствами боя.

Надо еще принять во внимание, что будучи носителями высокого духа, профессиональные войска в величайшей степени пригодны для действия ударом штыковым или сабельным.

Таким образом, профессиональная армия, как никакая другая, может осуществить гармонию в военном искусстве, ибо она равно способна к маневру, огню и удару.

Громадным преимуществом профессиональной армии является то, что она более отвечает принципу экономии государственных ресурсов, нежели современные орды. Об этом принципе еще 23 века тому назад писал Ксенофонт, говоря: «Скажи мне, друг мой, пришло ли твоему учителю стратегии в голову сказать тебе, что экономия входит в обязанности полководца?» *Экономия забыта в наш век, но ее может воскресить профессиональная армия,* которая, во-первых, удовлетворится сравнительно небольшим количеством людей для ведения войны и не потребует постановки под знамена 65% трудоспособного населения, как было в Германии за время Великой войны.

Во-вторых, профессиональная армия будет воевать, пользуясь сравнительно меньшим количеством технических средств, что будет обуславливаться как ее моральными свойствами, так и подвижным характером ее операций, так и виртуозностью ее выучки, позволяющей решать боевую задачу меньшим числом батарей или пулеметов, меньшим количеством снарядов или ружейных патронов.

Все вышеприведенные соображения заставляют решительно стать на сторону профессиональной армии, отвергнув существующую систему вооруженного народа и приняв другую систему, которую я назвал бы военно-организованным народом. Не останавливаясь на деталях этой системы, скажу о ней лишь следующее.

Государство должно быть готово к тому, что с началом войны весь народ обязан стать на свою защиту и обязан разделить со всей армией тяготы войны, поэтому одновременно с приведением армии на военное положение должна быть произведена всеобщая трудовая мобилизация, т.е. принудительный призыв к станкам и плугам; государство обращается в осажденную крепость, где каждому рту соответствует пара рук, работающих на снабжение армии и на обеспечение жизненных потребностей народа. Мобилизация промышленная и сельскохозяйственная имеет целью организовать производство в государственном масштабе, сообразно увеличенным потребностям войны; мобилизация административная и коммерческая имеет задачу национализировать распределение предметов производства, подчинив личный эгоизм велениям государственной необходимости; мобилизация финансовая создает единый экономический фронт, мобилизация интеллектуальная ставит в распоряжение правительства фаланги людей, способных поддержать в народе волю к борьбе и победе. Таковы задачи устройства тыла.

Но народ должен взять на себя и ряд задач на фронте.

Уже в мирное время небольшой процент граждан должен быть обучен военному делу, образуя *резерв кадровой армии*; с началом войны несколько младших возрастов резерва вливаются в армию в количестве, не могущем существенно понизить качество армии. Старшие возраста резерва, а если нужно, то и некоторое количество необученных молодых людей призываются для обслуживания армий, то есть для формирования обозов и тыловых учреждений.

Таким образом, система военно-организованного народа состоит из небольшой профессиональной армии, из небольшого резерва армии и громадного трудового ополчения. Эта система обеспечивает армии изобильное снабжение, и она не требует от страны ломки всех взаимоотношений мирного времени, ибо большая часть населения, не привлекаясь, как ныне в войско, остается при своих обычных занятиях, приступая лишь к более интенсивному труду для удовлетворения потребностей фронта и тыла.

При этой системе страна не будет изнемогать в непосильных усилиях напитать и снабдить прожорливое чудовище — миллионную армию, а полководец в своем творчестве не будет связан ее неповоротливостью и громоздкостью. При этой системе будет разрушен культ множества, и вследствие этого явится возможность возрождения чистого военного искусства, ибо не будет препятствий к гармоническому сочетанию средств страны с запросами фронта, моральных элементов войны с материальными, стратегии силы со стратегией хитрости, тактики огня с тактикой движения и тактикой удара.

Одним из первых следствий перехода к профессиональной армии будет свержение ига техники, что будет вызвано тремя причинами:

1) Профессиональная армия, воспитанная вне влияния штатских масс и дерущаяся вне их влияния, будет застрахована от раболепства перед техникой, ибо она будет сознавать, что человек, возложивший все упования на машину, — трус и что его победит воин, верящий в себя, в свои силы.

2) Профессиональная армия не будет нуждаться в чудовищных количествах технических усовершенствований, так как десяток виртуозов летчиков справятся с несколькими эскадрильями желторотых авиаторов, так как один виртуоз-пулеметчик одной лентой уложит больше врагов, чем это сделает пулеметный взвод, обслуживаемый едва обученными людьми, и т.д. и т.п.

3) Профессиональная армия фактически не будет в состоянии таскать за собою громоздкую технику: побуждаемая и своей сравнительной малочисленностью к активной подвижной войне, она возьмет с собой лишь ограниченное количество машин. Этот подвижной характер войны заставит и многомиллионного противника отказаться от технических пут, подобно тому, как рыцари были вынуждены отказаться от очень тяжелого панциря, вошедшего было в моду, но делавшего воина неповоротливым и потому беспомощным против легкоозкипированного, подвижного рыцаря. *Говоря о свержении ига техники, я отнюдь не думаю об отказе от техники и о противопоставлении силы техники и силы духа. Я никак не могу согласиться с теми, кто думает, что машину можно заменить доблестью. Те, кто это проповедует, получают в мирное время репутацию героев, но на войне их называют мясниками. Они забывают, что сознание беспомощности вызывает либо страх, либо мужество отчаяния. Страх — это предтеча поражения, но и мужество отчаяния тоже не залог победы, ибо залогом победы и длительного ряда побед является лишь мужество, истекающее от сознания своей силы, от доверия к своему оружию.*

Поэтому, как бы отлично ни была воспитана армия в духе всех воинских добродетелей, она должна быть снабжена всеми усовершенствованиями современной

техники, но в этом снабжении должно быть проявлено чувство меры, дабы установилось гармоническое сочетание между моральными и материальными факторами боя.

В профессиональной армии эта гармония легко осуществима, потому что ее приспособленность к подвижной войне и только к подвижной войне дает ей правильный критерий для определения допустимой дозировки техники. Таким образом, и с этой точки зрения *переход к профессиональной армии представляется необходимым в целях устранения тех уродливостей, коими характеризуется современное состояние военного дела.*

Но этот переход может быть совершен только в том случае, если нам удастся излечиться от рационализма, заставляющего нас верить исключительно в мощь реальных обстоятельств и приводящего поэтому к переоценке значения множества, с одной стороны, а с другой стороны — к переоценке значения знания. Торжествующий рационализм требует от нас замены силы духа — силою множества и замены искусства знанием.

Эта проповедь всепобеждающего знания является увлечением, гибельным для всякого искусства, в частности для военного искусства. Против нее мы должны восстать решительным образом и объединиться в твердом убеждении, что военное знание, военная наука при всем их громадном значении занимают служебное положение относительно военного искусства. Эта азбучная система настолько очевидна, что никто не решается ее опровергать явным образом, но истину эту затирают, затушевывают и в результате в военной среде крепнет мысль, что военное дело должно быть построено исключительно на точных науках.

А между тем точные науки отнюдь не исключают искусство. Леонардо да Винчи с увлечением изучал механику, перспективу и анатомию, дабы эти знания использовать в своем служении искусству. *Военное искусство не может обойтись без глубокого знания, но и вся совокупность военных знаний без искусства — это мертвый капитал.* В военном деле наука и искусство занимают вполне определенные сферы: военная наука есть умовая выработка приемов и средств борьбы, военное искусство — есть вдохновенное их применение.

Каждый военный должен обладать большим запасом знаний, ибо это поможет ему подчинить себе реальные факторы войны, но он должен верить в силу вдохновенного творчества, позволяющего овладеть и ирреальными факторами войны. Военное искусство проявляется не только в проведении стратегической операции — оно может быть проявлено в бою и роты, и взвода. Артистом в скульптуре называется тот, кто сумеет вдохнуть душу в холодный мрамор; *артистом военного искусства является тот, кто в стычку, бой, сражение, кампанию вдохнет душу, то есть оживит мертвый шаблон дыханием вдохновения.*

Сейчас, в эпоху диктатуры гордого разума, искусство изгнано на задворки. Военное искусство подавлено военной наукой. Если мы хотим стряхнуть бремя военного декаданса, мы обязаны правильно постичь, каковы должны быть соотношения между искусством и наукой в нашем деле, мы должны понять следующее:

Наука исследует материю и дух.

Изобретение воздействует на материю.

Искусство воздействует на дух.

Таким образом, религия, поэзия, музыка, изобразительные искусства, педагогика, политика, военное дело — все это искусства, потому что они имеют исключительной или главной целью привести в то или иное движение дух, создать те или иные эмоции.

Архитектор может строить сараи, но он остается артистом, ибо он приводит в движение и души.

Искусство пользуется услугами знания, науки, но искусство, подчинившееся науке, становится ремеслом, так как оно лишается живительной силы вдохновения. Мы забыли о вдохновении, об этой божественной части военного дела, потому что мы заняты механикой, химией и прочим. Говоря словами Бальмонта:

«Люди солнце разлюбили,

Надо к солнцу их вернуть!»

Нам, военным, надо сойти с пути ремесла и двинуться по пути искусства, то есть поверить, что в военном деле вдохновенный талант выше совершенного знания.

Чтобы не быть превратно понятым, я должен пояснить, что я не склонен переоценивать значение таланта. Я вполне согласен с тем, что говорил военный писатель Рюстов: «Мысль, что теория и изучение войны не могли бы дать положительных результатов, соблазняет ленивцев, которые охотно воображают, что, не работая, можно иметь успех, если быть талантливым, и которые, конечно, считают себя тем более талантливыми, чем более они ленивы».

Несомненно, что талантливый неуч в своих достижениях не больше бездарного ученого. Но нужно стремиться к совмещению таланта и знания, так как при этих условиях артист того или иного искусства достигает крайнего совершенства. Ученый — это высшая, последняя степень человека; артист, обладающий талантом и знанием, — это первая степень бога.

Каким же образом развить в военной среде эту способность к вдохновенному творчеству? Таким воспитанием, которое являлось бы непрестанной тренировкой души, таким образованием, которое, питая ум, не иссушало бы душу. Перед Великой войной

военное воспитание и образование стояли почти на правильном пути, но сейчас они рванулись в сторону рационализма.

В программе образования не должны преобладать точные науки; *военные школы должны приближаться к типу классическому, а не реальному*. Эту мысль в конце прошлого столетия проводил немецкий военный писатель Хениг, сформулировавший ее так: «Все полководцы, к какой бы нации они ни принадлежали, были в высшей степени эстетамы, людьми, обладавшими пониманием искусства, тонким чувством, сильным критерием, светлым и острым умом, все они были артистическими натурами, и в нашем военном воспитании заслуживает полного сожаления совершенное отсутствие стремления к пробуждению и развитию любви к искусству, эстетического чувства — ввиду этого у большинства не существует стремления к возвышенному; к призванию своему относятся поверхностно, не размышляя никогда об артистической стороне своей специальности. Знакомство с эстетикой, в особенности с разумно преподаваемой философией, было бы в сто раз полезнее многих нынешних наук».

Необходимо обратить громадное внимание на ту отрасль знания, которая в классификации наук, сделанной Огюстом Контом, озаглавлена словом *социология*. Одна из наук, входящая в рубрику, — *психология* — сейчас заинтересовала многих преподавателей, и это нельзя не приветствовать в надежде, что мы получим наконец серьезные познания из области психики человека и толпы; эти познания облегчат задачу вождения войск и ведения войны. Но и другие отрасли социальной статистики и социальной динамики должны быть в большой мере включены в курс военного образования, *так как они ведут к познанию человека, главного элемента войны, и ведут к правильному пониманию преобладания духа над материей, искусства над знанием*.

(Месснер Е. Декадентство в военном искусстве // Военный сборник. 1928. Кн. 9. С. 144–161).

ИДЕЯ МАЛОЙ АРМИИ

Зло массовых армий

Б. Штейфон

В числе других идей, полученных в наследство от XIX века, идей, абсолютная и практическая ценность которых считалась неоспоримой, была и *идея всеобщей воинской повинности*.

Система всеобщей воинской повинности возникла более ста лет назад, как следствие политического и военного разгрома Пруссии.

По Тильзитскому миру Пруссия могла содержать армию в 42 000 чел., должна была уничтожить ряд своих крепостей и выполнить длинный перечень условий, фактически низводивших наследников Фридриха Великого на положение послушных вассалов Наполеона. Переживания национального несчастья пробудили в германском народе стремление к нравственному и политическому возрождению. Страна покрылась сетью патриотических обществ «Союза Добродетели». «Ночные всадники» Люцова вели жестокую партизанскую борьбу в тылах французских армий. Разрозненная, уничтоженная Германия вынашивала идею единого германского народа.

Лучшие немецкие поэты призывали к освобождению от французской гегемонии и к объединению нации. Короче говоря, Германия вообще, а Пруссия в особенности переживали в те годы *величайший патриотический подъем*. Творцы всеобщей воинской повинности — Шарнгорст и Штейн, создавая совершенно новую тогда военную систему, имели дело при практическом ее осуществлении с таким первоклассным, в смысле патриотизма, материалом, каким были немцы в начале XIX века. Вновь созданная военная система базировалась на основном принципе — *на священном праве каждого гражданина защищать свое отечество*.

Ни Шарнгорсту, ни Штейну, ни Гёте, ни миллионам других немцев не могла, конечно, прийти в голову мысль, что немец может быть равнодушен к судьбам своей Родины. Примеры Испании и Португалии и их усиленная борьба с Массеной, одним из лучших наполеоновских маршалов, подтверждали, какие чудеса могло творить *осознанное национальное чувство*.

Вновь возрожденная прусская армия в кампаниях 1813 и 1815 гг. вполне оправдала надежды своего народа. Система всеобщей воинской повинности, давшая немцам столь

блестящие результаты в их борьбе с Наполеоном, постепенно была усвоена всей Европой. «Священное право» защищать свое отечество стало неоспоримым для всех народов. Дюппельские и альзенские успехи немцев в Датской войне 1863 г. и громкая победа над австрийцами при Садовой в 1866 г. еще более укрепили веру в превосходство прусской военной системы, основанной на принципе всеобщей воинской повинности. Франко-прусская война 1870–71 гг. вознесла эту веру уже на высоту догмата.

Зарождение и развитие этого принципа совпало как раз с периодом развития в Европе милитаризма как следствия Наполеоновских войн. Прельщенные идеей количества народы в течение XIX века не учитывали, по-видимому, того обстоятельства, что новая система жизненна лишь при наличии мудрого равновесия между качеством и количеством. Как это часто бывает, форма стала преобладать над идеей. Ведь войска Блюхера и Мольтке были сильны, конечно, не только своим числом, но главное — духом. Поэтому в прусской армии сила и дух, т.е. количество и качество, развивались в нормальном соотношении.

Иное мы видим при отсутствии подобного равновесия. Австрия, тоже воспринявшая новую военную систему, являет на протяжении всего XIX столетия примеры, обратные прусским. Усвоив только форму и не обладая тем однородным, в своей массе одинаково чувствовавшим населением, как в Пруссии, двуединая монархия не обладала и сильной духом армией. Поэтому за исключением победы над итальянцами (Кустоцца, 1866 г.), Австрия не могла похвалиться ни одним крупным военным достижением. Не уравновешенное качеством австрийское количество в силу неизбежных законов военного дела было обречено на поражение.

Разгром австрийцев при Садовой (1866 г.), когда половина потерь маршала Бенедека пришлась на долю пленных и дезертиров, живо напоминает картину военного оскудения итальянцев при Каппорето в минувшую войну (убитых и раненых — 40 тыс., пленных — 350 тыс. и дезертиров — до 400 тысяч!).

Мец, Седан и ряд полевых боев за время франко-прусской войны; Порт-Артур и Маньчжурская кампания в Русско-Японскую войну; примеры России, Германии, Австрии, Италии в мировую войну, — все доказывает наглядно и убедительно, что численно сильные армии, дух коих не равноценен их формам, не являются армиями, способными надежно охранить интересы своих государств.

Первопричина подобного явления неоспорима: в течение минувшего столетия европейские армии стремительно следовали по путям, указанным Шарнгорстом; однако за это время в жизни народов выявились *новые духовные течения*, идеалы коих нисколько не напоминают националистическое движение начала XIX века.

В жизнь народов вошли и закрепились такие факторы, как социализм и коммунизм с их отрицанием религии, национализма и патриотизма, с их проповедью классовой борьбы, идей интернационала и т.д.

Если раньше существовали только русские, французы, немцы, англичане и т.д., то теперь многие миллионы людей расценивают себя совсем по иным признакам. В каждом государстве существуют ныне обширные слои граждан, открыто заявляющих, что национальные интересы их родины не только им непонятны, но и враждебны. Эти слои, исчисляющиеся нередко миллионами, по-своему «честно» предупреждают свое государство, что они являются активными и непримиримыми врагами как существующей идеи государственности, так и «священной обязанности» защищать свое отечество.

Естественно, что возникает вопрос: уместно ли поручать защиту государства тем, кто явно, не скрывая, объявляет себя врагом этого государства? Уместно ли в период самого страшного для народа испытания, т.е. в период войны, вооружать своих непримиримых врагов?

Если комендант осажденной крепости, желая увеличить силы гарнизона, пригласит своего противника зайти в крепость защищать ее, то подобного коменданта сочли бы, конечно, или изменником, или ненормальным. *Между тем, государства призывают для своей защиты своих явных врагов в лице тех, кои отрицают и всемерно колеблют главные основы бытия всякой нации: **религию, национализм, государственность и семью.** И совершается это во имя отвлеченных и ныне бесспорно устаревших принципов всеобщей воинской повинности.*

Коммунизм и социализм, с их проповедью интернационала, пробили обширную брешь в системе Шарнгорста, логическое совершенство которой основывалось исключительно на любви к отечеству и народной гордости. *Люди, не признающие отечества, не будут его защищать.* В период войны они будут искренне приветствовать любые неудачи своей Родины и направлять все свои усилия к вящему разгрому ненавистной им государственности.

И здоровый инстинкт самосохранения обязывает нацию охранять себя от своих внутренних врагов и не давать им возможности службою под знаменем с оружием в руках вредить своей родине. Этот инстинкт властно диктует необходимость коренного пересмотра ныне господствующей военной системы.

Кроме элементов, открыто объявляющих себя врагами государства, имеется немало людей, принадлежащих к категории «миролюбивых мещан», кои по свойствам своей выцветшей души не пригодны быть солдатами. Их психика, приниженная господствующим ныне рационалистическим мировоззрением, лишает их способности, хотя бы временно, хотя

бы частично руководиться в жизни возвышенными идеалами. Громадный процент пленных в минувшую войну в армиях всех государств наглядно убеждает, что число подобных «мещан духа» зловеще увеличилось.

Если многими в их стремлении избавиться от войны руководила злая воля или беспринципность, то надо признать, что было немало людей, для которых боевая обстановка являлась органически непереносимой.

Лебон убедительно свидетельствует, что нервная система современного человечества с трудом выдерживает напряжение современного боя. Не считаться с этим невозможно. Нормально устроенное государство обладает, конечно, многими возможностями *принудить* преступных или малодушных людей выполнять свой долг, однако подобное принуждение приводит, в лучшем случае, лишь к формальному выполнению «священной обязанности» защищать свое отечество, т.е. к Каппорето <...>

Более целесообразным и удачным разрешением вопроса явится та военная система, которая позволит использовать своих военнообязанных так, чтобы каждый получил возможность выявить свои знания и способности в деле защиты Родины вне зависимости от политических исповеданий и морального уровня.

Современная война требует соответствующей подготовки не только армии, но и решительно всех сторон жизни нации: психологической, финансовой, промышленной, сельскохозяйственной и т.д.

Если в XIX столетии разработка мобилизационных планов являлась монополией генеральных штабов, то теперь к мобилизационным вопросам привлекаются люди самых мирных профессий: ученые, финансисты, врачи, журналисты, инженеры и иные, подобные им, категории лиц. Уже этот краткий перечень показывает, как усложнилось понятие о войне и ведение ее. *В XX веке армия является хотя и первенствующим, но все же лишь одним из элементов борьбы.*

Для будущей национальной России вопросы ее военного строительства явятся вопросами ее бытия. Вопрос о «качестве» и «количестве» ныне не является уже темой только кабинетной. Уже теперь можно с полным основанием утверждать, что экономическое положение возрожденной России не позволит ей содержать прежнюю многомиллионную армию. Таким образом, назреет необходимость с «малыми» силами надежно разрешать все вопросы государственной обороны. А это возможно лишь в том случае, если в основу создания вооруженных сил будет положен принцип **«качества»**.

Современная военная система поддерживается ложной, давно уже жизненно поколебленной уверенностью в высоких, якобы духовных качествах «солдата-гражданина».

Вредное заблуждение, усвоенное еще со времен Великой французской революции...

Современный быт, обуславливающий воспитание современных граждан, создает не воинов, а солдат Каппорето. Помнить это значит предвидеть. *Предвидение* же — дар, ценность которого постигается лишь со временем. «Недостаточно зарегистрировать прошлый опыт. Нужна еще творческая фантазия, чтобы предугадать, что ожидает нас в будущем и что нам нужно делать, чтобы не отстать от современности. Такое воображение, как творческое начало, совершенно необходимо прежде всего в деле войны, где неподготовленность карается морями даром пролитой крови», — писал в своей замечательной книге «Полчища» генерал А.Геруа. Автор «Полчищ» особо серьезное значение уделяет борьбе классовых исповеданий в армиях вооруженных народов и патологической природе большевизма и коммунизма. С редкой убедительностью осмысливает он горький опыт русского лихолетья и мудро предупреждает о грозящей опасности.

Если мировое зло не может быть быстро изжито, то надо находить возможности, дабы ослабить его поступательное торжество. **Современная военная система, основанная на всеобщей воинской повинности, лишь вводит в армию это всеобщее зло.**

Минувшая великая война явила все доказательства сильнейшего упадка искусства. Все воевавшие народы стремились восполнять недостатки духа и качества количеством и техникой. В послевоенный период это увлечение приняло формы неудержимого стремления поставить материю выше духа, и современная военная мысль представляет армию какой-то гигантской фабрикой, где главная роль принадлежит машинам, а люди лишь обслуживают эти машины. В сознание современных «миролюбивых мещан» настойчиво внедряют мысль, что они могут воевать только машинами, а сами они ничто. «Человека» упразднили; но «человек» еще вернется и жестоко накажет тех, кто о нем позабыл. Было бы, конечно, не только легкомыслием, но и преступлением отрицать могущество современной техники. Ныне шапками не закидаешь! И все же, человек был, есть и будет главным фактором побед.

В настоящее время наблюдается во всех армиях мира определенная *тенденция к сокращению срока службы* под знаменами. Принимая во внимание усиливающуюся сложность военного дела и малоценные духовные качества современных «миролюбивых мещан», проникнутых духом самого грубого и примитивного материализма, надо признать, что в течение 1–1,5 года невозможно создать солдата. Можно лишь «натаскать» новобранца. Солдатом будет только тот, кого не только научили обращению с оружием, но и соответственно воспитали. Для воспитания же необходимы время и соответствующие условия военной жизни. Поэтому **первым и необходимым условием новой военной системы является увеличение срока службы под знаменами.**

Располагая обширными кадрами лиц призывного возраста, Россия сможет получить, путем тщательного отбора, первоклассный людской материал. Столь совершенные, по своим духовным и физическим качествам, контингенты, пропущенные в течение 4–5 лет через поле и казарму, обратятся в подлинных солдат, способных по завету Петра Великого «с малою кровью» решать самые сложные задания. К тому же, только такую **«малую» армию сможет возрожденная, но разоренная страна снабдить должной техникой, находящейся на уровне современных требований.**

Освобождение от воинской повинности должно восполняться соответствующим военным налогом, причем налоговая система должна предусматривать не только *денежные взносы*, но главное — *трудовую повинность* по своей основной, мирной специальности. Это последнее условие явится лучшей подготовкой населения к тяготам военного времени, когда вся страна обращается в грандиозный тыл, обслуживающий нужды армии и населения.

Сила военного гения в том, что ему в высокой степени свойственны способности предвидения и дедукции. Каждый гений в своей области одновременно и великий пророк, и великий философ. Таковым был и Наполеон. Используя военные идеи древних Греции и Рима, т.е. идеи, имевшие тысячелетнюю давность, он скомбинировал их с собственными и по дару предвидения прозрел будущие пути развития военного искусства. *Поэтому после Наполеона, до настоящего времени, человечество не обрело ничего нового в области военных идей.* Конечно, в данном случае речь идет о творчестве такого масштаба и такого значения, какие в корне изменяли бы природу боя и войны, как, например: принцип частной победы греков (механическая теория боя), глубокая тактика римлян (духовная теория боя), маневр на поле сражения (Петр Великий, Фридрих Великий), маневренные сражения (Наполеон), высота русских тактических форм XVIII века (Полтава, Суворов) и т.п.

Практическая ценность всякой большой мысли определяется тем, насколько полно она воплощается в жизни и насколько форма не принижает величия мысли. Наполеон обладал в сильнейшей степени даром подобной гармонии. Несомненно, что его современники, хотя бы Пфуль, считавшийся выдающимся теоретиком того времени, или члены австрийского гофкригсрата, обладали не меньшими, чем Бонапарт, военно-историческими познаниями и идеи классического мира им были хорошо известны. Однако их творческие попытки оказывались бессильными, ибо они не улавливали ритма войны и боя, равновесия духа и форм. В итоге, или предвзятая идея, по существу верная, давила на исполнение (Пфуль), или форма заглушала идею (гофкригсрат).

Уловить этот ритм и обладать секретом равновесия между духом и формой — удел подлинного мастерства. Гений, однако, появляется редко. Изучая ныне историю Великой войны, можно смело утверждать, что начиная с 15 года и до конца военных действий все воевавшие стороны не столько воевали, т.е. уверенно стремились победить противника, сколько учились воевать. Поэтому Великая война является обильным и пестрым перечнем разнообразных попыток угадать опытным путем секрет победы. Исключением и притом неизменным и блестящим было только военное творчество генерала Юденича на Кавказе. Генерал Юденич не искал секретов победы, а уверенно создавал победы, ибо одаренностью своего большого таланта применял тот секрет, коим владеет подлинное военное дарование. И сердцем, и рассудком ген. Юденич знал, что на войне побеждает дух, а не материя.

На всех остальных европейских фронтах во время войны это угадывалось, а теперь известно как факт, что управление не справлялось с поставленными задачами и терялось в массах и пространстве. Массы же, по законам текучести, захватывали все большие пространства, чем лишь увеличивали сложность управления. Тогда было решено, что лучшим противодействием этому злу является превращение полчищ в сверхполчища. Получался заколдованный круг.

Ныне надо признать, что идея вооруженного народа не выдержала экзамена в годы Великой войны. Миллионы «миролюбивых мещан» заполнили ряды армий и принижали их дух. Разве не примечателен факт, что в течение войны обе воевавшие стороны потеряли одними лишь пленными около шести миллионов человек. Сравнительно слабая числом Итальянская Армия только в одном сражении под Каппорето потеряла до 800 000 человек, из коих только около 40 000 пришлось на долю убитых и раненых, а остальные были пленными (350 000) и дезертирами (400 000). Армии всех времен знали потери пленными и дезертирами, но никогда процент таковых потерь не достигал столь высоких норм, как в минувшую войну.

Современные военные историки видят причины тех или иных недочетов, выявившихся в процессе Великой войны, обычно в фактах и явлениях отнюдь не основных. Причем и в этих объяснениях доминируют симпатии политического порядка. Люди правых исповеданий склонны объяснять причины поражений организационными неурядицами тыла, левые центр тяжести обвинений переносят на несовершенство государственного аппарата. Между тем, логически напрашивается вопрос: **не заключаются ли причины упадка современного военного искусства в идее вооруженного народа? В кризисе современного человечества?**

Идея массовых армий воплотилась в жизнь в период борьбы Европы с Наполеоном. В тот период, когда сознание собственной слабости каждого отдельного государства привело к мысли о создании коалиции. Таким образом, общеевропейская слабость породила массы.

Победы Германской Армии в Франко-Прусскую войну еще более упрочили веру в значение количества. Не учитывалось, однако, главного: насколько духовно бедна была Франция в войну 1870–71 гг., настолько сильны духом были ее противники. Одушевленные идеей единой Германии, высоко ставящие идеалы воинской славы, немцы начали войну с непоколебимой верою в свой успех.

Руководимая столь выдающимся умом и характером, как Мольтке, Германская Армия, в противовес Французской, старательно изучала и усваивала заветы Наполеона. Однако, как ни высоко было знание, организация и техника немецких войск, их победы были вызваны, главным образом, высоким общенациональным подъемом немецкой души. Французскому разуму было противопоставлено германское чувство. Атеизму — «германский Бог». *В итоге победила та сторона, чье мировоззрение покоилось на прочных религиозных, патриотических, военных основах.* К началу Великой войны религиозные и социальные идеалы народов уже резко отличались от таковых же периода Наполеона. Массы все более и более проникались материалистическими настроениями. Равнодушные к христианской морали, они под натиском господствующих увлечений стихийно отходили от подлинных добродетелей духа, заменяя эти добродетели поклонением разуму и материи.

Армии, принявшие формы вооруженных народов, тем самым усвоили и отрицательные идеалы этих народов. То снижение морали, в широком ее значении, какое наблюдалось в период, предшествовавший Великой войне, властно проявилось уже в первые месяцы войны. Весь мир был убежден, что Франция изнемогала под натиском превосходных сил Германии в первый же период войны. Это обстоятельство и вынудило Русское командование начать раньше времени Восточно-прусскую операцию, столь роковую для нас. В действительности, в середине августа 1914 г. силы Союзников и Германцев на Французском фронте были почти равны: 83 пех. и 12 кав. дивизий со стороны Союзников и 75 пех. и 10 кав. дивизий со стороны немцев.

Казалось, что шансы на успех на стороне Франции, ибо при почти равных силах Французская Армия действовала в своей стране, опиралась на сочувствие всего населения и имела хорошо оборудованные сообщения и тыл. О фактических настроениях достаточно говорят приказы Жоффра того времени, повествующие о «многих случаях неустойчивости» и требовавшие «самых драконовских мер». Подобное свидетельствование лица, стоявшего тогда во главе Французских вооруженных сил, указывает убедительно, что воинский дух был

не на должной высоте. Картина будет еще более яркой, если припомнить, что в первый период войны армии были наиболее сильны духом, и то, что имели в своих рядах еще неизрасходованные мощные кадры мирного времени. Не менее трагические признаки упадка, а иногда и разложения являли и другие армии.

Даже Германские войска, более крепкие духом, не выдержали испытаний войны, ибо и среди них было много «миролюбивых мещан». По существу, роковой для Немецких Армий *кризис духа*, предопределивший затем исход борьбы, проявился уже на полях Марны. Уже тогда, на второй месяц войны, ослабела воля к победе; иначе трудно объяснить, почему командующие правофланговыми армиями генералы Ф. Клук и Ф. Бюлов, а затем и остальные старшие начальники без должного внутреннего сопротивления приняли предложение подполковника Хенча об отходе¹⁷. Невозможно представить что-либо подобное в обстановке войны 1870 г. Вспомним также и о поведении Веллингтона и Блюхера у Ватерлоо.

Болезнь воли и духа, так ярко проявившаяся перед войною и во время войны, длится и поныне. Народы и их правители всячески культивируют идеи вечного мира. В Новой Истории не было эпохи, когда *нацифистские настроения* принимали бы столь грозные формы, как теперь, напоминающие настроения Рима и Византии времен их упадка.

В конце минувшего года в журнале «Центральная Европа» появилась статья либерального венгерского профессора Рустема Вамбери. Примечательная статья и характерная для нашего времени! С тою псевдологикою, какая так убедительна для «миролюбивых мещан», профессор Вамбери проповедует: «Нельзя с одной стороны говорить о мире... а с другой — воспитывать героизм войны, создавать ореол вокруг военного духа прошлого и особенное внимание обращать на воспитание духа в юношестве». Вывод ясен: надо угашать военный дух здорового, нормального патриота. Нам, пережившим керенщину, ясны последствия таких проповедей!

Имея дело со столь малоценным мировоззрением, как рационалистические идеалы конца XIX и начала XX столетий, мировое военное искусство постепенно проникалось такими же настроениями. *Военная наука, в своей теоретической части, проповедуя*

¹⁷ Подполковник Хенч, офицер Ген. штаба, по поручению Главной Квартиры прибыл к войскам, чтобы ознакомиться с положением на фронте. Лично признав положение безнадежным, чего в действительности не было, подполковник Хенч, не имея письменных подтверждений своим полномочиям, передал именем Мольтке приказ Командующим армиями об отходе всех германских войск. Этот исключительный в военной истории эпизод за смертью в дальнейшем Хенча остался мало известным.

принципы Наполеона, в действительности отходила от духовной сущности этих принципов. Недочеты духа стремились и стремятся восполнить достижениями техники.

Не только увлекающиеся умы, как Бувар, но, казалось, и уравновешенные западноевропейские военные авторитеты мечтают об индивидуальных танках для пехоты.

Армии XX столетия — это грандиозные заводы, лишь обслуживаемые человеком. Воин заменяется машинистом.

Отживая ныне свой век, идея вооруженного народа, порожденная, как указывалось выше, слабостью, фактически мало интересуется духовным обликом войны. Идеалы качества видят лишь в физической пригодности призываемых под знамена, отнюдь не интересуясь, верит ли офицер и солдат в Бога, любит ли он свое отечество, не надломлена ли его психика вредными материалистическими исповеданиями.

Если в эпоху Наполеона основным военным догматом почиталась формула, гласящая, что победы зависят на 3/4 от данных морального порядка и только на 1/4 от материальных сил, то сто лет спустя, в наше время, формула эта фактически воспринимается в обратном соотношении.

Надо иметь мужество признать, что современное военное искусство (а о нем мы можем судить по опыту великой войны) находится в состоянии упадка. Сильнейшего упадка. Увлечение массами на основе всеобщей повинности достигло явно ненормальных норм.

Будущей национальной России придется заново устраивать свои вооруженные силы. И только отвлеченная теория может желать для нашей Родины армии вооруженного народа. Для подобной армии, снабженной к тому же применительно к современным требованиям, не будет прежде всего должных средств. Не будет соответствующей промышленности, средств подвоза, путей, способных принять и выдержать работу нынешней тяжелой техники, словом, не будет всего того, без чего не может жить современная армия — завод. *Только возвращение к «малым армиям» может возродить военное искусство. Малая армия — понятие, конечно, относительное, и для России она будет примерно тою, какою была наша армия в мирное время.*

Еще задолго до Великой войны фон-дер-Гольц писал: «Я верю, что появится новый Александр Македонский и с небольшой, превосходно вооруженной, снабженной и отлично обученной армией погонит перед собою эти нестройные полчища, когда они в погоне за численностью перейдут разумные пределы действительности, утратят воинский дух и, как китайские войска зеленого дракона, обратятся в толпу миролюбивых мещан» <...>

Являясь уже много лет убежденным популяризатором идеи малых армий, я считаю и своим правом, и своей обязанностью ответить по содержанию статьи г. В. Свицерского «Не следует увлекаться», помещенной в № 156 «Царского вестника».

Прежде чем перейти к осуждению идейных положений указанной статьи, необходимо заявить о полной ошибочности утверждения г. Свидерского, будто русские военные специалисты, проповедывающие необходимость малых армий в условиях будущей русской действительности, поддались «гипнозу чужих идей».

Русская зарубежная военная мысль совершенно самостоятельно создала доктрину малых армий, отнюдь не заимствуя эту доктрину от ф. Зеекта, творца германского рейхсвера.

Еще когда мы не имели никакого представления о деятельности ген. ф. Зеекта и об идеях, положенных им в основу устройства германской вооруженной силы, ген. А. Геруа в 1921 г. писал свою замечательную книгу «Полчища». В этом капитальном труде ген. А. Геруа уже тогда доказывал, на основании исторического анализа, весь вред массовых армий.

Не имея в 1921 г. никакого представления о работах ген. А. Геруа и даже еще не зная имени ген. ф. Зеекта, лично мне удалось в том же 1921 г. осуществить практически вопрос о «качестве» и «количестве».

Среди идейных достижений в Галлиполи, чьи благотворительные последствия сохраняются и поныне, главнейшим надо считать решение, предоставлявшее возможность покинуть Галлиполи всем, кто по тем или иным мотивам не захотел оставаться в войсках или был признан несоответствующим для службы в армии (знаменитый в истории Галлиполи приказ № 323).

По жертвовав количеством, галлиполийское командование выиграло в качестве и тем создало «малую» армию, умевшую сотворить «галлиполийское чудо». Этот приказ № 323 был надуман мною совершенно самостоятельно и единолично.

Знаю, что ряд других военных писателей вполне самостоятельно, без воздействия на них опыта ф. Зеекта восприняли и проповедают идею «качества», т.е. ту идею, которая неосуществима в условиях массовой армии. При этом надо припомнить, что в то время, когда русская зарубежная военная мысль стала восставать против господствующего увлечения массовыми армиями и создавать теорию малых армий, тогда еще не появились труды ф. Зеекта, а его философские обоснования новой германской системы были всем нам неизвестны. Например, цикл лекций подполковника Месснера, читанных в Белградском офицерском собрании на тему о «качестве» и «количестве», имел все признаки самостоятельного творчества.

Да и вообще, если мы проследим историю вопроса о малых армиях, то убедимся, что это — русская идея, возвещенная уже в XVIII столетии, т.е. в эпоху расцвета русского военного искусства. В ту эпоху, когда развитие этого искусства шло по путям

самобытным, национальным и не было еще затемнено теми рационалистическими воздействиями Запада, какие в сильнейшей степени извратили и обезличили наше военное искусство в течение XIX века.

Припомним, что повелением Императрицы Екатерины II в 1762 г. была образована комиссия, имевшая задачей обсудить реформы по военному ведомству.

Эта комиссия под председательством фельдмаршала Салтыкова с большой вдумчивостью использовала обширный опыт Семилетней войны. Прежде чем перейти к обсуждению подробностей реформы, комиссия высказала основное положение, признававшее необходимым иметь *«малую армию, но исправную, чем многочисленную на бумаге, но которая многим недостаточна»*, ибо «сила войска состоит не в многом числе оного, но от содержания его в дисциплине, от хорошего научения и верности»...

Таким образом, не может быть и речи о том, что сторонники малых армий поддались, якобы, «гипнозу чужих идей». Грустно, что г. Свидерский, офицер генерального штаба, так мало ценит самостоятельное творчество русской военной мысли.

Можно соглашаться или не соглашаться с идеей малых армий, однако оставаясь в границах научного беспристрастия, нельзя не признать всей значительности этой идеи. Нельзя не признать, что вопросы о массовых и малых армиях, вопросы о «качестве» и «количестве» являются самыми важнейшими военными темами современья.

И если г. Свидерский проявил незнание с историей трактуемого им вопроса, то еще более серьезные возражения вызывают его идейные обоснования.

Прежде всего никак невозможно согласиться с формулировкой, будто «всякая новая идея хороша, если она соответствует моменту и обстановке». Столь категорическое заявление, во-первых, совершенно ненаучно, а во-вторых, идет вразрез с историей военной культуры.

Ценность каждой большой военной идеи обуславливается отнюдь не моментом и не обстановкой данного момента. Чем величественнее идея, тем больше она прозревает будущее даром предвидения.

Говоря о малых армиях, мы говорим о военной системе. Невозможно допустить, чтобы военная система каждого государства принаравливалась лишь к определенному моменту, к определенной обстановке.

*Невозможно потому, что любая военная система органически пронизывает все стороны политической, экономической и социальной жизни страны. Невозможно потому, что **всякая новая военная система**, прежде чем она будет полностью осуществлена, потребует длительной и сложной подготовки.* Так, напр., система всеобщей воинской повинности могла быть принята в России лишь после освобождения крестьян, после

соответствующих кодификационных достижений (Св. Воен. Постанов. 1869 г.), после создания соответствующей железнодорожной сети и т.д. А раз требуется длительность, то тем самым отпадает и утверждение (г. Свидерского) о самодовлеющем значении «момента».

Не меньшее возражение вызывает и основной тезис г. Свидерского, стремящегося опорочить идею малых армий ссылкой на то обстоятельство, что в Германии эта идея искажилась «поневоле».

Величие и абсолютная ценность мысли не зависит от того, рождена ли она в тюрьме или среди простора степей.

Ведь и идея всеобщей воинской повинности, т.е. та идея, в защиту которой написана статья «Не следует увлекаться», явилась в условиях, однородных созданию рейхсвера.

125 лет назад, после Йенского погрома, условия Тильзитского мира для Пруссии были еще более тяжелыми, чем Версальского. Таким образом, идея всеобщей воинской повинности была тоже следствием «неволи», но это обстоятельство не помешало ее широкому распространению в Европе <...>

Отнюдь не доказательно и второе утверждение г. Свидерского, что «ни Франция, ни Италия, ни многие другие державы, несмотря на “идеальные” свойства германского рейхсвера, у себя своего рейхсвера, т.е. малых армий, не заводят» <...>

Вообще же говоря, вопрос о малых армиях — тема слишком сложная и серьезная, чтобы опровергать ее столь шаткими доводами, как «других держав», или низводить ее до уровня ссылок на «неволю», создавшую германский рейхсвер. Необходим подход к такой теме более углубленный и вдумчивый.

Во всяком случае, можно быть только благодарным, если «Царский вестник», выполняя программу изучения России, предоставляет свои страницы для дальнейшего обсуждения этого государственно важного вопроса.

И мои единомышленники, и я в решении вопроса о малых армиях видим решение главной современной социальной проблемы.

Мы убеждены, что мир ныне переживает жесточайший моральный кризис. Мудро разрешить этот кризис может только идея «качества», одушевляемая идеалами духа, но никак не идея «количества», порожденная материалистическими исповеданиями.

Проповедь идеи малых армий (т.е. принципа «качества» (духа)) является стремлением вернуть русское военное искусство к его историческим национальным истокам, стремлением воскресить суворовские заветы.

Система всеобщей воинской повинности, созданная в начале XIX века, вдохновлялась основным принципом: священным правом каждого гражданина защищать свое отечество.

Результаты борьбы с Наполеоном в период 1812–15 гг. показали, какие чудеса могло творить осознанное национальное чувство.

В течение минувшего столетия европейские армии стремительно следовали по путям, указанным Шарнгорстом, — творцом новой тогда военной системы.

Однако с течением времени в жизни народов стали укрепляться иные исповедания, идеалы коих нисколько не напоминали националистические устремления начала XIX века <...>

Теперь многие миллионы людей расценивают себя уже не по национальным признакам. Ныне в каждом государстве появились обширные группы, открыто заявляющие, что национальные интересы их родины не только им непонятны, но и враждебны <...>

Люди, не признающие отечества, не будут его и защищать. В период войны они будут искренне приветствовать любые неудачи своей родины и направлять все свои усилия к вящему разгрому ненавистой им государственности.

И здоровый инстинкт государственности обязывает нацию охранять себя не только от внешних, но и внутренних врагов. Этот инстинкт и диктует властно необходимость коренного пересмотра ныне господствующей военной системы <...>

(Отживающая идея // Русский колокол. 1930. № 9. С.7–12; Вооруженный народ // Вестник военных знаний. 1930. № 7, С.25–29; О малых армиях («Количество» и «качество») // Царский вестник. № 160, 163).

Поворот на малые армии

А. Геруа

Теперь, как впрочем и всегда, можно в общем наблюдать два главных течения среди держав мира: пацифистское, во главе которого находится Франция, и воинствующее — с Германией в качестве тайного поводыря. И, как это ни странно, именно первое из течений обнаруживает явное пристрастие к массовой армии, полчищу, тогда как второе решительно переходит на малую (сравнительно) армию. Хотя пока и малая армия будет, по-видимому, достаточно громоздка, но ее «качественные» особенности, во всяком случае, будут давать ей право на ту *отборность*, которая исключает «количество» во что бы то ни стало, набор без оглядки, соответственный французской мысли.

Все остальные державы — не что иное, как более или менее ступенчатые, сбегаящие тона этих крайних цветов военного спектра современности.

Действительно, оба англосаксонских государства, почти всегда самостоятельно решающих все социальные задачи (а армия ныне именно относится к их категории) и обычно воюющих чужими руками, хотят малую армию с сильной, органически и оригинально проведенной механизацией; итальянцы, не чуждые воинственности, резко становятся на позицию «качественно-отборного» войска, которое, конечно, не может возрасти количественно до беспредельности, притом войска, подпертого политически прочными фашистскими резервами; все мелкие или средние государства, находящиеся под нравственным обаянием французской «победы», в большинстве (за очень малыми исключениями) усвоили и французскую «количественную доктрину», но с поправкой на итальянский фашизм, проведенный у них хотя бы частично; советская республика, несомненный вассал Германии в военном отношении, явно переходит на классовую, т.е. «качественную» армию, имеющую в тылу резервы, хорошо отсортированные по немецкому образцу, хотя и с другой социальной основой.

Таковы организационные, строительные итоги войсковой силы в результате мировой войны. Из них можно убедиться, что *хотя большинство европейских вооруженных контингентов и не может еще назваться «малыми армиями» в полном смысле этого слова, но факт их уменьшения уже налицо, и именно посредством проведения в жизнь принципа «качества», военного и социального.* Одна Франция беззаботна в этом отношении, а также и русская школа, находящаяся на буксире у нее. Нельзя сказать, чтобы наиболее дальновидные французы, особенно из числа тех, что спасли Францию, не сознавали этот, в буквальном смысле, «смертный» грех французского военного строительства. «Мы имеем национальную армию, пишет в своем посмертном труде Клемансо («*Grandeurs et miseres d'une victoire*», page 302), но на условии ее обучить. Это нам не позволяют новые законы “организации”, в результате которых до сей поры только одна дезорганизация».

Интереснее всего, что и сторонники аттиловой массы, большевики, ярко сознают тот предел военного «качества», переступить который — значит лишиться повинующейся власти, вооруженной силы. Вот почему особенно любопытны факты и цифры, подобранные ими в доказательство хода «качественной эволюции», предшественницы малых армий. Вот выдержки из одного труда, заслуживающего внимания (Триандафилов. «Характер операций современных армий». 1929): «Общие предпосылки для создания высококвалифицированных бойцов в настоящее время менее благоприятны, чем перед мировой войной». «Войска первых месяцев войны будут лучше подготовлены для таких форм боя, которые не потребуют сложных передвижений или маневра. В обороне эти войска будут сильнее, чем в

наступлении. В наступательном же бою в этих войсках ударная тактика будет иметь большее распространение, чем огневая» (с. 53–54).

Эти слова тем замечательнее, что, как это ни странно, в русской школе течения в пользу штыка были неразлучно связаны и с маневром и маневренностью, а огнепоклонники являются в то же время и сторонниками «массы». Как видно: если штык, то не маневр, и если огонь, то не масса. И последнее тем более, что «огневая сила батальона при уменьшении его численности с 1000 человек до 650 человек выросла в 2,5 раза» (стр.57). «Не будет ошибкою утверждать, что нормы в средствах подавления (считая артиллерию и танки вместе) к концу Мировой войны возросли в 1914 г. в 6–8 раз» (с. 58). Поэтому вместо 62% пехоты, как это наблюдалось в Германской Армии 1914 г.(стр.66), ныне ее будет только 35% (на Западе Европы) и 46% (на Востоке) (с. 67). А это означает ни более ни менее, как сокращение армии без малого вдвое.

После целого ряда таких же красноречивых примеров *поворота на малые армии «качественного» типа* советский автор, между прочим, говорит: «Армии, которые не пожелают понять этих простых истин, армии, которые не будут подготовлены к действиям в таких массовых группировках (усовершенствованного типа. — Ред.) не могут рассчитывать на большие победы в будущей войне. Их удел — повторять печальный опыт старой русской армии» (с. 108).

Все это сугубо сознается и в Германской Армии, этой заботливой тетушке Советской. Имена фон-Зеекта, этого негласного начальника Германского Генерального штаба, его сотрудников по Государственному Архиву (тоже скрытый генеральный штаб), таких, как Зольдан, Амман, Викторин, Ведель, Позек, Кабиш, Гренер, Цвель, Гнамм, достаточная гарантия того, что там изучение будущего войны не завязнет в болоте тактической премудрости, а вышло уже на широкую воду стратегии и высшей военной организации. Не то — у французов. Клемансо, в своем уже цитированном труде, жалуется: «Генеральный штаб трудится, но всего в области тактики. Что касается стратегии, т.е. изучения войны масс, войны двадцатого века, она в загоне (*honnie*), как перед войной» (с. 301). Не мешает этот упрек иметь перед очами и нам, где так много сторонников «доктрины ротных командиров».

Увлечшись ею, всякий рискует из-за мелочей не заметить той широкой современной перспективы, что открывается перед нами. Она называется идущей полным ходом эволюцией к малым армиям. Поворот уже произошел. Остается наблюдать внимательно и принимать соответствующие организационные меры.

Восемь лет тому назад была написана моя книга «Полчища», как проводник идей по устройству обороны и армии. Тогда были брошены первые мысли о необходимости

сокращения «полчищ», не оправдавших возлагавшихся на них упований, обманувших как ожидания победителей, так, конечно, и побежденных. Естественно, что именно из недр русской армии раздался первый голос о необходимости коренной реформы основ военного дела. Стала ясной надобность и спасительность полного переворота в укоренившихся представлениях.

Недавно (1929 г.) этот русский голос, долго остававшийся одиноким и даже уподобившийся гласу вопиющего в пустыне, поддержан из стана побежденных, из Германии. Голос этот принадлежит талантливому создателю рейхсвера ген. фон Зеекту, роль которого в организации Красной армии еще подлежит внимательному изучению со стороны русских исследователей, не служивших в ее рядах. *Идеи ген. фон Зеекта, изложенные в достаточно конспективном виде, полностью укладываются в содержание «Полчищ». Вот почему пишущему эти строки представляется полезным для дела использовать и этот уже чужой рупор для дальнейшего утверждения нового направления, необходимого не только для нашей Родины, но и для дальнейших судеб человечества. Невозможно решать, например, таких вопросов, ныне занимающих ответственных политиков, как разоружение и сокращение вооружений или же как угроза большевистских орд, не принимая во внимание этих выявленных уже новых истин.*

Конечно, что касается победителей, дуновение нового ветра не для них, хотя и им сознание необходимости реформы коренной, построенной на социально-политическом базисе и сопровождаемой решительной военной ломкой и, главное, творческим созиданием, отнюдь не чуждо в лице наиболее дальновидных представителей. Один из них, известный французский генерал, ознакомившись с неизданным французским текстом «Полчищ», писал автору, советуя особенно усилить трубный глас во всем том, что касается французской системы и армии, и ее недостатков, дабы и глухие услышали.

В сознании ответственности за все сказанное выше, позволяем себе привести одну из глав книги ген. фон Зеекта «Gedanken eines Soldaten», а именно ту, что озаглавлена «Moderne Heere» <...>

Что говорит фон Зеект? Кто заговаривает о новейшем военном искусстве, должен прежде всего подумать о *воздушной силе*; она стала, как во время мировой войны, так и в значительной степени после нее, важнейшей сестрой сухопутной армии и флота, но, однако, *без изменения основных принципов войны*. Солдатами и работающими с ними техниками охотно воспринимается представление о совершенно новом поле сражения с его новыми особенностями. Рассчитывают на возможность воздушных нападений на центры государственной сопротивляемости, что уже не ново, и даже ныне при наличии легкого поражения ядра военных сил приходят к заключению о бесполезности сухопутной армии

(Муссолини). Разница не в том, что раньше сухопутная, а ныне и воздушная сила сражаются *за победное решение*. Полагают даже, что бой будет вестись не только против солдат, но и против гражданских лиц. Не новость — бой против внутренности страны и против мирных горожан. Заглянувши в старину войны на уничтожение культуры, мы должны вспомнить о Тринадцатилетней войне, о турецком нашествии и о Гейдельберге. Было бы легкомыслием отрицать или приукрашать опасности или ужасы воздушного нападения на внутренность страны, особенно соединенного с применением газов. Надлежит отдавать себе ясный отчет в опасностях нового поля боя; деятельная оборона в воздухе, которая ищет лучшего применения силы, обращается к атаке неприятельских владений или же, по меньшей мере, к уничтожению нападающего. *Раз новые требования против этого нового вида военной опасности становятся перед нами — требуется забота о пассивном обеспечении жизненных центров страны, которое скорее является дорогим и громоздким.* У нас в Германии, где активная воздушная оборона изучается и где по пассивной обороне никаких или почти никаких поисков не делается, трудно достичь понимания и еще труднее решения.

Попытаемся также в этом кратком исследовании бросить взгляд на *состояние обороны* и нарисовать ее картину, как она представляется в будущую войну, однако в то же время не упуская из вида, что господствующие представления и приготовления мало соответствовали этому будущему развитию дела и что *ближайшая война может взять совсем новый курс* по сравнению с тем, что здесь намечен в качестве исходного. *Война начнется обоюдным воздушным нападением, почему ее суть — в скорейшей готовности и в скорейшем броске сил на противника. Ближайший противник не главные города или источники могущества страны, но воздушные силы противника; в зависимости от этого будет решаться вопрос о направлении атаки против прочих целей.* От полного сосредоточения всех сил не скоро совершится переход к окончательному решению, даже если одна из сторон и находилась бы в боевой готовности, толкавшей к нападению. Как далеко могут распространяться материальные и моральные последствия действий противника против источников неприятельских сил, зависит от их пассивных, равно как и моральных сил сопротивления <...> *Поражение мобилизационной машины в ее личном составе и в материальном обеспечении — главнейшая задача воздушной атаки.*

При посредстве воздушной силы предпринимаемое нападение со стороны изготовившихся войск, в особенности со стороны армии мирного времени, может быть предпринято в ускоренном порядке. Чем выше подготовка армии, чем больше ее подвижность, чем решительнее и деятельнее ее командование, тем шире ее директивы во имя разбития в кратчайший срок неприятельской силы на поле боя, уничтожения дальнейшего ее развития и принуждения ее к миру. В то время как *действующие армии по*

призыву сражаются за первые решения, начинается позади них приготовление *земской оборонительной силы*. Кто будет искать в первые моменты войны победного решения, найдет его в вооружении, воспитании и подвижности превосходной числом, но не пониженной качественной силе атакующей армии, не попадающей под влияние идеи исключительно материального фронта, в то время как к ней на усиление будут подводиться собственные людские и иные резервы, необходимые для надлежащего поддержания ее боевой силы.

*Я вижу, таким образом, будущее полководчества в применении **подвижной высокоподготовленной малой армии**, которая, через применение воздушных сил, получает ощутительное подкрепление, а также в одновременной подготовке общей военной силы, будь она в готовности нападения или же в готовности к обороне отечества.*

Каким нужно предвидеть это новое войско, которого грядущая необходимость несомненна и которого вышеочерченные задачи вкратце набросаны?

Армия мирного времени, которая будет прикрывающей или операционной (действующей), будет состоять из солдат долгих сроков службы или, возможно, из добровольцев. Срок службы различный, рассчитанный на использование людей, от которых потребуются высокая подготовка, свойственная долгим срокам службы, в то время как прочие специальности будут обслуживаться молодежью. Численность этого войска будет сообразовываться с наличием материальных средств государства, с военно-политическим положением, с его величиною и должна дать, по крайней мере, обеспечение против внезапного неприятельского нападения.

Это действующее войско изготавливается по первому требованию без всякой или, во всяком случае, с малой работой своего пополнения, без мобилизационной возни.

Под этой армией и в тесной связи с ней находятся контингенты офицеров, унтер-офицеров и людей, которые через посредство вспомогательных образований и школ, в короткие сборы и в течение особых курсов готовят годную для ношения оружия молодежь. Должно сообразить, что этим путем можно получить военную массу, которая к подвижной войне и к наступательному бою неспособна. Но следует установить, что с надлежащим развитием подготовки и с хорошо усвоенным вооружением она будет годна для исполнения своего долга по обороне отечества, а также в своей лучшей части впоследствии и усилить собственно действующую армию. В этих кратких по времени сборах для молодежи центр тяжести лежит менее всего в военном обучении, но в общей физической и духовной подготовке <...>

Чем меньше армия, тем легче будет ей вооружиться по-современному, в то время как трудные preparatory работы для новейшего вооружения миллионной армии невозможны.

Требования для поддержания в состоянии готовности действующей армии на уровне первоклассного состояния вынуждают к тому, чтобы это вооружение было в полном комплекте, наивысшего качества и с необходимыми запасными комплектами, имеющими за собой постоянные источники пополнения. Стоимость этих требований требует сокращения силы армии мирного времени. Но для раз принятой численности армии должно быть не только обеспечено вооружение и снабжение, но также и снабжение первого класса резерва, и все это в количестве, допускающем затем спокойное изготовление новых запасов на специальных фабриках. В этих требованиях нет ничего нового, так как они касаются не *малой действующей армии*, но народного ополчения. Это всенародное вооружение действительно совсем новое установление. Приготовление новейшего снабжения и вооружения для миллионной армии будет невозможностью, если установить требование, что эти массы для своего ничтожного солдатского обучения нуждаются в помощи совсем особенного материала. **Накопление больших запасов неэкономично**, так как оно может вызвать и сопровождаться естественным устарением сомнительных военных ценностей; подумать только о складах для тысяч самолетов, которые часто в течение года обесцениваются появлением новых образцов.

Для массового вооружения существует только один путь: установка типов оружия вместе с выработкой массового его производства в случае надобности. Армия в ее зависимости от техники находится в положении, требующем усиленных изысканий, изысканий и испытаний наилучших образцов оружия. Нужно полное согласие с промышленностью, чтобы этот установленный тип мог бы производиться в необходимых количествах. Требуется условленные приготовления, без чего твердый базис невозможен. Эти приготовления к тесному сотрудничеству между солдатом и хозяйственником — и в установлении и обеспечении требуемых сырых материалов для направления их затем во все отделы производства оружия и снабжений. Подготовка фабричных установок мирного и военного времени, поддержание материалов и машин вызывают, естественно, еще с мирного времени государственные субсидии, которые все же выгоднее для страны, чем поддержание обширного и стареющего оборонительного оборудования. Когда военные приготовления в предвидении быстрой массовой готовности примут характер возможной заблаговременной подготовки, тогда промежуток времени, лежащий между заказом и началом сдачи произведенных предметов, будет укорочен, время для чего должно быть выиграно действующей армией <...>

Чего не говорит фон Зеект. Всякая хорошая, насыщенная мыслью книга всегда не только вколачивает новые идеи, но их и внушает. Она многого может недоговаривать, но и многое отнюдь не ускользнет от внимательного читателя, так как удел здоровых мыслей не оставаться без плодов. Таков труд ген. фон Зеекта. Некоторые из брошенных им вскользь положений заставляют работать фантазию, которой отнюдь, по-видимому, не чужд и автор «Дум солдата». Последуем же по указанному им маршруту. Фон Зеект, между прочим, в начале своей книги спрашивает: «Нужна ли еще армия?» Вопрос во всех отношениях замечательный в устах создателя рейхсвера. Одно только можно сказать, что «дух Локарно» говорит его устами. И, однако, он этот вопрос не только ставит, но и дает ответ, правда, облеченный не в достаточно ясную форму, быть может, намеренно даже затемненную. Вот этот ответ, очищенный от затушевывающих подробностей: *армия должна быть относительно малою, так как в современных условиях она и не может быть большою в силу требований чисто материальных; прочее ополчение, не достойное того, чтобы именоваться армией, представит безымянный пока контингент масс, долженствующих питать как армию, так и прочие оборонительные нужды страны.* Едва ли можно сомневаться в том, что этот контингент как-то уже наречен в Германии, но, конечно, не для общего сведения. Имя — важная вещь: четкое название отвечает отчетливому употреблению. К чему же популяризировать это имя?

Итак, для этой призванной массы молодежи и, конечно, стариков имя «армия», по мнению фон Зеекта, не подходит. Согласимся с ним, так как не всякая орда может называться армией. Мы в свое время ее нарекли «полчищами», по фон Зеекту она пока остается для непосвященных псевдонимом. За его открытием дело не станет, так как само военное дело непрестанно эволюционирует в сторону идей, дорогих создателю рейхсвера.

На страницах своего труда он неоднократно возвращается к ужасающему образу Тринадцатилетней войны. И это неспроста. Мало того, он ссылается на авторитет своего талантливого учителя гр. Шлиффена, который, как оказывается, предвидел, что в случае неудачи его плана «Канн» (а такая неудача имела место на Марне купно с Пруссией), война затянется лет на семь. Эти признаки, покушающиеся на европейскую культуру, пугают и фон Зеекта, хотя он и старается тщательно укрыть свое беспокойство. Для него ясно, что в предвидении ожидаемого конфликта масс только два пути: или по-большевистски готовиться стать во главе их диких инстинктов и позывов и тогда — гражданская война, или же попытаться вооруженною рукою покорить дикого зверя, выпущенного из клетки, и тогда тоже — гражданская война. Ныне оба эти течения военной мысли находятся в союзе впредь до тех дней, когда между ними произойдет решительная схватка, т.е. тоже гражданская война. Пока оба союзника, имея общий объект изучения (гражданскую войну), исповедуют

схожие военные идеи. И Берлин, и Москва, зараженная Берлином, ищут новых путей, зачастую между собою то скрещивающихся, то сплетающихся.

На этих путях неизбежно вырастает **призрак гражданской войны**, как разновидности той войны «социальной», которая уже по почину Советов находится в полном ходу, которую они называют термином «ни мир, ни война» и которая ныне приняла наиболее рельефные очертания в Китае. Все это чрезвычайно похоже на Тринадцатилетнюю войну. Тогда как теперь, не было часто объявлений войны, но бывали вспышки восстаний, жестокости военных действий, где больше страдало мирное население, чем войска обеих сторон, где возникали и вслед затем разливались воинские громады, «полчища», где личные имена вождей бывали зачастую важнее прочих стимулов и где вмешательство малой армии Густава-Адольфа (а ей фон Зеект посвящает особое слово), внесло, наконец, упорядоченность борьбы с вероятием на регулярный мир.

Современному стратегу, ученому, организатору и вождю необходимо иметь перед очами эти призраки, и не только их иметь в виду, но безотлагательно приступить к изучению этой темной области военных знаний. Видимо, создатель рейхсвера очень углубился в эту сферу, хотя в своих печатных произведениях и касается этой темы только поверхностно.

Фон Зеект перед призраком Тринадцатилетней войны масс вспоминает имена Валленштейна, Тилли, Бернгарда Веймарского, Густава Адольфа, а вслед затем Штейна, Арнда, Гнейзенау и Шарнгорста. Комплекс имен очень показательный: первая их половина включает вождей, сумевших обуздать массы в разгар их анархического бунта, вторая же половина — это организаторы национальных масс для их броски по указанному направлению. Вот идеи, видимо, вплотную занимающие творческую мысль фон Зеекта, этого яркого *сторонника малых армий солдатского типа.*

Действительно, что мы видим, если оглянемся на всемирную историю. **Малые армии рождались всегда в эпохи бунта масс.** Имена Александра Македонского, Юлия Цезаря, Ганнибала, Морица Нассаусского, Густава Адольфа, Колиньи, Лувуа (во время и после Фронды), Кромвеля, Петра Великого, Великого Курфюста, — все эти имена связаны с эпохой бунта масс, утихомирленного при участии малых солдатских армий.

Обратно, **революционные сдвиги всегда сопровождались постановкою в ряды милиционера.** Стоит только припомнить для подтверждения этого имена Жижки, Гарибальди, Лазаря Карно, Дюбуа Крансе, Гергея, Троцкого, нынешних китайских генералов. Фон Зеект отказывает этим скопищам даже в имени «армия». Такие контингенты, конечно, еще нужны, так как не было пока войны, их упразддившей, но необходимо твердо знать, что от них можно ожидать и чего от них можно потребовать. Автор «Дум солдата»

очень суживает круг их деятельности, причем, между прочим, советует учить их не столько воинскому артиклу, сколько гражданской нравственности, т.е. он не хочет без оглядки выдавать им на руки оружие и предпочитает дать им то, что вообще в наши дни в массах сильно опорочено — чувство любви к своей родине.

Вот почему свою главу «Войско в государстве» он заканчивает знаменательными словами: «Войско должно быть политичным в отношении понимания государственной идеи. Но не партийно-политичным. «Руки прочь от армии!» — крикну я всем партиям. Армия служит государству, только государству, так как это государство». Вывод: армия — государственный аппарат и больше ничей.

(Поворот на малые армии // Вестник военных знаний. 1930, № 6. С. 9–11; Малая армия // Вестник военных знаний. 1930. № 4. С. 1–13.)

«Малая армия» и способ ее комплектования

А. Баиов

С легкой руки генерала А.Геруа у нас был поставлен на очередь *вопрос о «малых армиях»*.

«Малые армии» получили признание со стороны значительной части русских военных деятелей, работающих на военно-научном поприще, и если еще вопрос этот нельзя считать вполне решенным, то все же он занял такое положение, что ныне игнорировать его нельзя и нужно даже сказать больше: что есть большое вероятие, что *для будущей вооруженной силы России, по причинам принципиальным и практического характера, он будет решен в смысле положительном.*

С вопросом о «малых армиях» тесно связан вопрос о способе комплектования этих армий.

Как когда-то желание иметь во время войны большую армию, а потом и «вооруженный народ», привело к осуществлению, а затем и к самому широкому развитию на практике идеи общеобязательной воинской повинности, так и теперь с признанием *необходимости заменить «полчища» «малыми армиями»* неминуемо возникает вопрос, каким способом должны комплектоваться такие армии?

Как известно, система общеобязательной воинской повинности впервые была применена Пруссией после разгрома ее Наполеоном в 1806 г., в результате которого она не

имела права в мирное время иметь армию более определенной и притом относительно незначительной численности (42 т.). Предвидя в будущем необходимость борьбы с Наполеоном и считая, что для этой борьбы нужна будет армия, более значительная и к тому же постоянно пополняемая подготовленными контингентами, пруссаки и ввели общеобязательную воинскую повинность в связи с короткими сроками службы. Это и дало ей возможность относительно быстро накапливать запас обученных людей, что в свою очередь позволило ей при начале войны 1813 г. выставить армию гораздо более значительную, чем она могла содержать по требованию Наполеона в мирное время, а затем в течение войны пополнять убыль в армии надлежащим элементом. Таким образом, введение общеобязательной воинской повинности в Пруссии явилось для нее технической неизбежностью чисто материального характера, и нравственная, моральная сторона была придана этой мере лишь как оправдание железной необходимости в виде идеи патриотического долга каждому защищать свое отечество.

Вследствие этого при проведении в жизнь системы общеобязательной воинской повинности вступающим в ряды армии предъявлялись, главным образом, только физические требования и почти совершенно не обращалось внимания на нравственные качества, — во всяком случае первые были решающими при решении вопроса о зачислении на службу.

Успех системы общеобязательной воинской повинности в Пруссии, ярко выказавшийся в войнах с Наполеоном в 1813 и 1814 гг., привел прежде всего Пруссию к расширению этой системы, в особенности в связи с все большим и большим ростом армии, и в конце концов сделал эту систему единственно возможной, когда армия Пруссии, а затем Германии, стала «вооруженным народом».

Мысль о неизбежности и незаменимости системы общеобязательной воинской повинности при схожести всех других обстоятельств, связанных с осуществлением и использованием вооруженной силы, привела постепенно почти все европейские государства, не исключая и Россию, к установлению у себя этой же системы.

С все увеличивающимся ростом численности армий и в связи с этим все большим использованием системы общеобязательной воинской повинности нравственные требования, и без того незначительные, все более уменьшались. Лишь только лишённые прав по суду не допускались в армию, а с духовной стороны, выявляющейся в политических воззрениях, никогда вообще не считались — сначала потому, что государственный строй не выдвигал этого вопроса, затем потому, что, по общему убеждению, армия должна быть вне политики, и, наконец, потому, что считалось неоспоримым, что армия «перевоспитает». В общем, на этот вопрос, как говорится, закрывали глаза, что до некоторой степени оправдывалось общей обстановкой, общим положением дел. С возможным и весьма

вероятным переходом в будущей национальной России к «малой армии» перед нами встает вопрос, явится ли для нас необходимым и в этом случае оставаться при комплектовании армии по системе всеобщей воинской повинности, или вовсе отказаться от нее, или ограничиться только введением в нее тех или иных поправок.

Общая воинская повинность, в том виде, как она существует и в настоящее время, налагает на все население той или иной страны наиболее тяжелую, но вместе с тем обязательную для всех повинность и является, таким образом, с общей точки зрения в принципе равной для всех, а потому и справедливой. С военной точки зрения всеобщая воинская повинность обеспечивает в полной мере комплектование армий в мирное время; позволяет и даже до некоторой степени требует установления коротких сроков службы; приводит к возможности быстрого накопления значительного запаса обученных людей и вследствие этого обеспечивает как автоматическое увеличение армии для войны разворачиванием ее по штатам военного времени и созданием новых частей, так и быстрое пополнение убыли армии во время войны. При этом, однако, давая возможность включить в ряды армии элемент физически почти совершенный, система всеобщей воинской повинности приводит к тому, что в армию неизбежно должны попадать элементы как нравственно нежелательные, так и политически неблагонадежные с точки зрения антипатриотизма и пацифизма.

Способ пополнения «малой армии», естественно, должен удовлетворять всем этим же требованиям с той только разницей, что *нравственным требованиям от зачисляемых в армию должно быть уделяемо гораздо больше внимания, чем это делалось до сих пор, ибо малые армии должны быть прежде всего более высокого качества.* Вместе с тем в связи с развитием в настоящее время интернационализма и учений, отрицающих войну по моральным и социальным причинам, должно быть обращено особенное внимание на то, чтобы в армию не попадали лица, лишенные патриотизма и зараженные учениями, которые проповедуют пацифизм и вообще отрицают войну по тем или иным основаниям.

Отсутствие патриотизма и распространение в армии отрицательных о войне учений разлагающе действуют на дух армии; подрывают те начала, на которых основана моральная мощь ее; лишают ее дисциплины, без которой она обращается в толпу вооруженных людей, более опасных своему государству, чем противнику; делают ее неспособной к перенесению связанных со службой в армии во всякое время физических и нравственных тяжелых переживаний; расслабляют ее нравственную упругость; отнимают у нее желание оказывать сопротивление противнику и активно бороться с ним; уничтожают у нее волю к победе.

Наряду с этим, однако, не должно отказываться от идеи необходимости каждому защищать свою Родину, свое Отечество. Но эта идея должна сознаваться не только как

оправдание технической необходимости включать в состав армии возможно большее число (теоретически всех) лиц, отвечающих определенным физическим требованиям, а должна вытекать из нравственных мотивов — сознательного чувства долга, и должна опираться не на тяжелое, а потому и нежелательное обязательство, а на **радостное и желаемое право**.

Поэтому, если все, отвечающие определенным физическим требованиям, должны считаться обязанными служить в армии, то *фактически должны включаться в ее состав лишь те, которые получают на это специальное, особенное право, даруемое только: обладающим высокими нравственными качествами, проникнутым глубоким патриотизмом, смотрящим на участие в защите Отечества, как на деяние наиболее почетное, как на рыцарское служение Родине, как на высокую честь, которой удостоивается не всякий; считающим, что стремиться к победе над врагом Отечества и способствовать ее одержанию есть высокое духовное достижение; что умереть за Родину, пасть на поле сражения за ее благоденствие и счастье является истинным нравственным подвигом.*

Конечно, чтобы человек обладал всеми качествами нравственного порядка, необходимо, чтобы он заблаговременно был воспитан в надлежащем направлении. Такое воспитание он должен получать еще дома, в семье, а затем школе и, наконец, в обстановке особой допризывной в течение некоторого времени подготовки. С другой стороны, армия должна комплектоваться людьми здоровыми, крепкими, физически вполне развитыми и вместе с тем людьми достаточно молодыми, чтобы они, пробыв в запасе довольно большое число лет, представляли собой резервуар, из которого можно было бы в достаточной мере черпать вполне годный материал для пополнения потерь в армии во время продолжительной войны <...>

Не останавливаясь на частностях физических требований от поступающих в армию, укажем только, что возраст призываемых должен быть установлен в 20–22 года и что все, могущие ожидать призыва, должны получить специальную подготовку, способствующую общему физическому развитию, укрепляющую здоровье, развивающую силу и крепость организма.

Приведенные выше требования как нравственного, так и физического порядка указывают на то, что **отбор призываемых на службу в армию, дарование почетного права быть в ее рядах должны производиться крайне тщательно и с очень большой осторожностью.**

Эта тщательность и осторожность должны быть обеспечены деятельностью особых постоянных органов государственной власти, которые уже заблаговременно должны наблюдать и изучать молодых людей с указанных сторон и в конце концов перед очередным

призывом выносить решения о всесторонней их годности к высокому служению Родине, каковым является служба в армии.

Ввиду тех особенно высоких нравственных и физических требований, которые предлагаются предъявлять к лицам по возрасту, могущим быть призванными в армию, может явиться вопрос, возможно ли найти необходимое число молодых людей определенного возраста, удовлетворяющих столь строгим требованиям.

При существовании у нас «малой армии» и при надлежащей постановке воспитания подрастающего поколения, вплоть до призывного возраста, затруднений в этом отношении не может встретиться.

Простой арифметический расчет это доказывает.

В России, как в дореволюционную эпоху, так и в настоящее время ежегодно призывного возраста (20–21 года) достигало и достигают около 580–600 т. молодых людей. Из этого числа, после исключения физически негодных и получивших освобождение по разным основаниям, в армию при трехлетней действительной службе числялось около половины, т.е. не более 290–285 т. Если признать, что число физически негодных и в будущем будет то же самое, хотя надлежащим физическим воспитанием и допризывной физической подготовкой оно может быть значительно уменьшено; если затем сократить слишком широко дававшиеся у нас льготы по освобождению от службы, хотя бы, например, компенсируя льготы по семейному положению каким-либо иным способом: денежным вспомоществованием родителям и т.п., — то число могущих быть принятыми на службу из очередного призыва по сравнению с прежним временем значительно возрастет. Между тем *«малая армия» для своего пополнения при трехлетнем сроке службы — каковой срок для нашей армии мы считаем необходимым сохранить — потребует ежегодно значительно меньшее число людей для ее пополнения.*

Следовательно, из большого числа физически годных молодых людей очередного призыва нужно будет выбрать меньшее относительно и в общем незначительное число для ежегодного пополнения армии. Вследствие этого явится вполне возможным предъявить призываемым более строгие нравственные требования, удовлетворять которым будет тем большее число лиц, чем школьная и допризывная нравственная подготовка будет вестись настойчивее и успешнее.

Таким образом, при такой системе комплектование армии будет вполне обеспечено, а раз так, то при трехлетнем сроке службы и надлежащий запас обученных людей будет нарастать достаточно быстро, чем и будет обеспечиваться людским материалом как развертывание армии по штатам военного времени при мобилизации, так и пополнение ее при убыли в военное время.

Однако некоторые допускают возможность иного способа пополнения «малой армии», а именно посредством найма из числа тех, которые из военной службы захотят сделать себе профессию.

Сторонники этого способа комплектования говорят, что воины-профессионалы при нынешних условиях только и могут удовлетворить всем требованиям, которые должны предъявляться современному солдату: такую профессию может избрать только физически для нее годный; каждый, избравший себе профессией военную службу, будет заранее подготавливаться к ней, чтобы выдержать при найме конкуренцию с себе подобными и сделать себе службу легче; профессионал, нанятый на известный срок по определенному договору, будет стремиться нести службу во всех отношениях лучше, чтобы не оказаться в положении невыполняющего договора; при большом числе избравших себе профессией военную службу всегда можно выбрать необходимое число лиц, отвечающих необходимым нравственным качествам и соответствующих определенным политическим требованиям, к тому же профессиональный воин не может быть одержим антимилиитаристическими учениями, отрицающими войну как с моральной, так и с социальной точек зрения.

Однако при всем этом необходимо указать, что при системе набора в армию воинов-профессионалов, воинов-наемников стимулом для службы в ней будет служить лишь определенная материальная выгода и вытекающий отсюда юридический долг; моральная идея высокого служения Отечеству будет или совершенно, или в значительной степени отсутствовать, а потому и сознания нравственного долга не будет.

Это в значительной степени умалит духовную силу и духовную ценность армии со всеми вытекающими отсюда последствиями, что особенно неблагоприятно может сказаться в наиболее тяжелые моменты ее деятельности — в военное время, а тем более в современных, многодневных тяжелых боях, когда нравственная упругость подвергается столь сильному испытанию и когда чувство самосохранения в человеке преодолевается лишь сознанием свято исполненного долга, вытекающего из любви к Родине, и убежденностью в нравственной необходимости жертвовать ей всем до жизни своей включительно.

Кроме того, **строгий отбор** *надлежащего с нравственной стороны людского материала из числа предлагающих себя для зачисления в армию в порядке найма произвести гораздо сложнее и труднее*, так как при неизвестности, кто именно придет наниматься на службу в армию, не будет возможности с большей или меньшей долей вероятности определить и узнать его нравственные качества, а кроме того, при этих условиях возможна в широком масштабе провокация.

Наконец, у нас армия, составленная из наемников-профессионалов, вряд ли будет пользоваться симпатиями и уважением народа, вряд ли будет пользоваться моральной

поддержкой общества, что крайне необходимо в видах создания обстановки наиболее благоприятной для деятельности армии и поддержания ее духа на надлежащей высоте.

Чтобы согласиться со справедливостью таких предположений, достаточно вспомнить о том, как масса населения относилась у нас к сверхсрочнослужащим. Несмотря на их высокие личные качества, их богатый опыт и на всю ту пользу, которую они приносили армии своей службой, для них не было иного названия, как пренебрежительного «продажная шкура».

Однако, могут возразить, что все же и в «малой армии», да еще при указанном выше способе ее комплектования, будет необходимость в наличии значительного числа опытных, а значит, и долгосрочнослужащих унтер-офицеров. Это верно. Но комплектование такими унтер-офицерами должно производиться способом подобным тому, каким комплектуется корпус офицеров, т.е. желаящими и прошедшими специальную школу. Тогда, кстати сказать, явится возможность и по существу, и по форме уничтожить институт сверхсрочнослужащих.

В основание нашей системы комплектования должно положить ту высокую мысль, которая вытекает главным образом из идеальных соображений, а не опирается только на техническую необходимость и которая была высказана у нас еще в 1795 году такими словами: «Защита Отечества и ограждение пределов безопасности суть предметы общих усилий и возможности, и долг, и обязанность всех и каждого».

(Вестник военных знаний // 1930. № 8. С.7–13)

Наша будущая малая армия

А. Керсновский

Нашу эпоху — первую половину XX века — можно рассматривать как эпоху расплаты за лжеучения XIX века. Великая война и следовавшие за ней великие потрясения открыли собой эру «переоценки ценностей».

В области политической мы видим увядание во всех странах идеи народоправства с его «всеобщим, равным и тайным голосованием»; в области военной констатируем агонию другой идеи — родной сестры предыдущей — идеи вооруженного народа — «всеобщей, равной для всех воинской повинности».

Ясно, что система «полчищ» не выдержала экзамена Великой войны. Полный провал ее мы видим в Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и — увы — в России. Страны-победительницы, воевавшие в несравненно более легких условиях, еле-еле сдали экзамен, и с какой натяжкой (вспомним бунты летом 1917 года во Французской армии и Каппорето у итальянцев).

Перелом, наблюдающийся в политических воззрениях государств (отказ от идеи математического равенства граждан), необходимость считаться в случае войны с врагом внутренним (отсюда новый фактор — «политической благонадежности» войск), стремительный прогресс техники (отсюда необходимость высокой квалификации — удела немногих), — все это ясно показывает нам, что *«вооруженного народа» в нашу эпоху быть не должно.*

Вместе с тем, условия современной войны таковы, что в ней должен принимать самое деятельное участие весь государственный организм — вся нация.

Но не надо смешивать понятие «воевать» и понятие «драться». Воюет вся страна — дерутся (вернее, имеют честь драться) лишь немногие.

Вспомним Клемансо и его вечное «Je fais la guerre!»(я воюю!). Человек этот спас Францию, потому что сумел заставить всю сорокамиллионную нацию проникнуться сознанием, что она воюет, и повторять за ним, сознательно, те же «магические слова».

Когда мы будем вновь создавать вооруженную силу нашей Родины, мы твердо должны усвоить следующее:

1) Современная организация Красной армии с резким делением на «кадровые войска», «территориальную армию и «части особого назначения» — в общем весьма логична и продуманна. Об отмене ее одним росчерком пера не может быть и речи — это привело бы к хаосу.

2) Главное внимание нам надо будет обратить на создание крепкого офицерского и унтер-офицерского кадра. Всякая армия ведь стоит того, чего стоят ее кадры. Вопрос о привлечении сверхсрочнослужащих и материальном обеспечении офицера и унтер-офицера настолько важен, что в сравнении с ним все остальные вопросы должны отойти на второй план <...>

Наша вооруженная сила будет складываться из трех элементов.

1. Немногочисленная, но отборная постоянная армия с ее резервом.

2. Территориальная армия — войска с полноценным командным (офицерским и унтер-офицерским) составом, но с солдатами, получившими лишь элементарную строевую подготовку (при возможно более тщательной допризывной подготовке).

3. Части особого назначения: Корпус пограничной стражи, Корпус жандармов, Милиционные формирования (добровольные и прочие) для защиты уязвимых мест страны (крупные центры, ж.д.) от воздушных нападений противника («Осоавиахим») следует безусловно сохранить.

Назначение Территориальной армии — сберечь кровь «ударных войск» постоянной. Территориальные войска должны применяться для действий на второстепенных операционных направлениях, освобождая эти «ударные войска» для действий по главным направлениям и нанесения решительного удара.

Рассмотрим теперь вопрос о комплектовании этих различных видов нашей вооруженной силы.

3-летний срок службы в пехоте и 4 года в прочих войсках наиболее применим к нашим условиям. Более продолжительный срок не будет популярен в населении. Цифра призывного возраста ежегодно достигает 1 200 000 чел. Из них физически годных — 800 000. Принимая бюджетную силу постоянной армии в 600 000 человек (как в настоящее время в Красной армии), из коих не менее 20 процентов кадра (офицеры и сверхсрочные), мы получим в среднем около 150 тыс. ежегодного призыва.

Таким образом, из шести призываемых на службу попадает один — наилучший в физическом, моральном и интеллектуальном отношении. В армию попадет действительно цвет всей нации.

Выбор будет большой, тем более, что льготам по семейному положению не должно быть места. Семья солдата за все время его службы не должна платить никаких налогов (прощаются и недоимки) и должна получать помощь натурой (денежная помощь слишком накладна для бюджета). Сам солдат первые 5 лет по окончании службы не должен платить налогов и отбывать какие-либо повинности.

Призываемый контингент будет располагать помимо небольшой части, призванной под знамена, другими здоровыми и достойными носить оружие элементами. Это и будут солдаты территориальной армии.

Из 650 000 можно будет отобрать примерно 250 000, приравливая к пропускной способности территориальных частей, зависящей в первую очередь от количества и качества инструкторского кадра. Остальных же — к обоюдному удовольствию — отпустить по домам навсегда.

Мы видим, что из всех способных носить оружие в призываемом контингенте лишь шестая часть будет призвана под знамена и лишь половина будет признана достойной вообще носить оружие.

Другая половина — свободна от всяких военных обязательств. Для страны они все равно не пропадут, работая каждый в своей специальности.

Достаточное количество работников, свободных от военных обязательств, обеспечит в военное время беспрепятственное функционирование всех частей государственного организма.

Десяти лет пребывания в запасе вполне достаточно. Учитывая неизбежный процент естественной убыли, мы можем считать каждый срок запаса Постоянной армии равным 120 000, а Территориальной — 200 000. **Постоянная армия с ее резервом будет насчитывать, т. обр., 1 800 000 отборных бойцов, а Территориальная — 2 миллиона.** Старшему сроку запасных — 34 года, средний возраст бойца всей мобилизованной армии — около 26 лет (а не 32 года, как в Великую войну). Всего этого «человеческого резервуара» (без малого 4 миллиона) должно хватить — ведь из наших соседей (а следовательно, и вероятных противников) одна лишь Япония заслуживает названия великой военной державы.

Задачей «**Войск Особого Назначения**» должна быть разгрузка армии от посторонних обязанностей (в частности, от внутренне-полицейской службы), поддержание порядка в тылу и защита глубокого тыла от воздушных нападений противника.

Корпус Пограничной стражи и корпус Жандармов комплектовались у нас прежде исключительно сверхсрочными. В частности, жандармов было у нас очень мало — чуть ли не 7 тыс. на всю необъятную Россию (что и сказалось столь трагически в 1917 г.). Численность ЧОНов в настоящее время у большевиков — 100 000 (из коих половина пограничной стражи). Нормы эти мы сможем сократить, но не намного; борьба с внутренним врагом (его добивание) продлится на долгие годы, а слишком много жандармов никогда никакому государству не вредит.

Нам кажется действительно необходимым комплектовать Войска Особого Назначения по набору (как пограничников, так и жандармов), зачисляя в их ряды ежегодно небольшое число тщательно отобранных, испытанных людей. Только тогда мы сможем иметь жандармерию в действительно необходимом количестве.¹⁸

Наконец, особенное внимание нужно обратить на организацию милиционных частей для защиты жизненных центров и артерий страны от воздушных рейдов противника.

Ядром воздушной обороны должны служить авиационные силы «воздушного резерва» Постоянной армии (дивизии истребителей) и зенитная артиллерия

¹⁸ Комплектование жандармерии и пограничных отрядов по набору принято в настоящее время в Польше, Румынии и Турции и дает отличные результаты. В советском ЧОНе по набору служат коммунисты и комсомольцы. В Италии роль эту выполняет фашистская милиция.

«артиллерийского резерва» (которую рациональнее всего включить в состав Территориальной армии).

В состав частей *милиции* (мы посоветовали бы назвать ее «Народной защитой») войдут: «Осовиахим» (очищенный от нежелательных элементов), полиция и жандармерия, пожарные части (каковые надлежит предварительно милитаризовать), получающая допризывную подготовку учащаяся молодежь средних и высших учебных заведений и все патриотические и спортивные организации.

Воссоздание нашей Вооруженной Силы явится строительством на песке, если мы с самого начала не позаботимся о главном — создании крепкого офицерского и унтер-офицерского кадра — ее души и ее позвоночного столба.

В этом вопросе надо различать две стороны. Моральную — офицер должен занимать в обществе почетное положение. Материальную — ему надо дать средства для этого. В моральном отношении все будет обстоять благополучно — наше общество надолго, если не навсегда, исцелится от антимилитаризма. В отношении материальном трудности будут более значительны.

Страна разорена, казна опустошена. Неизбежное следствие этого — мизерные оклады и жалования и грошовые пенсии.

Настоятельно необходимо добиться того, чтобы оклады жалованья офицеров ни в чем не уступали таковым же соответственных гражданских чинов.

Затем — улучшить быт: воспитание детей на казенный счет, льготный проезд по ж.д. в 1-м классе¹⁹, учреждение сети военных кооперативов, экономических обществ, разрешение квартирного вопроса²⁰.

Наконец, отставному офицеру должна быть дана возможность приложить свои способности и оставшиеся силы на др. поприщах государственной службы — в частности по Министерствам внутренних дел и народного просвещения (старых педагогов уцелело немного, смены же им нет, т.к. педагоги советской формации — все «испытанные марксисты»).

Известный процент мест должен быть отведен отставным офицерам и в частных учреждениях.

Другой капитальный вопрос — *привлечение сверхсрочнослужащих*. В Германии в 1914 г. на роту приходилось 10–12 сверхсрочных (такая же норма принята ныне и во

¹⁹ Из всех стран лишь в России офицер пользовался проездом во 2-м классе с билетом 3-го. В иностр. армиях офицеры ездили в 1 классе, имея полбилета 3-го.

²⁰ Постоянная армия, содержась в боевой готовности в пограничных округах, будет иметь плохие стоянки.

французской армии, где все кадры отделений должны быть сверхсрочными). У нас еле-еле набиралось каких-нибудь 3 человека — с фельдфебелем.

Надо действовать радикально и монополизировать в пользу отставных сверхсрочных не только должности швейцаров в правительственных учреждениях, но и все решительно низшие должности всех администраций, железных дорог, городских и сельских самоуправлений (для прослуживших беспорочно по крайней мере 5 лет сверх срока).

Этим мы создадим многочисленный и отличный (потому что старательный) унтер-офицерский состав, авторитет которого будет очень высоко стоять в глазах солдата.

Постоянная армия в 600 тыс. чел. (при наличии территориальной армии с переменным составом около 200 тыс.единовременно) требует не менее 20% постоянного кадра, из коих примерно 50 тыс. офицеров (норма эта фактически осуществлена в Красной армии) и 70–80 тыс. сверхсрочных.

Должность взводного командира бесспорно должна быть офицерской (у большевиков это уже сейчас «первая категория среднего начсостава»).

Офицера следует беречь (равно как и сверхсрочного унтера) и не повторять безумной растраты кадров 1914 г.

При объявлении мобилизации не менее трети всего их количества должно быть удержано в депо данного полка, откуда лишь постепенно должны уходить на фронт с хорошо обученным ими же пополнением.

Места этих офицеров в строю при выступлении в поход должны занять офицеры запаса, тщательно подготовленные и воспитанные в данном полку, хорошо известные и начальникам и подчиненным.

Роль офицера запаса должна быть в первую очередь — сбережение крови кадрового офицера. Их следует иметь наготове (надлежаще подготовленными и натренированными) в количестве, равном примерно кадру постоянной армии, т.е. 100–120 тыс.) Разумными, продуманными мероприятиями мы сможем привлечь туда весь цвет нашей молодежи.

(Царский вестник // 1931. № 194)

ПАМЯТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ РУССКОЙ АРМИИ

П. Краснов

Из стрелецких полков, из дворовых детей придворцовых слобод, из полков иноземного строя, из рейтаров и драгун, из городских и иных казаков зародилась Российская Императорская армия в те дни, когда:

*Россия молодая,
В борениях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.*

Крестилась она страшным Нарвским погромом и крепла под ударами лучшей тогдашней Шведской армии короля Карла XII.

И от Лесной и Полтавы довела она Россию до славного мира, до наименования Империей, а ее первого Императора увенчала титулом «Великого», всеми признанным и всеми усвоенным.

Колыбелью Императорской армии была — слава.

В основу обучения и воспитания ее были положены Петром Великим регламенты и уставы Воинского Артикула. Было в них много рыцарского, и главным основанием их было понятие чести.

Повелено было служить солдатам всю жизнь, но и сказано было о том, что нет выше, чем солдатская служба, и имя солдата высоко и знаменито.

Созданная Великим Петром Императорская армия получила воспитание в руках Суворова. Суворов создал для нее «науку побеждать», в основу которой положил — «глазомер, быстроту и натиск». Он начал службу в дни, когда «тиранство считалось достоинством, а щегольство фронтом — службой». И в век жестокой дисциплины Суворов допускал возражения «нижнего высшему, но с тем, чтобы они делались пристойно, а не в многолюдстве, иначе будет — буйство»...

«Местный лучше судит по обстоятельствам; я вправо — должно влево — меня не слушать; я велел вперед, ты видишь, — не иди вперед».

В Турецких походах, на штурмах Варшавской Праги и в снегах Финляндии ковались Суворовские чудо-богатыри и, когда столкнулись с армией, воспитанной Бонапартом, разбили ее в долинах Северной Италии.

Солдат Императорской армии исколесил всю Европу, побывал в Персии, перевалил не один снеговой хребет, стоял на линии в пустынях Средней Азии и повидал на своем веку немало народов.

В темную деревню XVIII века, в лесное и степное захолустье вернувшийся домой солдат приносил рассказы о волшебных странах, им виданных, приносил понятия о чести и благородстве, ему внушенные, и явился первым учителем деревни.

Армия стала школой патриотизма и духа для народа. Суворовские чудо-богатыри несли в нее свои заветы: «Слов “назад” и “отступить” в словаре нет. Широкий шаг ведет к победе, а победа — к славе».

И вся Россия шла широкими шагами к победе и славе.

И говорил Суворов: «Горжусь, что я Русский», «Одно мое желание — кончить Высочайшую службу с оружием в руках...»

Заветы Суворова красной нитью прошли через всю жизнь Императорской Российской армии; их заучивали в кадетских корпусах, ими руководствовались в военных училищах, и редкий старый генерал не мечтал «кончить Высочайшую службу с оружием в руках...»

Изменялись сроки службы под знаменами, иною становилась тактика в связи с иным оружием, но нравственные основы армии были все те же:

«Бог, Царь, Отечество».

«Глазомер, быстрота, натиск».

«Горжусь, что я Русский».

Короче становилась служба солдата, проходили через полковые ряды народные массы, и все выше становилось значение Императорской армии как школы патриотизма. Она являлась дополнением и поправкой к беспочвенной народной школе и оплотом Российского государства.

Императорская армия к началу мировой войны представляла стройное, гармоничное целое, покоившееся на прочном фундаменте двухвековой славы, закреплённой историей. Она была научно образована, втянута в работу и имела недавний опыт Японской войны.

Армия была чужда политике. Ни офицеры, ни тем более солдаты и казаки политикой не занимались. Подавляющее большинство нас не разбиралось в партийных программах, не знало их лозунгов, путало октябристов с кадетами, мало интересовалось работой Государственной Думы. Мы были специалистами — профессионалами. «Русский инвалид» и «Военный Сборник» — вот что главным образом читалось. Из полковых библиотек брали книги исторического содержания, романы, но никогда не политическую литературу. Большинству к тому же и читать было некогда. Армия лихорадочно готовилась к страшному испытанию. Создание солдата требовало целодневной работы над ним. Строевые учения,

заботы о довольствии и снаряжении, тактические занятия, смотры, боевые стрельбы, учебные сборы и маневры отнимали у офицеров все время. Личной жизни не было — была одна полковая семья, жившая одними, общими для полка интересами.

Оплотом армии был ее офицерский состав, воспитанный в кадетских корпусах, обучаемый в военных училищах, школах и академиях. Теперь, когда нам пришлось близко столкнуться с офицерами всех стран, мы с гордостью можем сказать, что со старым офицерством Русской армии могли соперничать только германские и французские офицеры — все остальные, по воспитанию, выучке, тренировке и храбрости, оказались далеко ниже.

А потому те, кто задался целью уничтожить Русскую государственность, стремились прежде всего разрушить армию и, как ее основу, — обаяние Государева имени и ее офицерский состав <...>

Русско-Германская война, в силу особых обстоятельств, начата была со страшным напряжением и велась с необыкновенным упорством. Объявление войны последовало в конце июля.

В августе разыгрались две громадные операции: Сольдауская на Северном фронте — неудачная для нас, и Комаровская на Юго-Западном — удачная для нас. Вдохновителем этой последней операции явился генерал Миллер, нынешней начальник штаба Русской армии, тогда начальник штаба 5-й армии генерала Плеве. Непосредственно за этими двумя операциями разыгрывается Ивангородско-Варшавская операция, захватившая сентябрь и октябрь, где все грандиозные планы Гинденбурга разбились о стойкость Российских императорских войск и мудрые распоряжения Великого Князя Николая Николаевича. В ноябре прошла большая Лодзинская операция, сопровождавшаяся жестокими боями на Бзуре и Ниде.

Прошло четыре месяца войны, а ни русские, ни германцы не победили. По принципам военной науки война должна была быть закончена при сознании равенства сил. Она продолжалась при одинаковом упорстве сторон.

Результаты затягивания войны сказались. Русская армия стала страдать недостатком снарядов и патронов, и по ней раздался приказ: беречь патроны.

Грозной силе пороха и металла противопоставлялась грудь офицеров и солдат, и уже никто не сомневался, что это приведет к гибели армии.

Но связанные союзниками Русские не могли заключать мира. Разум, военная наука настоятельно требовали мира, но честь, долг и слово Императора не позволяли покинуть союзника. Мы продолжали войну и жертвовали Императорской армией ради союзников.

Без армии нет государства, и мы, жертвуя армией, обрекли Россию на все последствия этого самопожертвования<...>

Строевая служба в Императорской армии была очень тяжела. Она требовала силы воли, характера и терпения: солдаты — казарма, казарма — солдаты... — надо было любить строевое дело, чтобы годами выносить это. И кто не выносил — уходил. Создавался естественный подбор ротных командиров. Кто был слаб, не имел военной косточки, тот шел в военно-учебное ведомство, в интендантство, устраивался комендантским адъютантом, начальником этапа... К началу великой мировой войны офицерский состав подобрался. Все смелое, понимавшее войну, бесстрашное оставалось в строю. Все трусливое, безвольное, не приемлющее войны — устроилось по тылам. Этому способствовала строгая аттестационная система. Каждого офицера, прежде чем дать ему роту, взвешивали в аттестационных комиссиях и разбирали по косточкам.

Наша армия выступила в поход с такими ротными командирами, каких не было нигде в мире.

Когда начались бои, эти ротные командиры пошли вперед и сделали свое великое дело.

И когда умерли на полях сражений, в госпиталях и лазаретах эти ротные командиры — армия погибла. Нужно было долгое время, чтобы приготовить новых командиров, а его не было. Война требовала все новые и новые жертвы, и некогда было готовить людей, для которых долг был бы превыше всего...

Тогда, в первую голову, пришлось послать на фронт тех, кто всю жизнь уклонялся от фронта. Стали брать из тыла адъютантов, комендантов, воспитателей и стали давать им роты, батальоны и полки.

И поколебался дух армии.

Потом пришлось брать молодых людей с воли, не из кадетских корпусов, и делать ускоренные выпуски. Кто шел в «школы прапорщиков?»

Да, шли и идейные люди, но больше шли по расчету те, кто знал, что если не пойдешь в школу, пошлют по мобилизации, а тут школа дает отсрочку — раз, офицерам легче устроиться, чем солдатам, — два, — и армия потеряла дух. С этой пестрою молодежью в армию вошел дух политики. Стоит прочитать «воспоминания» Станкевича, чтобы понять, какое разложение несли эти юноши в ряды армии. Станкевич — «социалист-революционер», «видный партийный работник» — оказался в Павловском училище!

Мыслимо ли это было в нормальное время?

Но все-таки училище своими традициями, самым воздухом своих стен сдерживало этих людей — и армия, хотя и расштанная, все же держалась до тех пор, пока была Императорской.

Она была не та, но и армия противника тоже была не та. Оставались все-таки старые полковые командиры, оставались старшие начальники, и была надежда дотянуть «как-нибудь» до победного конца.

Армия к тому же усилилась технически, стало много орудий, много снарядов, и являлась надежда, что армия победит, если не духом, то техникой.

В душах солдат еще тлело сознание мощи Российской Империи, великое сознание связи своей с чем-то, всех объединяющим, для всех обязательным.

Это был Царь...

Про Государя и императрицу были пущены самые гнусные слухи, но еще боролись с этими слухами старшие начальники, еще боялась открыто говорить про них зеленая молодежь.

Я не собираюсь никого обвинять, ни наводить на кого-либо подозрение. Я только попробую дать общую картину того, как началось разложение армии, как выдернут был из нее тот основной стержень, на котором все держалось, и с какой болью она перестала быть Императорской <...>

Революционная армия отказалась от наступления.

Дальше... дальше митинги, приказ армии №1 Соколова, Гучкова, Нахамкеса и К-ии, отмена дисциплины, комитеты, выборное начало, демократизация армии, вместо Верховного Главнокомандующего — Главковерхи, сменяемые каждые два месяца: Алексеев, Брусилов, Корнилов, Керенский, Духонин, Крыленко и Бронштейн-Троцкий.

Вместо Императорской армии стала красная армия III Интернационала. И уже не было стимула, за который умирать, и надо было гнать солдат в бой пулеметами и револьверами, надо было воевать ради добычи, наслаждения насилием, личного обогащения. Голодных солдат гнали за хлебом.

Армия стала бичом населения.

И не избежали этого армии Деникина, Колчака, Юденича, Врангеля. За что воевать? За Учредительное собрание? За «волю народа», еще не сказанную, проявленную лишь в грабеже помещичьих усадеб, уничтожении фабрик и промыслов? Во имя чего дрались? Во имя самостийной Украины, во имя федеративной республики, за какую-то фантастическую Р.С.Ф.С.Р., за «Единую Неделимую», но неизвестно с кем во главе, Россию?

С пустыми знаменами шли Добровольческие армии, и были пусты сердца у героев-офицеров и солдат.

И почему-то боялись произнести то слово, которое когда-то окрыляло, вдохновляло, давало силы умирать. То, что так бодро и весело пели полки:

*С нами Царь, с нами Бог,
С нами Русский весь народ.*

Стыдился Деникин великого русского гимна и играл старый Петровский марш, в котором говорится:

*Русского царя солдаты рады жертвовать собой.
Не из денег, не из платы, но за честь страны родной.*

Пели рядом Корниловцы:

Прошлого не жаль нам, Царь нам не кумир.

И клеветали на прошлое. Старались откопать что-либо такое грязное, что было бы хуже теперешнего социалистического рая, и когда не находили — лгали, лгали, лгали <...>

И в России будет порядок и восстановится Россия тогда, когда по всем ее глухим медвежьим углам, по маленьким гарнизонам станут полки, батальоны и роты Императорской армии. Когда у казначейства встанет опять чисто одетый, с подсумками на поясе, с яркой начищенной бляхой, часовой, и все будут знать, что он лицо неприкосновенное и несет службу на посту и в карауле Его Императорского Величества.

Когда над всеми партиями, над всем шумливым народом встанет власть надпартийная, ко всем справедливая, а под нею и на защите ее будет стоять та армия, которая знала прежде всего, что солдат есть слуга Государя и Родины и защитник их от врагов внешних и внутренних, — тогда успокоится Россия. И знал солдат, что враг внешний тот, кто извне напал на Россию с оружием в руках, а враг внутренний — всякий, кто нарушал законы Империи. Всякий — без различия партий.

Мы хотим Воскресения России. Мы хотим жить дома, хотим знать, что и у нас есть Святая Великая Родина — Россия.

Мы должны всеми силами стремиться создать армию снова, собрать и вдохнуть те же бодрые силы, какие были в ней раньше.

Мы должны вернуть России Императорскую армию <...>

Армия

Существует мнение — в наше время оно стало очень распространенным, — будто после великой войны, когда «народы устали», достаточно собрать молодых людей (мужчин или женщин, все равно), дать им оружие, обучить их, как им владеть, — и армия готова...

В наши дни военная техника стала весьма совершенна. Изобретено множество машин для истребления людей: пулеметы, дальнобойные тяжелые пушки, аэропланы, газы, танки... Но научить солдата владеть сложными современными орудиями войны — легче и скорее, чем грошовым орудием далекой старины.

Это не парадокс. Пулемет состоит из сотни мелких частей, гаек, винтов, пружин и колец, а шашка — из рукоятки, клинка и ножен. Но управлять пулеметом легче, чем рубить шашкой. Чтобы хорошо рубить, горцы и казаки с детства обучаются этому искусству: рубят лозу, глину, солому и т.д.

Машина упростила и облегчила участие в войне. Отсюда соблазн — сократить сроки службы. Отсюда соблазн — *учить солдата, а не воспитывать его*. Отсюда соблазн — делать солдатом всякого (и антимилиариста, и врага нации, Родины — коммуниста)...

Армию называют великой молчальницей. Ибо армия есть только покорное орудие в руках правительства, слепо и безропотно исполняющее все его предписания. Но эта великая молчальница говорит самым громовым голосом: голосом пушек и пулеметов; самым страшным языком — языком смерти. Она убеждает самым жестким способом — способом крови.

Как же высоко должно быть *воспитание* Армии, из каких *рыцарственных* элементов она должна состоять — для того, чтобы *иметь право переступить через кровь*; для того, чтобы быть *готовой отдать все* — покой и уют, семейное счастье, силы, здоровье и самую жизнь во имя Родины, во имя ее спасения и блага.

Армия должна защищать Родину от врагов, от *всяких* врагов — «внешних и внутренних». Она должна отстаивать *неприкосновенность* границ государства, обеспечивать в стране *мирную жизнь*, оборонять Родину от порабощения извне и от унижения и разорения изнутри. Если минувшая война была сурова — если она оставила под удар миллионы людей, никогда не готовившихся к войне, то грядущая война (а она придет рано или поздно!) будет еще более жестока...

Сильно развившаяся военная техника даст неприятелю возможность перенести войну за войсковой фронт — глубоко в тыл, через «позицию», устроенную армией. Соблазн поколебать умы, вызвать у враждебного народа «пораженческую психологию» и тем принудить его к сдаче — вызовет попытки разрушить жизненные, питающие армию центры.

Дальнобойные пушки будут направлены на города с мирным населением. Аэропланы будут сбрасывать бомбы с удушливыми газами и микробами, будут стремиться достигнуть центров управления страной — столиц, промышленных и фабричных районов, чтобы внести панику среди служащих, разрушить чиновничий бюрократический аппарат страны, прекратить работу заводов, разогнать рабочих. Специальные армии агитаторов и

пропагандистов заблаговременно направятся в тыл, чтобы сеять смуту. Забастовки, рабочие беспорядки, митинги протеста против войны, пораженческая литература — все это будет мутить и отравлять внутреннюю жизнь страны.

«Внутренний враг» не всегда различаем, плохо осязаем, трудно уловим. Он искусно прячется в лукавых сердцах. Он ходит в овечьей шкуре социализма. Он соблазняет ложными посулами. Борьба с ним тогда, когда он уже развернул красные флаги мятежа и вышел на улицу, — поздно. Жертвы в столкновениях вызывают жалость и смутное сочувствие к бунтовщикам и не ослабляют, но разжигают и расширяют мятежное движение. Борьба с погромами, когда они уже начались и пошли, какие бы они ни были — погромы ли усадеб, торговых лавок или еврейских предместий, — есть очень трудная задача.

Поэтому Армия должна *уметь предупреждать* эти болезненные вспышки; она должна иметь такое влияние на народ, чтобы одна *мысль о существовании Армии* — не допускала в душах и желания беспорядков.

И вот, во время войны Армия будет защищать страну свою грудью от вторжения врагов, она близко подойдет к гражданскому населению, и от ее поведения и настроения, от ее духа будет зависеть успех или неуспех, победа или поражение.

А в мирные годы, не угрожаемые внешним врагом, на Армию ляжет тяжелый и ответственный труд такого *воспитания* народа, чтобы никакие беспорядки, никакие погромы не были возможны. Это будет делом не только Армии, но прежде всего Армии, как *живого средоточия волевой дисциплины...*

Может ли Армия, при таком своем назначении, быть только толпой, обученной владеть орудиями войны? Может ли она представлять из себя вооруженную массу, не *объединенную общими, великими, религиозными и государственными идеями?*

Чем лучше будет вооружена такая толпа и чем она лучше будет владеть своим оружием, *тем опаснее она будет для самого государства.* Не воспитанная заранее в духе самоотречения и жертвы — в пору войны, ее опасностей и страхов она дрогнет перед врагом. В ней встанет *свое, личное.* Она до ужаса осознает силу военного оружия, — не своего для неприятеля, а неприятельского для себя, — и побежит, все разрушая на своем пути. В пору мирной жизни не воспитанная в духе дисциплины и повиновения, она забудет свое призвание к «великому молчанию» и, отдаваясь различным течениям, сама внесет в государство кровавый бунт — военный мятеж...

Армия есть как бы *лицо государства.* Армия есть то открытое, по чему соседи судят о его силе, мощи и значении.

Воспитанная армия дисциплинирована, отлично вооружена, хорошо одеты ее солдаты, сыты, здоровы и сильны — и сдержаннее язык ее соседей, скромнее их притязания.

Армия есть *школа для народа*. Не только потому, что через ее ряды при всеобщей воинской повинности проходит почти все мужское население нации и учится в ней долгу, мужеству и патриотизму, но еще и потому, что Армия проникает во все слои общества и по ее поведению на маневрах, учениях, смотрах, по *виду* ее офицеров и солдат, по их *поступкам*, по их *разговорам* все судят о духовной силе своего государства, все учатся уважать и любить свое отечество.

Но Армия — не вооруженный народ; и вооруженный народ — не Армия. Нельзя воспитать весь народ как армию; но надо выделить из народа некоторую его часть, сделать из этой части офицеров, унтер-офицеров и кадровый состав и сказать о них — *это Армия!* И все, что волеется в нее, должно быть во всем им подобно. Это кадровая Армия должна блюсти и разумеет *религиозный смысл* своего бытия, она должна быть Армией *христианской*, христолюбивым воинством, ибо только заповедью Христовой — возлюбить ближнего своего так, чтобы положить за него свою душу, — могут быть обоснованы и приятие оружия, и своя и чужая кровь, и муки ранения, и самая смерть.

«Воины благочестивые, славою и честью венчаные!»

Эта Армия должна быть патриотичной. Она должна любить Родину, не критикуя ее; она должна уметь ценить ее прошлое, понимать и прощать недостатки этого прошлого и любить величие, красоту и славу своих предков.

«Горжусь, что я — Русский!»

Армия должна *быть духовно скромна, не стяжательна, гостеприимна, добра*, готова на всякий прекрасный порыв и на великую жертву. Армия — *рыцарский орден!* И народу своему она несет защиту и помощь, а не обиду и угнетение.

«Обывателя не обижай — он нас кормит и поит. Солдат не разбойник».

В своей внутренней жизни Армия должна быть дружна. Ее члены — братья. Не равные, не товарищи, но братья. Ни подкупов друг под друга, ни интриг, ни подсиживания, ни карьеризма, ни сплетен, ни наущничества, ни подлизывания к старшим, ни амикошонства — в Армии быть не должно.

«Зри в части семью. В начальнике — отца, в товарищах — братьев». «Нога ногу укрепляет, рука руку усиляет». «Чудо богатыри! Бог вас водит — Он вам генерал».

Этими заветами *Суворова* должна жить и дышать Армия. Всегда и везде она должна быть образцом *воинского долга и самопожертвования*. Может ли быть воинский чин — офицер или солдат — пьян? Может ли он непристойно вести себя? — грабить, насильничать, брать «подарки от благодарного населения», высказывать панические взгляды, поддаваться пораженческому настроению, критиковать свое начальство и свой полк?

«Наш полк», его Знамя, его прошлое, его традиции — *святыня* для солдата!

В Армию должны идти не только физически наиболее крепкие люди, но и *самые сильные духовно*, с воспитанною твердою волею. Принадлежностью к Армии надо *гордиться*. И весь народ должен любить свою Армию и отдавать ей все лучшее. Семья должна отдать в Армию лучшего ребенка; коннозаводчик — лучшую лошадь; фабрикант — лучшее изделие; заводчик — лучшую машину; рабочий — самую тщательную свою работу.

Если я в Армии — то я горжусь и я счастлив тем, что я в армии, что я солдат.

«Мы — Русские солдаты!»

Если же мне не дана эта высокая честь, то я горжусь тем, что у меня, в моей Родине, в моей России — такая прекрасная армия. Я снимаю шапку перед ее знаменами. Я с уважением смотрю на своего отца, на своего брата, на своего сына в его военном мундире. Он — рыцарь! Он — лицо нашего народа. По нему судят и обо мне.

В прошлом и Армия грешила против всего этого, и мы грешили против нее. Особенно те, кто называется «обществом». Разве не было в русском обществе, как в сказке про Иванушку-дурачка: «У старинушки три сына. Старший — умный был детина...» — и пошел в институт инженеров путей сообщения или на юридический факультет университета (карьера!... инженер!... адвокат! любовь женщин... деньги... слава...).

«Средний был и так и сяк...» — и пошел на физико-математический или естественный факультет (семья... профессура... учитель... «Хоть денег и немного, но зато репутация в обществе»).

«Младший вовсе был дурак...» — и пошел в юнкерское училище (нищета... казарменная вонь... солдаты... «Мы свою дочь не можем за него отдать — он офицер в полку...»).

Тяжело было Русской Армии. Она была изолирована. Но она держалась — Троном. Неизменною, традициною любовью, милостями и трогательным вниманием Российских Государей к армии. Мы же, общество, если и подходили к Армии, то или с снисходительной насмешкой («Полковник Скалозуб, прикажете принять?»), или с сентиментальным и любопытствующим сочувствием (капитан Тушин, Максим Максимыч, купринский Ромашов).

Строя великую, могущественную, славную, честную, христианскую и православную Россию, — мы должны ответственно и заботливо подойти не только к *вооружению и обучению* ее Армии, но и к отбору в эту Армию всего лучшего, всего благородного, прекрасного в полном понимании этого слова; и, далее, к воспитанию действительно *христолюбивого, победоносного Российского воинства*. Так, чтобы с Русскою Армией всегда был «Бог крепок, Властитель, Начальник мира». Ибо этот необходимый России мир, мир

прочный, и внешний и внутренний, даст ей только такая Армия, которая будет покорна сему великому «Начальнику мира»: Он — «Бог крепок! Чуден советник — миру его нет предела!»
Таковы заветы Суворова. Они указывают нам путь.

(Русский колокол. 1928. №3. С. 8–13).

О РОССИЙСКОМ ВОИНСТВЕ. Заветные мысли

I. «Мы — русские, с нами — Бог»

<...> **Бога надобно слушать паче человека** <...> *Межусобные войны есть иже Божьим заповедем противится и не прямые войны, но всех страшнее и позорнее. И оттого великое пременение и развращение великим государствам бывает. И которое королевство или государство в себе разделено, и тому долго стояти невозможно.*

А явные и всемирные войны, те есть справедливы, и называют их законно, которые правдою и делом основаны и прямою причиною починаются, и которые мочно правдою и доброю совестью печати в нем служити <...>

А в войнах всякому салдату или воину, который в войне служити охоту имеет, и тому надобно рассудити, мочно ли ему с доброю совестью тому государю служити, к которому он в службу вступит, не так как ныне многие безбожными устами говорят, что хотя дияволу из денег служити готовы. *И что они солдаты служат за денги, а не за веру, и молвят вера здесь, вера там, кто больши денег даст, тому они и служат, и то есть безбожных слова.* И таким диявольским слугам подоблет диявольская мзда или заплата, и страшную заплату воздаст диявол им. Сохрани Бог всех чти любящих от того.

А всякому салдату и ратному человеку малу и велику а еще всем великим государем, которые себе в мысль взяли войну вести, и тем сии *три статьи* гораздо надобе примечать и внимать. **Первое**, надобе им Господа Бога в сердце своем имети. **Второе**, недруга во зрении и во очех. А **третье**, оружие в руках держати. *И сии три статьи всякому гораздо остерегати и тем, како тремя чувства украшену быти.* И первую статью, что Господа Бога имети в сердце своем, от великих государей, которые войну хотят зачать, воззовет и они повинны, что им рассужати, прямую ли доброоснованную причину они имеют войну вести, и **не супротивна ли та война Богу** и слову его и не сяжет ли та война искреннему и подданным к разорению <...>

И всякому великому государю надобно того памятовати и остерегати, когда он с кем во укреплении, что стояти заодно, и тот от него помощи попросит, и ему прежде рассудити, прямую ли основанную причину тот, который его на помощь призывает, к той войне имеет. И будет прямую причину войну вести не имеет и ему мочно в этом отговоритися, что ему пред Богом с доброю совестью того учинити невозможно, хотя между ими и самое большое укрепление, тогда тому слову одолети надобно, что апостолы ко людям рекли, пригоже Бога паче, а не человеку слушати.

Такоже и всяким ратным людем большим и малым, урядникам и рядовым салдатам надобе Господа Бога в сердце свое имети, и то не одно что словом, как многие говорят, то уже гораздо зол человек, кой Бога в сердце своем не имеет; или иные говорят еще успею и тогда слова неподобны. *Но всякому воину и ратному человеку, когда хочет в службу вступить, и ему Господа Бога в сердце имети и в себе размыслити и гораздо рассудити, тот Государь, кому он хочет служить, прямую ли причину к своей войне, которую зачинает ли имеет, и не супротивно ли то вере и совести его.* **И надобе ему у Бога помощи и одоления на недруга просити, и во всякой нужи и в страхе едино на Бога уповати <...>** Да ратному же человеку надобе всегда Бога в сердце своем имети тем, что по все часы Богу молитися, потому когда он против недруга идет, и он всегда в смертном страхе и подобает ему **мирное житие вести паче чернца в монастыре**, потому что он в великом страховании <...>

Только воззри на тех воинов и на салдатов, которые в прежних временах жили и войны вели, что делали Моисей, Исус Навин, Давид и прочие, и их салдаты покаместа они на походе и в войне были, молилися они Господу Богу днем и ночью над наколени. Почти о том божественное писание в тех книгах, которые о тех войнах написаны, и тут не найдешь, чтобы во многих тысячах хоть один был, кой с блядьми воровал, или объедался и в пьянстве пребывал, играл, сварился, убийство чинил и грабил или иные позорные дела и грехи делал <...>

Почти писцов, которые про войны праотцов наших пишут, и ты тут найдешь, что те войны были им школы и училища всяких чувственных и добрых честных шляхетных и рыцарственных чувственных дел, и потому же как во всяких школах всяким наукам и мудростям учатся. Так же и наши предки, ратные люди, воинскому чувству училися, и в том мочно всякие шляхетные дела как есть в зеркале видети, откуда взялось шляхетство, аже не от войны, и все князи и государи и вольные рыцари и шляхетные люди ту **честь в войне добыли**. И ныне даю всякому рыцарю рассудити, что подобает шляхетному человеку делати именито, то что ему всяким шляхетным чувством которые праотцы его имели тщатися, и потому же и **ратному человеку быти зеркалу учтивости чести и чувству <...>** Салдатам подобает как братьям жити и друг при друге в войне стояти, и тела и живота своего не щадити. (1)

ПЕТР ВЕЛИКИЙ

Ведало бо российское воинство, что оной час пришел, который всего отечества состояние положил на руках их: или пропасть весма, или в лучший вид отродитися России. И не помышляли бы вооруженных и поставленных себя быти за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за народ всероссийский, который доселе их же оружием стоял,

а ныне крайняго уже фортуны определения от оных же ожидает. Ниже бы их смущала слава неприятеля, яко непобедимаго, которую ложну быти неоднократно сами ж они показали уже. Едино бы сие имели в оной акции пред очима, что **сам Бог и правда воюет с нами**, о чем уже на многих военных действиях засвидетельствовал им помощи своею сильный в бранех Господь, на того единого смотрели бы. А о Петре ведали бы известно, что ему житие свое недорого, только бы жила Россия и российское благочестие, слава и благосостояние.

* * *

...Господь бог викторию нам даровал, чему мы зело обрадовались и благодарили Бога публично с обыкновенною стрельбою. И оною вам паки поздравляем и **просим господ сил**, дабы вяще благословение свое дал против так гордых неприятелей.

* * *

В возблагодарение Всемогущему Богу за полученную над Карлом XII, королем шведским, победу, иже, его всемогущею помощью, в 27 день прошедшего июня месяца на бою под собственным нашим управлением с поражением всего неприятельского войска, одержали, в знак и вечное напоминание преславной той виктории, на том самом месте, где тот бой был, построить **монастырь мужский** и в нем церковь каменную же, верхнюю во имя святых верховных апостолов Петра и Павла, а нижнюю преподобного Самсона странноприимца, на которого память та преславная виктория получена. А перед церковию сделать примаду каменную с изображением персоны нашей в совершенном возрасте на коне, вылитую из меди желтой, а под нею бой, самым добрым художеством.

Если за Божию помощь получим какую викторию, то ни за копеешное не должен никто принятца до указу, а паче во время бою, под наказанием смерти.

* * *

<...> Также никто из господ генералов с места баталии прежде уступать не имеет, пока он от своего командира к тому указу не получит. Кто ж место свое без указу оставит, или друг друга выдаст, или бесчестной бег учинит, то оной будет лишен живота и чести. И для того как генералам, так и офицерам приказывается чтоб крепко то солдатам внушали и оных в том удерживали. А хотя б так и учинилось, чтоб рядовых удержать было невозможно, то генералам и офицерам остаться при тех, кои устоят, хотя конные при пехоте или пехота при коннице.

* * *

<...> Извольте войско поставить на добрые квартиры, а порции положить по указу. И смотреть того накрепко, чтоб, кроме указанного, не брали и обид не чинили. А хто сего преслушает, без всякой пощады казнить смертью. И такаж вы будете о том отвечать, чего, для Бога, смотри и чини по сему.

Протчае, что неприятелю к убытку, а к нашей ползе надлежит, все то чинить с помощьюю Божию, как доброму и верному человеку надлежит.

* * *

Получили мы ныне ведомость, что в армею у комисарства денег ничего нет и не токмо, что на июль и август, но и на июнь несполна выдано. Того для, как наискоря, деньги собирай и посылай в армею, ибо сие есть дело главное, и без денег может войско разоритца...

* * *

Должно всеми силами благодарить Бога, **но надеясь на мир, не ослабевать в военном деле**, чтобы не иметь жребия монархии Греческой; надлежит стараться о пользе общей, являемой Богом нам очевидно внутри и вне, от чего народ получит облегчение.

* * *

Мир хорошо; однако, притом дремать не надлежит, чтобы не связали рук, да и солдаты чтоб не сделались бабами.

* * *

Больше побеждают разум и искусство, нежели множество.

* * *

Победу решит военное искусство и храбрость полководцев и неустрашимость солдат. Грудь их — защита и крепость Отечеству.

* * *

Родильниц, чреватых жен, старых людей, священников, церковных служителей, детей и иных, которые противления чинити не могут, нашим воинским людем *не обижать и не оскорблять* и церквей, больниц и школ весьма щадити и не касаться под жестоким телесным наказанием.

Кто к знамю присягал единожды, у оного и до *смерти стоять* должен; ежели уйдет и в том пойман будет, то оный петлю заслужит и живот потеряет. (2)

П.РУМЯНЦЕВ

Ремесло наше свои имеет правила, во многих случаях неопределенные, без положения и точности, зависимые токмо от предрассуждений полководцев. *А все, что искусство военное во основание своим мероположениям приемлет, состоит в одном том, чтоб держать всегда в виду главную причину войны, знать, что было полезно и вредно в подобных случаях в прошедших временах совокупно положению места и сопряженные с тем выгоды и трудности*, размеряя противных предприятия по себе, какое бы могли мы сделать употребление, будучи на их месте.

Вот, милостивый государь мой, правила военные, правила кратчайшие.

Те, которые имели счастье прямо их проникнуть и предписуемое в них узнать, славно имя таковых между победителями, и преимуществовать могли они всегда над своим соперником, так как ошибающиеся в сих соображениях платили дорого за свои инакие меры. (П.А.Румянцев — Н.И.Панину. — Ред.).

* * *

Не запинался я действовать в другую уже войну с *малыми силами*, зная весьма мои обстоятельства, и избрав по склонности своей сие ремесло, переносил терпеливо всегдашнюю участь, что скудные способы мне достаются против изобильного ополчения. *Храбрость, конечно, заменяет во многих случаях недостаток числа*: сие можно бы присвоить за неперменное правило, есть ли сей редкой души талант врожден был каждому оруженосцу, из коих многие, однакож, по-моему дознанию, в деле мерят числом телесные силы, а не свойствам душевными, и как на первом свое упование и подпору утверждают, так в последнем явно оказывают ежели не страх, то сомнение.

* * *

Россия по великой обширности границ, разнообразному и большей частью дикому соседству, а и в самих ее обывателях разноверию и разноправию, *меньше всех сходствуя* с другими наблюдать должна, чтобы по мере пользы и выгод своих распространяться и в приличном только иным подражать, а **сразмерно способам и доходам своим ополчаться** и весьма уважать, чтобы за неимением иных к набору войска способов, народ, дающий и людей и деньги, неразумным и бесповоротным почти первых *взиманием не оскудить* и браться за средства такие, чтобы к поре грозящей и запас в деньгах иметь и *силы свои не чувствительно для самих, а примерно для иных умножать можно* <...>

Определяя войск количество и качество, надлежит им определить и квартиры так и таким образом, чтобы и внешнее и внутреннее спокойствие тем было весьма обнадежено и содержание их было не чрезвычайно дорого и одною частию другую в потребном случае всегда усиливать и подкреплять было удобно <...>

По настоящему границ положению мнится за лучшее разделить войски *на четыре главные части или армии* под инспекцией одного заслуженного и в воинском ремесле искусного генерала, и именно: Остзейскую, Украинскую, Низовую и Резервную <...>

Польза службы требует *готовности и исправности*, польза государственная вообще взыскивает, чтобы во время спокойное всякое пособие государственному и приватному хозяйствам, облегчение народу и сбережение казны делалось было <...> (3)

А.СУВОРОВ

Боже, даруй счастье вперед!

* * *

Кого из нас убьют, — Царство Небесное, живым — слава! слава! слава!

<...> **победительное российское войско**<...> приобвыкло и регулярных неприятелей множественное число *малым количеством* побеждать по природе своей *храбрости и искусству* в военном ремесле.

От храброго российского гренадера не только сии неверные варвары, но и никакое войско в свете устоять не может. Господь Бог вам в помощь!

* * *

По жестоком сражении через целый день союзными войсками побит визирь! 8000 на месте: несколько сот пленных, взят обоз, множество военной аммунции, счетных 48 пушек и мортир. **Наш урон мал.** Варвары были *вчетверо сильнее* (Сражение при Рымнике. — Ред.).

* * *

Сегодня счастье, завтра счастье. Помилуй Бог — надо же когда-нибудь и **уменье**.

* * *

Воюют не числом, а умением.

* * *

Обучение нужно, лишь бы с толком и кратко; солдаты его любят.

* * *

Понеже *праздность* корень всему злу, особливо военному человеку, напротив того, **постоянное трудолюбие** ведет каждого к знанию его должности в ее совершенстве, ничто же так не приводит в исправность солдата, как его искусство в экзерциции, в чем ему для побеждения неприятеля необходимая нужда. Для того надлежит ему оной обучену быть в тонкость...

* * *

Большое дарование в военном человеке есть счастье.

* * *

Начальник войска по его размеру искусства и храбрости сильным быть себя почитает.

* * *

Где меньше войска, там больше храбрости.

* * *

Каждый воин должен понимать свой маневр.

* * *

Быстрота и натиск душа настоящей войны.

* * *

Все же лучше атаковать и застать врасплох; атакуя внушаешь страх.

* * *

Готовься в войне к миру, а в мире к войне!

* * *

Не можно забыть высочайшую монаршую милость, которую сей полк (Суздальский. — Ред.) недавно удостоен был. **Отличность**, каковою ни один полк по прошествии многих лет славится не может: всем прочим во образец! Но всегда о том вспоминая, *содержать себя во всегдашней исправности, наблюдать свою должность в тонкость*, жертвовать мнимым ленистым успокоением истинному успокоению духа, состоящем в трудолюбивой охоте к военной службе, и заслужить тем себе бессмертную славу.

* * *

Надо хорошо экзерцировать войска, милостивый государь! Мы уже об этом говорили, иначе риск неминуем. *Никогда не отступать, лучшее войско всегда в движении* (Мне ж лучше смерть, нежели дефенсив...).

* * *

Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решиму, правдиву, благочестиву. **Молись Богу! от него победа.** Чудо-богатыри! Бог нас водит, он нам генерал.

Ученье свет, а неученье — тьма. Дело мастера боится. И крестьянин не умеет сохою владеть — хлеб не родится. За ученого трех неученых дают; нам мало трех, давай нам 6; нам мало 6-ти, давай нам 10 на одного; всех побьем, повалим, в полон возьмем. В последнюю кампанию (польская 1794 года. — Ред.) неприятель потерял щетных 75000, только что не 100000. Он искусно и отчаянно дрался, а мы и одной полной тысячи не потеряли. Вот братцы! **Воинское обучение!** Господа офицеры! Какой восторг! <...>

Субординация! Послушание! Дисциплина! Обучение! Ордер воинский! Порядок воинский! Чистота! Опрятность! Здоровье! Бодрость! Смелость! Храбрость! Экзерциция! Победа и слава!

* * *

Вот моя тактика: отвага, мужество, проницательность, предусмотрительность, порядок, умеренность, правило, глазомер, быстрота, натиск, гуманность, умиротворение, забвение.

* * *

Русские прусских всегда бивали, чтож тут перенять <...> Я лучше прусского покойного великого короля; я, милостию Божиею, баталии не проигрывал <...>

Милосердие покрывает старость, *при строгости надобна милость*, иначе строгость тиранство.

Я строг в удержании здоровья солдат, истинного искусства благонравия; милая солдатская строгость, а за сим общее братство. И во мне строгость по прихотям была бы тиранством.

Гражданские доблести не заменят бесполезную жестокость в войсках <...>

Не русские преобразования <...>

Я команду сдал, как сельский дворянин. Еду в Кобринские деревни <...>

Всемогущий Боже даруй, чтоб зло для России не открылось прежде 100 лет, но и тогда основание к сему будет вредно <...>

Я, Боже избавь, никогда против отечества!

* * *

Будем всегда служить верою и правдою и сим посрамим врагов наших!

* * *

Как раб, умираю за отечество и, как космополит, за свет. (4)

М. КУТУЗОВ

По воздаянии Всевышнему благодарения за победу (сражение при Рушуке. — Ред.), мною одержанную, считаю, во-первых, справедливым долгом изъявить истинную мою благодарность вначале г.г. *генералам*, товарищам моим, содействовавшим искусством и мужеством своим к разбитию сильного неприятеля; не менее сердечную признательность мою объявляю г. *штаб- и обер-офицерам*, столь достохвально должность их выполнивших; *нижним чинам*, в сражении бывшим, принадлежит участие в победе сей, они твердостью своею не уступили нигде неприятеля, и те части войск, которые я во время самого яркого сражения близко видеть мог, во всех тех видел дух русских и победу, уже написанную на их лицах.

22-е число июня пребудет навсегда памятником того, что возможно малому числу, оживленному послушанием и геройством, противу бесчисленных толп, прогнать неприятеля.

* * *

Сей день (сражение при Бородино — Ред.) пребудет вечным памятником **мужества и отличной храбрости российских воинов**, где вся пехота, кавалерия и артиллерия дрались отчаянно. Желание всякого было умереть на месте и не уступить неприятелю. Французская армия под предводительством самого Наполеона, будучи в превосходнейших силах, **не превозмогла твердость духа российского солдата**, жертвовавшего с бодростью жизнью за свое отечество.

* * *

Несколько дней тому назад, что все французы, в плен получаемые, неотступно просят о принятии их в российскую службу, даже вчерашнего числа итальянской гвардии 15 офицеров приступило с тою же просьбою, говоря, что **нет выше чести, как носить российский мундир.**

* * *

Неприятель повсюду очистил границы. Надо заметить, что Карл XII вошел в Россию с **40000** солдат, а вывел обратно **8000**. Наполеон вошел с **480000**, а вывел около **20000**, оставив нам не менее **150000** пленных и **850** пушек.

* * *

Я счастлив, предводительствуя русскими! Но какой полководец не поражал врагов, подобно мне, с сим мужественным народом! Благодарите Бога, что вы русские; гордитесь сим преимуществом и знайте, *чтоб быть храбрым и быть победителем, довольно быть только русским.*

Освобождение Польши и истребление врага есть плоды благоволения к нам Всевышнего Бога. Храмы наши, пострадавшие временно примерным обруганием и расхищением до основания гонителями православной веры, достойно отомщением и нам осталось одно, утвердить себя в законе и молитве к Царю царей, благоволившему оружию нашему открыть путь к столь блестящей славе, с обещанием сохранить навсегда в твердой памяти труды ваши, подъемлемые на пользу российского воинства, обнаруживающие истинное усердие и преданность к престолу.

* * *

Непритворные похвалы, которыми удостоиваюсь я не редко от соотечественников моих, разделяю я с сподвижниками моими, храбрости коих обязан я тем, что все надежды мои вижу увенчанными успехами, и **если россы всегда будут сражаться и веру своих прародителей, царя и честь народную, то слава будя вечным их спутником;** и горе злодею, покусившемуся на хранимую Богом святую Русь! (5)

М. СКОБЕЛЕВ

В России есть только одна организованная сила — армия, и в ее руках судьба России. Но армия не может подняться только как масса, а на это ее может двинуть лишь такая личность, которая известна каждому солдату, которая окружена славой сверхгероя. Но одной популярной личности мало, нужен лозунг, понятный не только в армии, но и широким массам. Таким лозунгом может быть только провозглашение войны немцам и объединение славян. Этот лозунг сделает популярной войну обществу.

* * *

В союзы и дружбу между народами я не верю. В подобных союзах и дружбе один всем пользуется, а другой платит, один ест каштаны, а другой вытаскивает их из огня голыми руками. Один льет кровь и тратит деньги, а другой честно маклерствует, будучи не прочь обобрать друга в решительную минуту. *Лучше всего в одиночку.* Моя хата с краю, ничего не знаю, пока меня не задели, а задели — так не обессудьте, свое наверстаем.

* * *

Не формы, а **дух войск**, не книжный расчет, а **гений**, не поспешное мирное обучение, а **война** — вот что формирует армию и вождей.

* * *

Война бывает нужна нам для того, чтобы вывести из апатии ленивого гражданина, погруженного в одни материальные интересы, чтобы пробудить и поддержать в народе стремление к более возвышенным идеалам; *воинский дух и воинская слава составляют высшее проявление жизни в государстве*, как и в отдельной личности. Никогда не настанет время, в которое мы будем в состоянии обойтись без войны и пожелаем этого.

* * *

На войну идут тогда, когда нет иных способов. Тут должны стоять лицом к лицу — и доброта уже бывает неуместна. Или я задую тебя или ты меня. Лично иной бы пожалуй и поддался великодушному порыву и подставил свое горло: души. *Но за армией стоит народ, и вождь не имеет права миловать врага, если он еще опасен<...> Штатские теории тут неуместны.* Я пропущу момент уничтожить врага — в следующий он меня уничтожит, следовательно, колебаниям и сомнениям тут нет места. Нерешительные люди не должны надевать на себя военного мундира.

* * *

Есть еще время; пусть, по честному убеждению, все, недостаточно сильные духом и телом, оставят доблестные ряды наши. Боевое дело будет покончено во что бы то ни стало; без слабых энергией, мы станем еще дружнее, еще крепче и вновь *прославим отечественные знамена, вверенные Государем императором нашей стальной русской выносливости, нашему русскому мужеству.*

* * *

Всеми действиями военнослужащих должен руководить закон; им, а не личным произволом должен руководствоваться всякий начальник, как в своих действиях вообще, так и в отношении дисциплинарных взысканий в особенности, чтобы и нижние чины знали, чем они должны руководствоваться в своей служебной деятельности, и сами бы приобрели *уважение к закону.*

* * *

Чем ближе стоит офицер к солдату, тем выше будет его авторитет в момент опасности. **Во всех армиях во все времена победу давала любовь и доверие солдат к своим начальникам и обратно.** Внедрите в солдат убеждение, что вы и вне боя относитесь к ним *отечески*, что во время боя вы *сила*, и для них ничего не будет невозможного.

* * *

Напоминаю войскам, что скоро и нам может предстоять боевое испытание; прошу всех об этом **знать и крепить дух молитвою и размышлением, дабы свято, до конца, исполнить, чего требуют от нас долг, присяга и честь имени русского.**

* * *

Неоднократно высказывал я как г.г. офицерам, так и нижним чинам вверенной мне дивизии, что **основанием успеха при столкновении с неприятелем служит порядок в бою, я назову его лучшим выражением доблести части.**

* * *

Порядка в бою быть там не может, где начальники частей не проникнуты сознанием того, что им приходится делать, *не осмыслили себе* перед боем ту задачу, которую предстоит исполнить их части. Я не говорю о личной доблести г.г. офицеров, ибо заранее убежден, *что офицер не молодец не может быть терпим* в 16-ой пехотной дивизии <...>

На будущее предписываю г.г. бригадным, полковым и батальонным командирам перед боем, тотчас же по получении диспозиции для боя, собирать (разумеется соответственно с удобством расположения частей) всех наличных г.г. офицеров, которым они обязаны не только прочесть, но и выяснить смысл диспозиции и *убедиться, что она ими понята.*

Г.г. ротные командиры, *понятным для солдата языком* делают то же самое относительно фельдфебеля и унтер-офицеров вверенной им роты; причем **внушают унтер-офицерам их великое значение** в современном пехотном бою, где, при растянутости линий, офицеру везде поспеть трудно.

* * *

Войска вверенного мне авангарда!

После **славной победы** под Шейновым, где вы уничтожили 60 неприятельских батальонов и взяли 104 орудия, вы не дошли, а долетели до стен Константинополя.

Ваше *молодечество* преодолело все трудности и когда Вы под стенами Царьграда грозно предстали перед неприятелем, побежденная Турция просила у нашего Главнокомандующего мира. 19-го февраля в 6 часов вечера подписан славный мир между Турцией и Россией, **мир, купленный дорогой ценою ваших усилий и вашей крови.**

Отныне мы стоим здесь в стране дружественной. Отношения наши к побежденному народу должны быть не только **законно правильными**, но и **великодушными**, ибо *храброе Русское войско искони не умело бить лежачего врага* <...>

Я убежден, что **вверенные мне храбрые войска не помрачат своей бессмертной боевой славы несоответствующим поведением в мирное время**, и помня, что одна паршивая овца может испортить целое стадо, — будут сами строго следить за теми из них, которые могли бы поддаваться искушению — затемнить дорогое нам доброе о нас мнение Августейшего Главнокомандующего (6).

II. Высокое призвание армии

Н. ОБРУЧЕВ

Армия содержится не для завоевательных целей, а для **обеспечения внутренней и внешней безопасности государства**. Вот высокое и вместе с тем единственное назначение войска. Обеспечение безопасности страны, составляя цель существования армии и флота, есть также и *первое условие*, определяющее размеры вооруженных сил государства. Оно требует двоякого рода жертвований: личных и вещественных; следовательно, *второе условие*, ограничивающее количество вооруженных сил, есть **соразмерность их с населением**, а *третье* — **соразмерность с материальными способами государства**. Но количество находится всегда в непосредственной связи с качеством; чем второе лучше, тем первое может быть менее, следовательно, *четвертое условие*, требуемое от военной системы, заключается в **хорошем составе армии, в тщательном образовании войск и в сообразной с требованиями военного искусства организации вооруженных сил**. Первые три условия связаны с началами политико-экономическими, последнее же включает в себе чисто военные требования <...>

Чтобы издержки, употребляемые государством на содержание войска, не пропали даром, необходимо, чтоб качество его было высокое. Много ли, мало ли войск, они должны быть хороши, как в мирное, так и в военное время <...>

Качество — это фаланга Александра Македонского, 10-й легион Цезаря, итальянская армия Бонапарта и войска Суворова в Швейцарии; эта также милиции Швейцарцев и Американцев, отстаивающие свою независимость.

Количество — это толпы варваров, массы сброда, бегущие от первого выстрела.

У Наполеона были многочисленные армии, правда; но только с небольшим числом превосходных солдат он совершил итальянские и египетский походы; с массой же бесчисленных рекрут он был разбит в 1813 году.

Результат кампании зависит часто от одного сражения; сражение же решается иногда в одно мгновение, на одном каком-либо пункте; следовательно, успех боя будет в руках того, кто в этот момент бросит на спорный пункт колонну лучшего качества.

Качество же войск зависит от физического их состава, от степени их искусства, от образования офицеров и высших чинов армии и, наконец, от духа, ее оживляющего. (7)

Б. ЧИЧЕРИН

Развитие и умножение государственных сил составляет первую задачу политики... **Из всех государственных сил первое место занимает войско** <...> От внешних условий, в которых находится государство, зависит то количество войска, которое нужно для его защиты, от внутренних условий — то количество, которое оно в состоянии содержать. **Войско должно быть соразмерно с материальными средствами.** Слишком малое количество умаляет внешнее значение государства и может привести его к гибели; слишком большое количество подрывает его экономические силы и вовлекает его в безвыходные финансовые затруднения <...>

У нас замена прежней постоянной армии, которая обрекала солдата на пожизненную службу, даже с детьми, всенародною повинностью с короткими сроками, было одним из величайших преобразований царствования Александра Второго. Водворению на место крепостного права общегражданской свободы соответствовало превращение крепостного солдата в свободного человека. Этого нельзя ценить достаточно высоко. **Такая замена может, однако, оказаться пагубной, если при этом не сохраняется тот дух, который составляет нравственную силу армии. Количество мало приносит пользы, когда нет надлежащего качества. История показывает не один пример громадных полчищ, которые разбивались небольшими, но хорошо организованными и крепкими своим духом войсками** <...>

В военном деле руководство, может быть, еще важнее, нежели состав армии. **Самая стойкая армия без надлежащего руководства обречена на гибель.** Политика, конечно, не создает военных талантов, но она создает те условия, при которых они проявляются. Первым учителем в этом отношении служит сама практика, то есть война; но в мирное время заботы правительства должны быть направлены к тому, чтобы приготовить людей, способных быть предводителями войска не только на высших, но и на низших ступенях военной иерархии. **Армия должна иметь корпус образованных офицеров...** В начале нынешнего столетия у нас был корпус образованных офицеров. Они стояли во главе русской армии во времена великих войн, приведших ко взятию Парижа. Печальное событие 14-го декабря привело к значительному понижению их умственного уровня. От офицеров стали

требовать уже не образования, а покорности. Чем менее они думали и знали, тем они казались надежнее. Результаты показали всю несостоятельность этой системы <...>

Вообще войско составляет такую существенную потребность государства, оно представляет такое могучее власти, что редкие правительства не обращают на него должной заботы. Часто эта забота становится даже преувеличенной, отвлекая внимание от всего остального и заставляя смотреть на самый гражданский порядок с точки зрения военного строя. В эту крайность впадают в особенности правительства самодержавные. Но далеко не всегда попечение о войске сохраняет разумное направление. Здесь более, чем где-либо, внешний порядок нередко заменяет настоящее содержание. Особенно в периоды долгого мира, когда практика не обнаруживает слабых сторон военной организации, армия становится игрушкой, которою потешаются монархи... (8)

Д. МЕНДЕЛЕЕВ

Сколько бы нам ни твердили извне и сколько бы раз сами мы ни чувствовали, что будущность наша много зависит от качества внутреннего строя жизни, чисто реальный инстинкт подсказывает нам при этом всегда, что *важнее-то всего оборона страны и организация ее вооруженных сил* <...>

... Несмотря ни на какие наши усилия, впереди России предстоит еще много оборонительных войн, **если Россия не оградится сильнейшим войском** в такой мере, чтобы боязно было затевать с ней распрю в надежде отхватить от нее часть ее территории. Что завоевательных войн Россия сама не затевает, в том уверены не только все мы русские, но и все, сколько-либо знающие Россию, которой у себя дома дел кучища, начиная с необходимости продолжать усиленно размножаться; но поползновения на нас самих, на наши земли и народы, на нашу целостность и силу с татарами, поляками и наполеонами не умерли, а развиваются и, при стечении обстоятельств (их-то и должна дипломатия проследить), могут, если мы не будем сильны в военном смысле, дорасти до войны противу нас, подобной натиску Наполеона <...>

Я.. за необходимость держать России наготове сильнейшую военную, сухопутную и морскую оборону в виде организованного войска. Однако дополню мысли эти тем, что и помимо всеобщей воинской повинности, быстро возрастающий народ наш, особенно когда начнет скоро богатеть, может содержать военную силу. Перемены и здесь желательны и самостоятельно возможны, особенно ввиду того, что охотников воевать в качестве солдат у нас найдется множество, так как современная солдатская служба представляет полную обеспеченность личности и, по существу, не отличается от офицерской службы более, чем содержанием или окладом, определяемым предварительною

подготовкою, подобно тому, как содержание заводского рабочего отличается от содержания техника или надсмотрщика.

Охотников пойти в солдаты у нас в настоящее время можно найти так же легко, как охотников получить офицерское звание, даже при том условии, когда солдатское жалование будет не очень велико. Мне думается даже, что **армия, составленная из подобных охотников, будет превосходить армию молодых новобранцев, составленную по немецкому первообразу.** Переходом от современного состояния дела к желаемому, мне кажется, могло бы служить право уплаты за несение воинской повинности определенного, довольно возвышенного налога, могущего служить к умножению военных средств страны. **Охотники, вероятно, будут продолжать свою службу долго и тем самым возвысят военные качества армии и флота.** (9)

М. МЕНЬШИКОВ

Армия — первый и последний оплот государственности.

Разложить армию, значит разложить государство. Овладеть армией, значит овладеть властью <...>

Из всех органов государственности армии наименее прилично уклоняться от справедливой ответственности. Дело армии — героическое; преимущественно перед другими оно основано на самоотречении. Священное чувство долга здесь ощущается столь повелительно, что ради него гражданин теряет даже личную свободу. Вся армия сверху донизу держится дисциплиной, духом беспрекословного повиновения, духом непрерывной ответственности. Здесь всякая вина есть вина и не может быть ни скрытой, ли помилованной. Начальник обязывается быть строгим, ибо такова железная природа подвига людей, идущих на смерть. Воин, подобно монарху, не нуждается в снисхождении. Чувство рыцарской чести заставляет военных не скрывать, а напротив — открывать свои ошибки. Горе армии, которая не настолько мужественна, чтобы признать свои грехи! В нравственной природе исправление начинается с момента раскаяния, которое, чтобы быть искренним, должно быть открытым. Из уважения к многострадальной, когда-то славной армии нашей нельзя допустить и минуты малодушия, при котором люди боятся заглянуть в свою совесть и отрекаются от вины, хотя бы очевидной.

Правда есть сила, с которой трудно сладить <...>

Никто не подумает обвинять армию в том, например, что бюджет ее не покрывает действительных нужд. Но то, что даже недостаточный бюджет тратится не всегда производительно, в этом в значительной степени виновата армия. В том, что генералы наши плохи, виновато центральное правительство, однако виноваты и сами генералы. Россия была

обманута в талантах военного министра, и вина доверчивости ее слишком жестоко наказана. Однако и министр был не прав, упорно занимая место, для которого нужны иные способности.

Как совершенно верно определил в свое время император Вильгельм, *главная слабость нашей армии — ее офицерский состав. То, что он плох, — это преступление государства, угрожающее смертью нации.* Но не совсем невинны и сами господа офицеры, имеющие честь носить это почетное звание. Именно главные язвы офицерства: отсутствие военного призвания, военное невежество, недостаток дисциплины, равнодушие к нижним чинам, отсутствие гордого товарищеского духа, отсутствие стремления к совершенствованию своей профессии, — все это лежит на ответственности самих офицеров. Ведь они — полноправные граждане, они живые люди! Настолько просвещенные, чтобы знать, что они делают; они обязаны глубоко вдуматься в свою **государственную роль** и спросить себя, способны ли они к ней. *Офицерство — рыцарство и до сих пор связано рыцарскими обетами. Но истинный рыцарь должен спросить себя: влечет ли его военное дело. Если нет, то порядочный человек должен уйти из армии.* Он должен уйти, если чувствует себя невежественным и неспособным усвоить себе всю науку и все искусство войны. Он должен уйти, сознавая, что оставаться на опасном посту — измена родине, если не можешь с честью служить на нем. Пусть армия спросит себя по совести, часто ли делается офицерами этот экзамен совести! Задолго до войны установилось общее сознание, что армия расстроена, что и порядки и люди далеки от самых снисходительных требований. Однако не видно было не только энергических реформ сверху, но вот и этого внутреннего самоочищения, структурной, молекулярной борьбы за свою *доброкачественность* <...>

Хотя в истории очень редки примеры того, чтобы армия сплошь состояла из **героев и артистов войны**, однако еще в недавнее время наши кавказские войска, кутузовские, суворовские отличались высокими качествами, стяжавшими русской армии славу непобедимой. Наполеон сказал: русского солдата мало убить — его нужно еще повалить. Последняя война (с Японией. — Ред.) обнаружила упадок стойкости прямо незапамятный у нас: отдавались панике и сдавались в плен целые десятки тысяч вооруженных людей, за содержание которых в плену России пришлось уплатить более 100 миллионов рублей. Никогда армия наша не теряла столько орудий и знамен, как в эту войну <...>

Пусть это — вина правительства, общества, народа, но во всяком случае — это вина и самой армии. *Мне кажется, мы, живое поколение русских людей, отвечаем за Россию перед предками и перед потомством*, и замалчивать эту вину нашу и отвергать ее не имеем права. Если жив еще богатырский дух России, если не сломлена ее нравственная мощь, то мы должны откровенно сознаться в своей вине — и вместе с армией должны принести клятву ее

загладить. Быль не укор народу. Нет великой державы, которая не была бы в последнее столетие разбитой. Позор не тем, кто несет поражения, а кто мирится с ними <...>

Пусть же **военное сословие, меч и щит России**, не слушает речи штатских обольстителей. Пусть наша армия поймет и взвесит то, что видит весь мир и видит Бог. Пусть прочувствует свои недостатки и вознегодует на них, пусть отречется от них навсегда. Сознание грехов есть победа над ними, победа жизни над смертью. Со скорбью и отвращением, проклянув свою случайную слабость, пусть армия даст Отечеству надежду, что тяжелый кошмар прошел, что великое прошлое наше повторится. (10)

Л. КАРСАВИН

Вопреки весьма распространенному предрассудку, — очень часто, если не чаще всего, — как *раз армия является наиболее ярким и наиболее стойким, организованным носителем народных идеалов и традиций*. Это определяется «народною» природою армии и складывается тем больше, чем она «народнее». Правда, не армия развивает и обосновывает народную идеологию, она ее лишь приемлет, впитывает и хранит как нечто уже данное и, естественно, упрощая ее, живет не ее проблематикой, а общими основаниями. Но именно потому армия и *традиционалистичнее*, чем другие объединения и организации; именно потому народные идеалы живы в армии еще тогда, когда в обществе они уже не существуют или перерождаются, а сама армия нередко является искупительною жертвою за старые и не ею совершенные грехи. *Но именно в связи со своею обращенностью к прошлому армия более обращена к реальному будущему народа*, чем так называемые «прогрессивные» (то есть мечтательно-абстрактные) элементы общества. *В силу своей консервативности армия истинно прогрессивна*. Такою была русская армия; и только русское общество никак не могло этого понять, как не заметило оно до сих пор и того, что в эпоху дезорганизации старого государства русского одна армия была здоровою организующей силою <...>

Армии не только ставили в вину то, что правительство пользовалось ею для полицейских репрессий, но упорно искажали образ армии. Думали о том, что на войне убивают; но не думали, что на войне умирают. Видели привилегированное положение военных, но не удосужились заметить, что привилегированное положение, к тому же преувеличенное, более чем оправдывалось бескорыстною жертвою собой не за себя, а **за Россию**. Ибо можно заподозрить в своекорыстии купца, промышленника, рабочего, крестьянина (не говоря уже о политике), хотя тут и привыкли говорить о великом значении труда; но нельзя считать своекорыстным идущего на смерть солдата и офицера, хотя бы и не принято было говорить о великом значении жертвы. Неужели же и теперь, после войны и революции трудно понять самоочевидные истины? — Армия не организация истребления, а

организация народного самопожертвования за честь прошлых и благо будущих поколений. И если правда, бескорыстная жертва не остается бесплодной, испытания русской армии во время войны и русского офицерства во время революции — залог великого будущего России. (11)

А. СВЕЧИН

Родина — это мечты, отечество — долг; родину любят, отечеством — гордятся. Родину защищают, за нее умирают; во имя отечества наступают и одерживают победы <...> Гибель народа начинается тогда, когда он теряет способность смотреть в лицо действительности; когда он факты действительной жизни начинает подменять фантазией; начинает мечтать и засыпать. Забвение действительности — сон нации — это смерть. (12)

М. МЕНЬШИКОВ

Военная служба преимущественно перед всеми *держится на идеализме*, совершенно бескорыстном, *на поэзии дела, на той священной религии патриотизма*, без которого солдат — пушечное мясо <...> Военное сословие нужно держать в особой атмосфере, насыщенной мыслью о войне, поэзией войны, религией войны. (13)

П. ИЗМЕСТЬЕВ

Нам нужна армия, сильная своим духом, сильная своей дисциплиной и знанием своего дела, сильная верой в тех, кто ею руководит.

Без знания своего дела, без надлежащей подготовки всего командного и личного состава армия в век грандиозных успехов техники всегда будет иметь поражения. (14)

М. ДРАГОМИРОВ

Мы нетерпеливы и бессознательно расположены все мерить на один свой век, забывая, что существо, называемое армией, живет тысячелетия, а не 50, 60 лет, как мы... (15)

А. НЕЗНАМОВ

Высокое призвание армии требует особых забот об ограждении *чести* ее. В ней могут быть, как и везде, люди разных способностей, но бесчестные, загрязненные нравственно нетерпимы. Тем более, должна быть честь ее ограждаема извне. (16)

М. ДРАГОМИРОВ

Военный начальник, как бы он маловажен ни был, должен быть рабом только одного *закона*, но ничьего произвола... Чем человек независимее, тем он в такие минуты (когда нужен успех. — Ред.) подчиняется безусловнее, внося в дело не одну послушность трупа, а вместе с нею и всю энергию и предприимчивость существа самостоятельного. (17)

А. ГЕРУА

Для устроителя вооруженной силы государства вся трудность задачи и заключается именно в наилучшем и разумном взаимном расположении сил и использовании природных достоинств народа, то есть все дело «*в отличной организации*» <...>

Памятуя о том, что в нынешних переменных армиях только одни *офицеры* не меняются, что лишь они — *истинные солдаты*, носители духа армии, основа устойчивости ее организации и что *без них нет армии*, — должно не жалеть денег на образование этого якоря вооруженной силы государства. (18)

А. РЕЗАНОВ

Честь и слава Родины покоятся на совести офицерского корпуса, ибо *сила армий не в количестве войск, а в качестве их руководителей*. (19)

А. ДЕНИКИН

Нигде *значение отдельной личности* не может быть так велико, как в армии. Военная история знает немало примеров, как молодые войска, — весьма невысокой боевой пригодности, — в руках настоящих начальников становились скоро первоклассными; и как другие войска, раз получив прочную закалку, сохраняли отличные боевые качества при самых неблагоприятных условиях. (20)

А. КЕРСНОВСКИЙ

Народ, как и часть народа — армия, как и часть армии — полк, это не только те, кто есть, но и те, кто был, и те, кто будет. (21)

* * *

Армия — носительница чести Народа и охранительница Государства пользуется вниманием и заботами Государства и Народа. (22)

III. Армия и политика

А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Армия призвана служить самым жизненным интересам государственного организма; государство вверяет ей охрану своей независимости, целостности, своего правового порядка. Чтобы быть действительно могучей силой, на которую государство могло бы опереться в каждую минуту, армия должна быть силой, сплоченной единым духом — духом повиновения закону<...> *Армия по самому существу своему не должна быть причастна политике; она не должна рассуждать, а лишь повиноваться.*

Участие армии в политических собраниях и союзах представляется опасным именно в том отношении, что может развить в ней партийность и повести не только к ее разъединению, но и внутреннему разложению. Военнослужащий, состоя членом того или другого политического союза или принимая участие в том или другом политическом собрании, исповедует, понятно, определенные политические убеждения; он публично их высказывает, он борется за них; **дух партийности** и политических страстей несомненно последует за таким лицом и в среду военной организации. При таких условиях в армии может возникнуть **внутренний разлад**; развитие в ней политического азарта может извратить ее значение как института общегосударственного и сделать ее опасной для государства, так как **обращаясь в орудие политической борьбы партий, она может стать против закона и власти.**

Упадок воинского духа и присвоение армии опасной и несвойственной ее существу и назначению политической роли в государстве — вот возможные следствия права участия военнослужащих в политических обществах и собраниях. Бедствия, грозящие государству от такого положения вещей, неисчислимы <...>

Армия, как справедливо заметил французский военный министр Цурлинден (1885 год), может служить непоколебимым орудием для охраны законности лишь тогда, когда все личные мнения и убеждения военнослужащих преклоняются перед величайшей обязанностью — обязанностью отдать себя, сильными своим единством, на *служение законному правительству* для поддержания порядка и закона внутри государства и для энергического отпора внешних врагов. А это возможно лишь тогда, когда армия будет стоять совершенно в стороне от борьбы политических партий и страстей. (23)

Н. Б-Л-СКИЙ

Армия представляет собой организованную силу государства, одухотворенную сознанием своего высокого долга сохранить унаследованную от предков территорию и

оградить мир и порядок в родной земле, обеспечивая свободу и имущество каждого гражданина государства. Воплощая в себе государственное единство, армия не может принадлежать какой-либо партии в государстве, а должна подчиняться лишь повелению Верховного вождя государства.

Исходя из этих основных положений, мы не можем причислить себя ни к одной из партий, как бы ни была симпатична ее цель, а **должны стоять вне партий, преследуя общее благо** по указаниям Верховного вождя всего русского народа, тем более, что и среди группы порядка есть частные разногласия, которые могут внести раскол в армию, что само по себе недопустимо. Такого взгляда держатся все правительства всего света: деспотические, монархические, республиканские. Горе тем странам, где армия занимается политикою <...>

Мы должны помнить, что **мы, офицеры и солдаты, составляем одно нераздельное целое и служим не партии, а всему государству** под верховным руководством Царя. Отказываясь от посещения политических собраний, **мы не должны и не можем угасить в себе и в солдатах интереса к текущим событиям.** Для офицеров существуют военные собрания и книги, а нижних чинов мы сами обязаны посвящать в сущность текущих дел, освещая их с точки зрения военного долга. Дело это, впрочем, крайне важное и деликатное, а потому командиру полка надлежит поручать его самым испытанным офицерам, дабы объяснения неопытного молодого офицера не могли послужить во вред делу. Сами командиры частей, пользуясь разными случаями, не должны избегать бесед с солдатами; той же цели могут служить и приказы высших начальников <...>

Разъясняя отрицательные и вредные учения революционеров, мы не должны упускать из виду, что всякий человек может энергично действовать лишь при ясном сознании своих целей, которым он может так или иначе содействовать, **каждый солдат должен знать свой маневр, и нам необходимо выяснить задачи армии как постоянные, так и временные.** В настоящее время... армии предстоит великая плодотворная исторически задача охранить порядок, чтобы земским людям, нашим отцам и братьям, дать возможность собраться и спокойно избрать депутатов в Думу, охранив их от покушений революционеров, стремящихся захватить власть в свои руки и не допустить созыва Государственной Думы. Мы должны охранить и самую Думу, чтобы она могла спокойно обсуждать задачи, от которых зависит будущее благосостояние, процветание, самое величие и цельность нашей империи.

Мы должны также неустанно указывать на постоянные задачи армии охранять мир и спокойствие нашей родины и тем достигать торжества русского государства между родственными нам славянскими народами и во всем свете. Мы хотим, чтобы русское имя было уважаемо, как и прежде, всем миром; мы хотим, чтобы все народы под державою

Русского царя славили Бога по своей вере и благословляли свою судьбу. Все это возможно, если мы будем прислушиваться к биению своего русского сердца и отворачиваться от наветов наших врагов, которые все силы направляют, чтобы расшатать устои русской силы и русской армии в особенности (24).

А. ВОЛКОНСКИЙ

Что такое конституционное отношение к армии?

«Конституционный»: не включает ли это слово в себя понятие законного, закономерного, подзаконного? А если так, то очевидно, что *конституционным требованиям соответствует лишь та армия, которая:* 1) верна законной верховной власти, 2) верна своему внутреннему закону — дисциплине, 3) беспрекословно выполняет законные приказания законной исполнительной власти и, наконец, 4) та, которая стоит на страже закона, а потому — внепартийна...

Армия должна быть бесстрастным орудием существующего правительства. Не вовлекайте войско в политическую борьбу, возводя на него недоказанные обвинения и восторгаясь появлением (должно быть, мнимых) офицеров в толпе манифестантов. **У армии может быть только одна политическая программа — присяга.** Этого требует благо прежде всего народа. Стремление увлечь армию в партийные дебри есть преступление не против власти только, а против целого народа. Ибо все в государстве меняется, но народ пребывает; если войско сдвинуто с почвы бесстрастного выполнения приказа законной власти или если рядом с войском создалась милиция, то на долгие годы нарушено будет равновесие государственного корабля; в потоках народной крови будет тогда переходить вооруженная сила с одной стороны корабля на другую, раскачивая государственное начало. Толкать армию на это преступно, преступно перед всем русским народом <...>

Армия бывает вне политики, только пока она охраняет установленный законом государственный строй; армия ни за народ, ни против народа, она — за закон. Армия, которая пошла бы с народом против существующего строя, тем самым, очевидно, перестала бы быть вне политики <...>

Армии недоступны иные формы служения народу, кроме соблюдения присяги. Народ не исчерпывается одним поколением. Служба народу — не в том, чтобы потакать страстям современников, а в том, чтобы сберечь созданное работою предков наследство добра и передать его в обновленном виде будущим поколениям для дальнейшего роста его, пока народ не проявит миру все заложенное в него от века семя добра.

Когда страсти с болезненной силой охватят человека, нужна тяжелая, но спасительная рука друга, чтобы ошибки дней не сгубили целой жизни. Одно поколение в жизни народа —

то же, что год в человеческой жизни. *А поколение наше больное, оно бредит, мятется; только стальная сдержка армии может спасти его от гибели в болезненном буйстве, только под ее охраной может быть выкована прочная, творческая и спасительная реформа; иначе в дряблом теле, истерзанном междоусобием, неминуем хаос разложения...*

Понятно, было бы желательно освободить армию от тяжелой обязанности усмирения сограждан, чтобы она могла отдаться своему главному делу, а для «внутреннего врага» иметь какие-либо специальные войска. Но для этого, помимо других данных, необходимы специальные миллионы. Заметим, что и при наличии подобных войск за армией все же осталась роль резерва полиции, только из резерва первой линии она перешла бы в резерв второлинейный. (25)

ЭЛЬ-ЭС

Я слышу то призывы: «где же войска? где охранители порядка?», то слышу порицания и обвинения офицеров и солдат, когда они силой оружия подавляют смуту. Одни видят в армии защиту, другие — угнетателей. Тяжела наша роль теперь, тяжелее, чем на войне, но никто не хочет понять нашу душу — душу армии.

*Как дети великой родины, мы бодем и радуемся вместе со всеми гражданами отечества общими радостями и печальми. Не чужды нам и понятны не только наши военные удачи и неудачи, но и все, что делается в России; но у нас есть еще одно, наше, особенное, в чем вся наша сила и значение, — у нас нет разных партий и союзов, потому что у нас одна партия — **отечество**.*

Мы не стоим за какую-нибудь политическую партию, мы держимся особняком, потому что хорош или плох режим, одно остается неизменным — **наша священная обязанность и высокое право умереть за родину, когда пробьет грозный сигнал боевой тревоги**. Мы не рассуждаем, почему война, кто прав, кто виноват, потому что — права или виновата в своем несчастье наша родина — она требует защиты, она в опасности; значит, надо ее защищать, а не рассуждать. **Своей кровью или жизнью должны оправдать те миллиарды, которые тратит на нас народ**. И мы должны идти на смерть беспрекословно; хорош или плох генерал, ведущий в бой, любим или нелюбим — в час опасности это должно быть безразлично, потому что несокрушимо и незыблемо одно: все та же наша святая для нас родина.

И теперь, во время внутренних смут, мы не должны и не можем смущаться теми обвинениями, что сыплются на нас, будто мы идем против народа.

Это ложь!

Мы — тоже народ, но мы тем отличаемся от других своих сограждан, что не преследуем никаких личных целей, ничего своего, ничего для себя. Мы существуем для

родины, а потому-то мы и верны и преданы пославшим нас, потому что мы нужны и полезны родине только тогда, когда в нас есть *вера и верность*, пока мы представляем надежный оплот руководящей власти, пока можно нам верить и не колебаться в нашей верности, запечатленной кровью. Мы должны быть выше партий, интриг, мы должны стоять отдельно не потому, что мы «опричники», а потому, что в тяжелые, ужасные дни, когда все колеблется, остается одно в России верное и сильное — армия. И пусть люди, измученные всеобщим потрясением, скажут себе со спокойной уверенностью: не все в России рушится, есть еще несломленная сила, есть еще люди, для которых клятва на кресте и перед именем Царским не звук пустой, а глубокое убеждение, символ веры нашей, клятва на жизнь и смерть. Вот ради этого обета мы и беспрекословно на все, что законно требуют от нас. Не унижать нас надо за это, а уважать. **Мы не изменники народу, а мы просто честные солдаты, сознающие, что только тогда представляем собой опору родине, пока мы сохраняем верность своей клятве.** Иначе мы будем опасный вооруженный сброд, от которого погибнут и общество, и Россия <...>

Мне совсем не смешны грозящие в перспективе кровавые последствия разложения армии и государства, чего так страстно ждут наши освободители от прежней славы и мощи России, но **я никогда не видел выхода и спасения в созидании реформы путем вооруженной силы, увлеченной в вихрь политических междоусобиц.** *Я вижу в армии оплот законности*, но не оплот вечно изменчивых политических течений. *Армия, как скала, должна остаться незыблемой перед потоком разрушения, но она же не может и не должна быть оплотом насилия и произвола с чьей бы то ни было стороны.*

<...> Пусть не забывает Россия, что только под защитой штыков может свободно дышать великое государство в наш век железа и крови! (26)

А. ВОЛГИН

Политика, политическая деятельность — это такая деятельность, которая имеет целью изменить законы и вообще порядки в государстве; каждая партия стремится изменить законы так, как она считает лучше. Одни партии хотят вернуть старое, другие хотят вводить новые порядки постепенно, наконец, третьи — хотят сразу все перевернуть вверх дном. Так или иначе, но *все партии хотят перемен и борются друг с другом, чтобы перемена произошла именно так, как такая-то партия хочет.* **Вот в этой борьбе армия и не должна участвовать.** Менять законы не дело армии; ее дело одно — охранять те законы и тот государственный строй, который существует «сегодня» <...> **Дело армии поддерживать не партию, а закон, законный порядок, законную власть.**

Почему войско должно стоять вне политики и вне партий — это всякому понятно. Покуда армия занята своим прямым делом и слушается только законной власти, до тех пор она, во-первых, составляет крепость страны против других государств, во-вторых, охраняет внутри государства порядок хотя бы и несовершенный и обеспечивает безопасность всей массы населения. *Как только армия присоединяется к какой-либо партии, она превращается в величайшую опасность для государства:* у армии в руках страшная сила, и она станет решать дело своей партии не словами, а этой силой — оружием <...> Ясно, что вмешательство армии в политику может навлечь на страну позор и ставит ее на край гибели.

Армию можно сравнить с балластом, который лежит на дне корабля. Пусть воеет буря, пусть волны раскачивают корабль, пусть на палубе без ума мечутся пассажиры, пусть даже между капитаном и офицерами идет спор, вперед ли, назад ли направить путь корабля, но покуда балласт прочно лежит на своем месте, есть еще время спастись кораблю.<...>

Кто бы мы ни были, какого бы племени, какой бы партии, веры, какого бы звания и состояния ни были мы, нам надо понять, что армия — это наше общее достояние, что разрушение армии есть начало разрушения нашего общего дома. Чего бы отдельная партия ни желала, ее желания никогда не исполнятся, если будет разрушено наше военное могущество. Если в государстве погибла военная сила, все погибло. Не только те партии, которые желают установления порядка, законности и свободы, никогда не увидят исполнения своих надежд, но и анархисты от разрушения родной армии ничего не выиграют: родная армия заменится иностранной <...>

Убережем же наше русское войско. От этого зависит, быть или не быть России. Я уже не говорю о самих военных, не к ним моя речь. Они сами должны знать, что в наши дни каждый их проступок против дисциплины во сто раз опаснее для целостности армии, чем в прежние годы. Но я обращаюсь ко всем, кто не в армии, кто извне работает над ее разрушением. Обращаюсь ко всяким партиям и говорю: «Оставьте нас, военных. Прочь партийные руки... Мы без вас знаем нашу дорогу, на ней ясные вехи: присяга, закон, дисциплина. Идя по этому прямому пути, мы сослужим родине службу; увлеченные с него вправо или влево, мы заплутаемся сами и сгубим Россию»...

Армия может сослужить службу народу и теперешнему историческому движению, но только одним путем: сохраняя верность присяге, удвоив в своих рядах дисциплину. Котел кипит, в нем совершаются бурные химические процессы; они могут прийти к благополучному концу, но для этого стенки котла должны быть прочны, иначе разольется жидкость и желанный процесс не завершится. Кипит народ, а стенки котла — это войско. И, выполняя наш незаметный ежедневный долг дисциплины, мы будем непрерывными ударами сотен тысяч молотков упорно продолжать ковать этот котел, чтобы он не давал

трещин; мы опояшем его стальным обручем верности присяге, чтобы он сдержал всякий напор пара, чтобы пар выходил лишь в законом указанный клапан. Мы дадим этим время завершиться процессу; этим мы сохраним будущим поколениям и царскую власть и свободу.

(27)

А. ДЕНИКИН

В особенности роковым образом на русском офицерстве в дни революции отразилось то поразительное неведение, которое проявляло оно в вопросах социально-политических. **«Армия — вне политики»**, — *эта верная по существу формула исключает ведь только активную политику*, но не должна обезоруживать людей, поставленных во главе мятущегося «народа в шинелях», лишая их элементарных познаний для уразумения свершающегося.

* * *

<...> В известных кругах стало модным высмеивать формулу «Армия — вне политики» и приписывать ей развал императорской армии и неуспех Белого движения. Какое-то нелепейшее смешение понятий: национального, патриотического воспитания и ... ортодоксального исповедования партийных программ. В особенности, когда программы эти фабрикуются.

Русская императорская армия была действительно беспартийной. С малограмотным, к великому сожалению, политически, но обладавшим высоко развитым патриотизмом офицерским корпусом, который сумел поддержать дух в кадровых рядах. Настолько, что об него разбились волны первой революции. Беспартийной она была и первые два с половиной года мировой войны, хотя мобилизация обратила ее в вооруженный народ, увы, не принесший с собой ясного сознания необходимости великой жертвы... Развал армии наступил именно тогда, когда поротно начали решать вопрос об аннексиях и контрибуциях и — быть ли России республикой с президентом или без президента. И трагедия нашего офицерства в то страшное время заключалась вовсе не в том, что оно не имело какой-то своей политической программы, а в том, что оно оказалось безоружным и беспомощным, не умея ответить на целый ряд идей, хлынувших в армию, которые солдатская масса не в состоянии была переварить. <...>

Армии строятся из граждан, а не партийцев. И не только в нормальных условиях, но и в гражданской войне. Так было в Добровольческой армии, так есть у Франко.

Армия идет не за программой, а за идеей.

Генерал, офицер, солдат могут стать на любой ступени государственной иерархии и строительства. Но армия, как таковая, призвана строить военную мощь страны и защищать ее против поработителей внешних и внутренних. Не политические программы, а

национальное самосознание и патриотизм могут дать правильное определение тех и других.

(28)

В. ТАТАРИНОВ

В демократических государствах армия стоит вне политики и в политику не вмешивается — чинам армии запрещается принимать участие в выборах, ходить на политические собрания, состоять в партиях и т.д. **Такое специальное положение армии основывается на двух соображениях:** 1) внесение политики в армию подрывает дисциплину и вносит разделение, что уменьшает боеспособность войска и 2) вмешательство армии в политику может повести к тому, что армия будет поддерживать интересы какого-либо одного лица, партии или класса и, обладая вооруженной силой, может навязать волю меньшинства всему народу <...>

Такой порядок представляется вполне естественным и изменений не требующим. *В нормально живущем государстве, управляемом лицами, перед народом ответственными, все национальные интересы обеспечены, в том числе обеспечены и интересы армии, заключающиеся в предоставлении ей возможности выполнять поставленную перед ней задачу.* В таких государствах правительство может быть хорошим или плохим, но оно не может в течение сколько-нибудь продолжительного времени вести антинародной политики, потому что рано или поздно будет свергнуто вполне легальными путями, — для армии, таким образом, нет никакой необходимости вмешиваться в политику, и ее высший командный состав является только техническим советником правительства<...>

В России оппозиционные и революционные круги видели в армии оплот самодержавия и помеху освободительному движению, — однако и здесь мнение это нельзя признать обоснованным. Не раз в истории нашей родины армия, руководимая гвардейским офицерством, выступала против монарха, и если это офицерство думало о защите своих сословных интересов, то вместе с тем оно защищало и общенациональные интересы, — так было во время заговора против Павла I, этого «сумасшедшего с бритвой», и в особенности это сказалось во время восстания декабристов, когда гвардейское офицерство хотело установить в России конституционный и даже республиканский строй.

При последующих царствованиях армия действительно стояла на стороне самодержавия, но прежде всего потому, что *она считала своим долгом в политику не вмешиваться*, а кроме того, несмотря на прогрессивный рост революционного движения, самодержавие все же пользовалось сочувствием народа. Но по мере расхождения власти и населения *оппозиционный дух все сильнее проникал и в армию*, на что указывают не только восстания солдат и матросов, но все растущие симпатии офицерства к умеренно левым, а

потом и к революционным партиям. Под конец войны в оппозиции к монархии находился весь высший командный состав, и революция была поддержана не только солдатской массой, но и всем офицерством до великих князей включительно <...>

Таким образом, мы можем сделать следующие заключения:

1. *При нормальных условиях армия в политику не вмешивается* и стоит на стороне правительства, отвечающего широким национальным интересам, как в демократиях, так и в монархиях, так и в странах диктатуры.

2. Армия, на которую выпадает самая страшная часть национальных задач — отстаивание интересов страны с оружием в руках ценою крови, **нуждается в условиях, наилучшим образом обеспечивающих выполнение этой задачи.** Эти условия прежде всего заключаются в хорошей экономике: цветущем сельском хозяйстве, дающем продовольствие, хорошо развитой добывающей и обрабатывающей промышленности, здоровых финансах, безукоризненном транспорте и т.д. Без этих условий ведение войны невозможно, но хорошая экономика может существовать только при хорошей политике, заключающейся в том, что власть и ее методы действия отвечают интересам страны, что страна довольна властью и доверяет ей и готова принести самые тяжелые материальные и моральные жертвы. Войну вести возможно только при условии общенациональной солидарности и внутреннего мира.

3. *Когда эти условия не соблюдаются, то армия перестает поддерживать правительство, становится к нему в оппозицию, начинает влиять на правительство, стремясь направить его на путь общенациональной надпартийной политики и, в конце концов, берет власть в свои руки.*

4. Современная армия является вооруженным народом, поэтому *армия не может в течение сколько-нибудь долгого времени проводить антинародной политики и противопоставлять себя народу.*

5. *Вмешательство армии в политику, нежелательное и вредное в периоды нормальной жизни, становится неизбежным и оправданным в периоды политической и социальной неустойчивости, когда государственный строй не отвечает интересам нации, а борьба партий и классов, сопряженная с уклонами вправо и влево, этим интересам угрожает.*

В таких случаях армия является элементом, способным обеспечить порядок и гражданский мир, а также и обеспечить неприкосновенность государственной территории. Но вожди армии должны правильно понять народные интересы и требования, так как иначе выступление армии будет обречено на неудачу, что мы видели на примере Белого движения в России <...> (29)

Б. ХОЛЬМСТОН-СМЫСЛОВСКИЙ

Армия должна только с винтовкой у ноги стоять на страже своей исторической государственности, а если ее пока нет, то на страже ее государственной идеи и быть готовой во всякое время не допустить новых экспериментов над измученным телом своей родины.

* * *

Мы — профессиональные военные — воспитаны в рамках суровой дисциплины. Мы привыкли признавать только законные авторитеты. И не заниматься политикой. В особенности, когда она несет революционную идеологию. Больше того, профессиональные солдаты не любят политической атмосферы, а потому крайне неохотно вступают в общение со всякими политическими, революционными движениями, даже если этого настоятельно требует слагающаяся новая боевая обстановка.

А между тем сегодня каждый военный, от солдата до полководца, офицер генерального штаба и строевой командир должны глубоко ознакомиться с общими принципами политики и научиться государственно-политически думать.

Полководцы и командиры, преследуя свои стратегические, оперативные и тактические цели, должны, планируя и выполняя вышеуказанные задачи, уметь государственно думать и не забывать, к каким политическим целям могут привести задуманные или проводимые ими боевые операции.

Нашим лозунгом должно быть: стратегически планировать, оперативно рассчитывать и тактически действовать, не переставая пребывать в реальной сфере государственной политики. (30)

IV. Пути воссоздания вооруженной силы

Д. МИЛЮТИН

Ныне под свежим еще впечатлением последнее неудачной войны наше военное министерство снова принялось усердно за пересмотр и переделку множества положений, уставов и форм. Работы эти, конечно, весьма полезны и желательны, но ограничиваться частными улучшениями нельзя в переживаемое нами время, живо напоминающее мне первые годы после Крымской войны. Как тогда, так и теперь (1909 год. — Ред.) **положение России требует принятия крупных мер общегосударственных и специально-военных для поддержания и ограждения ее мирового политического значения<...>**

В случае новой неготовности к войне на Крайнем Востоке никакие бюджетные соображения не оправдают нового позора для России. **Готовность к войне предотвратит**

самую войну, которая во всяком случае обошлась бы несравненно дороже, чем прибавка даже нескольких десятков миллионов нашему бюджету <...>

Немыслимо образовать заранее, в мирное время, готовые армии в полном составе; пока еще не выяснено, с кем будем воевать, с какими целями, на каком театре войны, — это было бы новой ошибкою, которая не только превысила бы финансовые средства самого богатого государства, но и могла бы идти вразрез с его международной политикой <...>

С высказанною выше невозможностью постоянного в мирное время существования *армий* является совершенная необходимость в постоянной организации вооруженных сил дать самую полную самостоятельность *корпусу*, как в строевом составе, так и в военно-административном, и хозяйственном. Корпус, в моем понятии, есть готовая постоянно к войне *небольшая армия*, которая в соединении с другими корпусами прямо входит в состав *большой армии*, не требуя никакой новой импровизированной придачи и перестановки... Нормальным составом корпуса считаю не менее трех пехотных *дивизий*, а может быть усилен до четырех<...>

Современное направление военного дела требует в организации армий значительного увеличения так называемых **специальных родов оружия**, соразмерно с массою пехоты, большей специализации в службе каждого рода оружия <...>

Как в былое время на Руси приходилось устраивать наши войска по примеру западных государств с помощью приглашенных иностранных мастеров, генералов, моряков, — так и теперь приходится и впредь будет приходится **подсматривать, что творится за границей**, заказывать и покупать в чужих краях разные образчики новоизобретенных диковин. А между тем соперники наши все более и более нас опережают и заранее заручаются одержанием над нами верха, когда наступит роковой час борьбы. (31)

А. РИТТИХ

Не о сокращении армии следует говорить, а о ее улучшении, образовании, о ее **культурном развитии**, придав этой прекрасной армии все средства новейшей техники, с помощью которой она будет, сравнительно с выросшим населением, вдвое меньше, чем ныне, а стоить будет почти то же самое.

Действительно желательно, чтобы она не увеличивалась, так как и без того содержать 1 млн. людей мирного времени очень дорого, но вместе с тем **желательно, чтобы этот миллион был бы отборным войском**, с познаниями не ниже германской и даже японской армии. К такому отбору и подбору должны быть направлены теперь все наши усилия по обороне и управлению.

Не пройдет и десяти лет, как мы увидим, что **храбрейшие и величайшие армии не будут в состоянии бороться против малых сил**, которые из-под воды, с воздуха, на невидимом расстоянии в 10 и более верст станут громить, налетать как вихрь, ураган и уничтожать целые полчища инертно стоящих на том, что ныне кажется хорошо оборудованным. Необходимость требует такой же спешной, мозолистой работы, как при Петре Великом после Нарвского погрома в 1700 году. И если собственная наука у нас отстала настолько, что наша армия не может сравняться, по отпору и поражению, с иностранными армиями, то **следует посылать молодежь за границу поучиться у англичан, французов и немцев всему тому, чего у нас пока еще не имеется или что пахнет отсталостью и незнанием своего дела...** Теперь нужна работа неустанная, не думая о себе, а только о своих ближних людях, и будет им хорошо, будет недурно самому, семейству, войску, государству. Недаром повторяется: мне моя жизнь не дорога, лишь бы цвела и благоденствовала Россия. (32)

Ал. МАРИЮШКИН

Если государству нужна здоровая семья и здоровая школа, то еще более необходима здоровая армия, надежно обеспеченная, национально воспитанная и прекрасно обученная.

Армия должна составлять предмет народной гордости и быть действительно армией по существу, а не только видимостью, которая не только бесполезна, но и опасна.

Надо воспитать народ в сознании, что его благоденствие, его отдых, его труд и величие его страны целиком покоятся на его армии, как главном фундаменте государственного здания, и притом фундаменте, готовом во всякое время обеспечить все народные достижения от чьих бы то ни было посягательств.

Как бы ни были заманчивы идеи о всемирном братстве, но оно еще бесконечно далеко. Если люди еще до сих пор не научились как следует любить свое отечество, — то вряд ли можно поверить, что они научились любить весь мир.

Судьбы и счастье народа в его собственных руках.

Война явление страшное, но еще более страшное явление — это *поражение*, и пока человеком не найдено решения для предотвращения войны, надо напрячь все усилия, чтобы это поражение не случилось.

Только наличие грозной армии и техники может отсрочить и даже предотвратить войну, не прибегая для этого к унижительным для достоинства нации уступкам.

И какие бы этапы своей истории ни переживал народ, — будет ли он в славе или в беде, хочет ли он мира или восстановления своего права, достиг ли он верхних ступеней своих возможностей или только приближается к ним — он неослабно должен постичь всю глубину и тайну двух слов: **«ПОМНИ ВОЙНУ!»**

* * *

Одним из важнейших вопросов, поставленных на очередь минувшей войной, является **вопрос о численности будущих армий.**

Будут ли народы и государства испытывать прежнее направление, связанное с развитием и содержанием своих вооруженных сил, или настанет, наконец, время, когда прекратится или, по крайней мере, ослабнет и это напряжение и вообще соревнование между народами в направлении увеличения численности своих войск? <...>

С появлением новых средств техники, химии и, вероятно, бактериологии — **можно ожидать, что армии будущего еще возрастут, особенно будущего ближайшего.**

Помимо армий фронта каждое государство будет иметь *армию тыла*, которая захватит в свои руки лаборатории, фабрики, заводы и мастерские для выполнения срочных потребностей фронта.

Таким образом в будущей войне каждое государство будет являть собой, поистине, вооруженный народ, где все население, способное к работе, без различия пола, станет военнообязанными и будет вовлечено в водоворот войны.

К этому надо быть готовым и заранее предусмотреть *мобилизационные планы*.

Несмотря на призывы к миролюбию, несмотря на открытый поход против милитаризма, политический и жизненный курс современных государств резко расходится с идеологией мира <...>

Уменьшение численности армий возможно лишь тогда, когда какая-нибудь страна преодолет боязнь риска и найдет выход, не привлекая народных масс, путем новой системы сделать свою армию такой, чтобы она надежно оправдала свое назначение.

Ибо только армия — страх и вернейшая опора страны, ибо только армия обеспечивает покой, труд и все достижения нации.

Если такое нововведение выдержит испытание на войне, только тогда можно ожидать, что эту реформу воспримут другие народы. <...>

Так в историю проникали новые принципы, создавалась новая тактика и видоизменялась организация.

Может быть, государства станут на путь добровольчества или даже вербовки. Может быть, перейдут на категорию политически здорового или имущего населения, как страховку против классовой войны.

Во всяком случае это вопрос отдаленного будущего и в нем важен дерзкий почин и притом почин, выдержавший опыт и себя оправдавший.

Несмотря на все усилия и старания, *ближайшее будущее не обещает больших перемен в этом отношении и следующая война опять разыгрывается с участием армий-полчищ.*

Разве только Германия скажет новое слово, ибо она поставлена в необходимость освободиться от навязанных ей ограничений.

Что же касается возможности войны, то она неизбежна, ибо только война может разрядить ту территориальную, политическую и экономическую путаницу, в которой закружились народы Европы.

Отсюда вывод, что тот, кто не хочет быть застигнутым врасплох, *пусть воздержится от экспериментов*, которые всегда балансируют на границе удачи и банкротства, и *пусть культивирует свою армию на прежних началах, не забывая, однако, что качество всегда важнее количества* <...>

* * *

Только народы высокого духа способны выдержать напряжение современной войны, страшной и беспощадной.

Трудно представить себе те условия, в которых будет протекать война будущего. Казалось бы, что развитие военной техники должно привести если и не к постепенной замене на полях сражений человека машиной, то во всяком случае к сокращению числа действующих войск. Однако, сопоставляя данные минувших войн, можно установить, что *армии растут пропорционально развитию техники*. С началом войны на арену действий снова будут брошены миллионные армии, ибо участь сражений все же решает человек, а не машина. Так было, так будет. Всякое техническое средство, как бы оно ни было испытано и совершенно, может в нужную минуту не только отказать, но и встретить контрсредство. Кто может поручиться, что где-нибудь не ведутся исследования в той области, чтобы привести к бездействию работу враждебной авиации, на которую теперь возлагают так много упований. *Вручать судьбу страны в руки машины рискованно* <...>

Повышающаяся везде преступность свидетельствует о том моральном разложении народа, от которого недалеко до катастрофы. Отсутствие твердой власти, партийность, компромиссы в борьбе с разлагающим началом пропаганды идей разоружения, послабления, уступки и пр., — вот та атмосфера, в которой вырастает современная народная масса. *При наличии подобной атмосферы народ обречен на неминуемое вырождение и духом и телом.*

Такой народ не даст здоровой армии. Такой народ не обещает надежного тыла. Его назначение — не развиваться, а доживать.

Разве не показательно, что силу современных армий теперь принято расценивать в зависимости от технического оборудования. Моральный элемент страны, эта важнейшая из данных, обыкновенно не учитывается; как не учитывается выносливость, сила духа, племенная впечатлительность. И в этом отметании моральных данных незримо надвигается *опасность для военного искусства* вообще, которое из стадии творчества переходит в стадию ремесла.

Мир заблудился в поисках материальных пристаней. Человечество, выявив новые идеи, толчется на распутье. (33)

Н. ГОЛОВИН

Мы строили нашу теорию боя на таком расточительном расходе крови, которое не могли выдержать даже самые лучшие войска в мире. Вместе с тем мы плохо учитывали зависимость «духа войск» от причин социального и политического характера, причин, получивших особую силу и влияние после превращения профессиональной армии в вооруженный народ <...>

Минувшая война только еще раз подтвердила громадное значение духовных факторов для победы. Для того, чтобы одержать последнюю, нужен прежде всего сильный дух. Руководители нашего военного министерства совершенно не учли, что современная армия, превращающаяся с объявлением войны в вооруженный народ, должна черпать силу своего духа в гуще самого народа, уподобляясь Антею, нуждавшемуся для притока сил в прикосновении к своей матери-земле. А для этого есть только один метод — **территориальная система комплектования**, когда земляки дерутся вместе, когда каждая волость, уезд, маленький город может узнать «своих героев» и окружить их заслуженным ореолом уважения и, обратно, заклеить презрением своих трусов. Территориальная система создает здоровые гигиенические социальные условия, при которых автоматически вырастает общественный контроль самого народа над «духом» своих войск <...>

* * *

Маневренно способная армия — это высшее выражение качественно хорошей армии... К формам позиционной борьбы мы будем вынуждены прибегнуть с самого начала войны лишь для прикрытия Петрограда; на всех других участках Западного фронта даже оборона должна носить ярко выраженный характер маневра; следовательно военно-географические условия борьбы на нашем главном фронте требуют, чтобы будущая русская армия была бы доведена до **высшей степени маневренной способности**. Подобная

постановка вопроса имеет решающее значение для всех организационных мер по воссозданию российской вооруженной силы. Она далеко выдвигает вперед вопрос «качества» войск и высокой подготовки командного состава.

В частности, не может быть повторения ошибки, сделанной генералом Сухомлиновым и его сотрудниками, при формировании с объявлением мобилизации второочередных дивизий со слабыми кадрами. Это была погоня за количеством в ущерб качеству. При экономических затруднениях, которые Россия будет испытывать в деле соответствующего оборудования своей вооруженной силы материальной частью, непродуктивно давать дорогостоящие современные машины в руки неподготовленных к подвижной войне.

* * *

Война есть двусторонняя борьба. Качество неприятельских войск непременно на ней отражается... Таково положение во время войны. Но в мирное время оно несравненно труднее. Опыта нет, и только очень резко выраженные свойства противника могут быть учтены довоенной доктриной. Обратимся к «Науке побеждать». Суворов кладет в ее основу борьбу против наиболее сильного противника, а именно «против регулярных» <...>

Но если Суворов в эпоху, когда главный наш враг был турки, стоявшие на пути исторического движения России к берегам Черного моря, все-таки свою «Науку побеждать» строит на основе «регулярщины», то будущей России, нормальному развитию которой будут мешать соседи на Западе, тем более нужно **строить доктрину борьбы против организованной и технически оборудованной в современном смысле слова армии...**

Будущая российская вооруженная сила должна созидаться такими же методами. В основу ее должна быть положена идея готовности к борьбе с западными соседями при полном уважении к боевым качествам их войск и к современности их вооружения. Эта доктрина должна быть основной. Видоизменения же, нужные для борьбы в других условиях, должны составить предмет дополнительных разработок. (34)

А. БАИОВ

Для того, чтобы быть сильнейшим на решительном пункте в решительную минуту, нет необходимости иметь численное превосходство на всем поле сражения, хотя бы оно простиралось на многие десятки верст, ибо и здесь должно отдать преимущество качеству над количеством...

Наряду с этим нужно признать, что в настоящее время больше, чем когда-либо, в силу причин социальных, экономических и духовных и вследствие развития идей, с одной стороны, антигосударственных, а с другой стороны, националистических — **содержать вооруженные силы, численно громадные, для всякого государства гораздо труднее,**

тяжелее и менее материально выгодно, чем относительно незначительную армию, но зато хорошо подготовленную.

Таким образом, все говорит за то, что не только нет надобности, но гораздо полезнее в целях достижения конечной военной цели войны — одержания полной победы над врагом — и гораздо выгоднее, с точки зрения материальной и моральной тяжести для государства и народа, иметь в качестве средства для вооруженной борьбы не **«вооруженный народ»** и не **«полчища»**, а относительно **небольшую армию**, каковую только и можно отлично подготовить, то есть придать ей во всех отношениях **высокое качество**, это первенствующее свойство, дающее возможность быть сильнейшим на всех и на отдельных театрах войны, на каждом поле сражения и в решительном пункте его в решительную минуту.

Относительность при определении *«незначительной»* армии зависит от многих причин, и пределы ее различны для разных государств. Она зависит: от величины самого государства; от численности народа, его составляющего; от географического положения государства; от протяжения и характера его границ; от естественных его богатств; от промышленного и экономического его развития, его государственного смысла, силы и качества патриотизма, осознания им своей провиденциальной миссии, от его духовного развития, в частности от его религиозности и просвещенности вообще.

Все эти данные, обуславливая максимальную численность *«небольшой армии»*, в то же время должны определить ту **военную систему**, которая может обеспечить формирование, организацию, пополнение, снабжение всем необходимым и боевую подготовку армии, дающую ей наивысшее качество. (35)

Б. ШТЕЙФОН

Идея коммунизма может быть сокрушена только своей антитезой — национализмом. Поэтому, нравится ли это кому или не нравится, но крайнее **усиление националистических чувствований после падения коммунизма** столь же неизбежно, как весна после зимы. В связи с возрождением духа будет обречен на забвение и комплекс тех гиблых рационалистических идей, который завел в тупик мировое военное искусство...

И не надо быть пророком, чтобы предвидеть, что в процессе будущего военного строительства стихийно возникнет **культ Суворова как величайшего представителя качественного (духовного) начала.** Предвестником такой эволюции является тот глубокий интерес к мистике суворовского учения, какой обнаруживает русская эмиграция!

Вынужденная отказаться по соображениям идейным и финансовым от системы полчищ, национальная Россия должна избрать систему **«отборных (малых) армий».** Распространенный в нашей литературе термин *«малая армия»* очень неудачный и весьма

затемняет истинный смысл этого понятия. Быть может, название «отборная армия» будет более понятно и полно выражать идею «качественных войск». Пользуясь случаем, полезно оговорить, что будущая российская «отборная (малая) армия» мыслится сторонниками этой системы примерно такой же численности, какой была Императорская армия мирного времени (36).

А. КЕРСНОВСКИЙ

Конец XVII и почти весь XVIII век — с их «кабинетными войнами», веденными за государственные интересы *профессиональными армиями* — были золотым веком человечества. Война велась без ненависти к врагу. Были только противники, упорные и свирепые в бою, учтивые и обходительные после боя, не терявшие чувства чести в самом жарком деле. **Профессиональные (и полупрофессиональные армии) сообщали войнам оттенок гуманности**, впоследствии совершенно утраченный... Заменяя профессиональные «воспитанные» армии свирепыми народными ополчениями, человечество усугубило бедствия войны <...>

Изжив психоз «вооруженного народа», придав вооруженной силе характер сколь можно более профессиональный и сообщив нашей жизни сколько можно более церковный дух, мы освободимся от петли, наброшенной на нашу шею доктринерами 1789 года и их последователями. Войне можно будет тогда придать характер «доброкачественной язвы» вместо злокачественного фурункула и можно будет опять говорить о военной этике <...>

В основу организации вооруженной силы русская национальная военная доктрина всегда **кладет принцип качества и принцип отбора** («не множеством побеждают»). На идее отбора — привлечении в первую очередь дворянства — Петр и построил всю армию. **Русская армия XVIII века — прежде всего армия отборная**, этим и объясняются все ее подвиги в тот великий век.

Сама организация российской вооруженной силы — как Московского государства, так и Петровской империи — была бедствием нашей самобытности. «Мы мало сходствуем с другими европейскими народами», — писал Румянцев в своих «Мыслях по устройству вооруженной силы». Упадок нашей армии начался с подражания иностранным образцам при Павле (37).

ИСТОЧНИКИ

Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. 1647 год. — С. — Пб., 1904. — С. 25–29.

Письма и бумаги императора Петра Великого. — Т. IX. — Вып. I, — М. — Л., 1950. — С. 226–227, 177; Т. XIII. — Вып. I. — М., 1992. — С.284–285; Т. III. — С. — Пб., 1893. — С. 77; Т. XIII. — С. 40–41; Т. X. — М., 1956. — С. 363; Т. IX. — С. 82; Т. XIII. — С. 339; Петр Великий в его изречениях. — С. — Пб., 1910. — С. 88, 47, 51–51,40–41.

Румянцев П.А. Сборник документов. (Материалы по истории русской армии: Русские полководцы). — Т. II. — М., 1953. — С. 64, 665; Т. III. — М., 1959. — С. 522–536.

Суворов А.В. Сборник документов (Материалы по истории русской армии: Русские полководцы). — !». I. — М, 1949. — С. 86, 152, 182, 355, 408; Т. II, — М., 1951. — С. 156, 238, 348, 410, 476, 497; Т. III. — М., 1952. — С. 137, 398, 508, 515, 570, 572, 574, 575, 585; Т. IV. — М., 1953. — С. 13, 18, 20, 291, 427, 432, 449, 453.

Кутузов М.И. Сборник документов (Материалы по истории русской армии: Русские полководцы). Т.III. — М., 1952. — С. 470; Т. IV. — Ч. 2. — М., 1955. — С. 532–533; Кутузов М.И. Письма, записки. — М., 1989. — С. 336, 443, 452.

Костин Б.А. Скобелев. — М.:Патриот, 1990. — С. 163–164; Васильев В.Т. «Вечное и неизменное»... «Блеск военной мысли». — СПб., 1912. — С. 9,132. 102, 131, 156, 157; Приказы Скобелева в 1877–78 годах. Составил Ген. Шт. капитан Марков. — С. — Пб., 1907. — С.22–23, 64–64. Обручев Н.Н. О вооруженной силе и ее устройстве // Военный сборник. — 1858. — С. 22, 41–42.

Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Часть III. Политика. — 1898. — С. 383–387.

9. Менделеев Д.И. Заветные мысли. — СПб., 1904. — С.10–11, 218.

10. Меньшиков М.О. Письма к ближним. — С. — Пб., 1908. — С. 337–340.

11.Карсавин Л.П. Армия и революция // Евразийская хроника. — 1927. — Вып. 9. — С. 42–43.

12. Васильев В.Т. «Вечное и неизменное»... «Блеск военной мысли». — С. — Пб., 1912. — С. 8, 104.

13. Меньшиков М.О. Письма к ближним. — С. — Пб., 1908. — С. 105; 1914. — С. 107

14. Измествьев П.И. Краткое руководство по элементарной и общей тактике. — Петроград, 1919. — С.3.

15. Драгомиров М.И. Избранные произведения. —М.:Воениздат, 1956. — С. 376.

16. Незнамов А.А. Из опыта войны // Изборник газеты «Русский инвалид». 1905. — № 263. — С. 111.

17. Драгомиров М.И. Избранные произведения. — С. 78.
18. Геруа А.В. После войны о нашей армии. 2-ое изд. — СПб., 1907. — С. 68, 80.
19. Резанов А.С. Армия и Толпа. Опыт военной психологии. — Варшава, 1910. — С.101.
20. Деникин А.И. Старая армия. — Париж, 1929. — С.91.
21. Керсновский А.А. История русской армии. — Т. 4. — М.: Голос, 1994. — С. 330.
22. «Часовой». — 1947. — Октябрь, № 267.
23. Изборник газеты «Русский инвалид». 1905. — № 226. — С. 151–152.
24. Изборник газеты «Русский инвалид». 1905. — № 268. — С. 142–147.
25. Войско, как страж свободы. Сборник статей. 2-ое изд. — СПб., 1906. — С. 6, 21, 23–24.
26. Там же. — С. 6–8, 17, 20.
27. Волгин А.М. Об армии. — СПб., 1907. — С. 52–55, 123–126.
28. Деникин А.И. Старая армия. — Париж, 1929. — С. 60; Он же. Мировые события и русский вопрос—Париж, 1939. — С. 70–71.
29. Знамя России. — 1936. — № 11. — С. 3–5.
30. Хольмстон—Смысловский. Избранные речи и статьи. — Буэнос—Айрес, 1953. — С. 116; Он же. Война и политика. — Нью—Йорк, 1957. — С. 215.
31. Милютин Д.А. Старческие размышления о современном положении военного дела России // Известия Императорской Николаевской Военной Академии. — 1912. — № 30. — С. 840–841, 850–857.
32. Риттих А.Ф. Техника военного искусства. — СПб., 1908. — С. 30–31, 97–98.
33. Мариюшкин А. Помни войну. — Новый сад, 1927. — С. 64–65; Он же. Вероятная величина будущих армий // Вестник Районного Правления Общества Русских Офицеров Генерального Штаба в Королевстве Югославия. — 1931. — № 77. — С. 7–9; Он же. Техника и дух народа // Вестник военных знаний. — 1930. — №4. — С. 16–18.
34. Головин Н.Н. Мысли об устройстве будущей Российской Вооруженной силы. Общие основания. Изд. 4-е Русского военно—научного института в Белграде. — Белград, 1939. — С. 22–23, 26–27, 28, 77, 42–43.
35. Баиов А.К. Начальные основы строительства будущей русской армии // Русский колокол. — 1929. — № 8. — С. 11–12.
36. Штейфон Б. Национальная военная доктрина // Вестник военных знаний. — Сараево, 1933. — № 4(20). — С. 31–32.
37. Керсновский А.А. Философия войны. Издание «Царского вестника». — Белград, 1939. — С. 53–77, 88–89.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. КЕРСНОВСКИЙ. УПУЩЕННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

*Отречение 2-го марта 1917 года и «приказ номер первый» нанесли смертельный удар нашей славной старой Армии. В ее трагической десятимесячной болезни мы можем различить **четыре периода**. Первый — горячечно-бредовый, период братаний и митингов (с марта по июнь). Второй — период кажущегося улучшения, «подушка с кислородом» Корнилова (июль — август). Третий — период прострации (сентябрь — октябрь). Четвертый — каталепсия и агония (ноябрь — декабрь).*

Особенно поучителен, но менее всех «клинически разработан», **период прострации**, наступившей после неудачи ген. Корнилова и продолжавшийся до октябрьского переворота. Этот период явился критическим в гораздо большей степени, чем предшествовавший ему летний «тарнопольско-рижский».

И внешние, и внутренние враги (первые — обратив все внимание на другие фронты, вторые — приходя в себя после июльского, петербургского разгрома и накапливая силы) давали нам передышку. Этой передышкой, казалось, надлежало бы воспользоваться для принятия срочных мер к парированию надвигавшихся грозных событий. Гражданская война, во всяком случае очень серьезные внутренние потрясения в течение близившейся зимы не вызывали сомнения ни в командовании, ни в жалком правительстве и «общественности» — горе-заклинателях, вызвавших беса и не сумевших с ним справиться.

В предвидении неизбежной борьбы надо было накопить силы, спасти то, что можно было еще спасти. Катастрофа была неминуема, «октябрь» явился лишь логическим завершением «февраля». Однако катастрофу эту можно было бы значительно смягчить, не дав ей застать себя врасплох <...>

Мы попробуем исследовать в настоящем очерке **вопрос о переходе многомиллионного «полчища» на положение «малой армии»** так, как он ставился самой жизнью, — и увы, не был разрешен в ту трагическую осень.

Основной ошибкой как нашего командования (генералы Алексеев, Брусилов, Корнилов, Духонин), так и всякого рода «главноуговаривающих» и «оборонцев» летом и осенью 1917 года следует признать их ставку на массы. С надеждой — а затем с отчаянием в душе они стремились (после того как в марте уже свершилось непоправимое) «поднять боеспособность армии», «оздоровить армию», «спасти армию», — всякий раз разумея под «армией» обязательно всю совокупность десяти миллионов вооруженных, но не желающих драться «граждан».

Сильна была логика событий той проклятой весны и лета. Но еще сильнее были предрассудки, вкоренившиеся за последнее полстолетие (особенно же в последние годы — 1914, 15, 16) и затуманившие не одну лишь русскую военную мысль. Все мифы, клише и отштампованные трафареты вроде: «вооруженного народа», «великой стране — большая армия», «равной для всех воинской повинности», — продолжали владеть умами. Наша доктрина Великой войны была доктриной минотавра: строилась она на костях миллионов двуногого убойного скота — миллионов, пусть и плохо обученных и плохо вооруженных. Эти миллионы должны были своими телами продавливать неприятельскую проволоку, и по их трупам должны были идти на убой новые миллионы. За несколько недель до революции было сформировано с полсотни новых дивизий 113-я и 174-я пех. и ряд стрелковых) без артиллерии, — чем хладнокровно обрекались на совершенно ненужную и бесполезную гибель сотни тысяч людей (заодно и доказательство того, что у нас к возобновлению маневренной войны в «решительную кампанию» 1917 года отнюдь не готовились)

При нормальном ходе событий, конечно, нельзя было требовать осенью 1917 года «доктрины качества» от лиц, показавших себя за год перед тем фанатиками «количества». Двенадцать месяцев — срок для такой радикальной эволюции слишком недостаточный. Однако в продолжение этих двенадцати месяцев случились события тоже из ряда вон выходящие.

«Приказ номер первый» и последовавшее за ним «углубление завоеваний революции» (вроде «декларации прав солдата») превратили вооруженный народ в вооруженную толпу — государственную опасность. «Солдаты–граждане» обратили штыки против своих офицеров — в лучшем случае воткнули их в землю. Летняя кампания с трагической очевидностью доказала, что никакими напыщенными словесами, никакими уговорами, никакими угрозами нельзя заставить рисковать своей жизнью за цели непонятные (во всяком случае малопонятные) десять миллионов человек, сообразивших, что они могут, если захотят, и не рисковать этой драгоценной жизнью. Ломить дальше в том направлении — значило лишь напрасно тратить силы, средства, а главное — драгоценное время.

Вместо того, чтоб обращаться к миллионному, выступившему из берегов человеческого морю, следовало бы всю пропаганду направить на уловление десятков тысяч. Отобрав немногочисленные жемчужные зерна, махнуть рукой на остальную навозную кучу. Выбрать из разложившейся массы не успевшие еще разложиться элементы — офицерский состав и охотников (кадры для будущей армии, а пока что — сила для сокрушения большевиков). Разоружить и распустить по домам «сознательных граждан». То есть сделать со всей Русской Армией то, что сделал со своим Преображенским полком полковник Кутепов (и некоторые другие энергичные командиры).

Кое–какие меры к выходу из создавшегося положения все–таки предполагались. Особенно интересен проект Станкевича (комиссар Временного правительства на С.З. фронте, офицер военного времени). Видя, что никакая «идеология» на вооруженные массы не действует, он решил апеллировать к стяжательным, материалистическим чувствам «солдат самой свободной армии в мире».

Из разговоров с солдатами он вынес впечатление, что они чрезвычайно раздражены своей материальной необеспеченностью. Ежесекундно рискуя своей жизнью, они получают всего 5 р. в месяц, тогда как рабочий в тылу, живя в полной безопасности и в привычной обстановке, зарабатывает в сто раз больше.

Исходя из этих соображений, *Станкевич представил последнему Верховному Главнокомандующему ген. Духонину записку, в которой наряду с сильным повышением окладов предлагал ввести денежные премии за трофеи.* «В случае для казны самом неблагоприятном, — писал он, — а именно в том, что армия, прельстившись этими премиями, захватит миллион пленных, расход определится в один миллиард, но война будет победоносно закончена».

Против этого проекта восстал Начальник Штаба Верховного — ген. Дитерихс, нашедший его противным воинской этике.

Аморальность золотого тельца на знамени ясна и очевидна. Ген. Дитерихс принципиально был совершенно прав. Русский солдат — все равно, киевский дружинник или московский ратник, петровский фузелер либо николаевский служака, — никогда не был наемником и никогда не служил ради денег. В этом — главное его отличие от западноевропейского. Однако в ту трагическую минуту нельзя было ставить этот вопрос принципиально. Все равно, более вопиющего нарушения воинской этики, чем солдатские митинги, избиение начальников и самовольный уход с фронта, — все то, чем уже успел порадовать нас 1917 год, — нельзя себе представить. С точки зрения самой притязательной этики наемник гораздо почетнее дезертира.

Разумеется, *институт денежных премий надо было рассматривать как явление преходящее.* Он бесспорно развращал бы войска, и его применение на практике неизбежно сопровождалось бы требованиями и даже злоупотреблениями. Но тут речь шла лишь о том, чтоб как–нибудь пережить, не погибнув окончательно, критические месяцы зимы 1917–18 гг. В конце концов, раз вытравлен извечный девиз «За Веру, Царя и Отечество» — девиз, составлявший душу Русской армии, — то все остальные девизы, в какие бы пышные формы мы их ни обрекали, покажутся одинаково противными русской воинской этике. Разница только в том, что девиз «пятьсот рублей в месяц» солдату хоть понятен, а на «войну до

победного конца в единении с союзниками», тем паче на «учредительное собрание» он плевал — и ради своей этой отвлеченной и высокопарной пошлятины жизнью своей рисковать не хотел.

«Проект Станкевича» давал известный шанс (пусть и спортивный) на спасение армии или хоть части ее. Этот шанс надо было использовать: хуже все равно не могло бы стать, а улучшение могло бы наступить весьма вероятно, если больной приговорен к смерти девятью докторами, то средство десятого надо все же испробовать. В том положении, в каком находилась Русская армия осенью 1917, — не выбирают.

Борьба предстояла жестокая, но исход ее был, увы, предрешен. С одной стороны брошены лозунги: «мир, хлеб, свобода!» и «грабь награбленное!» Этим большевики берут себе сто очков вперед! С другой стороны — не желают марать белых перчаток <...>

<...> Процесс разложения нашего «вооруженного народа», не следует забывать, характеризуется двумя параллельными сдвигами неодинаковой мощности.

С одной стороны — катастрофическое снижение воинского духа у громадного большинства (95 процентов всей массы). Это — основной фон всей зловещей картины.

С другой стороны — настроение воинственных инстинктов у незначительного численно, но интересного меньшинства. В более счастливые времена из этой среды набирались охотники на самые головоломные поиски — удайцы, стремившиеся «набрать полный бант». На использование этого немногочисленного, но ценного (если за него умело взяться) элемента не было обращено ни малейшего внимания. Его в конце концов использовали большевики. Красная гвардия весной 1918 года состояла не только из фабричных хулиганов и флотских подонков, а именно из таких солдат старой армии с авантюристической жилкой. Что в общей своей массе это были парни далеко не плохие, доказывает формирование из них Дроздовским Самурского полка и дальнейшая славная история этого первого «солдатского полка» Добровольческой армии.

Вся беда была в том, что формирование таких «Самурских полков» следовало бы начать не в июне 1918 года — из случайно попавших пленных, — а за год до того, когда весь этот материал находился под рукой.

Триста тысяч бойцов, конечно, можно было бы набрать. Платить им столько же, сколько платили восьмимиллионному полчищу (для каждого — в 25 раз больше), плюс всякого рода премии и награды. Насытить части офицерским составом, освободившимся от роспуска «полчищ» (вплоть до отдельных командиров). Придать образовавшимся таким образом дивизиям сильную артиллерию. Эти 15 дивизий можно было бы великолепно экипировать материалом, рассчитанным на оборудование 250 дивизий.

Офицерский корпус демобилизации, конечно, не подлежал. Его надо было только очистить от накипи — как от Крыленок, так и от Бонч-Бруевичей.

Самой этой накипи было очень немного. На 250000 офицеров, которыми мы располагали в то время (благодаря массовым выпускам и производствам 1916–17 гг.), было лишь несколько десятков мерзавцев типа Дзевалтовского и только что упомянутого Крыленки — людей, случайно очутившихся в офицерских погонах. Несколько больше — но тоже не свыше нескольких сот — было карьеристов, сделавших заранее и по доброй воле ставку на красных. Еще больше — примерно несколько тысяч — было «ловчил» и всякого рода дельцов, которым погоны были тоже не к лицу. Офицерский же корпус в целом был вполне здоров; если в солдатской массе боеспособным «мог считаться лишь один на 25, то в офицерской среде соотношение было обратным.

Офицерство явилось единственной антибольшевистской силой. Несмотря на свою неорганизованность, оно едва не спасло Россию в годы Гражданской войны. И, конечно, спасло бы, будь оно своевременно организовано.

Однако в условиях 1917 года — демагогии на фронте и в тылу — никакая организационная работа офицерства не была мыслима. Офицеров прежде всего необходимо было освободить от камня на шее, каким для него являлась распропагандированная, подозрительная и свирепая солдатская толпа. *Лишь с проведением излагаемой здесь реформы — роспуска всей орды по домам и набора, точнее отбора, новой «малой» армии — получалась возможность организовать офицерство.* Главная масса его составила бы офицерский резерв, расположенный в столицах (на случай выступления большевиков) и узловых станциях (для упорядочения демобилизации и предотвращения эксцессов).

Для того, чтобы выбрать жемчужные зерна, надо было бы разрыть и раскидать навозную кучу. Демобилизация, предпринятая своевременно, по приказанию и указаниям начальства, прошла бы гладко: сами солдаты охотно сообразовались бы с этими мероприятиями, чтобы поскорее очутиться дома. Сама собой восстановилась бы дисциплина, вернее, известный минимум дисциплины, и страна была бы избавлена от ужасов «демобилизации явочным порядком» и анархического террора толп дезертиров — результата малодушия Временного правительства, так и не решившегося на это необходимое санитарное мероприятие.

* * *

При переходе осенью 1917 года на систему малой профессиональной армии (офицерско-добровольческого типа) возникало три вопроса.

В порядке возрастающей важности это были:

1. Как к этому отнесутся союзники?

2. Как реагируют на это немцы?

3. Как реагирует страна — и в первую очередь внутренний враг?

Если первый вопрос имел лишь принципиальное, так сказать, академическое значение, то от второго зависела «техника», а от третьего — самая идея реформы.

Союзники, усвоившие детски–примитивный взгляд на Россию как на «страну с неисчерпаемыми ресурсами», все время требовали русского мяса в жертву Молоху «общесоюзного дела». Накануне революции комиссия сенатора Думера, прибыв в Россию, требовала призыва шестнадцатого миллиона — получила удовлетворение. Естественно, *сведение 250 дивизий в 15 их не устраивало*, и они могли бы угрожать на первых порах прекращением посылки снаряжения. Однако, во-первых, Россия переставала в этом случае зависеть от союзников: 15 дивизий отлично могли бы существовать на имеющиеся колоссальные запасы. Во-вторых, союзники, конечно, сами поняли бы, что это единственный шанс спасения восточного фронта. Вспомним только, какие надежды они возлагали уже летом 1918 года да 30-тысячный чехословацкий корпус на Волге.

Гораздо важнее было отношение внешнего врага. Безусловно, **немцы** могли бы сорвать или во всяком случае сильно затруднить всю реформу, предпринять на различных участках нашего фронта ряд коротких наступлений, обратившихся бы для нас в ряд жестоких катастроф. Вопрос, сочло бы германское командование это целесообразным? Оно не развило в свое время ни тарнопольского, ни рижского прорывов, достаточно ясно показав, что не считает целесообразным тратить силы, необходимые для решительной кампании на Западе, на добывание разложившейся русской вооруженной силы. Пусть русские догнивают сами, ясно, что какие бы события ни произошли в России — она все равно выбита из строя до самого конца войны. Союз и дружба на жизнь и смерть с большевиками был заключен императорской Германией лишь летом 1918 года. До того, отношения к большевикам со стороны императорско–королевского правительства были строго деловыми, не без оттенка брезгливости: это был мавр, делавший свое дело, — и только. Все это заставляет нас сделать вывод, что реорганизация нашей вооруженной силы вначале (сентябрь–октябрь) серьезной помехи со стороны внешнего врага не встретила бы.

Третий вопрос, как реагировала бы на сокращение армии страна и в первую очередь **внутренний враг**, был вопрос самый важный. Правительство и его доверенные лица — «*miş domintci*» комиссары фронтов и армий — безусловно являлись сторонниками сокращения численности армии за счет повышения ее качества (в этом отношении они даже смотрели на вещи яснее большинства представителей нашего высшего командного состава). Вопрос, хватило бы у этого жалкого правительства воли и решимости перейти на армию профессионалов? Большевики сразу бы повели бешеную агитацию против «армии

наемников», «белой гвардии» и «офицерских банд». Хуже всего то, что на их сторону немедленно стали бы соратники по Циммервальду, всегда выручавшие их в критические минуты, — левые эсеры–пораженцы во главе с «селянским министром» (и агентом германской разведки) Черновым и меньшевики–интернационалисты с их «Гоцлиберданом». Керенский, конечно, опять смалодушничал бы и предал Духонина, как уже предал спровоцированного им Корнилова. Однако положение нашего Главного Командования было бы совсем иным. Корнилову совершенно не было на что опереться: конный корпус Крымова, двинутый им на Петроград (покушение с негодными средствами), совершенно разложившийся, опорой считаться не мог, а несколько сотен преданных ударников и текинцев были песчинкой в море.

Теперь же, при начале демобилизации, на стороне Ставки оказалась бы вся солдатская масса (которую Ставка отправляла бы домой). А самое главное, она бы чувствовала с каждым днем все больше почвы под ногами: процесс кристаллизации новых отборных частей шел бы полным ходом. И можно было бы осадить Керенского, указать ему на его место. Змеиное же шипение циммервальдских и иных врагов России прекратить навсегда.

* * *

15 дивизий новообразованной армии представляли бы силу во много раз большую, чем 250 дивизий разложившегося «вооруженного народа». Само собою разумеется, занимать сплошной фронт от Риги до Дуная они не были бы в состоянии.

Предстояло таким образом сокращение фронта и перенесение его вглубь страны. После преодоления мистики «вооруженного народа» и «миллионной армии» — ереси, всасывавшейся десятилетиями, — преодоление мистики «сплошного фронта» — ереси двух последних лет войны — не являлось делом столь трудным.

Ясно, что с такими скромными силами нечего было бы и думать прикрывать все важнейшие направления. Удержаться на линии Днепра было бы невозможно. Пришлось бы отступать дальше — на Оку.

Отступление на линию Оки уже имело место раз в нашей военной истории. За ним последовал прыжок до Сены. Сосредоточив войска в кулаке, в своего рода «тарутинском лагере», можно было бы выждать события, а пока приняться за наведение порядка в центральных губерниях.

Петроград с его красной чумой пришлось бы эвакуировать при приближении немцев, выведя оттуда правительственные учреждения и офицерский резерв (но оставив немцам и «сознательных путиловцев», и «революционный гарнизон»). Наши силы были бы слишком малочисленными для посылки корпуса Витгенштейна охранять северную столицу — по напыщенной терминологии того времени, «Фермопилы Революции».

Оставлялись и Белоруссия (что само собою разумеется) и Юг России, защищать который не было бы никакой возможности. Приходилось бы пожертвовать и морскими силами.

Отступлением в сердце России оставлялась бы широкая полоса между нашими реорганизующимися войсками и немцами. Эти последние заняли бы области, которые они все равно бы заняли весной 1918 года. Их фронт пошел бы по Сейму и Днепру (Курск — Киев — и дальше на Жлобин — Могилев и Оршу). Они не преминули бы, конечно, провозгласить «самостийну Украину». На Москву бы они не пошли. Затеять такого рода операцию «наполеоновского масштаба», да еще имея перед собой 300 тысячную хорошо организованную армию — значило бы напрасно тратить силы, необходимые для развязки на Западе: ведь эта операция, все равно участи войны не решавшая, требовала бы не менее 80—90 дивизий непременно высокого качества (как для преодоления бездорожья, так для сражения с нашей отборной армией — и «last but not least» — для сопротивляемости микробу большевицкой заразы, еще разлитому по всей стране).

В выжидательном положении прошли бы весна и лето 1919 года. Немцы напрягают все свои силы на Западе. Мы накапливаем наши и постепенно — от центра к окраинам — наводим порядок. «Пугачевщины» в зиму 1917—18 гг. избежать бы, конечно, не удалось, но затем отрезвление пошло бы быстрым темпом. Наличие хорошо организованной армии и офицерского резерва являлось бы решающим фактором: страх перед жандармом, как известно, всегда означает начало «морального оздоровления» у бандита. Конечно, и перенесение фронта вглубь страны принесло бы тоже кое-какие плоды. Оно заставило бы почесать затылки иных молодцов, утверждавших в свое время: «Мы тульские, до нас немец не дойдет». В первые месяцы, понятно, революционный угар явился бы сильнее всяких иных настроений.

К осени 1919 года мы бы окрепли достаточно для перехода в решительное наступление против успевших тем временем разложиться австро-немецких оккупантов. Перемирие 11-го ноября застало бы нашу возрожденную Армию уже на линии старого фронта, гонящую толпы «товарищей» в серо-зеленых шинелях. И как властно зазвучал бы голос России на парижской конференции.

* * *

К чему теперь, пятнадцать лет спустя, писать об этом? И чем могут сейчас помочь все эти «сослагательные наклонения»? Все это, конечно, не имело бы смысла, если бы урок этих печальных событий не сохранил до сего дня своей остроты и современности.

«Малая армия» в конце концов была создана. И получила название Добровольческой армии. Но создана она была не в сентябре, а в ноябре — после захвата большевиками всего центрального аппарата власти и командования.

Вместо планомерного формирования «отборных дивизий» — титанический подвиг ген. Алексеева, создание Армии буквально из ничего! Подпольная, нелегальная, рискованная работа по привлечению добровольцев. Вместо двухсоттысячного офицерского корпуса, освобожденного демобилизацией, — лишенная руководства офицерская масса, рассеянная по тысяче догнивавших, своевременно не распущенных полков. Отдельные группы смельчаков, рискуя жизнью, пробираются на Дон сквозь бушующее море вооруженных дезертиров. И, конечно, никакой «экипировки». Огромные запасы фронта захвачены большевиками — первые пушки юнкерам приходится выкрадывать из захваченной большевиками 39-й арт. бригады. Вместо трехсот тысяч бойцов — три тысячи <...>

Вот к каким фатальным последствиям привел гипноз «миллионной армии». Наше командование не могло вовремя отделаться от тиранической власти отштампованных трафаретов и общих мест. Переменить эти идеи его заставила сама жизнь, но какой ужасной ценой!

Окончательное же отрезвление русской военной мысли от дурмана «полчищ» наступило лишь в эмиграции.

(Царский вестник. — Белград, 1932. — № 308–310.)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

РОССИИ НУЖНА ДОЛГОВЕЧНАЯ КАЧЕСТВЕННАЯ АРМИЯ!

В прошлом будем черпать знания, чтобы совершенствовать будущее.

П. Краснов

*Насчитывая два века существования, наша регулярная армия вполне заслужила внимание организатора к своему **русскому** прошлому...*

А. Геруа

История свидетельствует, что прежде всего трудами армии создавалось государственное бытие России. Жертвенному служению Отечеству отдавались лучшие ее силы и умы. Они же вынуждены были вести неблагодарную аналитическую (познавательную) работу с целью определения «язв родной армии», путей и методов лечения больного (с конца XVIII века) армейского организма. *В результате этого возникла уникальная по своему характеру **русская военная мысль**¹, усвоение которой и сегодня остается главнейшей предпосылкой успешного проведения давно назревшей **коренной реформы** военной системы России.*

Представители разных поколений пришли к ясному пониманию того, что вооруженная сила является первоосновой государственного существования России. «Почетно–ответственное» положение обязывает ее (силу) **быть армией по существу**, стремиться к абсолютному совершенству, требует «высокого качества»². Сложнейшие условия российской действительности не позволяют иметь плохую армию³. Факты нашей истории уже не раз подтверждали, *что только совершенная (качественная) армия может стать той общенациональной силой, которая надежно обеспечит возрождение и стабильное процветание России.* Такой вывод сделали все государственно мыслящие (гражданские и военные) деятели, представленные на страницах данного выпуска «Российского военного сборника». Их взгляды можно выразить следующей ретроспективной концепцией.

1. РОССИЯ — ВОЕННАЯ ДЕРЖАВА

Русская история наглядно показала, что Россия держалась армией. Ее значение для величия страны, для проведения успешных реформ отлично понимали Петр I, некоторые его предшественники и последователи. Победоносная армия смогла создать из удельного московского княжества великую империю, обеспечила выход России к океанам, морям и другим естественным границам⁴. С момента появления регулярной (петровской) армии за последующие двести лет территория страны удвоилась, а ее население увеличилось с 12 до 140 миллионов человек.

Россия почти всегда существовала как военная держава (армия — главная сила и символ государственной власти). Решая сложнейшие исторические задачи⁵, она значительно дольше, чем другие страны, *задержалась на стадии военного (военно-полицейского) государства*. Несмотря на стремление достигнуть идеального состояния «государства-Отечества»⁶, приходилось больше всего заниматься обеспечением внешней и внутренней безопасности, для чего требовалась военная организация общества. Кроме того, государственные катастрофы, а их в истории страны было немало, постоянно возвращали Россию в исходное (низшее) военное состояние.

Последние три века (как и предыдущие) *России часто приходилось вести войны*. В XVIII веке войн и походов было 19, они продолжались 61 год, в том числе 7 лет с двумя противниками одновременно. В XIX веке ведено 18 войн, которые потребовали 67 лет непрерывных усилий. Более 80 процентов всех военных акций проведено в это время успешно⁷. В XX веке войн (в том числе мировых) и конфликтов с участием России становится еще больше, но побед меньше. **Утрачивается понимание того, что Россия, как империя, живет победой, обязана побеждать, чтобы выжить.** «Победа, — отмечает М.Меньшиков, — не есть роскошь для великой военной державы, а органическая необходимость, составляющая жизненный долг...»⁸.

Пока победоносная (хотя и не всегда совершенная) армия оставалась основой национального существования России, с ее мнением считались в мире; укреплялись устои государства, создавалась база для внутренних преобразований, постепенно обеспечивался переход к культурно-правовому демократическому государству, формировалась система самобытных ценностей, которая затем получила название «русской цивилизации».

Несмотря на существенные недостатки, *армия представляла собой государственно-охранительную силу, опирающуюся на значительный пласт военной культуры*, из которой вышли, кстати сказать, многие поэты, художники, писатели, государственные деятели. Она изначально рассматривала и любила Россию как родное Отечество, обильно политое кровью

русского солдата. Настоящая армия, пока она не стала «вооруженным народом», всегда сохраняла верность России и защищала ее честь и достоинство. Затраты на такую вооруженную силу оправдывались безопасностью населения, благоприятным для роста народных сил миром, прибылью территорий и т.д.

Надо было сохранять военное призвание России (наше главное преимущество!), беречь и совершенствовать настоящую армию как страховое средство от всяких неожиданностей. Нельзя было торопиться с введением в отсталой России западного «гражданского общества», «штатской» державы, сопровождая этот процесс «демократизацией» и военным разложением армии, в том числе и под видом военных реформ (вторая половина XIX — начало XX века).

Наша сила и безопасность заключались тогда, как и в последующем, в сохранении и разумном совершенствовании традиционной для России формы государственного существования — военной державы⁹. Только под ее прикрытием можно было обеспечить независимость и целостность страны, сохранить необходимые нам внешнее могущество и внутреннее единство, пережить экономические кризисы и политические бури, предотвратить разрушительные войны и государственные катастрофы, провести успешные внутренние реформы. «...Будущность наша много зависит от качества внутреннего строя жизни, но живой, чисто реальный инстинкт предсказывает нам при этом всегда, что важнее-то всего оборона страны и организация ее вооруженных сил» (Д. Менделеев).

Нельзя закрывать глаза на то, что мощь России не скоро будет основываться на экономических, политических и духовных факторах. Отставание от западных стран в этих областях надолго гарантировано нам тяжелой историей и собственной глупостью. Нестабильность существования будет порождать новые войны, отгородиться от которых можно только одним способом — наличием качественной армии. Отказываться в этих условиях от испытанной государственной формы, разрушать армию — этой самоубийственной политики могут придерживаться только люди, не понимающие, в какой стране и в какое время они живут.

2. АРМИЯ — ОПЛОТ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Борьба за существование вынуждала население России постоянно быть на службе Отечеству. Цари и бояре, дворяне и крепостные крестьяне, — все обязаны были принудительно и добровольно *служить государству*, укреплению его могущества. В этих условиях армия становилась основой государственности, гарантом независимого национального

существования России. Благодаря подвигам русского солдата, отдававшего за Родину кровь и жизнь свою (высшая форма служения) Россия не сделалась варяжской, татарской, литовской, польской, шведской, французской, немецкой и т.д.

Перед каждой катастрофой и при каждой военной опасности общество привлекал к себе главный вопрос: «Есть ли у нас надежная, победоносная армия?» Если ее не было, то ничто уже не могло помочь. Ни правительство, ни парламент, ни военный бюджет, ни международные союзы, ни высокие экономические достижения, ни обширная территория, ни большое население. Органом защиты и обороны, в конечном итоге, выступала только организованная и подготовленная вооруженная сила.

На этой основе и в связи с печальным опытом новейшей российской истории (забвением войны, принижением армии и запущенностью военного дела) **сформировалось сущностное (высокое) понятие армии России.**

♦ *Армия должна быть армией, то есть выделенным военным сословием, вооруженной силой, годной для боя и безопасной для общества; совершенной военной организацией, способной при любых условиях обеспечить жизненные интересы России, ее внешнюю и внутреннюю безопасность, целостность территории, охрану границ, мир и покой граждан. Армия, приносящая себя в жертву нации, имеет право на то, чтобы уже в мирное время состоять из «храбрых дружин», всесторонне подготовленных для ведения войны (Р.Фадеев, М.Меньшиков). Российскому государству «необходима здоровая армия, надежно обеспеченная, национально воспитанная и прекрасно обученная. Армия должна составлять предмет народной гордости и быть действительно армией по существу, а не только видимостью, которая не только бесполезна, но и опасна» (Ал. Мариюшкин).*

♦ *В России армия должна быть не только боевой, но и общенациональной силой, символом крепости народной жизни, оплотом законности, опорой государственного бытия, носительницей чести, идеалов и традиций, охранительницей государства, особой почетно–ответственной частью русского народа, представительницей нашего рыцарства, сердцем народной верности и свободы, гранитным устоем гражданственности, школой характера и государственно–патриотического служения. Вот далеко не полный перечень национальных качеств, которые определяют облик российской вооруженной силы. Они отражены в размышлениях Р.Фадеева, И.Ильина, А.Баиова, А.Керсновского и других русских патриотов. Суть их, как всегда блестяще, выразил М.О.Меньшиков: «Армия вовсе не есть место для свалки нечистот. Армия есть величайшая драгоценность народа, необходимейший орган, обеспечивающий государству жизнь... Армию надлежит оберегать как святыню, заботясь всемерно о сохранении ее Духа...»¹⁰*

◆ Для такого государства, как Россия, армия не может не быть также и спасительной (сдерживающей) силой, крайней и последней опорой (надеждой) государственного бытия, реальной властью в смутные времена и в минуты опасности. «Только стальная сдержка армии может спасти... наше больное поколение от гибели... только под ее охраной может быть выкована прочная творческая и спасительная реформа, иначе в дряблом теле, истерзанном междоусобием, неминуем хаос разложения» (А.Волконский). Поэтому Россия не имеет права связывать свою судьбу с наличием бесполезной (в кризисной ситуации) армии, которая в этом случае будет не действительным, а мнимым оплотом Родины. Данное органическое качество («армия — спаситель Отечества») подразумевает:

— стойкую государственно–патриотическую (охранительную) позицию, развитое государственное мышление, национальное сознание и верность армии (**неспособность к предательству и измене**);

— заинтересованность и ответственность всех государственных и общественных институтов, включая и саму армию, за состояние вооруженных сил, их подготовку к войне (**создание гарантий и условий победы**);

— отказ от легкомысленного отношения к военному делу, от попыток использовать армию как «игрушку», выполняющую несвойственные ей функции (**армия — серьезное средство обеспечения внешней и внутренней безопасности**);

— эволюционное *совершенствование армии* на основе исторической преемственности с целью недопущения разложения боевой силы ни пропагандой, ни бездумной демократизацией, ни разрушительными военными реформами, ни механическим подражанием другим странам (**«разложить армию, значит разложить государство»**);

— исключение из армии чуждых для Отечества и неспособных для войны элементов; **отбор лучших на основе призвания и почетного права служить в российской армии, а не на основе «всеобщей воинской повинности»**;

— *законность* (конституционность) действий армии в мирное и военное время; армия стоит в стороне от борьбы политических партий и страстей (надпартийна), но признает за собой нравственное право на использование власти для предотвращения государственной катастрофы или разрушительного эксперимента, угрожающих национальному существованию России (**«мы существуем для Родины; у нас одна партия — Отечество»**);

— международное влияние (авторитет) армии как средства *самозащиты* России и эффективной сдерживающей силы (**«только наличие грозной армии и техники может отсрочить и даже предотвратить войну»**);

— бережное отношение общества к армии, созидание ее с любовью и честью (армия — не «организация убийц», не орудие истребления, а орган самопожертвования за честь и достоинство России).

Российская армия должна соответствовать своему высокому призванию — **быть главной силой и реальным воплощением государственной власти**. Это в свою очередь предполагает не только отношение к ней как к символу государства, но и стремление поддерживать ее престиж и военные качества на высоком уровне. *Слабая, наносящая сама себе поражения армия находится под постоянным огнем внутренней и внешней критики, вызывает чувства позора, унижения и стыда; она угрожает российскому государству не меньше, чем прямое нападение агрессора*. Если такая «вооруженная сила» надолго обосновалась в стране, то впору бить тревогу, срочно исправлять положение или... объявлять общенациональный траур.

К сожалению, российское общество долго не понимало, что такое армия и какое значение она имеет для России. Как следствие этого печального факта, победоносная когда-то русская вооруженная сила выродилась в XX веке в многомиллионное «полчище», обременительное и опасное для Отечества.

3. НЕУДАЧНАЯ ВОЕННАЯ СИСТЕМА

Исходные военные системы России вырабатывались жизнью, а не слепым подражанием более удачным и культурным соседям. На Руси основным типом вооруженных сил было временное войско (ополчение), усиленное в разные исторические периоды незначительными постоянными кадрами (дружинами, стрельцами, охочими людьми и т.д.). Войско это не выдержало испытаний XVII века и было заменено Петром Великим на «настоящую» (регулярную) армию, которая позволила России стать великой державой. Создание армии профессионалов не нарушило основного принципа комплектования русских войск; служба в ней считалась важным государственным делом и осуществлялась не по найму, а на основе всеобщей воинской повинности¹¹. Новая вооруженная сила сохраняла свой национальный характер, а использование при ее образовании передовой по тому времени европейской военной науки (искусства) через приобретение умения воевать только усилило боевую мощь армии¹².

В годы царствования Павла I и его сыновей, несмотря на боевой опыт начала XIX века, постепенно утрачиваются славные традиции времен Петра I и Екатерины II. Активно проводится подражательная военная политика, причем копируются военные порядки

побежденных Россией государств (Пруссии, Франции и снова Швеции). Содержание армии «удешевляется» явно разлагающими способами: Павел I сокращает ее за счет лучших егерских и гвардейских войск (с 503 тыс. до 401 тыс.) и централизует до абсурда; Александр I уродует обстрелянную в боях боевую армию плац–парадной подготовкой («война портит войско») и искусственными аракчеевскими военными поселениями; Николай I превращает вооруженную силу (1 млн. 128 тыс.) в бездумный мертвый организм, рискует начать войну с пол–Европой (1854–56 гг.) и с увеличенной до 2,3 млн. человек армией терпит позорное поражение в Крыму от малочисленного военного десанта противника.

Проведение военной реформы стало очевидным. Но смысл ее понимался по–разному.

«Военные специалисты» во главе с генералом Р.А. Фадеевым¹³ предлагали сохранить старую военную систему, устранив ее недостатки и повысив качество за счет создания двух отдельных организаций; 1) долгосрочной боевой армии, освобожденной от нестроевых функций (элементов), усиленной «охотниками» и отборными частями; 2) подготовленного народного ополчения — вспомогательной силы, необходимой на случай большой войны и для решения различных второстепенных задач. По их замыслу, *армия, которая существует для войны, должна и в мирное время оставаться «военной»,* то есть подготовленной для ведения боевых действий, которые в чрезвычайном случае могут быть поддержаны народом в форме заранее обученного ополчения. Вождем армии (начальником Главного штаба) становится генерал, «известный войску и Отечеству своей доблестью и опытом». Военному же министру не обязательно обладать «солдатскими» качествами. Он призван заниматься снабжением армии, решать административные и хозяйственные вопросы, а поэтому может быть гражданским лицом¹⁴.

Император Александр II, его военный министр Д. Милютин и другие официальные лица («либералы») пошли по другому пути. В контексте демократизации общества они принимают решение о введении в стране *универсальной (к тому времени) европейской военной системы, основанной на всеобщей воинской повинности, идеях «вооруженного народа» и «солдата–гражданина».* В 1874 году Россия окончательно переходит к постоянной «армии нового типа», являющейся одновременно и школой обучения граждан военному делу и кадром для мобилизационного развертывания подготовленной к войне массы в организованный вооруженный народ.

Привлекательная на первый взгляд система в буквальном смысле *взрывала постоянную армию,* совмещая в ней вооруженный народ (который не может быть настоящей армией) и всеобщую воинскую обязанность (которая при кратких сроках службы не может дать настоящего солдата). В российской действительности она очень быстро выродилась в «полчище» — огромную, но слабо подготовленную к войне вооруженную массу, весьма

изменчивую к тому же в своих политических настроениях. Реформы превратили, таким образом, профессиональную (негодную при Николае I) армию в «штатскую», непрофессиональную, склонную одновременно (!) как к гипертрофированному количественному росту, так и к прогрессирующему качественному вырождению (упадку). «Милютинская же либерально–чиновническая, книжно–канцелярская система, — делает вывод из сравнительного анализа М. Меньшиков, — развенчала Россию и угрожает погубить ее»¹⁵.

Ретроспективный взгляд на кадровую систему военных исследователей, принадлежащих к разным поколениям, позволяет суммарно констатировать: 1) «новая армия» возникла не от силы, а от слабости России; 2) нелепая всеобщая воинская обязанность, уничтожающая военную специальность в умственно–техническую эпоху, ведет к «узаконенному разложению армии», «обрекает нас на опасность иметь худшую армию»; 3) возникшая вооруженная сила не является и не хочет быть армией, она больше подходит под понятия «полуармии», «штатской армии», «милиции», «полчища», «массы», «армии–завода», «армии–чудовища», «армии–кошмара»; 4) переход от армии высшего типа (армии профессионалов) к низшей военной системе (армии любителей) необходимо рассматривать как большое «несчастье» для России и «неудачный эксперимент» (А. Редигер, М. Меньшиков, А. Геруа, А. Керсновский, Е. Месснер, Б. Штейфон и другие).

«Дешевая» (и в то же время постоянная и массовая) армия не оправдала надежд, которые на нее возлагались. Она оказалась непосильным бременем для государства и не смогла стать надежной опорой его бытия. **За годы своего существования массовая армия принесла России мало пользы, но много ущерба: экономического, политического, военного и морального.**

Система «вооруженного народа», искусственно пересаженная на российскую почву по политико–финансовым соображениям, привела к качественному вырождению вооруженной силы, приобретению ею способности к саморазложению. Армия постепенно превращалась в мнимый оплот государственности, утрачивала боевые и национальные качества, удовлетворяла «только одному чисто военному требованию — условию количества, массы»¹⁶. К этому добавилось то, что она стала заложницей политики, объектом воздействия непримиренных между собой (в этот период) народа и власти. Противоборствующие стороны вносили в армию дух партийности и не были заинтересованы в наличии армии с настоящим воинским духом и настоящими солдатами, защищающими Отечество¹⁷. Только этим можно объяснить факт столь длительного существования в России «изуродованной армии», милиционной по своей сути вооруженной силы, которая постоянно

оказывалась неподготовленной к многочисленным и тяжелым войнам XX века, вступая в них (после развертывания) как слабое всенародное ополчение¹⁸.

При такой армии Россия всегда жила под дамокловым мечом. Политизированный «вооруженный народ» при каждом «удобном» случае разлагался, и армия приходила в негодность, как правило, перед очередной войной. Военные реформы не достигали поставленных перед ними целей; они нередко нарушали преемственность и разрушали армию еще больше. Вооруженные силы постоянно «гибли» от плохого личного состава, массовости, партийности, повинности, несвойственных функций, непрофессионализма и т.д., но... продолжали, тем не менее, существовать, дожив почти до XXI века, чего нельзя в строгом смысле сказать о России, которая потеряла к этому времени значительную часть своей территории и населения.

Россия оказалась все же достаточно богатой (!?), чтобы в мирное время на длительный период отрывать от производительного труда миллионы людей, в большинстве своем негодных для военного дела¹⁹, но несущих службу в казармах²⁰ и не составляющих при этом настоящей армии! Во второй половине XX века эта «масса» до зубов вооружалась новейшей техникой и оружием, которые она в конечном итоге не могла эффективно использовать, портила и уничтожала (зачастую вместе с собой) как в мирное, так и в военное время. Система обслуживалась многомиллионной «военно-промышленной армией», превращающей ценнейшие материальные ресурсы страны в горы автоматов, орудий, танков, самолетов, кораблей... Наконец, видимо, для поддержания этой «не-армии», вокруг нее возник десяток «спецармий»: внутренних, пограничных и прочих войск, которые разрослись в значительную вооруженную силу. Такой предстает картина нелепой военной системы, прочно обосновавшейся в России более чем на 100 лет со времени Александра II и Д.Милютина. Зная, во что обходится теперь содержание такого «полчища», стоит ли серьезно говорить о том, что страна не может позволить себе иметь небольшую, но настоящую (профессиональную) армию?!

Возможно, система «вооруженного народа» эффективно предотвращала нападения на Россию, оберегала ее от поражений, надежно защищала жизнь и труд мирного населения? Нет. *При ней страна вела самые неудачные, самые непопулярные, самые разрушительные и кровавые войны за всю свою историю. Ни одну из них армия не смогла предотвратить или даже закончить в интересах России. Более того, многие из них состоялись из-за слабой (демонстрирующей свою слабость) армии.*

Русско-турецкая война 1877–78 годов (первая при новой военной системе) закончилась трудно добытой военной победой (только три неудачных штурма Плевны стоили нам 32 тысяч убитыми) и последовавшим за ней политическим поражением,

понесенным Россией на Берлинском конгрессе, где она отказалась от многих своих первоначальных завоеваний. **В войне с Японией** Россия терпит военное поражение и остается с «униженной и оскорбленной» армией, которая, тем не менее, находит в себе силы подавить первую русскую революцию (1905–06 годов) и тем самым отодвинуть надвигающуюся анархию.

В 1914 году Германия начала **мировую войну**, зная о неподготовленности к ней Российской империи, которая собиралась выполнить свою «Большую военную программу» лишь к концу 1917 года. Боевой опыт японской войны (купленный, как всегда у нас, большой кровью) позволяет российской армии, увеличенной с 1,3 до 8 млн. человек героически сражаться на фронтах Великой войны. Но растянутая чрезмерно кадровая армия так и не успевает добиться победы, разлагается в ходе войны (единственная из всех сражающихся армий!), допускает два государственных переворота. «Вооруженный народ» становится людской и материальной основой еще более опустошительной и бессмысленной для России **Гражданской войны**, которая уносит жизни 8 млн. человек (предыдущая — 2,5 млн.) и наносит ущерб хозяйству страны общей стоимостью в 50 млрд. золотых рублей²¹. Запоздало возрожденная (Белая) армия не смогла предотвратить «*внутреннее завоевание*» России большевистской партией, в результате чего страна потеряла всю старую материальную и духовную культуру, накапливаемую в течение целого тысячелетия. Были уничтожены или духовно подавлены наиболее активные производительные и охранительные силы общества.

В 1939–40 годах Красная армия, обескровленная к этому времени Сталиным, продемонстрировала низкий уровень боеспособности в неудачной **советско–финской войне**²². Вера в военные возможности СССР была поколеблена, что в свою очередь повлияло на решение Гитлера начать войну против нашего Отечества. Таким образом, было допущено «*внешнее завоевание*», которое едва не обернулось для страны страшнейшей в ее истории государственной и военной катастрофой (армия фактически была потеряна в 1941 году, а противник подошел к Москве и Ленинграду). Но и при благоприятном исходе **Великой Отечественной войны** (использовали все резервы: время, территорию, историю, «железную организацию», репрессии, народный дух и сами народные массы, — научились за пять лет воевать и одержали военную победу!) *не смогли воспользоваться миром в интересах нормального внутреннего развития.*

Истощенная войной страна (погибло 27 млн. человек, снова подорвано народное хозяйство) позволила сразу же втянуть себя в «**холодную войну**», которая в буквальном смысле лишила ее оставшихся ресурсов и народной энергии. Свыше 40 лет Советский Союз работал на укрепление военной мощи всей мировой системы социализма, противостоял

(фактически в одиночку) всему цивилизованному миру, готовился к третьей мировой ядерной войне, участвовал в разорительной гонке вооружений и вооруженных конфликтах, которые никак не были связаны с жизненными интересами его национального существования.

Военное напряжение СССР мирного времени достигло абсолютного предела. Разорительная военная политика (вместе с неумелыми реформами) довела страну до государственной катастрофы и «мирного поражения» 1985–1991 годов. При этом вооруженные силы вновь продемонстрировали свою слабость. Они не только не смогли предотвратить разрушительные процессы, но и допустили второе за столетие «внутренне завоевание» России, теперь уже со стороны инородных» республик (некоренных, окраинных народов)²³. Вслед за СССР армия распалась на национальные армии 15 независимых государств, десятки незаконных вооруженных формирований, многочисленные базы хранения оружия и техники; все это поддерживает потенциал новой гражданской войны, которая в скрытой и явной форме с «малой интенсивностью» уже ведется на территории бывшего СССР (СНГ).

Система «вооруженного народа» вернула Россию во времена патриархальных войн, когда господствовал один закон победы — закон численности, закон «забрасывания одними шапками». Главное было — набрать армию помногочисленной. «Не думали о том, из кого набирать, как, обучены люди или нет, вооружены или безоружны, одинаково вооружены или разнообразно, на лошадях или пешие, в порядке идут или толпою, лишь бы только числом было их как можно больше»²⁴.

«Новая» военная система не только отрицала военную специальность и принципы военного искусства, но и сохранила старый, варварский способ войны: действовать численным превосходством, «солдатским горбом», окружать и уничтожать вооруженные силы противника, захватывать его территорию, разрушая все вокруг и приводя в ужас гражданское (мирное) население, которое несет при этом не меньшие потери, чем войска. При новейших орудиях современной войны, примитивно используемых слабо подготовленной (штатской) армией, указанный способ военных действий приносил максимальный ущерб победителю и побежденным, а также всему окружающему миру, что в свою очередь вызывало активный протест мирового сообщества²⁵.

Война в этом случае (и это наглядно видно на опыте России) истощала и подрывала всех ее участников, разоряла государство; она становилась «дорогой к самоубийству», «совершеннейшим абсурдом», «самой несовершенной из войн», «взаимным истреблением» (Е. Месснер). Армия превратилась при этом из орудия народной защиты в чудовище,

пожирающее свой народ, в **орган жертвоприношения** (гибнут лучшие), требуя при каждой войне моря крови и миллионы тонн человеческого мяса²⁶.

Армия забыла о своем высшем предназначении для России, о том, что она должна быть настоящей армией, облегчающей, а не ухудшающей участь страны. Армия никак не может выполнить основную задачу, завещанную ей для XX века, — «*охрана целостности границ, защита безопасности и чести России*»²⁷. Она старается быть армией, но приобретает все больше несвойственных для настоящей вооруженной силы функций: «жертвоприносящих», «полицейских», «хозяйственных», «картофельных» и т.д. Армия ощущает свой народный характер, но как **«источник опасности»** для жизни этого народа, она перестает пользоваться любовью общества, которое уже давно живет с хроническим антиармейским синдромом. Несмотря на неподготовленность и политические колебания, *армия стремится быть орудием законной власти*: соблюдать присягу, выполнять приказы (свой долг), умирать геройски, обучаясь по-прежнему в ходе боевых действий, и даже побеждать, как умеет («большой кровью»). *Но в системе «вооруженного народа» она не в состоянии вернуться к старым и нужным сегодня лозунгам (заветам): «Мы — русские, с нами Бог!», «За веру, Царя и Отечество», «Побеждать не числом, а умением и малой кровью».*

*Неудачный для России эксперимент с введением системы «вооруженного народа» наглядно показал, какой не должна быть армия России. За более чем столетнее существование эта система принесла России больше вреда, чем пользы, и только увеличила ее слабость*²⁸.

В связи с этим необходимо еще раз напомнить о нашей «способности» разрушать старое ради сомнительного нового, не исправлять допущенные ошибки, медлить с принятием очевидных решений. Военные специалисты старой русской армии своевременно указали на опасный для России характер милютинской военной системы. В начале XX века «настоящие солдаты» вновь открыто заговорили об «упадке армии» и предложили меры по ее качественному улучшению (профессионализация, отбор, доктрина). К их голосу не прислушались, и они ушли погибать на войну со слабой армией. Выжившие оказались в эмиграции, где пришли к окончательному выводу, который сегодня нельзя не услышать:

Будущая национальная Россия должна отказаться от губительной системы «вооруженного народа» и вернуться к настоящей (малой, профессиональной) армии, гармонически сочетающей качество и количество. Необходимо пересмотреть отношение к принципу всеобщей воинской повинности как абсолютной ценности государства. «Сама регулярная армия, построенная на началах всеобщей повинности, является лучшей школой для воспитания элементов, нужных гражданской войне. Она

дает ей ту технику и те знания, которые необходимы главарям восстания, начатого во имя того или иного политического идеала»²⁹.

Учитывая тот факт, что мнение «своих» военных аналитиков почти всегда игнорировалось в России («нет пророка в своем отечестве»)³⁰, сошлемся дополнительно на западные авторитеты. В 20-е — 30-е годы среди них появились творческие военные мыслители, идеи которых были созвучны выводам русских военных теоретиков, но в отличие от них стали практической основой постепенного перехода западных государств на полупрофессиональные и профессиональные армии современного типа³¹.

4. КАЧЕСТВЕННОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ АРМИИ

Возрождение (*восстановление после периода упадка, создание из разрушенного*) является наиболее оптимальной и безопасной политикой преодоления затяжного кризисного состояния России и ее вооруженных сил. Характер этой политики (и лежащего в ее основе метода) определяется несколькими *ключевыми факторами*.

Во-первых, необходимостью прекращения катастрофического развития России, сохранения ее как долговечной цивилизации³², играющей значительную роль на мировой арене, превращения «безличного плохого слепка с Европы» в «самостоятельную народную личность» (Р. Фадеев) с определенным «национальным лицом» (П. Сорокин) и породой сильных людей — «воинов» (Ф. Ницше), способных спасти страну от гибели и обеспечить ее свободу³³ и процветание

Во-вторых, неясностью (отсутствием понимания) российской действительности, затянувшимся «воспитательным периодом» нашей истории (с Петра I жили чужим умом, как бы несовершеннолетней личностью), перешедшим по нашей вине в состояние слабости и внутреннего упадка (распада) в XIX — XX веках.

Все это, вместе взятое, не дает возможности принимать правильные и окончательные решения, требует для предотвращения катастроф, насилия и неудач: **воздерживаться от радикальных преобразовательных действий в направлении будущего**, ограничиваться в целях, действиях, обязательствах, проявлять умеренность в желаниях, то есть, накапливая силы, соблюдать «гигиену слабых»³⁴, думать «не о насаждении земного рая, а о том, чтобы Россия не обратилась в ад» (Р. Фадеев)³⁵, сохранилась как историческое государство³⁶, не оказалась вновь отброшенной на столетия назад в результате «побед» утопических идеалов, разрушительных реформ и «священных» войн, начинающихся с

благими целями, но заканчивающихся (из-за слабости и глупости) позорными и кровавыми результатами³⁷ (движением вспять).

*В этих условиях Россия может вернуться к самостоятельной, исторической, «вечной» жизни только одним, простым и надежным способом: **восстановлением** разрушенного прошлого (преемственности); изучением исторического опыта, повторением всего истинного и вечного; «оживлением» (мыслью и трудом) лучших образцов нашей национальной жизни; использованием культурного наследия и духовной помощи предков, продолжением их дел и исполнением замыслов (заветов) на новом, более качественном и совершенном уровне (не забывая при этом, что они тоже народ, что им также принадлежит Родина, для увековечивания которой лучшие из них сделали гораздо больше, чем ныне живущие поколения). Так понимали возрождение России Р. Фадеев, М. Меньшиков, П. Сорокин и другие русские патриоты. Они надеялись, что данный процесс будет облагорожен конструктивным гением Человека, созидательной силой Любви, Красоты, Мысли, Правды³⁸.*

Возрождение с опорой на лучшее прошлое перемещает идеал из будущего в вечное, но делает его более достижимым (прошлое уже существовало, а следовательно, его возможно повторить в более совершенном (идеальном) виде). Оно дает надежные ориентиры, апробированные способы решения проблем, формирует не только тело, но душу России (ее историческую память, национальные чувства и национальное сознание, высшую идею). Жизнь направляется по естественно-историческому, эволюционному, неразрушительному пути, позволяющему: напрасно не тратить народную энергию, приумножать силы и богатство на основе капитала предшествующих поколений, покойно и продуманно обновляться, своевременно исправляя ошибки³⁹. «Воскрешение» прежней жизни («золотого века нашей цивилизации»), подражание предкам в продолжении их великих и лучших дел (культ предков) «заставляет к их усилиям прибавлять свои... оберегать достигнутое и накапливать энергию по некоторым определенным направлениям, а не тратить ее зря по всем возможным... сознает родовую жизнь вместо слишком мимолетной индивидуальной...»⁴⁰

Смысл качественного возрождения армии определяется, таким образом, созидательной работой на собственной исторической почве, ясным пониманием долговременных задач и проблем России; он заключается в постепенном восстановлении естественно-исторической (органической) военной системы, позволяющей иметь наилучшее для данных условий военное устройство, способное наименьшими силами и на длительный период надежно обеспечить безопасность страны, по возможности не прибегая к войне или одерживая победу в ней искусством (умением), малой кровью и в короткие сроки. «Армии нашей нужны не реформы, а военные вожди, — писал М.

Меньшиков в 1912 году, — которые нашли бы в героической душе своей страсть и долг сделать армию военной, какой она была в века побед. Нужны не реформы, а постепенное возвращение к старой, органической системе, в которой герои преобладали над чиновниками, а не наоборот. Та система создала нашу империю и окружила ее громадной славой»⁴¹.

Постоянное обновление армии естественно–историческим методом дает ей возможность: 1) максимально эффективно применять отечественную военную культуру, полезные традиции, наличный на данное время «строительный материал»; 2) существовать как важнейшая часть «национального лица» России, помогая ей пережить период восстановления с его тяжелыми, суровыми, почти «военными» условиями. **«Своя армия»** будет пользоваться поддержкой и любовью народа. Она сохранит свойственный ей консерватизм, долговечность, способность к повторению лучшего и постепенно приобретет не только национальный характер, но и более культурный (цивилизованный) вид. *Эта вооруженная сила не будет «новой армией», то есть чуждой (европейской, американской) или утопической («армией будущего века»), но зато она станет долговечной, настоящей, пригодной для России в данное время.* Находясь прочно на историческом основании, армия приобретает в то же время способность прогнозировать будущие войны, с пользой для себя перерабатывать и использовать чужой опыт, достижения мирового военного искусства, избегать разрушительных (подражательных) военных реформ.

Недостаточно сказать о том, что *России необходимо вернуть настоящую историческую армию и указать надежный путь*⁴², ведущий к этой цели. Необходимо обозначить и идеал (совершенный образец), к которому следует постоянно возвращаться, воссоздавая и обновляя национальную вооруженную силу. В этой связи на общей картине военной истории России отчетливо проступает **образ «армии качественного типа»**, который может послужить *основанием для долговечной военной системы.* С позиции сегодняшнего дня главные черты этого образа представляются в следующем виде.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР АРМИИ

Первоисточником силы, качества и долговечности армии является **нация**⁴³, олицетворяющая самостоятельную, единую, сознательную и живую Россию. Она — душа армии, дающая ей любовь к Отечеству (единому целому) и к Русской земле (святыне). *Вооруженная сила, построенная на национальных основаниях (духовных и материальных), превращает страну в неприступную крепость.* Именно такой силой была **«русская армия»**⁴⁴, которая принесла

России величие, славу и победы как над многочисленными «полчищами», так и над первоклассными войсками. Достаточно вспомнить полки Александра Невского и Дмитрия Донского, земскую рать Минина и Пожарского, регулярную армию Петра I, Румянцева, Суворова и Кутузова, народную вооруженную силу в двух Отечественных войнах (1812 и 1941–45 гг.). Подвиги русской армии, как и ее будничная «историческая работа», останутся жить в веках, напоминая потомкам основной вывод нашей истории: «Военный гений русского народа велик и могуч — тому свидетели все покоренные столицы Европы и те шедшие на Русь завоеватели, что стали затем верноподданными Белого Царя... Стоило только когда-либо какой-нибудь европейской армии претендовать на звание первой в мире, как всякий раз на своем пути она встречала неунывающие русские полки — и становилась “второй в мире”»⁴⁵.

Сохранение общенационального характера армии в условиях российской слабости, разобщенности, «многонациональности» и «интернациональности» представляется делом *особенно важным*, включающим в себя два основных способа действий.

1. Отказ от активного вмешательства в славянские, европейские, азиатские и иные дела, от оказания существенной военной помощи «братским странам», особенно ведения войн в их интересах. Опора на разумный национальный эгоизм и собственную выгоду: «Жить для себя... значит жить для других» (Ф.Достоевский). Страна расстроена, у нее нет лишних сил, великих вождей, денег, нет даже той твердыни, которая зовется патриотизмом (М. Меньшиков). В то же время обширная и малолюдная земля наша «представляет великий соблазн для большинства окружающих нас народов», что заставляет нас оставаться «*страною, всегда готовой к отпору всякому на нас посягательству, то есть страню прежде всего военною*» (Д.Менделеев)⁴⁶ и при этом набираться сил, благоустраиваться внутри, накапливать богатства, ускоренно размножаться, — жить, таким образом, в условиях долговременного мира, создавая тем самым и необходимые предпосылки для нормального существования армии. При такой обстановке требуется «крайняя осторожность в отношении соседей», **переход от наступательной политики к «самообороне» и «самозащите»** (другая позиция была бы самоубийственной и предательской по отношению к России)⁴⁷, **проведение в этой связи «ограниченной» и «экономичной» национальной военной деятельности**, опирающейся на такие начала, как:

— соответствие вооруженной силы национальным особенностям, экономическим возможностям страны, характеру ее территории и свойствам населения («*соразмерно способам и доходам своим ополчаться... народ... взиманием не оскудить*» (П. Румянцева)); дополнительное усиление национальной обороны за счет *невоенных факторов мощи*:

территории, пространства, времени, организации, экономики, хорошей политики, дипломатии, торговли, союзов, патриотизма, пропаганды и т.д.

— недопущение *«войн–катастроф»*, ведущих к истощению материальных, моральных и особенно людских ресурсов, помня, что: а) «богатство государства состоит не в количестве золота или серебра, а в многолюдстве» (Ю. Крижанич); б) *«армия содержится не для завоевательных целей, а для обеспечения внутренней и внешней безопасности государства»* (Н. Обручев);

— *«примирение с историческими врагами России»* (В. Соловьев, Ф. Достоевский), подкрепленное «союзами во имя мира»⁴⁸, которые исключают возможность вовлечения России в разорительные и невыгодные для нее войны; недопущение враждебных для России политических союзов по периметру ее границ;

— самобытное, эволюционное, *«энергосберегающее»* развитие русской вооруженной силы, позволяющее экономить усилия, деньги, не калечить судьбы людей в бессмысленных и ненужных радикальных военных реформах; заимствование у иностранцев только самого необходимого и, безусловно, полезного для русского военного дела (приемов военного искусства, техники, идей и т.д.);

— содержание хотя бы *малой, но исправной, находящейся в хорошем состоянии армии*, облегчающей бремя своего существования для народа и государства творческим использованием военного искусства и *гармоническим сочетанием* в себе качества и количества, духа и техники, регулярности и милиционности, гражданского и военного персонала и т.д.;

— отделение армии от «дурной» политики, анациональной идеологии, общественной розни, предательства, неправды, произвола, ложного демократизма и других негативных явлений на основе Аполитичности, Законности, Сословности, Понимания и Духовности.

2. Воскрешение национального духа армии (служения, горения, подвижничества) ради общего дела во имя защиты России.

Изначальное качество войска находится в «душе армии», которая превращает его в живой организм, самостоятельно различающий свою дорогу («Начало жизни не в теле, а в душе» (Л.Толстой))⁴⁹. Сильная духом армия способна поддерживать и хранить энергию и государственный смысл Нации («Армия — та же Нация» (А. Керсновский)). В этой связи она (Армия) становится символом и лицом государства–нации, «знаменосно-собранным “мы”», «школой характера и государственно–патриотического служения» (И. Ильин), «школой патриотизма и духа для народа» (П. Краснов).

Русская армия основывалась на православной культуре, национальном духе, одухотворенном человеке — «воине христолюбивом», «живых идеях»: «Мы — русские, с

нами Бог», «Молись Богу: от него победа», «За веру, Царя и Отечество» и других. Поэтому она создала не только Великую Россию, но и национальное военное искусство (результат деятельности духовных сил), подтвердив тем самым правомерность вывода о том, что *«военное искусство достигает высокого совершенства в периоды высшего подъема национального духа в среде армии. Этот национальный подъем и составляет основу ее могущества. Второе условие этого могущества состоит в возвышении умственного уровня армии...»*⁵⁰. Как только национальный дух перестал жить в армии, она потеряла военные добродетели и гражданские качества, превратилась в угрозу стране⁵¹.

Духовность («творчество в духе») — необходимое условие существования национальной качественной армии России. Она порождает «животворящие» мысли и идеи, вокруг которых спланивается войско, определяет его государственный смысл и основы воинского бытия, позволяет обрести «свое отечество», формирует праведную и благословенную любовь к Родине, которая обретается, по мнению И.Ильина, духовным самоопределением, живым и непосредственным духовным опытом, участием в духовной жизни: «Россия будет существовать, расти и цвести, если в ней *воцарится дух чести, служения и верности*; ибо дух бесчестия, жадности и предательства поведет ее опять по путям революции, распада, “переделов”, “социализма” и “интернационализма”, по путям позора и бессилия»⁵².

Государственная служба, опирающаяся на примитивный патриотизм и принуждение, проявляет себя все более ненадежным основанием общественной жизни; она в значительной степени исчерпала не только свои возможности, но и энергию народа. *Надежда вся на возрождение древней русской традиции вдохновенного, самопочинного, частно–инициативного служения*⁵³ *общему делу (русскому военному делу) во имя Правды и Бога.* Именно такое духовно–добровольное служение обеспечило долговечную и лучшую жизнь русской армии, добрую память о ней в сердцах потомков и уважение со стороны исторических противников России.

Высшая идея армии как *«христолюбивого воинства»* осуществлялась государственной политикой, но наиболее полно проявлялась в деяниях великих полководцев, которые стремились придать своим войскам «организацию, внушенную Богом» и опереться в бою на лучшие духовные свойства русского человека, привить ему качества «воина Христова»: храбрость, верность, товарищество, рыцарственность, человечность, стойкость, уверенность в справедливости войны и необходимости ратного дела («Воин, подобно государственному правителю, носит оружие для обороны правого, необходимого и священного дела»)⁵⁴.

По частному почину были созданы «армии», которые остались жить в вечной духовной жизни: войско Дмитрия Донского, народное ополчение Минина и Пожарского, «настоящая» армия Петра I, победоносные армии Румянцева, Суворова, Кутузова, войска Скобелева, вооруженные силы Юденича, Колчака, Деникина и т.д. Они стали одухотворенными явлениями национальной военной культуры и навсегда остались жить в памяти последующих поколений⁵⁵.

Самодеятельный характер носила система «народного временного войска» (ополчения), которое собиралось по инициативе «снизу» и «сверху» для защиты и обороны России от превосходящих сил врага, когда постоянная армия (если таковая имелась) не могла справиться с этой задачей. Принцип ополчения применялся во всех значимых войнах России. В 1812 году, например, действующей армии добровольно помогают следующие ополчения: Санкт–Петербургское, Московское, Тульское, Рязанское, Малороссийское, Владимирское, Нижегородское, Тверское, Ярославское, Коломенское, Смоленское и другие.

Самопочинно (при минимальном участии государства) возникло и расцвело такое явление нашей русской жизни, как казачество. Казачьи войска (а их было немало) надежно обеспечивали охрану пограничных рубежей России и придавали особый (почти профессиональный) боевой дух иррегулярным войскам Империи.

Духовным служением проникнута вся творческая русская военная мысль, которая возникла и существовала исключительно по инициативе и усилиями офицерского корпуса, отражаясь в военных энциклопедиях⁵⁶, военной литературе, многочисленных военных журналах и газетах (некоторые из них были даже «частными») и особенно в уникальном духовном наследии российской военной эмиграции⁵⁷.

Здоровые корни духа старой русской армии, «добровольческое служение» особенно наглядно проявились в создании и длительном существовании *Белой армии*, которая перед лицом Божиим одержала, несмотря на видимое поражение, моральную победу, собрав под свои знамена тех, кто выбрал почетную смерть за честь и достоинство Родины, а не позорную жизнь. «Живая» идея белой армии (И. Ильин) основана была на бескорыстном героическом сопротивлении, на достоинстве и служении, национальном возрождении, правосознании и патриотической самодеятельности, жизненном долге и смертном призыве⁵⁸.

Нельзя забыть о тех многочисленных сражениях и боевых подвигах, в которых гений русского военного искусства и горение национального духа проявлялись особенно ярко. Все они вошли в «душу армии» и живут в ней в именах и лицах героических русских воинов, добровольно отдававших свою жизнь за Отечество, честь и достоинство армии.

«Мы располагаем бесчисленными духовными сокровищами, — писал А.А. Керсновский в упомянутой уже книге. — Они лежат еще втуне, но дадут, при

умении взяться за дело, небывалые плоды как в мирном строительстве, так и на полях сражений»⁵⁹. Духовный характер армии России укрепитя этими сокровищами — явлениями национального русского духа. Их усвоение явится результатом изучения *отечественной военной истории*, которая «будит национальный дух граждан, возвышает его примерами доблести, утешает в невзгодах созерцанием настойчивости, энергии, бескорыстия народных героев, вселяет веру, но не самоуверенность в силы и ум своих богатырей»⁶⁰. *Но создание сильной духом армии, способной компенсировать государственную слабость и «ограниченность» нашей военной политики, будет в значительной степени зависеть от того, в какой степени лучшие силы армии и страны смогут восстановить традицию высшего, самопочинного служения и обеспечить ее хотя бы небольшой народной и государственной поддержкой.*

АРМИЯ КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

Чтобы сохранить долговечность и качество, армия России должна иметь не только национальный характер, но и быть произведением (явлением) военного искусства, то есть красивой, привлекательной, совершенной и эффективной по своему воздействию военной системой. Только в этом случае появится возможность рассматривать «ратную мудрость, опричь богословия, паче и превыше всех иных мудростей», «побеждать больше разумом и искусством, нежели множеством», «знать вести войну... уметь бить» (Петр I и Суворов), «управлять судьбой противника» и «покорять чужие войска без сражения» (Сунь-цзы)⁶¹.

На основе западной военной науки и искусства Петру Великому удалось создать настоящую (регулярную) армию, которая предназначена была для сохранения внутреннего спокойствия, защиты государства от внешнего нападения и распространения торговли⁶². Потемкин, Румянцев, Суворов, Кутузов и их сподвижники привели ее к Славе и превратили в *высшее достижение русского военного искусства*: «Россия конца XVIII века, имевшая армию, укомплектованную крестьянством по воинской повинности, выдвинувшая в снаряжении и воспитании армии идеи рационализма и демократизма, временно обогнала Запад с его вербованными армиями в развитии военного искусства», — отметил в своем капитальном исследовании А.А. Свечин⁶³.

«Это был золотой век нашей армии» (А. Геруа): она имела свою «науку побеждать» (доктрину) и представляла собой качественное, отборное войско, способное сражаться с любым противником; ее вели в бой великие полководцы, имевшие свободу действий и, как правило, сами разрабатывавшие и осуществлявшие планы войны. Наступательность и

частная инициатива позволяли искусно действовать не только в «правильной войне», но и навязать противнику свою волю действиями «не по правилам», воевать на чужой территории, добиваться успехов кратчайшим путем, то есть уничтожением живой силы противника.

С конца XVIII века, и особенно с 1812 года, военное искусство, требовавшее беспрестанного упорного труда и серьезной учебы, стало приходить в упадок, пошло «по нисходящей кривой» (А. Свечин); наблюдалось «сознательное и бессознательное пренебрежение принципами военного искусства», что привело к «пролитию лишней крови» и «неудачным войнам, оплаченным многочисленными жертвами» (А. Баиов). Надолго укрепилось сознание, что и без серьезной военной подготовки (совершенства), без военной конкуренции, без «воли к экстраординарным победам» (А. Свечин), без серьезной вооруженной силы Россия останется неуязвимой (непобедимой), и «ни одна враждебная комбинация в мире не окажется в силах нанести смертельный удар русскому государству»⁶⁴. Несмотря на нашу неготовность и первоклассное войско противника, мы победим: Числом, Стойкостью⁶⁵, Силой (которая ломит, валит и достигает цели), Океаном русской земли (в которой все равно растают неприятельские полчища), Морозом, Партизанской войной, Миролюбием (в которое никто не верит), а если не повезет, то «вывезет Нижний с Мининым и Пожарским» (А. Риттих).

Война и армия не готовились (с точки зрения военного искусства) в мирное время; серьезных предварительных расчетов не было («не побеждает тот, кто не имеет предварительных расчетов» (Сунь-цзы)); надежда возлагалась, по сути дела, не на специально созданную и подготовленную армию, а на «неприкосновенный запас» государства (народ, материальные ресурсы и территорию), что вело к разорительным усилиям подготовки во время самой войны, «напрасному соревнованию людьми, средствами и деньгами»⁶⁶, крайнему истощению сил и энергии народной, безнравственной «игре кровью» (В. Драгомиров).

Руководители России (за исключением Петра I и Екатерины II) не понимали и не ценили **военное искусство как умственную, творческую деятельность, основанную на культуре, специальных знаниях и упорном труде по: 1) созданию и устройству вооруженной силы; 2) умелому использованию (в совокупности с другими силами и средствами) в интересах Войны и Политики**⁶⁷. Военное искусство выступает, таким образом, представителем *качественной* стороны военного дела и охватывает *области* Войны и Мира, Политики и Стратегии, Науки и Практики, Материи и Духа, Человека и Организации, Техники (Оружия) и Интеллекта, Защиты и Нападения, Обороны и Наступления, боевых действий на суше, в воздухе и на море. Только в этом случае

обеспечиваются широкий диапазон (свобода) действий и механизм не только успешного ведения войны «малой кровью», но и ее недопущения в неблагоприятной обстановке.

Пренебрежение настоящим (высшим) военным искусством, следование опасному заблуждению о неисчерпаемости людских и материальных ресурсов России, обеспечивающих якобы ей победу в любой войне и на все времена, ставка на количественные факторы военной мощи и географические условия — все это привело страну к беспрецедентным поражениям и неудачам, а главное, к безразличию народных масс, которые больше не захотели защищать свое Отечество под руководством бездарных политиков и командиров, да еще в рядах «жертвоприносящей» армии, забывшей почти все заветы военного искусства. *«Инстинкт массы в этом отношении непогрешим, — пишет В. Драгомиров о печальных событиях 1917 г. — Она сразу узнает, кто ведет к победе и кто руководится эгоистическими побуждениями, не знает дела, вольно или невольно играет кровью людей. Это единственное преступление, которое масса никогда не прощает. Кто виновен в этом — теряет власть над людьми. Масса реагирует на это всякими способами от чисто пассивных до активных, от формального повиновения до открытого неповиновения»*⁶⁸.

Подтвердилась евангельская истина: «Претерпевший до конца, — спасен будет». Вместо того, чтобы продолжить военное дело Петра и «екатерининских орлов», потомки *облегчили* свой ратный труд и довели страну и армию до несчастья и истощения, позора и стыда. И в этих условиях окончательно стало ясно: **спасти Россию от гибели, надежно обеспечить ее национальную защиту (оборону), вернуть армии любовь народа может только возрождение военного искусства**, рассматриваемого как продукт отечественной культуры и науки, как одно из высших достижений современной мировой цивилизации⁶⁹. Иного не дано.

Чтобы двигаться по этому пути, необходимо обратить внимание на следующие положения.

◆ Военное искусство определяется «законом культурности»⁷⁰. Оно способно прогрессивно развиваться лишь: а) на собственной национальной основе (главный военный закон заключается в том, что военное искусство национально); б) исторически (на старом прочном основании возводятся все новые и новые этажи усовершенствований); в) эволюционно (военное искусство революций не знает, даже при ускоренном протекании эволюционных процессов никогда не разрушается связь с прошлым, преемственность). **«В военном искусстве, — заключает А.К. Байов, — ничто сразу не рождается... в нем с течением времени все лишь совершенствуется, и это не только в области идейной и технической, но и в области исполнительной, прикладной...»**⁷¹.

Истинное военное искусство (творчество) использует расчет, риск (случайность), основывается на самодеятельности и опыте родной армии: «Не лучше ли нам поучиться на своем же опыте? Что ни говорите, — военное искусство обще, международно, а достоинства и недостатки национальны и притом наследственны», — отмечает А.Геруа. Воплощение в жизнь военного искусства (наиболее трудное для нас дело) определяется познанием общих законов и принципов войны (боя), глубоким (проникновенным) изучением элементов современного военного могущества (военной системы), явлений новейшей войны, которые проявляются в комбинации этих элементов (человек, оружие, система решений и другие). Только такой метод дает прочную технику военного искусства, компромисс между ремеслом и творчеством в боевой и мирной обстановке⁷².

Современное военное искусство имеет дело со всей совокупностью сил и средств нации, составляющих ее военное могущество в целом, а не только с вооруженными силами. Оно обеспечивает равнодействующую этих сил и средств, а также гармоническое сочетание (синтез) материальных и духовных элементов войны (армии). В связи с быстрой эволюцией форм военного искусства (развитие современной техники!), и духовно–нравственным напряжением современной технической войны, грозящей невероятными бедствиями и опустошениями, военное искусство стремится сохранить творческий характер за счет включения в свое содержание военной науки, рассмотрения человека как главного орудия войны и усиления духовного качества армии как основного условия ее надежности, «искусности» и победоносности⁷³.

♦ В области войны и армии богатое прошлое России выдвинуло на первый план следующие принципы и идеи военного искусства.

Во–первых, настоятельная потребность страны в вооруженной силе и опыт ее использования в удачных и неудачных войнах привели к пониманию войны как искусства («тончайшего, божественного искусства» (Сунь–цзы)) и в то же время только «*крайнего средства* в руках политики для разрешения спорных вопросов» (Г. Леер). *Военное искусство придает войне гуманный характер, обеспечивает победу в ней в кратчайшие сроки и с наименьшими жертвами, содействует проведению разумной, целесообразной политики с наименьшим ущербом для мира, который наступит за войной, что в свою очередь позволяет сохранить ее в качестве законного и неизбежного фактора развития человеческой культуры⁷⁴.*

Во–вторых, война как искусство все более опирается: а) *на принцип «частной победы»*, позволяющий успешно бороться с противником, не имея численного превосходства на всем ТВД, и требующий «быть сильнейшим на решительном (важнейшем) пункте в решительную минуту»;⁷⁵ б) *на науку и «научное» понимание современных военных явлений,*

на доктрину как ««приложение» к реальностям создающейся обстановки, общих принципов военного искусства», на предугадывание характера будущих сражений, дающее верный взгляд военный;⁷⁶ в) *на интеллектуальные средства вооруженной борьбы*, а также «невоенные» способы ее ведения: «социальные удары», «моральные атаки», «экономическую войну», дипломатию, финансы и другие; г) *на подготовительную военную политику*, способную предотвратить войну, не допустить или заменить ее своеобразной «шахматной игрой» и демонстрацией военной мощи, которая сдержит неприятельские войска от агрессии или «поставит их в невозможность действовать»⁷⁷.

В–третьих, военное искусство требует:

— чтобы во главе армии стояли «героические вожди, артисты военного дела, способные заразить войска органичным *интересом к войне*»; чтобы военное сословие «держалось в особой атмосфере, насыщенной мыслью о войне, опытом войны, поэзией войны, религией войны» (М.Меньшиков);⁷⁸

— чтобы армия уже в мирное время была *подготовлена к войне* и из нее должно быть выброшено все, что мешает формированию солдата в точном значении этого слова, а жизнь и быт войск должны быть налажены «сообразно требованиям военного времени» (А.Геруа: «толково проведенный мирный период дает счастливую войну»);⁷⁹

— чтобы армия, желающая иметь успех на войне, на первый план своей подготовки выдвигала не одно численное превосходство, а прежде всего «*развитие в войсках умственных и нравственных качеств*» (Д.Трескин)⁸⁰ и «*умение вести современную войну*», без чего «ни самые новые образцы пушек, ни пулеметы, ни аэропланы не спасут этой неповоротливой массы от позорного бегства перед численно слабейшим, но современным по подготовке врагом» (А.Незнамов)⁸¹.

В–четвертых, чтобы претворить в жизнь указанные выше положения, принципы и требования, необходимо «*предпочесть качество войск их количеству*», «*улучшить качество армии*» (А. Геруа, А. Баиов и другие). Только в этом случае появится возможность заменить обременительное и опасное «полчище» на небольшую (малую) профессиональную армию, которая явится не только условием возрождения и венцом военного искусства, но и фактором недопущения войн с разнокачественным противником, а также средством экономии материальных ресурсов государства и народных сил общества. *Военное искусство позволит России без ущерба для качества сократить количество вооруженных организаций и служб, армий и дивизий*⁸², штабов и военных учреждений. Можно с уверенностью сказать, что оно в буквальном смысле заменит значительную часть постоянной армии мирного времени, а в случае войны не допустит массового использования и истребления народных масс на полях сражений.

♦ **Необходимо, однако, помнить, что существующая в России с начала XIX века военная система ведет к крушению качества и упадку военного искусства, главные принципы которого так и остались в ней только благими пожеланиями!** Десятилетиями ведется «игра кровью», сохраняются неподготовленность к войнам и бездарное управление войсками. Бытовые особенности нашей полумилиционной армии «портят» все элементы военной системы, «упражняют» в будущем защитнике родины «вредные для армии и войны стороны ума и духа», превращают армию в «нечто среднее между сельской школой, образцовой фермой и ремесленной мастерской» (А.Геруа). Бесконечно продолжается сознательное и бессознательное разрушение кадра армии. Особенно ее офицерского корпуса. Самостоятельное развитие в духе заветов прошлого и национального военного искусства заменяется бессистемным и не менее разрушительным подражанием иностранным образцам. Демонстрируется (по-другому не скажешь!) совершеннейшее невнимание к первоисточникам военного дела: военной истории и его современному состоянию, объективное изучение которого «не поощряется». Военное невежество и незнание себя, противника, страны, обстановки дошло до критической черты, за которой начинается полный упадок армии и военного дела.

Военное искусство указывает выход из сложившейся ситуации. Необходимо длительным усилием, с «божьей помощью» и напряженным трудом **«исправить организацию армии»**, вернуть ей естественно–исторические оригинальные черты, создать в конечном итоге «разумную организацию армии из наличного материала» и научиться **«учиться у себя самих и лечить родные язвы родными лекарствами»**. А.Геруа, которому принадлежат эти простые и в то же время так важные для нашего Отечества слова, заключает: «Путь для улучшения качества тоже только один, — тот, к которому мы обнаружили так мало внимания до войны и так много пренебрежения во время ее: этот путь — организация. При правильной организации и все отправления армии нормальны, и воспитание, на которое мы так много возлагаем надежды, принесет свои плоды... Итак, организация, организация и организация!»⁸³

НАИЛУЧШАЯ ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Армия должна соответствовать своему предназначению: обеспечивать безопасность и жизнь народа, деятельность государства с наименьшими жертвами и с максимальным использованием достижений военного искусства. *«Чтобы издержки, употребляемые государством на содержание войска, не пропали даром, необходимо, чтобы качество его*

было высоко. Много ли, мало ли войск, они должны быть хороши как в мирное, так и в военное время» (Н. Обручев)⁸⁴. В условиях России «хорошие войска» может гарантировать только **выработанная жизнью военная система**, состоящая из: 1) Сильного, профессионально организованного и идейно сплоченного офицерского корпуса. 2) Профессиональной (отборной) армии. 3) Резервной армии (государственного ополчения), подготовленной на милиционных началах. 4) Мощного «мозгового» центра, обеспечивающего научную подготовку обороны, анализ военно–политической обстановки, учет сил и ресурсов, эффективное использование военной мощи страны. 5) Системы воинского воспитания. Все эти элементы складывались в России на протяжении многих веков; они имеют соответствующие аналоги в мировом военном искусстве и могут быть постепенно восстановлены в относительно короткое историческое время⁸⁵.

Данное заключение основывается на следующих выводах.

I.

Самым надежным ядром российской армии всегда было офицерство; без надлежащего руководства она не раз обрекалась на гибель. Офицер обучал и воспитывал солдата, составлял основу «духа и организации войск», создавал армию как серьезную вооруженную силу, вел ее в бой и на Голгофу, «увеличивал своими соображениями (командованием и умением. — А.С.) результаты действий войск иногда вдвое, а иногда в 10 и более раз»⁸⁶.

Российский офицер, от позиции и качеств которого в буквальном смысле не раз зависела судьба Отечества, не имеет права принадлежать к «низшему сословию», оставаться деморализованным, забитым, полуинтеллигентным, невежественным в государственном и военном отношениях: «Напрасно думают, что офицером может быть всякий средний, слабый человек; допустить это, то армия умрет, так как ее основа, офицер, перестанет ее одухотворять»⁸⁷. Поэтому лучшие из офицеров всегда стремились служить Отечеству по совести и долгу, быть «рыцарями», «воинами по призванию», «артистами боя», «подвижниками военного дела».

Создавая долговечную, качественную армию, какой бы она ни была по форме, необходимо, прежде всего, **укрепить офицерский корпус России**: 1) восстановить благородные традиции русского офицерства; 2) поднять звание офицера на недостижимую для обычного гражданина высоту⁸⁸; 3) соединить в офицере качества командира и специалиста военного дела, преданного ему не менее чем Отечеству и долгу; 4) создать подходящие условия для службы, карьеры и творческой деятельности; 5) сплотить офицерство единой самодеятельной профессиональной организацией, позволяющей

эффективно решать вопросы самообразования и качественного усовершенствования вооруженных сил; б) «немедленно и смело решить унтер–офицерский вопрос. Налицо чужие образцы и наш собственный опыт. Выбор незатруднителен, а главное — до крайности неизбежен, ибо недопустимо дальнейшее оставление наших офицеров без помощников унтер–офицеров, систематически воспитанных и образованных в духе современного состояния военной науки и взглядов на государственную оборону»⁸⁹.

II.

Создание малой профессиональной армии — это сегодня единственный способ надежно обеспечить внутреннюю и внешнюю безопасность России, остановить процесс разложения существующей военной системы, поднять престиж армии в обществе, возродить военное искусство и обеспечить специализацию военного дела. Инстинкт самосохранения заставляет отделить армию от народа, конституировать вокруг военной специальности особое «сословие», знающее военное дело до тонкости и возвышающее духовные и боевые качества воина до наивысшей степени. Профессиональная армия должна комплектоваться из лучших людей, состоять не из наемников, а из добровольцев («охотников»), воинов по призванию, воодушевленных, прежде всего, идеей высокого служения Отечеству, а потом уже материальной выгодой и юридическим обязательством (контрактом). Она должна быть отборным войском, и только в этом случае имеет право на существование.

Как и в XVIII веке, воссозданная профессиональная армия России не может не представлять собой *подвижной, наступательной силы*, так как только маневренно способная армия является высшим выражением военного искусства и качества войск (А. Стронин, Н. Головин). Обладая высокой подготовкой, технической оснащенностью, искусством эффективного использования новейшего оружия, необычайной способностью к маневру, удару и огню, отборная армия уже в начале военных действий будет развивать чрезвычайную мощь, приводить противника не только к материальным потерям, но и к моральному потрясению, будет держать его в «состоянии хронического изумления». Такая армия *сможет самостоятельно вести «малую» войну*, обеспечивать отражение внезапной агрессии, прикрывать и укреплять отобилизованные войска в случае широкомасштабных и длительных военных действий. И главное: она сможет эффективно противостоять организованной и неорганизованной нечисти, которая вновь грозит погубить Россию, всяким болезненным вспышкам, которые будут предупреждаться таким влиянием армии на народ, когда будет достаточно мысли о наличии надежной армии, «чтобы не допустить в душах и желание беспорядков» (П. Краснов).

В настоящее время, как и в сентябре-октябре 1917-го, есть не только нужда, но и возможность из наличного материала (офицерского состава и «охотников») **создать хотя бы один отборный гвардейский корпус**, который бы стал своеобразным «якорем» современного слабого «штатского», милиционированного войска, возродил бы традицию русской гвардии как «боевой и серьезно-служебной школы отборного личного состава» и положил бы начало существованию пусть пока очень малой, но настоящей профессиональной армии России⁹⁰. Ведь и в начале XVIII века регулярная долгосрочная вооруженная сила возникла из «потешных» войск, прекрасно оправдав пословицу: «Мал золотник, да дорог».

III.

После организационного укрепления офицерского корпуса и создания первичного ядра профессиональной армии можно серьезно *продумать вопрос о превращении существующей кадровой организации (полумилиции) в настоящую милиционную систему*, сохраняющую в наших условиях на длительную перспективу форму постоянной армии, но уже при значительно более коротких сроках действительной службы и территориальном принципе комплектования. Таким образом, будет не только в лучшем (подготовленном — !) виде восстановлена традиционная и необходимая для России система «государственного ополчения — временного войска», но и возникнет **мощная организационная структура резервных войск**, обеспечивающая через свои элементы (дивизии, полки, центры, базы, пункты учета) способность к быстрому развертыванию *боеспособных* вооруженных сил в случае подготовки или начала большой войны.

◆ России «*вредно отказываться от возможного увеличения своих военных сил*, так как тогда мы не воспользуемся колоссальностью нашего государства» (И. Маслов).

◆ «Нам нужна сколь возможно сильная боевая армия из отлично обученных солдат, если можно, не слишком краткосрочных, а за армией — достаточно *подготовленные* народные силы, для образования неопределенного числа резервных войск, сколько бы их ни потребовалось, и безостановочного пополнения армии в военное время» (Р. Фадеев).

◆ «У нас в России постоянная армия окажется численно далеко не на высоте всех многочисленных и разнообразных задач по обеспечению наших пределов, и *широкое обращение к второочередным войскам* — несколько шагов в сторону вооруженного народа — окажется в случае серьезной войны, безусловно, необходимым... Над подготовкой второочередных войск нужна тяжелая и самоотверженная работа — и в армии, воспитывающей их вождей и хранящей их средства, и в народе — в той семье, которая покоит «приходящих». За бумажную отписку, за сонное отношение к подготовке

вооруженного народа можно получить сюрприз в виде людской пыли, в виде толпы пьяной и вооруженной, а потому и опасной, черни, в виде бегущих с поля сражения редифов, ставящих в безысходное положение еще сражающиеся перволинейные войска» (А. Свечин)⁹¹.

Таково мнение военных авторитетов. Оно означает только одно: милиционные войска, какую бы функцию они ни выполняли, должны в мирное время готовиться к войне и быть боеспособными, чтобы не допустить вновь тех кровавых потерь, которые понесло наше «ополчение» во время последней мировой войны.

IV

Армия должна быть умственной силой, потому что «ныне воюют не столько оружием, сколько умом» и военное искусство достигает расцвета у народов цивилизованных, интеллигентных, давая в их руки необходимые знания и «научные средства» ведения войны; нам же даже «слава военная и силы наши не пошли впрок, именно по узости мысли» (Ф.Достоевский)⁹². Без широко поставленных и глубоко проникающих размышлений невозможно совершенствование армии, а тем более ее умелое использование в интересах политики.

Умственное возвышение российской армии необходимо начать с *нравственной*⁹³ *познавательной деятельности*, так как только она дает знания, позволяющие армии развиваться как живому, сплоченному организму. Познавательные потребности вооруженной силы определяются:

— *отечествоведением*⁹⁴, то есть знанием государственных (народных) сил и средств России, составляющих ее военное могущество и используемых для обороны страны;

— подробным и глубоким *самопознанием* вооруженной силы: «Не зная своей армии, мы можем лишь слепо верить в ее мощь, а потому и жестоко поплатиться за свою неосведомленность» (С. Кедрин)⁹⁵.

— *наукой о войне* («современной войне»), непрерывным *анализом мировой военно-политической обстановки*;

— обширными и в то же время *специальными знаниями о вероятных противниках, союзниках и соседях*;

— *пониманием военной истории России*, истории военного искусства, русской мыслительной военной культуры;

— *фундаментальными и прикладными стратегическими и научно-техническими исследованиями*.

Умственная организация армии может быть разнообразной, но она должна опираться на самодеятельные усилия военнослужащих, гражданских лиц и специальных учреждений, а также обеспечивать синтез полученных знаний в «мозговом» центре по типу «Большого Генерального Штаба» или «Центре национальной обороны», который за *счет научной подготовки* оптимизирует ресурсы обороны, экономит усилия и обеспечивает своевременное распознавание угрозы малой или большой войны и соответствующую подготовку к ним вооруженных сил России заблаговременно и на «дальних подступах».

V.

В армии следует культивировать воинское воспитание, создающее боеспособный личный состав, обладающий высокими нравственными, умственными и физическими *качествами*: религиозностью, патриотизмом, чувством долга и чести, верностью своему делу, благородством, дисциплиной, мужеством, храбростью, бесстрашием, выносливостью и т.д. При этом «разумная, осторожная военная организация должна дать возможность армии самой ковать свой дух» (А. Геруа)⁹⁶, делать солдата независимым от результатов (удачных или неудачных) войны и предохранять его от «разлагающих влияний родины»⁹⁷.

За три века своего существования регулярная русская армия выработала позитивную воспитательную систему, опирающуюся на Сознательность, Человечность, Законность, Справедливость и Подчиненность требованиям военного искусства и интересам боевой подготовки. Ее основными слагаемыми являются:

Первое. Воспитание сильной духом армии, «действительно христолюбивого победоносного Российского воинства» (П. Краснов), настоящего воина, «способного с честью защищать Отечество» (Н. Обручев).

Второе. Культивирование особой солдатской гордости, чувства собственного достоинства, ответственности за судьбу Народа и Нации: «Мы — русские. С нами Бог», то есть нас нельзя победить!

Третье. Формирование уверенности «в своем искусстве и в искусстве (умении) своих начальников» (сознания своего превосходства в «умении» (А. Незнамов)), доходящих до «экстаза победы» (В. Драгомиров) — самого сильного чувства человеческой души.

Четвертое. Развитие корпоративного солдатского духа, преданности интересам общего дела (П. Залесский), сознания, что успех общей работы находится в зависимости от усилий каждого на своем посту.

* * *

Таковы основные размышления, приводящие к выводу о необходимости для России долговечной, качественной армии. **Восстановительная военная реформа**, вытекающая из

их содержания, может быть осуществлена не сразу, а только в пределах известного времени и в определенной последовательности. Важно при этом сверять наши действия с делами и мыслями тех людей, которые все свои силы и душу отдали русскому военному делу, и в частности, запомнить еще два завета с их стороны:

«Больных организационных вопросов накопилось у нас так много, все они так тесно связаны между собою и так нуждаются в *планомерном*, не случайном проведении, — что невольно захочется напомнить об опасности... осуществления реформ в порядке *легкости их проведения в жизнь*, тем более, что *время* не ждет и требует строгой экономии в своем распределении. Другая опасность для военного организатора — это уступчивость желательным, человеческим, но не военным побуждениям — уступчивость в отношении *качества* армии в пользу гуманности»⁹⁸ (А. Геруа).

• «Высокое достоинство войск дает государству возможность уменьшать их число, сберегать средства, необходимые для развития народного. *Достоинство же войск вполне зависит от нас самих*. Вот, значит, цель, к которой должны стремиться все наши старания, вся наша деятельность. В этом стремлении заключается и самый долг наш. Кто его исполнит, тому государство будет вдвойне благодарно»⁹⁹ (Н. Обручев).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Петровская армия оставила потомкам не только Российскую империю, но и значительное *аналитическое наследие*, проникнутое творческим духом и стремлением познать Россию и ее вооруженные силы. Военная мысль «Русского Зарубежья» придала этому наследию характер законченного (и обширного) научного исследования, позволившего объективно ответить на вопрос, какая армия нужна России. Основные результаты этого «исследования» публикуются в двадцати одном выпуске «Российского военного сборника».

2. См.: Ильин И.А. Творческая идея нашего будущего // Российский военный сборник. — Вып. 6. — М.: ГА ВС, 1994. — С. 10.

3. Недопустимо оправдание наличия плохой российской армии «объективными обстоятельствами». Совершенная военная система требуется как раз потому, что Россия длительное время находится в неустойчивом состоянии — своеобразном переходном периоде к европейской (или собственной — ?) цивилизации. На этом сложном историческом

этапе необходимо *хотя бы одно надежное средство* предотвращения государственных катастроф и обеспечения национальной безопасности.

4. Подробно «работа» армии описана в трехтомной книге А.П. Куропаткина «Задачи русской армии» (СПб., 1910).

5. Такие задачи, как: создание государства-империи, защита независимости и целостности России, повышение материальной и духовной культуры. Много времени, сил и энергии ушло на использование российской армии в интересах европейской политики, ее участие в реализации «мессианских» проектов (панславистского, тихоокеанского, коммунистического и др.), не соответствующих жизненным интересам России.

6. Эволюция государства от военного учреждения (необходимое зло) через культурно–правовое государство (очевидное добро) к государству–Отечеству (абсолютная ценность для всех) подробно показана в статье Н.Гредескула «Россия и ее народы» (См.: Российский военный сборник. — Вып. 8. — М.: ГА ВС, 1994. — С. 40–41).

7. Подробности по этому поводу изложены в книге: Морской А. Военная мощь России. — Петроград, 1915. — С. 30–59.

8. Меньшиков М.О. Письма к ближним. 1915 год. — Петроград, 1916., С. 133. Известный русский публицист развивает эту мысль следующим образом:

«Поколения, воспитанные в бесславные годы, не могут быть столь же решительными, как поколения в века побед. Не будь Полтавы и Гангута, может быть, не было бы петровских реформ. Не будь блистательных суворовских и кутузовских побед, не было бы и золотого века нашей дворянской культуры. Не из пустого тщеславия мы *“должны победить”*, а ради последующего величия России и расцвета гения народного на всех его путях... Да ниспошлет нам Господь победу. Тогда молодая победоносная Россия под обвешанными славою знаменами великой армии непременно вступит на новую дорогу счастья; еще неслыханного у нас и небывалого» (с. 5). Ранее М.Меньшиков предсказывал, что вторая неудачная (неоконченная) война «вызовет у нас вторую революцию», так как «народ державный питает глубокую потребность в победе, и если ему отказывают в ней, не исчерпав сил его, то оставшиеся силы он невольно направит на разрушение» (Письма к ближним. — СПб., 1910. — С. 136).

Нельзя отрицать того факта, что СССР возник и укрепился благодаря победам в Гражданской и Великой Отечественной войнах. Однако советская военная держава приняла искусственные и явно гипертрофированные формы; как метастаза она поразила жизненные центры общества, подчинила военным потребностям его производительные силы и... нанесла сама себе поражение (распалась) в условиях мира, а не войны (примечательный и поучительный факт новой и новейшей истории).

9. Монархическая форма правления, например, до сих пор существует в некоторых цивилизованных странах и не мешает прогрессивному развитию. При совершенствовании своих армий никто из них не отказался полностью от старых исторических оснований (наглядный пример тому — Англия). **Россия ничего не выиграла от постоянного нарушения исторической преемственности:** разрушив монархию, она не стала демократической республикой, разложив старую надежную армию, так и не создала новой качественной военной системы. Так стоит ли ради сомнительных выгод поспешно уничтожать статус военной державы — единственную в настоящее время скрепу нашего разобщенного общества и фактор международного влияния — вместо того, *чтобы творчески и без ущерба для материального благосостояния граждан* приспособить «военную державность» к новым условиям? Нельзя забывать, что армия может быть не только бременем, но и залогом процветания и внешнего могущества Родины!

10. М.Меньшиков. Письма к ближним. — СПб., 1911. — С. 128. Данная мысль дополняется следующими аргументами: «Армия не есть простое ведомство, одно из дюжины наших ведомств. *Армия — хранитель государства, его щит и меч.* От армии зависит, быть или не быть империи; тысячелетняя история наша говорит об этом слишком красноречиво. Не было у славян организованной вооруженной силы — их завоевали варяги. Расстроилась варяжская сила, распустилась в славянстве — Русь завоевали Татары. Сложилась рать московская и создала царство. Чуть отстали от соседей в военном деле — едва не попали под польское иго. Могучий гений Петра наладил армию, и Россия сразу вошла в первый ряд народов. Петр торжественно завещал помнить о монархии греческой и не останавливаться в военном деле. Завещание это помнили сто лет — Россия ширилась и гремела в свете. Не оружием, а своим гражданским влиянием Европа победила Россию. Она ослабила ее революционным духом, пренебрежением к аристократии, к власти, к героизму, к тому, что составляло суть **военной культуры**. Революционной Франции захотелось быть гражданской; в подражание всюду выдвинулась буржуазия, штатская культура. Едва ли серьезно выиграла от этого сама Франция, и бесспорно проиграла Россия, у которой не было буржуазии и у которой единственный сильный класс был военный» (Письма к ближним. — СПб., 1909. — С. 23).

11. Дворянство обязано было служить *поголовно и пожизненно*, но уже в 1862 году при Петре III добилось «вольности» и позднее вовсе было освобождено от службы. Для податных сословий повинность была *общинной* (по необходимости общество само поставляло из своих рядов известное число рекрут). Иностранцы генералы и офицеры *приглашались* на русскую службу, получая за нее повышенное денежное содержание и другие льготы.

12. Подобный метод улучшения войска применялся и до Петра Великого, но в условиях господствующей тогда милиционной системы. К концу XVII века в России насчитывалось **90** тысяч войск «иноземного» строя (при **60** тысячах старого «русского» строя).

13. Позицию данной группы разделяли генерал–фельдмаршал А.И.Барятинский и будущий император России Александр III.

14. См. об этом в работах Р.Фадеева, указанных на с. 43 настоящего Сборника, а также в книгах: Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. — М.: МГУ, 1952; Мысли об организации Русской Народной Армии. — Вып. 1. — М., 1875; Бланк Г. Об отношении военной реформы к экономическому быту России. — М., 1871; А.Ш. О новой военной реформе с экономической точки зрения. — Б м/г, 1872.

15. На страницах газеты «Новое время» М.Меньшиков постоянно указывает на разлагающий для армии характер военных реформ Д. Милютин и его последователей, «клеят» всеобщую воинскую повинность как абсурдную, нелепую и обрекающую Россию (при нашей отсталости) **«на опасность иметь худшую армию»**: «Идет вольное и невольное стремление *рассолдатить строй*, обмещанить его, растворить в буржуазной гражданственности, в интеллигентском демократизме. *Военную* армию со всех сторон хотят сделать штатской, то есть в стиле времени — возможно менее *государственной*, возможно менее *национальной*» (Письма к ближним. — 1910. — С. 160–161).

Справедливости ради следует заметить, что Д.А. Милютин внес значительный вклад в восстановление военной мощи России 60–70-х годов, что позволило ей успешно провести (но в основном с солдатами долгосрочной службы — !) русско-турецкую войну 1877–78 годов, за что бывший военный министр был пожалован в 1898 (!) году званием генерал–фельдмаршала. После воцарения Александра III граф Д. Милютин оказался не у дел. Его программа военных реформ так и не была доведена до конца. Армия вновь пришла в расстройство. Последовало поражение в русско-японской войне. Доживший до этого позора престарелый фельдмаршал успел написать в 1909 году «Старческие размышления о современном положении военного дела в России», где выдвинул новую программу усиления военной мощи страны и заодно упрекнул своих преемников в том, что они «не только не захотели идти по протоптанной тропе, но нередко принимали даже меры в противоположном прежнему направлении» (См.: Известия Императорской Николаевской Военной Академии. — 1912. — № 30; Разведчик. — 1912. — № 1130, 1140).

16. Геруа А. После войны о нашей армии. 2-е доп. изд. — СПб., 1907. — С.69.

17. Правительство на протяжении последнего века проявляло заинтересованность в лояльной и послушной, а следовательно, казарменной армии. Народ и выступающие от его

имени политические группировки склонялись к милиционированной армии. Обе стороны сознательно игнорировали тот факт, что российская армия «держалась» всегда офицерами, что только они были в ней **«настоящими солдатами»**. Сверхсрочнослужащие унтер-офицеры царской армии — в советской их не было — числились в мизерном количестве (8 тысяч человек; для сравнения, в Германии их было 60 тысяч). В начале, как и в конце, века офицеров постоянно не хватало; они «кочевали» по частям и гарнизонам, «убегали» из армии, не имея возможности заниматься боевой подготовкой, и влачили нищенское существование.

Из-за недостатка профессионалов Россия не смогла полностью использовать свой обильный людской материал в Первой мировой войне. Наличные кадры были скоро выбиты, армия разложилась и открыла шлюзы для завоевания власти большевиками и для гражданской войны. Большевики уничтожали оставшихся «настоящих солдат» — царских офицеров как врагов народа. Сталинский режим не пощадил и «своих» офицеров. Накануне Второй мировой войны было репрессировано **40** тысяч человек. **Не берегли офицерство** и в мировых войнах: в Первой страна потеряла безвозвратно **72** тысячи; во Второй (Отечественной) — более **1** миллиона (из них убитыми и умершими — **631** тысяча). (См.: Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и конфликтах. — М.: Воениздат, 1993. — С. 315.) В послевоенные годы находили другие способы устранения «настоящих солдат» — артистов и мастеров военного дела. Они «усреднялись» системой, попадали под сокращения, увольнения, партийно-политические чистки, «реформирование» и т.д. Удивительно, что оставшимся удавалось нередко сохранять традиции настоящей армии в «полчищах».

18. Опасный характер процесса «милиционирования» военной системы впервые отметил в книге «К познанию армии» А.Геруа (1907 год). Тогда же им были предложены основные меры предосторожности для нейтрализации этого явления. Однако они были проигнорированы политическим и военным руководством царской России, которое впоследствии, видимо, об этом сожалело. В Советской России на данный факт указывалось как на дополнительный аргумент в пользу введения в стране «чистой» милиционной системы. Большинство статей в «Вестнике милиционной армии» (существовал такой журнал в 1920—21 годах) начиналось с рассуждений о том, что императорская армия была *«миражем постоянной армии»*, что после мобилизации она *«перерождалась в ополчение»*, которое приходилось *«доучивать в боевой обстановке»*, и т.д.

19. За сто лет (с 1880 по 1980 год) мирная численность постоянной армии возросла с **800 тысяч до 5 миллионов** человек. При этом система льгот по воинской повинности всегда позволяла в России законно и незаконно уклоняться от действительной службы наиболее

развитому интеллигентному населению, без которого кадровая система не могла существовать, не нанося ущерба своему качеству. В армию (по повинности, а не по призыванию) попадали далеко не лучшие в этом отношении контингенты молодежи.

В связи со спецификой нашего воинского быта они занимались боевой подготовкой (даже при трехгодичной действительной службе) только **4** месяца, в то время как на выработку солдата–профессионала требовалось **7–8** лет (А.Геруа). Но и эти слабо подготовленные военнотруженики ежегодно покидали армию, уступая место новобранцам. В случае войны резервисты призывались от мирной жизни, где они успевали забыть военное дело (группировка войск в войне с Японией на 92 процента состояла из таких «миролюбивых мещан»). Но даже и эта «армия–школа» в последнее время выродилась в настоящий «детский сад», в котором службу несут «маменькины сынки» в 18–19 лет и который опекается движением солдатских матерей, все более приобретающим (в отличие от армии) облик профессиональной организации.

20. Интересно отметить, что настоящая (профессиональная) армия России *не знала казарм*, размещалась по обывательским квартирам. Казармы стали строиться (в основном «хозспособом») со второй половины XIX века. Но и к 1900 году только 60 процентов войск жило в казарменных условиях.

21. См.: Гриф секретности снят... — С. 10.

22. «Победоносная» война с Финляндией не принесла больших выгод СССР и только подчеркнула высокое качество финской армии. Советские же войска за 105 дней войны понесли потери в количестве 333 084 человек, причем погибших, умерших и пропавших без вести в этой войне оказалось с нашей стороны **126 875** человек. (Там же. — С. 99–103).

23. Не хочется верить, что начинает сбываться пророчество, приписываемое Ж.Руссо: «Русская империя захочет покорить Европу и будет сама покорена. Татары, ее подданные, или их соседи сделаются ее хозяевами и нашими: этот переворот мне кажется неизбежным». — См.: Меньшиков М. Письма к ближним. — СПб., 1910. — С.343.

24. Стронин А. История общественности. — СПб., 1985. — С. 561. Господство в военном деле культа числа проявилось следующим образом. Во всех войнах XVIII и XIX веков участвовало в боевых действиях со стороны России только **10 миллионов** человек (А.Морской), а в XX веке — не менее **50 миллионов**.

25. Использование российских войск в Чеченской республике (1994–1995 годы) проходило, к сожалению, по традиционному «разрушительному» сценарию и с «обычными» для армии «вооруженного народа» недостатками (массовыми потерями в живой силе и технике, гибелью мирных жителей, неподготовленностью к военным действиям и обучением

«воевать» непосредственно в боевых условиях). Вновь господствовал фактор силового превосходства, а не искусства.

26. Когда-то храбрые русские солдаты умели сражаться, а не только героически умирать. В XX веке обратных примеров становится все больше. Описывая один из них (Цусимский бой) М.Меньшиков в статье *«Мученики за Россию»*, приводя примеры гибели русских кораблей с героическими названиями («Суворов», «Адмирал Ушаков», «Осляба» и других), вынужден уже публично задавать вопросы: почему эскадра шла на подвиг, на гибель, «мечтала лишь с честью умереть, не больше»? Почему дошла в печальном для боя виде? Почему снаряды наши никуда не годились, корабли издалека расстреливались, гибли и шли на дно с офицерами и матросами, кричавшими «Ура»? Почему был не бой, а **«картина человеческого жертвоприношения»**? (Письма к ближним. — СПб., 1908. — С. 298–301).

В следующей войне все повторяется. Можно ли со спокойной совестью читать горькие слова беспристрастного наблюдателя со стороны: «Еще в начале 1915 года германцы, отказавшись от своего намерения уничтожить в первую голову французскую армию, обратились против русской, самой отсталой в тактическом отношении, носительницы самых устарелых традиций. Русский великан решил восполнить свою техническую отсталость **потоками человеческой крови**, и не прошло года, как Россия потеряла почти 4 миллиона людей. Мы можем только удивляться этому безумию. *В мирное время человеческая политика заключается в том, чтобы жить; если война есть продолжение политики, то нельзя жертвовать солдатами как кроликами*» (Дж. Ф.К. Фуллер. Реформация войны. Сокр. пер. с англ. — М.: Воениздат, 1931. — С. 22).

27. Куропаткин А.Н. Задачи русской армии. — Т. III. Задачи России и Русской армии в XX столетии. — СПб., 1910. — С. 229.

28. **Россия гибнет от тирании слабых**, заметил однажды М.О. Меньшиков. В этом отношении вырождающаяся армия, находящаяся в постоянном кризисном состоянии, «выгодна» слабой системе. Она в ней — орудие произвола и насилия, средство борьбы за власть, вотчина для «кормления», оправдание для усиления других «ведомственных войск» и создания новых спецслужб, не менее опасных для общества, чем слабая армия.

29. Геруа А. Полчища. — София, 1923. — С. 314.

30. Эта фраза стоит, например, на титульном листе книги А.Ф. Риттиха «Записки по предстоящим вопросам (Очерк государственной обороны)», изданной в 1906 году. Она свидетельствует о нежелании военного руководства, как тогда, так и позже, прислушаться к выводам отечественных военных аналитиков, писавших на «запрещенные» военно-политические темы.

31. *Сознание необходимости профессиональных армий обуславливалось в западной литературе этого времени следующими причинами:* 1) спасением европейской цивилизации от разрушительных и опасных для национального благосостояния войн; 2) проведением политики нации в войне «с наименьшим ущербом как для себя, так и для противника»; 3) возрождением подвижных армий, а вместе с ними и военного искусства; 4) обеспечением прикрытия для развертывания основных войск в случае внезапной войны; 5) отказом от опасных «полчищ», парализующих военное дело и гражданскую жизнь общества. Подробно об этом в книгах: *Лиддел Гарт. Новые пути современных армий.* Пер. с англ. — М., Л., 1930; *Дж. Ф.К. Фуллер. Реформация войны.* Пер. с англ. — М., 1931; *Г. Бастико. Будущая война.* Пер. с итальянского. — М., 1934; *Шарль де Голль. Профессиональная армия.* Пер. с франц. — М., 1935. Необходимо отметить в связи с примечанием № 30, что не менее интересные и полезные работы русских военных эмигрантов попали к читателю из «спецхранов» только в конце 80-х годов, причем в единичных экземплярах.

32. Следует понять: Россия — особый мир («мир таинственный, мир мой древний» (С.Есенин)), отличный от других цивилизаций («меньше всех сходствует с другими» (П.Румянцев)). Она — постоянный актер мировой политики, «прекрасное явление на мировой арене», — писал в свое время М.Погодин. Фактом своего государственного существования (общность разнообразных народов, обитающих на сложном геополитическом пространстве Евразии), Россия уже служит мировой цивилизации, отвечая за состояние дел в этом регионе земного шара. Россия не раз оказывала пользу не только славянам, но и «всечеловечеству», спасая его от татаро-монгольского ига (приняла удар на себя), наполеоновского закабаления, германского милитаризма ... и от коммунизма (своим поучительным примером). *Как отдельная цивилизация Россия может успешно развиваться только отказавшись от повторения всего пути европейской цивилизации, всего воспитания рода человеческого* (к чему активно призывал ее П.Я. Чаадаев) *и вернувшись на свою родную, историческую почву, к своим интересам и возможностям* (по мере польз и выгод своих распространяться и в приличном только иным подражать (П.Румянцев)). **Только став сама собой, Россия будет иметь высшую культуру,** осознанное чувство ответственности за благосостояние и жизнь народов, населяющих ее территорию, за судьбу Отечества и всего человечества, за свои действия внутри государства (цивилизации) и на международной арене (см. также примечание № 39).

33. Интересная мысль по этому поводу у Ф.Ницше:

«И война воспитывает к свободе. Ибо что такое свобода? То, что имеешь волю к собственной ответственности. Что сохраняешь дистанцию, которая нас разделяет. Что становишься равнодушным к тягостям, суровости, лишениям, даже к жизни. Что готов

жертвовать за свое дело людьми, не исключая и самого себя. Свобода означает, что мужские, боевые и победные инстинкты господствуют над другими инстинктами, например, над инстинктом “счастья”. *Ставший свободным* человек, а в гораздо большей степени ставший свободный ум, топчет ногами тот презренный вид благоденствия, о котором мечтают мелочные лавочники, коровы, женщины, англичане и другие демократы. Свободный человек — *воин*» (Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Пер. с англ. — Т 2. — М.: Мысль, 1990. — С 614–615).

34. В упадочном обществе, — отмечал Ф.Ницше, — «слабый вредит сам себе», так как все, что делается в состоянии истощения и слабости, приносит *неудачи*. В этих условиях **необходимо особое «инстинктивное» («естественное») поведение:**

1) «Иметь сильную волю и ничего не делать», чтобы охранить себя от глупостей и поражений. «Напряжение воли, направленное на далекое грядущее, подбор условий и оценок, дающих власть над сотнями лет вперед, — все это в высшей степени несвоевременно». Необходимо держаться за традиции, склонность к преданию и преемственности, не расточать, а капитализировать накопленное предками, сохранять бесстрастность, «не реагировать под влиянием слабости» на угрозы, разобщаться с людьми, бездумно призывающими больное общество к немедленным и решительным действиям, быть послушными и т.д., то есть вести себя как больному, но пытающемуся выздороветь человеку.

2) «Извергать из себя вредные (болезненные, испорченные, истощенные. — А.С.) элементы... Здесь не должно быть никакого *соглашения*: здесь надо вычищать, уничтожать, вести войну... Я учу говорить *нет* всему, что ослабляет, что истощает... Я учу говорить *да* всему, что усиливает, что накапливает силы, что оправдывает чувство силы...

Следует чтить *рок*, говорящий слабому: “погибни!...”»

3) «Возвратить людям *мужество* их естественных инстинктов. Препятствовать их низкой самооценке (не обесценению в себе человека как индивида, а человека как природы)...

Движение вперед к «естественности»: во всех политических вопросах и во взаимоотношении партий, даже меркантильных, рабочих или работодательных партий — дело идет *о вопросах мощи*: «что я *могу* и лишь затем как вторичное: “что я *должен*”».

(Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. — М.: «REFL-book», 1994. — С. 55–98).

35. См.: Российский военный сборник. — Вып. 7. К познанию России. — М.: ГА ВС, 1994. — С. 143.

36. В своих размышлениях о кризисе европейской цивилизации Ницше приводит пример России как наиболее надежного и вероятного фактора в великой игре и борьбе сил: **«Россия расширяет свои владения как государство, имеющее время и существующее не со вчерашнего дня, именно следуя принципу: “как можно медленнее!”»** Если есть воля к традиции, — подчеркивает он в следующем месте, — к авторитету, «к ответственности на столетия вперед», к *солидарности* цепи поколений вперед и назад *in infinitum*, то основывается нечто подобное *Imperium Romanum*, «или подобное России, *единственной* державе, которая нынче (1888 год. — А.С.) является прочной, которая может ждать, которая еще может нечто обещать, — России, **противопонятию жалкому европейскому партикуляризму и нервозности**, вступившим в критический период с основанием Германской империи... У всего Запада нет более тех инстинктов, из которых вырастают учреждения, из которых вырастает *будущее*... Живут для сегодняшнего дня, живут слишком быстро, живут слишком безответственно: именно это называют “свободой” (Ницше Ф. Сочинения в 2 т. — Т. 2. — С. 370, 616). Печально, но впоследствии мы утратили то, чем должны были бы гордиться: устойчивую, стабильную (историческую) Россию.

37. Своеобразным эпитафием к этому заключению могут стать следующие слова Б.Н.Чичерина: «Едва только у нас стало возникать чувство гордости за то, что мы — русские, как внезапно мы оказались покрытыми позором и кровью» (1861 год). — Цит. по: Секиринский С.С., Филиппова Т.А. Родословная российской свободы. — М.: Высшая школа, 1993. — С. 73.

38. Несколько красивых мыслей М.О. Меньшикова на данную тему:

О «прошлом»: «Мы катимся быстро по наклонной плоскости и уже почти скатились до дна жизни. Дальше начинается разложение, одичанье, смерть. Но тут же начнется, может быть, *восстановление*, своего рода *restauratio magna* вроде того, что в области знания дал Бэкон. Восстановление здоровья народного, счастья, порядка, красоты начнется с разыскивания того, что потеряно, что забыто. Когда преступные поколения передушат друг друга, как пауки в банке, когда поднимутся побегии сильных, чистых, честных людей, — тогда, прежде всего, заинтересуются *высоким прошлым* и постараются вспомнить великое, что забыто. Опять вернуться к памятникам и храмам. Опять зазвучат героические былины. Опять прошлое будет поучением для настоящего. Опять вспыхнет то прекрасное, многим незнакомое состояние, когда человек уважал человечество, — любил предков, гордился своей историей, был удовлетворен за прошлое и ставил счастьем довести заветы его до совершенного осуществления...

Христианским народам... привилась безумная мысль, будто прогресс состоит в том, чтобы завтрашний день отрицал сегодняшний, а сегодняшний отрицал вчерашний. Между

тем истинный, органический прогресс состоит в продолжении, в росте, в усовершенствовании, не отрицающем прошлое, а утверждающем его. Только такой — естественный прогресс — есть действительное развитие...» (Письма к ближним. — СПб., 1908. — С. 255).

О «правде и лжи»: «Выработка достойной человека цивилизации состоит преимущественно в борьбе с ложью, личной и общественной, какими бы культурными декорациями она ни прикрывалась. *Борьба с ложью во всех ее видах особенно необходима в России: неправда покрывает нашу страну особенно темным пятном... Борьба с ложью представляет необходимый и самый важный вид заступничества за народ и... борьба эта состоит, прежде всего, в гласном обнаружении правды»* (Меньшиков М. Народные заступники и другие нравственно-бытовые очерки. — СПб., 1900. — С. 288, 307).

«Если мужество против врага есть наилучшая оборона, то и *правдивость в отношении самих себя* есть драгоценнейший источник мужества» (Письма к ближним. 1915 г. — Петроград, 1916. — С. 416).

О «красоте»: «Мне кажется, *здание национальной жизни должно быть величавым, как старинный храм; оно должно быть произведением самого высокого искусства, на какое способен народ. Надо, чтобы красота его защищала от перемен, чтобы величественный закон было жаль разрушить, и чтобы самая мысль об этом казалась кощунственной»* (Письма к ближним. — СПб., 1903. — С. 207–208).

О «разуме»: «Как ни поверни, для великой страны необходимо много ума, и чем сложнее становится ее жизнь, тем больше. Ум народный — это своего рода кислород в воздухе, без него долго не продышишь. Это источник и условие бытия. Если это так, то надо всемерно заботиться о накоплении умственной силы в обществе. Важен золотой запас, **но запас сильной мысли — дороже алмазных россыпей»** (Там же. — С. 198).

39. «Хорошо и прочно строится лишь то, что строится исподволь и постепенно, а не “по щучьему веленью”, не путем конвульсивных и смелых разрушений старого дочиста, — заметил П.Сорокин еще в 1922 году. — Подобно французскому народу в прошлом столетии, мы забывали эту истину и платились и платимся за ее забвение. Это обстоятельство диктует нам **внимательнее оглянуться на наше прошлое**. Заботливое рассмотрение его показывает нам, что много хорошего было и в Московском государстве, и в России, попираемой ботфортами Петра. Немало его было и в более близком прошлом. *Пора оценить это ценное, заботливо поднять его семена и оживить силою мысли и напряженного труда. Выполнение этой задачи означает восстановление, сохранение и улучшение нашего национального лица.* Этот термин и эта задача так были запачканы в прошлом, что мешали нам рассмотреть то здоровое, что было и есть в желании иметь среди

других народов истории свои оригинальные черты и свое право на место и роль в великой драме истории. Теперь, когда история грозит нас обезличить, когда другие народы готовы исключить нас из числа главных действующих лиц и перевести нас на роль простых статистов, мы начинаем понимать **великую ценность национального лица**» (Сорокин П.А. Дальняя дорога: автобиография. — М.: Моск. рабочий; ТЕРРА, 1992. — с. 246–247).

40. Меньшиков М.О. Письма к ближним. — СПб., 1911. — С. 771.

41. Там же. 1912 год. — С. 488.

42. Предлагая новый метод управления разумом, основанный на опытном исследовании, Ф.Бэкон замечает: **«Надо направить наши шаги путеводной нитью и по определенному правилу обезопасить всю дорогу, начиная уже от первых восприятий чувств»** (Бэкон Ф. Новый Органон. — М., 1938. — С. 12).

43. Единственный способ существования и выживания России — быть не столько «многонациональным государством», сколько **«государством–нацией»**. Под «нацией» в данном случае подразумевается весь народ, организованный в государство, сплоченный не только общей властью, русским языком, но и историей, культурой, сознанием, принадлежностью к России как единому целому, солидарностью действий для общего блага и т.д. Такой народ представляет собой, прежде всего, духовную общность, рассматривает себя как совокупность не только живых, но живших ранее, а также будущих поколений, состоит из разных, но объединенных национальностей (этнических групп). **«Мы русские»**, — считали наши предки, среди которых было немало «инородцев» и иностранцев, преданных России не меньше, чем «настоящие» русские. За границей нас до сих пор называют «русскими». Только мы сами предпочитаем оставаться «россиянами» и бесконечно делиться на великороссов, украинцев, белорусов, татар, башкир, армян, грузин... считать себя дворянами, офицерами, чиновниками, интеллигентами, крестьянами, рабочими... патриотами и космополитами, правыми и левыми, демократами и государственниками... тамбовскими и пермскими... превращаться в партии и группы враждующих (политических и национальных) единиц, — вместо того, **чтобы быть одной русской национальной общностью**.

Лучшие люди России постоянно указывали на необходимость развиваться в национальном духе, жить для себя, во имя родины и для этого стать русской нацией, «родными людьми», спаянными и слитными в России. Армия не мыслила своего существования без этого условия: «Только в сознании национального единства России и русских людей можно найти твердую точку опоры для противодействия тем разлагающим силам, которые первым долгом гнездятся в нас самих. Только помня, что мы “русские”, забыв всякие ориентации, отбросив всякую сословную, классовую, кастовую и прочую

рознь, подчинив свою гордость и тщеславие национальному принципу — сможем мы говорить о возрождении России, о мощи и величии русского народа, не как 180-ти миллионного стада, но как единой, сознательной, живой нации» (Эремита В. Национальное самосознание // Воин. — 1922. — № 2. — С110).

44. Под «русской армией» понимается собирательный образ национальной армии, который в разное время просматривался в вооруженных силах Киевской Руси, Московского государства, Российской империи, Советского Союза, Российской Федерации. Следует также иметь в виду, что 28 апреля 1920 г. название «Добровольческая армия» было официально заменено генералом П.Н. Врангелем на Русскую армию, ставшую на последнем этапе Гражданской войны ядром Вооруженных сил Юга России и ушедшую в изгнание с этим именем. В приказах Главнокомандующего Русской армией есть такие слова:

«Величие Российского Государства покоилось на могучих Армии и Флоте. В переживаемое нами лихолетье, *небольшие числом, но крепкие духом* возрождающиеся Русская Армия и Флот — грудью своей отстаивают от красного интернационала последний клочок необъятной когда-то нашей родины.

Верю, что настанет время *и Русская армия, сильная духом своих офицеров и солдат*, возрастая, как снежный ком, покатится по родной земле, освобождая ее от извергов, не знающих Бога и Отечества».

Будущая Россия будет создана армией и флотом, одухотворенными одной мыслью:
«Родина — это все».

«Вдохнуть в армию эту мысль могут, прежде всего, гг. офицеры — душа армии...» (Приказ № 3580 от 26 августа 1920 г.).

«Русские люди. Оставшаяся одна в борьбе с насильниками, *русская армия ведет неравный бой*, защищая последний клочок русской земли, где существует право и правда».

В сознании лежащей на мне ответственности, я обязан заблаговременно предвидеть все случайности.

По моему приказанию уже приступлено к эвакуации и посадке на суда в портах Крыма всех, кто разделял с армией ее крестный путь...

Армия прикроет посадку, памятуя, что необходимые для ее эвакуации суда также стоят в полной готовности в портах, согласно установленному расписанию. Для выполнения долга перед армией и населением сделано все, что в пределах сил человеческих.

Дальнейшие наши пути полны неизвестности...

Да ниспошлет Господь всем силы и разум одолеть и пережить русское лихолетье.
Генерал Врангель» (Приказ от 29 октября 1920 г.). — Врангель П.Н. Воспоминания. Южный

фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). — Ч.П. — М.: ТЕРРА, 1992. — С.87, 311–312, 420–421.

45. Керсновский А.А. История русской армии. В 4-х томах. — Т.4. — М.: Голос, 1994. — С. 331–332.

46. Российский военный сборник. Вып. 7. К познанию России. — С. 270, 274.

47. Так полагали Ф.Достоевский, Д.Менделеев, М.Меньшиков. Россия действительно слишком расточительно использовала свои силы в мировой политике. Только с Турцией она провела несколько войн, и большинство из них — ради освобождения славянских (православных) народов. Сколько европейских государств она спасла от гибели! Сколько русской крови пролила ради интересов «союзников» и собирается еще пролить!? И это при чудовищной неустроенности внутри самой страны, грозящей национальному существованию и всему миру. А.А.Керсновский, с присущей ему эмоциональной прямоотой, подвел итог: **«Побольше веры в гений нашей Родины, надежды на свои силы, любви к своим русским. Мы достаточно дорого заплатили за то, чтобы на вечные времена исцелиться от какого бы то ни было “фильства” и знать одно русофильство. Довольно с нас “мировых проблем” и дорого стоящего мессианства! Не будем мечтать о счастье человечества — устроим лучше счастье нашей собственной страны. Довольно и “священных союзов” на русской крови и “мирных революций” на русские деньги и русские страдания»** (Керсновский А. История русской армии. — Т. 4. — С. 330).

48. Д.Менделеев: *«Уже и в прошлых столетиях союзы государств сильно влияли на ход истории, а в будущем в союзах и будет суть истории... Союзы современные именно, прежде всего, и назначаются для предупреждения войн не только договаривающихся стран между собой, но и с другими странами, по крайней мере, для их ограничения. Если еще донныне верен латинский совет: “Желая мира, будь готов к войне”, то скоро в Германии и Англии формируется совет: “Хочешь мира — заключай союзы”. Тут и логики, как хотите, больше. Великое значение союзов могло начаться и началось действительно с того времени, как мир обойден, и вместо appetitов завоевательного свойства явилось сознание опасности личной целостности и нарушения войнами драгоценнейших приобретений, происходящих от взаимных отношений народов всего мира... Как бы люди ни желали век вечный жить в добром согласии и какие бы союзы государства ни заключали, все же впереди, или точнее — в XX веке войн все же избежать нельзя, и если правительства будут мирить, народы не прекратят воевать и требовать войн... Быть готовым к войне надо и при союзах, самых надежнейших. Нападение нравственно оправдывает охранительные военные действия»* (Российский военный сборник. Вып. 7. К познанию России. — С. 249–251).

49. Толстой Л.Н. Путь жизни. — М.: Республика, 1993. — С. 24 и другие.

50. Трескин Д.Н. Курс военно-прикладной педагогики: Дух реформы Русского Военного Дела. — Киев, 1909. — С. VII.

51. «Как бы ни совершенствовались технические орудия войны... — главной силою, решающей успех сражения и дающей выигрыш всей кампании, был есть и будет **человек**, как воин и боец, человек, как совокупность человеческих душ — **общество**, человек, как **нация**, с ее душою и силою сопротивляемости.

Не странно ли, что в 1914–1915 годы Русская армия, слабая тяжелой артиллерией, почти не имеющая аэропланов, без снарядов и патронов... оборонила Варшаву, взяла Перемышль, пробилась через Карпатские горы в Венгерскую долину, отражая иногда камнями, за неимением патронов, австро-венгерские атаки.

Однако та же армия, вполне вооруженная, с аэропланами, тяжелыми пушками и газами, засыпанная патронами и снарядами, неудержимо бежит в 1917 году, под Калущем, учиняя Тарнопольский погром!

Не те люди стали в армии.

Не та стала — **душа армии!**

Немцы говорят: “anderes Pulver — andere Taktik” — “иной порох — иная тактика”... Не только, и даже не столько вооружение (порох) влияет на изменение тактики, сколько влияет на нее *качество людей — их дух*» (Краснов П.Н. Душа армии: Очерки по военной психологии. С предисловием проф. генерал-лейтенанта Н.Н. Головина. — Берлин, 1927. — С. 28–29).

52. Ильин И.А. Родина. Русская философия. Православная культура. Составитель Е.С. Троицкий. — М., 1992. — С. 33.

53. Человек не может жить без духовной жизни, как свеча не может гореть без огня (Л.Толстой). В каждом человеке живет духовное существо, которое позволяет ему: а) быть истинным реалистом, то есть подниматься на высоту, обозревать широкие дали, видеть реальность в ее полноте и объективности; б) быть орудием Бога, исполнителем (слугой) его высшей воли, делать что-то необходимое и полезное, доброе и вечное (С.Франк), отвечать за что-то большее, чем сам человек, жить лучшей жизнью, своим пребыванием в мире творить ее из себя. Это — главное... Можно сказать так: человек — существо, приносящее свою жизнь в жертву своему предназначению (Гарин И. Воскрешение духа. — М.: ТЕРРА, 1992. — С. 8–9).

Высшее существование и призвание человека дает ему возможность сознавать жизнь не только как единое целое, но и как «осмысленное служение» закону, правде, добру, общему делу, конкретным нуждам человечества. Все поведение определяется **обязанностью служения:**

«И каждый человек и общество, в конечном счете, исполняют не свою собственную и не чужую человеческую волю, а только волю Божию, волю к правде. *Моментом служения определена, как верховным началом, вся структура прав и обязанностей, образующая общественный строй...* Начало солидарности и начало индивидуальной свободы, единство “мы” и единство “я”, могут быть примирены и согласованы между собой... только через общее подчинение их началу “служения”, а так как их согласование есть само существо общности, то именно отсюда явствует центральное значение этого верховного начала... *Общество, утвержденное на себе самом, то есть только на реальности человеческого бытия, обречено погибнуть в круговороте и вечном противоборстве между деспотизмом и анархией...* Лишь признание служения верховным принципом, понимание его как служения правды снимает это противоречие. Всякое соединение и разделение труда и функций в обществе — которое образует существо синтетической расчлененной связи в общественной жизни и конституирует сложное органическое единство общества — есть обнаружение верховного начала служения и универсальности его значения. *Сотрудничество отдельных классов, профессий и лиц в общем деле зиждется, в конечном счете, не на утилитарной его необходимости, а на нравственном сознании начала служения верховным принципам и на основном существе человеческой жизни.* Таковы же смысл и нравственное основание связи между властью и подвластными: эта связь крепка лишь там, где она утверждена **на идее совместного служения правде**» (Франк С.Л. Духовные основы общества. — М.: Республика, 1992. — С. 107–112).

54. Ильин И.А. *О христолюбивом воинстве // Россия. — 1939. — 30 апреля.* Предки наши умело использовали веру в Бога и в правоту русского дела для поднятия духа войск накануне решительных сражений. В этом смысле классическим образцом стало обращение к воинам князя Александра Ярославовича накануне Невской битвы: **«Братья! не в силах Бог, а в правде! Вспомним слова псалмопевца: сии во оружии, и сии на конех, мы же во имя Господа Бога нашего призовем... Не убоимся множества ратных, яко с нами Бог»** (Великий князь Александр Невский. Репринтное переиздание книги М.Хитрова от 1893 г. — С. — Пб.Лениздат, 1992. — С.83).

55. Полководцы почитались в России не только как военные деятели, одухотворенные нацией, но как «защитники (заступники) народные». См., например: Евдокимов Л.В. «Белый генерал», М.Д.Скобелев, в народных сказаниях // Военно–исторический сборник. — 1911 . — № 2 . — С. 33–60.

В статье, в частности, приводятся следующие строфы:

«И живы в нас Пожарский, Минин,

Суворов, Скобелев, они
Зовут вперед нас; ими силен
Народный дух в несчастья дни...» —

и отмечается о генерале Скобелеве: «Он побеждал врагов России не столько силою оружия, сколько силою своей души, своего могучего воздействия на окружавших его» (А.И. Красницкий); «был честью и украшением русского воинства» (преосвященный Амвросий).

56. См.: Российский военный сборник. Вып. 3. История русской армии. — М.: ГА ВС, 1994. — С.10–16.

57. См.: Российский военный сборник. Вып. 6. Русское зарубежье. — М.: ГА ВС, 1994. — С.12–48, 196–308.

58. В статье «Государственный смысл белой армии» И.А. Ильин подробно развивает эту мысль:

«Есть на земле победы, которые остаются победами в самые часы своей видимой неудачи. Этим побед никто не умалит и не отнимет; ими строится жизнь народов и человечества; раз одержанные, они становятся историческим достоянием — не потому, что отходят в прошлое, а потому, что не становятся прошлым, но остаются навсегда живою основою настоящего и будущего.

И вот такова победа русской национальной белой армии...

Дело Русской Добровольческой Армии, возникшей в 1917–1918 году и связанной с именами Корнилова, Алексеева, Каледина, Дроздовского, Колчака и их сотрудников и преемников, — есть дело русской национальной чести, русского патриотического горения, русского народного характера, русской православной религиозности.

В этом глубоко бескорыстном, до безрассудства трудном и героическом сопротивлении Россия утверждала свое волевое бытие, Россия свидетельствовала о здоровых корнях своего духа, Россия обороняла свое достоинство и честь, она обнаруживала героические основы своего характера, она доказывала свою гражданственность, она сверкала своим прошлым и закладывала фундамент своего будущего...

Во всей духовной и исторически внешней обстановке этой борьбы, в ее мотивах и в ее судьбах — заложен еще более глубокий, религиозно–государственный смысл белой армии. Этот смысл и составляет ее идею...

Не впервые в своей истории Русь выдвигает делом и словом эту идею: **идею самопочинного служения Родине, как сосуду духа Божия, служения вдохновенного, непосягающего; служения общему делу во имя Божие.** Эта идея искони и всегда жила на

Руси; но не ценилась в должную меру, не разумелась достаточно национальной властью, не воспитывалась в народе в качестве живой основы государственности...

Истинною и живою опорю государства и государственной власти всегда были те люди, те слои, те группы, которые воспринимали общественное дело как сверхклассовое служение Родине; которые в этом служении видели долг чести и бремя ответственности; которые стремились именно служить земле, а не властвовать над нею...

И вот в наши дни белая армия с ее центральным ядром добровольчества, — то превращавшегося в организационный принцип (при Корнилове, при эвакуации, в Галлиполии), то сохранявшегося в духе и настроении, — белая армия движется в этой древней и здоровой русской традиции.

Это сорганизованные и дисциплинированные кадры патриотических добровольцев русского государственного тягла. Это, утвердившиеся в духе древних русских богомольцев, слуги и строители Родины, будущие слуги Царя, но уже не “холопы” и не “сироты”, а “не пощадившие себя ни в чем” строители России это продолжатели старого и основоположники нового автономного и патриотического правосознания на Руси» (Российский военный сборник. Вып. 6. Русское зарубежье. — М.: ГА ВС, 1994. — С. 70, 72, 77–79).

59. Керсновский А. История русской армии. — Т.4. — С. 330.

60. Кедрин С. Военная история как один из главных источников прогресса военного дела // Российский военный сборник. Вып. 4. История русской армии. — М.: ГА ВС, 1994. — С.16 (статья 1908 г.).

61. В своем трактате, написанном в конце VI века до н.э., китайский полководец дал удивительно «современное» понимание военного искусства и, в частности, подчеркнул:

«Война — это большое дело для государства, это вопрос жизни или смерти, путь существования или гибели. Это основное положение необходимо твердо знать...

Кто искусно ведет войну, тот покоряет чужие войска без сражения, захватывает чужие крепости без осады, сокрушает чужие государства без длительных кампаний. Непременно сохранив все в целости, он борется за господство в поднебесной. Поэтому, не прибегая к войне, можно иметь выгоду. Это и есть правило стратегического нападения...

Правило ведения войны требует не полагаться на то, что противник не придет, а полагаться на нашу готовность встретить его; не полагаться на то, что он не нападет, а полагаться на то, что мы сделаем невозможным его нападение на нас...

Не обязательно требуется увеличивать войско до численного превосходства; не требуется идти вперед только с военной мощью. Достаточно иметь нужное число войск, и путем сосредоточения и правильной оценки положения можно взять противника. Кто не

рассуждает и относится к противнику легкомысленно, тот непременно станет его пленником...

Разумный государь осторожен в отношении к войне, а хороший полководец предупреждает ее. Это и есть путь сохранения государства в мире, а войска в целости» (Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. — М.: Воениздат, 1955. — С. 37, 41–42, 54–55, 58, 59).

62. В Манифесте о вызове иностранцев на русскую службу (1702 г.) отмечается: «Для достижения сих благих целей мы наипаче старались о наилучшем учреждении военного штата, яко опоры нашего государства, *дабы войска наши не токмо состояли из хорошо обученных людей, но и жили в добром порядке и дисциплине*». — См.: Бобровский П.О. Переход России к регулярной армии. — С. — Пб., 1885. — С. 156.

63. Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Т. I. — М. — Л., 1927. — С. 18.

64. Свечин А. Опасные иллюзии // Военная мысль и революция. — 1924. — Кн.2. — С.45. — Автор полагает, что уже в войне 1812 года мы больше «приносили жертвы», чем «наносили поражения французам», что нас спасли «географические доспехи» (территория, пространство и зима), что нельзя основывать непобедимость России только на этих факторах. Современные средства борьбы позволяют нанести смертельный удар в «сердце» России, по ее политическим центрам. Необходимо противопоставить этой угрозе не географических «союзников», а волю к победе, военное совершенство, серьезную вооруженную силу, открытую грудь подготовленного в мирное время русского бойца:

«Мне кажется, — пишет он, — что если мы отбросим все иллюзии о неуязвимых доспехах, даваемых нашим географическим положением, об особенных выгодах, которые предоставляет нашему маневрированию обширность нашей территории, мы станем идейно богаче и материально сильнее. Чтобы мог сложиться колосс на глиняных ногах, нужно известное отчуждение, уединение, отсутствие конкуренции — идеологический остров.

Если мы станем на ту точку зрения, что справиться с угрожающими опасностями мы сможем только крайним напряжением сил, что любая война может поставить на карту не только вопрос о маловажном изменении границ, но и о самостоятельности существования Советского Союза, что потребуются *высочайшие достижения, чтобы не быть уничтоженным в грядущей войне*, то мы порвем с той нисходящей кривой, по которой шло развитие военного искусства в России с 1812 года, уничтожим важнейшую причину недостатков нашей политической и военной подготовки, недостаточный закал воли к победе, мягкотелость, которые обуславливали в течение последнего столетия наши неудачи» (С. 52–53).

65. Стойкость русского войска помогала не раз одерживать победы, казалось бы, в безвыходных ситуациях. Русского солдата действительно недостаточно было убить, чтобы сломить его сопротивление, а следовало еще и повалить (по образному выражению Фридриха Второго). В то же время иностранные наблюдатели изначально отмечали: чтобы одерживать с русским солдатом победы надо ему привить навыки военного искусства, выучить порядкам и познаниям цивилизованных войск. И тогда ему действительно не будет цены. — См.: Середонин С.М. Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI века. — С. — Пб., 1891. — С. 22.

66. Мысль генерала Трошю (Франция). — Военный, сборник. — 1887. — № 7, — С. 50.

67. Именно такое широкое (классическое) понимание военного искусства, как искусства не только специально-военного, но и политического, применяемого не только в военное, но и в подготовительное время, «пробивали» в своих работах А.Стронин, Г.Леер, Н.Сухотин, А.Риттих, А.Баиов, а также многочисленные офицеры, писавшие в свое время о проблемах государственной обороны и национального военного искусства.

68. Драгомиров В. Подготовка русской армии к Великой войне // Военный сборник (Белград). — 1925. — Кн. VI. — С.76. — Автор отмечает, что именно отрицательные стороны жизни армии: неподготовленность к своему делу, недостатки организации, обучения и командования, — привели к развалу и измене, гибели честно служивших воинов. «Ошибки управления накопили в сердцах людей горечь сознания, что приносимые жертвы бесполезны, что они будут забыты или даже попраны самым равнодушным образом, а представляющие родину люди, занятые честолюбием и себялюбием, не умеют даже быть благодарны за жертвенную кровь» (с. 74).

69. Концепцию русской самобытной армии, основанной на достижениях военного искусства, одним из первых разработал в своих практических исследованиях **генерал А. Риттих**. В содержании этой концепции представлено следующее понимание необходимости военного искусства для России:

«**Военная культура** всегда идет в параллель с отечественной культурою, и если последняя в массе низка, то все-таки выдвигаются из нее люди, правители, и такое их народное умственное направление, которое держит высоко свое народное знамя, заставляя народ, массу, подчиниться своей высокой культуре. Таков был Петр Великий и Екатерина II, которые личным умом и работою вывели Россию в короткое время из восточного застоя. Но потом русская жизнь-река потекла довольно тихо, и если случались выдающиеся дела, то это было наследие помянутых двух царствований. Еще большой вопрос, победила бы Россия в 1812 году, если б не помогли окончательно морозы...

Парижский мир 1856 года, Берлинский трактат 1878 года и Портсмутский договор 1905 года, все эти три исторических акта жизни Русского государства в течение 50 последних лет доказали неоспоримо, что **для победы, для торжества народа, мало обладать только громадною армиею с неиссякаемым источником ее пополнения!** Неустрашимость и почетная смерть в кровавом бою, отчаянная храбрость, и только, не даруют еще победы в настоящее время. Точно так же старый молодец штык, да прежняя пуля — дура, а теперь — умная, не решают еще боя, не побеждают, если все это, что было так хорошо когда-то, не сопровождается *новым оружием*, которое можно было бы назвать *духом военного дела*, в противоположность телу, массе пушечного мяса, темной по своим познаниям в многообразных средствах побеждать противника...

Те народы и страны, которые усвоят себе наибольшее развитие всяких технических приемов, те будут иметь наилучшую армию, причем инициатива действий будет в их руках. Подвижность такой армии со скорою мобилизациею, при экономии и вероятном отсутствии всеобщей конной повинности и неуклюжих обозах, даст ей в руки быстрое наступление, а при обороне — такое же сосредоточение на границе. К нашему несчастью, мы в этом деле сильно отстали, мы все еще слишком много теряем сил на шагистку, на непроизводительный расход людей в то время, когда нужно обучение; в наших военных училищах не учат тому, что нужно на практике службы и в военное время, а тому, что дает молодежи поверхностное знание, какое-то ненужное к тому барство. Настоящих учителей-офицеров у нас в армии слушком мало, а что касается хороших командиров частей, то их еще меньше и потому не может быть полководцев. *Мы до сих пор брали все силою, но не практическим знанием своего предмета* и потому, как только встретились с учениками немцев (японцами. — А.С.), то оказались основательно побитыми. Это в будущем не должно было бы быть; *будем учиться и совершенствоваться, в противном случае нам не миновать беды...*»

Если мы и дальше будем проявлять невежество в военном деле, опираться на устаревшие средства ведения войны, игнорировать новейшую технику военного искусства и отставать в этом отношении от противника, противопоставляя его самолетам воздушные шары и артиллерию, то это грозит, по словам А.Ф. Риттиха, осуществлением даже таких «тяжелых, адских бредней»:

«Теперь не далеко то время, когда под Петербургом может неожиданно появиться, при каких бы то ни было несогласиях, с моря флот ужасающих размеров, а с воздуха над ним, хотя бы десять таких самоуправляющихся шаров. С моря у Красной Горки и у Сестрорецка, при дальнобойной артиллерии и с минами, да подводными лодками, мы кое-как отстоим столицу, но *как быть с воздушною артиллериею, которая, воздерживаясь временно от разрушения города, опустит у самого министерства иностранных дел пакет с*

требованием перевести немедленно на Лондон кредитив в сто миллионов фунтов стерлингов, иначе на столицу посыпятся 100 бомб наиразрушительнейшего свойства. И наша обездоленная страна будет покорена этою англичанкою на манер Индии, и будем мы работать на ее пользу и очень скоро обратимся в рабов! Восстание невозможно: мы отсталые люди, у нас нет ни средств, ни знания, ни ума, чтобы выйти из такого положения, и снова настанет то иго, которое будет, чего доброго, хуже монгольского, так как оно может быть вечным и культурным...»

(Риттих А.Ф. Техника военного искусства. — СПб., 1908. — С. 1, 68–69, 77, 95).

70. Военное искусство во многом зависит от культуры, цивилизации и просвещенности. Чем выше последние, тем выше военное искусство. Эту взаимосвязь обеспечивает, по мнению А.А.Стронина, «культурная победность», которая достигается последовательной сменой (и использованием) четырех различных социальных преимуществ: 1) превосходства численного, 2) превосходства силового, 3) превосходства экономического, 4) умственного и нравственного превосходства. Все превосходства вместе составят собой военную силу, абсолютно неодолимую ни для каких случайностей. Культурность выступает основным фактором победы. Войско и война есть только тот специальный орган и та специальная функция, посредством которых одна культура, высшая, побеждает другую, низшую, а лучший выживает за счет худшего (Стронин А.А.История общественности. — С. 560–670).

71. Баиов А.К. История военного искусства как наука // Российский военный сборник. Вып. 4. История русской армии. — С. 98–104.

72. Геруа А. После войны о нашей армии. — С. 32,68–69, 186–187.

73. «**Качество армии**, в соответствии с природой человека, складывается из элементов *материальных и духовных*.

К *первым* относятся: физическое здоровье, сила и крепость каждого воина; все необходимое для жизни армии во все периоды ее существования и деятельности (обмундирование, снаряжение и т.д.); всякого рода оружие для ведения действий вообще и боя в частности; обученность отдельного бойца и целых частей различной величины; владение оружием, как в одиночку, так и в совокупности; искусство выполнять раздельно и согласованно различного рода действия, вызываемые боевою обстановкой; навыки, способствующие, при меньшей затрате физической силы и энергии, выполнению всего того, что может быть потребовано на войне силою вещей, волею руководителей всяких степеней и обстоятельствами. Сюда же нужно отнести и организацию войсковых частей, ибо она способствует искусному пользованию оружием и выполнению необходимых боевых действий.

К *духовным* элементам качества относятся: способность преодолевать чувство самосохранения, сильная воля, твердость характера, храбрость, энергия, настойчивость, уверенность в себе, душевный подъем, стремительность, мужество, дисциплина, ясность сознания, хладнокровие, душевное равновесие, терпеливость, воодушевление, бодрость, готовность жертвовать собою для других и для общего дела...

Только обладая высоким душевным подъемом, захватывающим воодушевлением, сильной стремительностью, горячим порывом, неиссякаемой энергией и бодростью, жадной победы во что бы то ни стало, готовностью жертвовать собою за других и для победы, армия может выказать наивысшее напряжение всех своих физических и духовных сил для преодоления наисильнейшего сопротивления врага, опирающегося на все свои материальные средства и воодушевленного желанием не уступить до конца.

Таким образом, все материальные элементы находятся в зависимости от духовных, и первые теряют всякое значение при отсутствии или даже недостаточности вторых.

Поэтому, несомненно, духовная, нравственная сторона имеет преимущество над материальной. Дух преобладает над материей... Это, конечно, не значит, что материальная сторона не имеет никакого значения и может быть оставлена в пренебрежении. Представляя собой фактор, усиливающий качества армии; давая средства, облегчающие борьбу с противником; уравнивая до некоторой степени шансы с ним; увеличивая возможности сломить его сопротивление, материальная сторона также имеет громадное значение.

Вследствие этого необходимо стремиться к тому, чтобы все элементы материальной стороны были бы наиболее совершенными и вполне отвечали бы требованиям современных условий войны.

Это тем более необходимо, что превосходство в этом отношении противника угнетающе действует на психику и на дух армии и поэтому сильно понижает духовную сторону, нравственный элемент...

Оружие (машины) приобретают значение только в войсках, обладающих высокими нравственными качествами. Напротив того, в войсках, у которых дух слаб, оружие–машины не только не дадут положительных результатов, но могут послужить лишь легкими трофеями для противника и привести даже к катастрофе. Это потому именно, что нравственно слабые войска более возлагают надежд на машины, а не на себя; и когда, вследствие слабости их духа, машины перестают производить ожидаемый от них эффект, то они обычно, бросают их и поддаются панике» (Баиов А. Начальные основы строительства будущей русской армии // Русский колокол. — 1929. — № 8. — С. 12–13, 1930. — № 9. — С. 21–22). См. также: Баиов А. Неправильный путь // Вестник военных знаний. — 1932. — № 3. — С. 7–15.

74. См.: Леер Г.А. Война // Энциклопедия военных и морских наук. — Т. 1 . — СПб., 1883. — С. 269–271.

Дж. Ф.К. Фуллер отмечает: истинная цель войны в умственную эпоху «заключается в *проведении политики нации с наименьшим ущербом как для себя, так и для противника*, а следовательно, и для всего мира, ибо интересы культурных государств так тесно переплетаются между собой, что разрушить одно значит одновременно поразить все остальные» (Фуллер Дж. Реформация войны. — С. 16).

75. А.К.Баиов считает «принцип частной победы» главнейшим принципом военного искусства, позволяющим России отказаться от содержания численно громадных войск и перейти к небольшой армии, но высокого качества (См. «Русский колокол». — 1929. — № 8. — С.10–12).

76. Головин Н.Н. Наука о войне. О социологическом изучении войны. — Париж, 1938. — В другом своем труде автор пишет: «В прежние эпохи эволюция форм военного искусства происходила много раз медленнее, чем в настоящее время. Развитие современной техники идет столь быстрыми шагами, что опыт минувшей войны и даже кампании становится *устарелым* для следующей..., и уже в ближайшие годы приходится заменить его предугадыванием будущего. Отсюда видно, какое громадное значение приобретает военная наука» (Головин Н.Н. Развитие основных идей современной тактики // Военный сборник. — 1924. — Кн. 5. — С. 117).

77. А. Стронин не сомневается в том, что и культурные народы в условиях демократической организации вынуждены будут «держаться всегда наготове и никогда не терять всех выработанных историей, средств самосохранения и защиты». «Только постепенно мир станет преобладать над войной, через расширение “площади мира” и переход от наступательной военной политики, к военной политике нейтральной (“вооруженного мира”) и затем оборонительной, переносащей тайны войны из тактики и стратегии в подготовительный политический период» (Стронин А. История общественности. — С. 258–263, 558–559).

78. Меньшиков М. Письма к ближним. — СПб., 1910. — С. 159; 1914. — С.107.

79. Геруа А. После войны о нашей армии. — С. 338, 56, 111.

80. Трескин Д.Н. Курс военно–прикладной педагогики. — С. 1.

Следует обратить внимание в этой связи на прекрасную работу И.Маслова «Научные исследования по тактике», во втором выпуске которой «Нравственные силы бойца» (СПб., 1896) на с. 451 имеются, в частности, следующие слова: «Победа в среднем результате многих случаев склонялась в пользу бойца, стоящего на высшей стадии развития его нравственной природы».

- 81.** Незнамов А. План войны // Известия Императорской Николаевской Военной Академии. — 1913. — № 40. — С, 535.
- 82.** Только поисками «секрета силы» в количестве и подготовкой к прошедшей войне следует, видимо, объяснить тот факт, что сухопутные силы нашей небогатой страны совсем недавно располагали сотнями дивизий, один кадр которых мог бы составить при иной организации настоящую профессиональную армию. И сегодня они исчисляются десятками, несмотря на то что большинство из них содержится в неукomплектованном виде. Даже «территориальный коэффициент» вряд ли может их увеличить в нормальной организации до такого количества. Для сравнения, в 1990 году США располагали 28 дивизиями, а теперь планируют оставить всего 15, так как при всем своем богатстве не имеют возможность «бить числом» и собираются воевать «умением», выводя на поле боя «компактные мобильные воинские части, вооруженные новой техникой и сверхсовременной электроникой» (Сегодня. — 1995. — 1 марта). Похоже, начинает сбываться предсказание К. фон дер Гольца: «Некогда настанет день, в который господствующие теперь на войне явления исчезнут; формы, способы, употребление и взгляды опять переменятся; предчувствуется то время, когда миллионные армии настоящего времени также сыграют свою роль. Явится новый Александр, который с маленькой горстью превосходно вооруженных и обученных людей погонит эти бессильные массы, если они, в своем стремлении постоянно увеличиваться, перейдут границы, потеряют внутреннюю способность и, как китайские воины зеленого знамени, обратятся в многочисленную, но миролюбивую толпу мещан» (Гольц К. Вооруженный народ. Сочинение об устройстве армии и образе ведения войны в наше время. Пер. с нем. — СПб., 1886. — С. 4).
- 83.** Геруа А. После войны о нашей армии. — С. 56, 74, 97, 111, 332–333).
- 84.** См.: Обручев Н.Н. О вооруженной силе и ее устройстве // Военный сборник. — 1858. — Т. 1. — С.41.
- 85.** Указанные элементы давно уже были выработаны жизнью, но в последней действующей военной системе они существовали в изуродованном, смешанном виде. Отсюда — неудачные военные реформы. А с начала XIX века — бессмысленные и опасные споры о том, нужна ли стране постоянная армия или милиция. И это в то время, когда на практике было видно, что России требовалась и та, и другая вооруженная сила, но прежде всего — настоящая армия.
- 86.** См.: Обручев Н.Н. Указ соч. — С. 45.
- 87.** Сурнин А. Военное воспитание // Воин. — 1922. — № 2. — С. 16.
- 88.** В публицистике М.О. Меньшикова находим: «В высшем классе наиболее ответственный пост занимает офицерство. Сколько бы, повторяю, ни кричали о гражданском

равенстве, все понимают, что офицер в каком-то важном отношении выше обыкновенного гражданина. Офицер ведь тоже гражданин, но сверх того, облеченный особым, мистическим страшным долгом. Разве всякий обыватель готов умереть за Отечество?.. Офицеры в страшные дни, когда измеряется мужество народное, являются носителями духа нации. В них, по преимуществу, ее величие. В их руках ее жребий... Все правительства, кроме разве очень глупых, понимают чрезвычайную высоту офицерского долга и стараются поддерживать сознание этой высоты в народе. Блестящий мундир, знамена, строй, дисциплина, сословные привилегии, — все это охраняет нравственный авторитет военного сословия. Но правительство не может в этом отношении сделать все. Безусловно, необходимо, чтобы офицерство само старалось оберегать почтительное отношение к нему общества. Для этого есть вполне определенные средства. Первое из них — это, конечно, победоносные войны, как реальное доказательство того, что армия — на высоте своей роли. Великие войны Петра, Екатерины, Александра создали мировую славу нашей армии и подняли офицерское сословие на степень чрезвычайного полета. К глубокому прискорбию, Россия не удержала традиции своих побед; вместе с армией потерпел тяжелый урон и офицерский корпус» (Письма к ближним. — СПб., 1908. — С. 681).

89. Модль Г.А. Государственная оборона // Военный сборник. — 1914. — № 7. — С. 24. См также: Редигер. Унтер-офицерский вопрос в главных европейских армиях. — СПб., 1880. — С. 145.

90. Речь не идет о полном переходе к профессиональному типу вооруженной силы. В нормальных условиях, исключая внезапный развал вооруженных сил России, на это потребуется, видимо, не одно десятилетие. Но уже и при существующих обстоятельствах в качестве страховки от различного рода неожиданностей и случайностей необходимо иметь отборное войско (группировку сил), состоящее полностью из профессионалов-добровольцев. Состав и численность этих войск всегда можно определить конкретно. — См.: Геруа А. К познанию армии. — СПб., 1907. — С. 7–51 («Гвардия-школа»); Керсновский А.А. Упущенная возможность (см. в данном сборнике); Ш. де Голль. Профессиональная армия. Пер. с франц. — М., 1935.

91. См.: Маслов И. Научные исследования по тактике. Вып. II. — С. 433; Свечин А. Балканская война и резервные войска // Русская мысль. — 1913. — Кн. II. — С. 45–46.

92. Российский военный сборник. Вып. 7. К познанию России. — С. 156,197.

93. Нравственная познавательная деятельность опирается на Честность, Гласность, Правду и Истину, отвергает бесчестность, ложь и сокрытие истины. Красивые легенды, отсутствие достоверных сведений о предшествующих войнах на момент новой войны,

незнание современности и другие аналогичные «грехи» старой военной системы в буквальном смысле вели ее к разложению и гибели.

94. См.: Савинкин А.Е. Отечественная традиция в русской армии и ее современное измерение // Российский военный сборник. Вып. 4. История русской армии. — С. 305–321.

95. Там же. — С. 9.

96. Геруа А. После войны о нашей армии. — С. 94.

97. Бернгарди Ф. О войне будущего. Пер. с нем. — Госиздат, 1921. — С. 112–113.

98. Геруа А. После войны о нашей армии. — С. 337.

99. Военный сборник. — 1858. — Т. 1. — С. 56.

1995 г

А. САВИНКИН

СЛОВО ОБ АВТОРАХ

ТАЛАНТ И ДОЛГ

*Преданность своему долгу
есть душевная сила человека...*

С.Добrorольский

Для России, от века утверждавшейся силой оружия, проблема армии всегда была судьбоносной. И не праздности ради лучшие умы отечества размышляли о «бесконечно важном, большом государственном деле» — существе, предназначении, устройстве, совершенствовании «щита и меча» державы.

Но долгое время монистический пресс «марксистско–ленинского учения о войне и армии» не позволял нам осознать **мощь и эстетику**, ощутить **национальный аромат русской военной мысли**. Ее ценности до сих пор надлежало не постигнуты, не усвоены¹. Уроки и выводы практически не учитываются, не используются в военной политике.

На пути восполнения утрат и возвращения к духовным истокам крайне важно, как говорил генерал А.Свечин, «читателя поставить лицом к лицу с классиками...», ибо прикосновение к подлинникам, «несомненно, отразится на глубине... понимания военного дела».

В 9-м выпуске нашего сборника, как в предыдущих, представлены **люди**, чьи труды — достояние и гордость России. Свой крупный **талант** они всецело поставили на службу патриотическому **долгу**. Не занимая сановных постов, **бескорыстно, вдохновенно и государственно** думали о безопасности и могуществе родины. В том числе и в эмиграции, где часть из них под тяжким крестом изгнания шла в историческом арьергарде русской императорской армии.

РОСТИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ ФАДЕЕВ (1824–1883), генерал-майор. Общественный деятель, писатель. По высказыванию Достоевского — «генерал–мыслитель». Главная черта — стремление быть полезным отечеству.

Геройски воевал в Крыму и на Кавказе, был военным советником в Египте и Сербии. Проповедуя **панславизм**, в своих книгах строил грандиозный план «нравственного и стратегического могущества **России**» как **оплота славянства**. Центральную роль отводил «военному вопросу». Отстаивал «старые» основы русского ратного строя, критиковал

«милютинские» реформы, по его мнению, омещанившие армию, ослабившие боевые качества войск.

Преисполненный замыслов и надежд, умер в Одессе, оставив состояние «3 рубля... и поношенный мундир».

МИХАИЛ ОСИПОВИЧ МЕНЬШИКОВ (1859–1918). В молодости — офицер флота, впоследствии — один из крупнейших русских писателей-публицистов, истинный «артист слова». В 1902–1917 гг. — ведущий журналист самой читаемой русской дореволюционной газеты «Новое время».

Осветил около двух с половиной тысяч «сюжетов» российской действительности. Неустанно выступал за восстановление «исторической силы нации», звал **русский народ к «деятельному благочестию и благородной свободе»**.

Всю жизнь духовно был связан с армией и флотом (о них — десятки и десятки статей в четырнадцати томах его «Писем к ближним»).

Понимание воинского труда как важнейшего государственного дела, а вооруженной силы как «цитадели» отечества он всячески распространял на широкий круг читателей.

В шабаш красного террора — расстрелян большевиками в Валдае, близ своего дома.

СЕРГЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ДОБРОРОЛЬСКИЙ (1868–1936 (?)), генерал-лейтенант. Окончил военное училище и Академию Генштаба. Участвовал в разработке плана мобилизации российской армии накануне Первой мировой войны. После ее начала — на полях сражений. В начале 20-х годов был в эмиграции, но вернулся в Россию.

Незаурядный военный писатель, издававшийся не только на родине (и до, и после Октября), но и в Европе, в частности в Германии. Специалист в области **теории государственной обороны**, мобилизационной подготовки. Полагал, что судьба страны решается не на войне, а до нее. Победа предопределяется способностью народа создать **исторически верную**, соответствующую его особенностям **военную организацию**. Неуклонно проводил мысль о том, что в век техники определяющим началом в вооруженной борьбе остается человек.

Жизнь и творчество Добrorольского не нашли отражения в нашей военно-исторической литературе.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ КРАСНОВ (1869–1947), генерал от кавалерии. Прошел русско-японскую и Первой мировую войны. С 1917-го — один из руководителей контрреволюции. Атаман войска Донского (1918). С 1919-го — в эмиграции. В годы Второй

мировой войны возглавил прогитлеровские казачьи формирования. В 1945 году — выдан англичанами, депортирован в СССР.

Талантливый писатель. Автор сотен газетно-журнальных публикаций и около сорока (!) романов и повестей, известных всему Русскому Зарубежью, переведенных почти на все европейские языки. **Певец служилого люда, казачества, русского воинства.** Тонкий знаток человеческих характеров, армейской психологии.

Сегодня сбывается предречение одного из его сподвижников о том, что на Родине по книгам Краснова «не только будут познавать Россию, по ним будут учиться жертвенному служению Отечеству...»². «Царского генерала» казнили в Москве за «измену Родине».

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ГЕРУА (1870–194(7)), генерал-лейтенант. «Военно-политический деятель» (его саморекомендация). По окончании Пажеского корпуса, а позднее Академии Генштаба — на командных и штабных должностях.

Образцово проявил себя в русско-японской (награжден золотым Георгиевским оружием) и Первой мировой войнах. Не приняв революции и советской власти, остался в Румынии (на территории которой окончил войну начальником штаба фронта), где в 1919 году представлял командование Добровольческой армии. Там же провел годы эмиграции. Был необычайно авторитетен среди сослуживцев, высоконравственен, независим в суждениях. Истинный военный интеллигент, интеллектуал. Автор ряда книг, многочисленных статей. Участвовал в редактировании (1910–1913) «Военной энциклопедии» издания И.Д. Сытина...

Держась этического кредо «сокращение страданий от войны», главные усилия в своем многолетнем творчестве сосредоточил на одной глобальной теме — **оптимизации военных систем**, а если глубже — **их гуманизации**. Предложил для России новую модель вооруженных сил, основанную на принципах отбора и профессионализма.

Умер, видимо, в Бухаресте в начале 40-х годов.

АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ БАИОВ (1871–1935), генерал-лейтенант. Военный ученый и писатель. Окончил Археологический институт, военное училище, Академию Генштаба. В 1904–1914 — правитель дел Академии Генштаба, профессор. Также редактировал «Известия Императорской Николаевской Военной Академии». С 1914 — на театре военных действий (последняя должность — начальник штаба армии). В 1919 году эмигрировал в Эстонию, где преподавал в военно-учебных заведениях, занимался научной деятельностью, вел большую общественную работу в среде русской диаспоры. «Душой общества, хранителем духа и идеалов русской армии» называли его коллеги.

Основной мотив творчества — **история отечественного военного искусства**. Самостоятельный путь и национальные особенности последнего всячески обосновывал и горячо отстаивал (по этой проблеме, вслед за Д.Ф. Масловским, создал наиболее значительные труды).

В 20–е и 30–е годы работал над основами строительства «будущей русской армии», развивал тему отражения войны в общественной мысли России.

Умер в Таллинне.

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ ШТЕЙФОН (1881–1945), генерал–лейтенант. Окончил военное училище и Академию Генштаба. Доблестно воевал в 1904–05 гг. против японцев, заслужив пять орденов. Участник Первой мировой войны. С 1918 года — в рядах Белого движения. После исхода из Крыма Русской Армии Врангеля — в Галлиполи (начальник штаба 1–го Армейского Корпуса генерала А.П. Кутепова). В дальнейшем — в Югославии (работал на руднике). С 1941 по 1945 г. там же командовал Русским Корпусом (прогитлеровским формированием русских эмигрантов). Известный в эмиграции военный публицист и писатель. Страстно ратовал за сохранение и развитие русской военной мысли в условиях беженства.

В своих трудах проанализировал причины постепенного «упадка русского военного искусства», поражения добровольчества в Гражданской войне. В ряде работ осветил жизнь и деятельность генералов Н.Н. Юденича, А.П. Кутепова, А.К. Баиова. Разделял взгляды о **пагубности отживающей системы «вооруженного народа»**, о необходимости для новой России качественной «малой» армии, максимально учитывающей «национальные черты» русского военного искусства.

Скоропостижно скончался в Загребе.

ЕВГЕНИЙ ЭДУАРДОВИЧ МЕССНЕР (1891–1974), полковник. Участник Первой мировой войны. Во время Гражданской — в Добровольческой армии (начальник штаба Корниловской Ударной Дивизии). В эмиграции до 1945 года жил в Югославии, затем — в Аргентине. В Белграде преподавал на Высших Военно-Научных курсах генерала Головина (филиал парижских), где стал профессором. В Буэнос-Айресе с коллегами воссоздал «институт» по изучению проблем войны и мира им. генерала Н.Н. Головина. Много публиковался. С 1943 по 1974 год «вел» военный отдел в газете «Русское дело», журнале «Наши вести» (органах чинов Русского Корпуса). Издал несколько книг.

Идеал вооруженной силы видел в **«немногочисленной, но высококачественной» армии**, на которую может положиться государство. Очаги «локальных» войн второй

половины XX века трактовал как «мятеж-войну» — начальную фазу третьей мировой. В будущем предвещал войны между континентами за жизненное пространство. Прочил: исторический долг России — быть крепкой среди «Пан-Европы» и «Пан-Азии».

Умер в Буэнос-Айресе.

АНТОН АНТОНОВИЧ КЕРСНОВСКИЙ (1907(?)–1944), уникальный русский военный писатель. К нему, по убеждению его издателя — Н.П. Рклицкого, приложимы слова Достоевского о Пушкине: «... явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа и пророческое».

Подростком воевал в Добровольческой армии. Эмигрировал. За границей получил блестящее образование, в том числе дипломатическое и, вероятно, военное. Жил в Париже. Признание специалистов Русского Зарубежья и Европы приобрел с первых же публикаций в 1927 году. В дальнейшем его материалы неоднократно вызвали полемику на страницах военных журналов. Из-под его жаркого, легкого пера вышло более полутысячи военно-политических статей и около десятка книг (из последних удалось издать лишь две). В 1940 году призван в армию Франции и отправлен на фронт. Тяжело ранен, демобилизован.

Ум «национально мыслящий», он находил высшие социальные и духовные ценности, ответы на «проклятые вопросы» в многовековом отечественном опыте. С этих позиций изложил философию военного дела, описал образцы русской стратегии, ярко поведал о тысяче русских ратных подвигов. Практически единственный из авторов отважился и «исполнил» историю российской армии. Глубоко ее осмыслив и сопережив, начертил основы военного возрождения России: самобытность, приоритет духа и качества, религиозность и национальная гордость, сознательное отношение к делу, инициатива «снизу» и ее поддержка «сверху» и др. В этом «ренессансе» видел необходимейшее условие воссоздания нашей государственной мощи.

Скончался в Париже от болезни легких, усугублявшейся многолетней нуждой, ранением и духовным перенапряжением.

ПЕТР I ВЕЛИКИЙ (Петр Алексеевич Романов) (1672–1725), первый русский император, выдающийся государственный и военный деятель, полководец. Создатель регулярной российской армии.

РУМЯНЦЕВ-ЗАДУНАЙСКИЙ ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1725–1796), генерал-фельдмаршал, великий полководец.

СУВОРОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ (1730–1800) генералиссимус, великий полководец, один из основоположников русского военного искусства. Создатель русской национальной военной школы (системы взглядов на обучение и воспитание войск).

КУТУЗОВ (Голенищев-Кутузов) МИХАИЛ ИЛЛАРИОНОВИЧ (1745–1813), генерал–фельдмаршал, великий полководец.

СКОБЕЛЕВ МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ (1843–1882), генерал от инфантерии, легендарный военачальник («белый генерал»).

ОБРУЧЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (1830–1904) генерал от инфантерии, в 1881–1897 гг. — начальник Главного штаба и председатель Военно–ученого комитета.

ЧИЧЕРИН БОРИС НИКОЛАЕВИЧ (1828–1904), мыслитель, выдающийся философ, правовед, крупнейший политолог, общественный деятель.

МЕНДЕЛЕЕВ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ (1834–1907), выдающийся ученый–химик, государственный и общественный деятель.

КАРСАВИН ЛЕВ ПЛАТОНОВИЧ (1882–1952), религиозный философ и историк культуры.

СВЕЧИН АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ (1878–1938), генерал–майор, военный теоретик, историк.

ИЗМЕСТЬЕВ ПЕТР ИВАНОВИЧ (1873–1925), генерал–майор, военно–научный деятель.

ДРАГОМИРОВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ (1830–1905), генерал от инфантерии, военный теоретик и педагог. В 1878–1889 гг. — начальник Академии Генштаба.

НЕЗНАМОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1872–1928), генерал–майор, военный теоретик и историк.

РЕЗАНОВ АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ (1878–19(7)), военный юрист, психолог.

ДЕНИКИН АНТОН ИВАНОВИЧ (1872–1947), генерал–лейтенант, военный деятель и писатель.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ (1863–(?)), генерал–майор, профессор Военно–юридической академии.

ТАТАРИНОВ В.Е. — публицист, известный политический аналитик Русского Зарубежья.

ХОЛЬМСТОН–СМЫСЛОВСКИЙ (Смысловский) Б.А. — генерал, командир одного из прогитлеровских формирований русской эмиграции, впоследствии военный писатель.

МИЛЮТИН ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (1816–1912), генерал–фельдмаршал, в 1861–1881 гг. — военный министр, ученый.

РИТТИХ АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ (1831–1916(7)), генерал-лейтенант, военный деятель, писатель и публицист.

МАРИЮШКИН А.Л. — полковник, военный писатель и публицист.

ГОЛОВИН НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (1875–1944), генерал-лейтенант, военный теоретик, историк, создатель высшей военной школы Русского Зарубежья.

Об остальных авторах редакция сведениями пока не располагает.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В советское время работа по описанию, обобщению, изучению русской военной мысли, безусловно, проводилась. См.: Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. — М., 1962; он же. Очерки по источниковедению военной истории России. — М., 1957; Русская военная мысль. Конец XIX — начало XX в. Под ред П.А.Жилина М., 1982; Русская военно-историческая мысль XIX и начала XX века. — М., 1960; а также работы Г. Габаева, В. Дьякова, Н. Павленко и др. В то же время:

— указанное выше не охватывало всего основного военно-мыслительного наследия, несло известную идеологическую печать, вынужденно игнорировало эмиграцию;

— за редким исключением не было серьезных исследований творчества отдельных военных теоретиков, их труды не переиздавались (кроме трудов М.И.Драгомирова, некоторых работ, вошедших в книгу: О долге и чести воинской в Российской армии: Собрание материалов, документов и статей. Под ред. В.Н.Лобова. — М., 1990, и публикаций в периодике);

— в военных ВУЗах отсутствовали курсы «Истории русской военной мысли» и «Истории русской армии».

2. Высказывание Е. Тарусского. Приводится по публикации: Алехин Ю.В. «Я — царский генерал» // Россияне. — 1993, № 2–3. — С.81.

И. ДОМНИН